O‘ZBEKISTON RESPUBLIKASI
KRIMINOLOGIYA TADQIQOT INSTITUTI

KRIMINOLOGIK FAOLIYAT

ILMIY-AMALIY JURNAL

№ 3-2026 (8)

ISSN: 3060-5024

KRIMINOLOGIK FAOLIYAT

ILMIY-AMALIY JURNAL

№3 / 2026 (8)

ISSN: 3060-5024

MUASSIS: O‘ZBEKISTON RESPUBLIKASI KRIMINOLOGIYA TADQIQOT INSTITUTI

Tahrir hay’ati raisi
Berdialiyev Baxtiyor Erkinovich
Institut boshlig‘i, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

Tahrir hay’ati a’zolari
Niyazmetov Ikrom Masharipovich
O‘zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasi mas’ul xodimi, tahrir hay’ati raisi o‘rinbosari
Azim Shuhrat Obid o‘g‘li
yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori
Nigmatov Ruftullo Olimdjonovich
falsafa doktori, professor
Sharafutdinov Alisher Ozodovich
O‘zbekiston Respublikasida xizmat ko‘rsatgan yurist, dotsent
Ismailov Isamiddin
yuridik fanlar doktori, professor
Turg‘unov Murod Tursunbayevich
yuridik fanlar doktori, professor
Niyozova Salomat Saparovna
yuridik fanlar doktori, professor
Zakirova Adina Gulyamovna
yuridik fanlar doktori, professor
Ziyodullayev Muzaffar Ziyodullayevich
yuridik fanlar doktori, professor
Otajonov Abrorjon Anvarovich
yuridik fanlar doktori, professor
Ganiyev Sherzod Alisherovich
yuridik fanlar doktori, professor
Xujakulov Siyovush Baxtiyorovich
yuridik fanlar doktori, professor
Toshpulatov Akrom Ikromovich
yuridik fanlar doktori, dotsent
Maxsadov Maqsatullo Ismatovich
yuridik fanlar doktori, dotsent
Nurullayev Umid Kupalovich
yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori, dotsent
Ollamov Yarash Yo‘ldoshevich
yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori, dotsent
Nurumbetova Sadoqat Allayarovna
yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori, dotsent
Mirzayev Jahongir Umirzakovich
yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori
Matchanov Ruslanbek Azatovich
pedagogika fanlari doktori, dotsent
Yernazarov Solijon Yerkinovich
iqtisod fanlari bo‘yicha falsafa doktori
Yarov Bekmamat Alikulovich
filologiya fanlari bo‘yicha falsafa doktori, bosh muharrir

MUNDARIJA

TAHLIL, TATDQIQOT VA ILMIY-NAZARIY QARASHLAR

Berdialiyev B.E.
Oliy ta’lim muassasalaridagi ijtimoiy profilaktikaning kriminologik asoslari 3
Якубов А.С., Азим Ш.О.
Первый уголовный кодекс независимого Узбекистана: тридцать лет функционирования (II часть)..... 11
Yusupov B.F.
Criminal-Law characteristics and classification of crimes against justice.. 17
Maxmudov D.R., Maxmudov K.R.
Yangi O‘zbekiston sharoitida narkojinoyatchilikka qarshi kurashishning konsyeptual paradigmalari: qonunchilik evolyutsiyasi, kriminologik determinantlar va ilg‘or xorijiy tajriba implementatsiyasi 23
Тазетдинов Р.Р.
Психологические аспекты социальной профилактики преступности как механизма раннего предупреждения правонарушений 29
To‘xtayev F.M.
Ekstremistik faoliyat natijasida sodir etiladigan jinoyatlarning sabablari va ularga imkon berayotgan shart-sharoitlar 36
Рахманов Д.К., Саматова Ж.Т.
Фемицид как социально-правовая проблема: вопросы совершенствования законодательства Республики Узбекистан 43
Baratova D.O., Abdihamidov G‘.Z.
Voyaga yetmaganlar jinoyatchiligining mohiyati, ijtimoiy tabiati va ilmiy tadqiq etish zarurati 51
Turayev M.A.
Ichki ishlar organlari xodimlarining qonuniy huquq va manfaatlarini himoya qilishning huquqiy mexanizmlarini takomillashtirish 58

XALQARO HAMKORLIK

Нигматов Р.О., Рахмаджонзода Р.Р.
Философско-правовые предпосылки формирования криминологического знания в Великобритании 64
Насуриён П.А., Исаев С.А.
Современная трансформация наркоугрозы: глобальные тенденции и криминологические вызовы для Узбекистана 73
Козубенко Ю.В., Яров Б.А.
Психологические особенности личности преступника, совершившего террористический акт: сравнительно-правовой анализ подходов Республики Узбекистан и Российской Федерации.. 81
Тазетдинов Р.Р., Майоров А.В.
Зарубежный опыт социальной профилактики преступности: сравнительно-психологический анализ 87
Нурумбетова С.А., Сафарзода Х.С.
Современные методы раннего выявления и предупреждения преступлений, связанных с экстремизмом 92

Tahririyat manzili:
100187, Toshkent shahri
Mirzo Ulug‘bek tumani
Buyuk ipak yo‘li ko‘chasi, 243
Tel.: +998 (71) 231-39-77
Elektron pochta: kti@iiv.uz
Website: kti.iiv.uz

© O‘zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti

Jurnal 2024-yil 21-oktabrda O‘zbekiston Respublikasi Axborot va ommaviy kommunikatsiyalar agentligi tomonidan C-5669658 raqami bilan ro‘yxatga olingan.
O‘zbekiston Respublikasi Oliy attestatsiya komissiyasi Rayosatining 2025-yil 12-fevraldagi 367/5-son qarori bilan yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori (PhD) va fan doktori (DSc) ilmiy darajasiga talabgorlarning dissertatsiyalari asosiy ilmiy natijalarini chop etish uchun tavsiya etilgan jurnallar ro‘yxatiga kiritilgan.

KRIMINOLOGIK FAOLIYAT
ILMIY-AMALIY JURNAL
№3 / 2026 (8)
ISSN: 3060-5024

MUNDARIJA

Пулоди Ф.Ю., Абдусаломова Х.Н.
От профилактики правонарушений к виктимологической профилактике: десятилетняя трансформация системы защиты несовершеннолетних в органах внутренних дел 102
Назарова Л.Г., Елькин Иоанн
Особенности преступлений, связанных с незаконным оборотом и распространением наркотических средств среди несовершеннолетних: уголовно-правовой и криминологический анализ 108

JINOYATCHILIK PROFILAKTIKASIDA ZAMONAVIY YONDASHUVLAR

Ismailov Isamiddin
Huquqbuzarliklarni barvaqt oldini olishning yangi O'zbekiston modeli: mahalla, manzilli ishlash va idoraviy hamkorlik 114
Расулев А.К.
От электронного к цифровому правительству: эволюция правового регулирования и государственного управления в Узбекистане 122
Ikanov A.A., Xoliqov Sh.A., Jumayev A.J.
Kriminogen vaziyatga ta'sir ko'rsatuvchi indikatorlar masalasi va ilmiy asosi 133
Asqarov M.M., Valijonova G.M.
Ayollar va bolalarga nisbatan raqamli zo‘ravonlikka qarshi kurashish milliy mexanizmlarini takomillashtirishning ayrim jihatlari: AQSH tajribasi misolida 139
Галлямов М.Г.
Интернет вещей (Internet of Things): концептуальные основы, архитектурные модели и перспективы развития 147
Xamidov A.A.
Kiberfiribgarlik: zamonaviy shakllari, ijtimoiy-muhandislik mexanizmlari va unga qarshi kurashishning kriminologik choralari 152

TADQIQOTCHI MINBARI

Kutbitdinov G‘.X.
Giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasining oldini olishda jahon kriminologiyasi nazariyalarining qiyosiy-tanqidiy tahlili 159
Boliyev U.U.
Jinoyatchilikning oldini olish va unga qarshi kurashish mexanizmlarini takomillashtirish 166
Murzajanov Sh.G.
Huquqbuzarliklar va jinoyatchilikka qarshi kurashishda ijtimoiy tarmoqlar hamda jamoatchilik fikridan foydalanish samaradorligini oshirish 172
Nasrullayev F.S.
Ekstraditsiya jarayonida interpol milliy markaziy byurosining roli va huquqiy asoslari 178
Kutlimuratov M.Sh.
Xorijiy davlatlarda huquqbuzarliklar profilaktikasini tashkil etishning qiyosiy-huquqiy asoslari va rivojlanish tendensiyalari 183
Axmedova M.A.
Oilaviy (maishiy) zo‘ravonlikning kriminologik-viktimologik mohiyati va jabrlanuvchilarni tasniflashning profilaktik ahamiyati 190
Садриддинов Ш.Ш.
Конституционно-правовые гарантии свободы передвижения в Республике Узбекистан: проблемы правового регулирования и направления совершенствования 199

Muminova Gulnora Taxirovna
Katta muharrir, dizayn
Fayziyev Abdujabbor
Texnik muharrir

Original-maket O‘zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti Tahririy-noshirlik markazida tayyorlandi.

Maqolalar har qanday usulda to‘liq yoki qisman ko‘chirilib bosilganida «O‘zbekiston Respublikasi Kriminologia tadqiqot institutining «Kriminologik faoliyat» ilmiy-amaliy jurnali»dan olinganligi ko‘rsatilishi shart.

Materiallarda keltirilgan fakt va raqamlar, ko‘chirmalar, iqtisodiy statistik ma’lumotlar rostligi va aniqligi uchun muallif javob beradi.

Muallif fikri tahririyat nuqtai nazaridan farq qilishi mumkin.

Tahririyatga kelgan qo‘lyozma taqriz qilinmaydi va qaytarilmaydi.

Tahririyat xatlar mualliflari bilan yozishmaydi.

Bichimi 60x40 1/8.
Bosma tabag‘i 13,0.
Adadi 50 nusxa.
O‘zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti Tahririy-noshirlik markazida chop etilgan.
Bosishga ruxsat etildi 23.09.2026.
Buyurtma № 26/50.

O‘z.KTI

OLIY TA’LIM MUASSASALARIDAGI IJTIMOIY PROFILAKTIKANING KRIMINOLOGIK ASOSLARI

BERDIALIYEV
Baxtiyor Erkinovich
O‘zbekiston Respublikasi
Kriminologiya tadqiqot instituti boshlig‘i,
yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori (PhD)

Annotatsiya. *Mazkur maqolada oliy ta’lim muassasalarida tahsil olayotgan talaba-yoshlar o‘rtasida jinoyatchilikning oldini olishning kriminologik va tashkiliy-huquqiy asoslari tahlil qilingan. Globallashuv va raqamlashuv sharoitida oliy ta’lim tizimining institutsional kengayishi, talabalar kontingentining ortishi hamda ularning duch kelayotgan iqtisodiy va virtual xavf-xatarlari yoritilgan, empirik va sotsiologik tadqiqotlar natijalari asosida talabalar jinoyatchiligining asosiy kriminogen determinantlari ochib berilgan. Shuningdek, “HEMIS” axborot tizimini “E-ijtimoiy profilaktika” platformasiga integratsiya qilish, “Ijtimoiy keys-menejment” metodologiyasini joriy etish orqali barvaqt profilaktika tizimini yaratish bo‘yicha ilmiy-amaliy takliflar ishlab chiqilgan.*
Kalit so‘zlar: *oliy ta’lim, talabalar jinoyatchiligi, ijtimoiy profilaktika, kriminogen determinantlar, kiberjinoyatlar, keys-menejment, HEMIS, E-ijtimoiy profilaktika.*

Аннотация. *В данной статье проанализированы криминологические и организационно-правовые основы профилактики преступности среди студентов высших учебных заведений. Освещены институциональное расширение системы высшего образования в условиях глобализации и цифровизации, рост студенческого контингента, а также экономические и виртуальные риски, с которыми они сталкиваются. На основе эмпирических и социологических данных раскрыты основные криминогенные детерминанты студенческой преступности (финансовые трудности, стремление к легкому заработку, цифровая виктимизация и дефицит духовно-нравственного воспитания). Разработаны научно-практические предложения по созданию системы ранней профилактики путем интеграции информационной системы «HEMIS» в платформу «E-социальная профилактика» и внедрения методологии «социального кейс-менеджмента».*
Ключевые слова: *высшее образование, студенческая преступность, социальная профилактика, криминогенные детерминанты, киберпреступления, кейс-менеджмент, HEMIS, E-социальная профилактика.*

Abstract. *This article analyzes the criminological, organizational, and legal foundations for crime prevention among students in higher education institutions. It highlights the institutional expansion of higher education, the growth of the student body, and the economic and virtual risks they face amid globalization and digitalization. Based on empirical and sociological research, the main criminogenic determinants of student crime – such as financial difficulties, the desire for easy money, digital victimization, and a lack of spiritual and moral upbringing – are revealed. Furthermore, scientific and practical proposals are developed to establish an early prevention system by integrating the "HEMIS" information system with the "E-social prevention" platform and introducing the "social case management" methodology.*
Keywords: *higher education, student crime, social prevention, criminogenic determinants, cybercrime, case management, HEMIS, E-social prevention.*

Xalqaro tashkilotlarning so‘nggi rasmiy hisobotlariga ko‘ra, bugungi kunda dunyo bo‘yicha oliy ta’lim muassasalarida tahsil olayotgan talabalarning umumiy soni qariyb 269 million nafarni tashkil etib, so‘nggi o‘n yillikda oliy ta’lim yoshidagi yoshlarning qamrov darajasi qariyb 43 foizga yetgan. Biroq ta’lim olayotgan yoshlar sonining global miqyosda ortishi bilan bir qatorda, zamonaviy xalqaro kriminologik tadqiqotlar dunyoning rivojlangan va rivojlanayotgan davlatlarida yoshlar jinoyatchiligi yangi sifat bosqichiga ko‘tarilayotganini ko‘rsatmoqda. Xususan, transchegaraviy kiberjinoyatlar, kibermoliyaviy firibgarliklar hamda psixoaktiv moddalar va giyohvandlik vositalarining noqonuniy aylanishi hisobiga jinoyatlar keskin o‘sish tendensiyasini namoyon etmoqda. Mazkur statistik ko‘rsatkichlar yoshlar muhitidagi deviant xatti-harakatlar shunchaki mahalliy muammo emas, balki transnatsional xususiyat kasb etayotgan hamda global miqyosdagi intellektual kapitalga tahdid solayotgan umuminsoniy xavf ekanini to‘liq tasdiqlaydi.

Talabalar orasida uchraydigan salbiy holatlar ko‘pincha moddiy yetishmovchilik, hayotiy qadriyatlarning o‘zgarib ketishi, yangi muhitga moslashishdagi qiyinchiliklar va turli jinoyatlarning qurboni bo‘lib qolish xavfi bilan bog‘liq. Yoshlar mustaqil hayotni boshlagan davrda uchraydigan ruhiy va hayotiy to‘siqlar, oilaviy yoki hududiy migratsiya jarayonlari hamda internet zanjiridagi nazoratsiz muhit ularning huquqiy tushunchalarga ega bo‘lishiga to‘sqinlik qiladi. Bu esa, o‘z navbatida, ularning bevosita jinoyat sodir etib qo‘yishi yoki firibgarlarga aldanib qolishi xavfini yanada kuchaytiradi.

Bu holat mamlakatimiz oliy ta’lim tizimida tahsil olayotgan 1,6 milliondan ortiq talaba-yoshlar qatlamida jinoyatlarni barvaqt aniqlash, ularning oldini olish hamda xavf-xatarlarni bartaraf etishga qaratilgan milliy ijtimoiy profilaktika tizimini ilmiy asosda tubdan takomillashtirishni talab etadi. Xususan, Prezidentimiz tomonidan jamoat xavfsizligini ta’minlash tizimini takomillashtirish bo‘yicha belgilab berilgan ustuvor vazifalar ta’lim muassasalarida faqatgina ma’rifiy tadbirlar bilan cheklanib qolmasdan, balki chuqur kriminologik tahlil va amaliy profilaktik mexanizmlarni joriy etish zarurligini ko‘rsatadi [1].

Ushbu maqolada oliy ta’lim maskanlarida jinoyatlarning oldini olish choralarini ilmiy jihatdan qanday tashkil etish kerakligi batafsil ko‘rib chiqiladi. Shu bilan birga, talabalarda kutilmagan vaziyatlarda to‘g‘ri qaror chiqarish, qiyinchiliklarga ruhan bardosh berish, madaniyatli bo‘lish, muloqot qilish etikasiga rioya etishi hamda ta’lim muhitida xavfsizlikni ta’minlash ko‘nikmalarini shakllantirish bo‘yicha foydali taklif va tavsiyalar ishlab chiqiladi.

Bugungi kunda dunyoda 15 yoshdan 24 yoshgacha bo‘lgan yoshlar soni qariyb 1,2 milliardga yetgan bo‘lib, ular jahon umumiy aholisining qariyb 16 foizini tashkil etmoqda. Biroq global miqyosda yoshlar ta’limi, bandligi va sog‘lig‘i bilan bog‘liq jiddiy ijtimoiy-gumanitar muammolar saqlanib qolmoqda. Jumladan, Xalqaro mehnat tashkiloti va YUNESKO ma’lumotlariga ko‘ra, millionlab yoshlar hamon munosib ta’lim va kasbiy ko‘nikmalardan mahrum bo‘lib, o‘n millionlab yoshlar ishsizlar toifasini tashkil etmoqda. Xususan, dunyo bo‘yicha 3,2 million nafarga yaqin 15-24 yoshli o‘smirlar va yoshlar VICH infeksiyasi bilan yashayotgani qayd etilgan. Mazkur ko‘rsatkichlar har bir mamlakatni tashvishga solmoqda.

Jinoyatchilikni barvaqt oldini olishning zamonaviy konsepsiyalari doirasida yoshlar, xususan, oliy ta’lim muassasalari talabalari tomonidan sodir etiladigan jinoyatchilik profilaktikasi fundamental va strategik ahamiyat kasb etadi. Bu ustuvorlik, birinchi navbatda, O‘zbekiston Respublikasining o‘ziga xos demografik tuzilishi bilan bog‘liq. Bugungi kunda mamlakat aholisining 60 foizdan ortig‘ini 30 yoshgacha bo‘lgan yoshlar tashkil etishi ulkan demografik dividend hisoblanadi. Biroq, kriminologik nuqtayi nazardan, yoshlar qatlamining bunday yuqori ulushi tizimli ijtimoiy profilaktika mexanizmlari ishlamagan taqdirda, jiddiy kriminogen xavflarni ham keltirib chiqarishi mumkin.

Oliy o‘quv yurtlarida tahsil olayotgan talabalar – bu ertaga jamiyatni boshqaradigan, ilm-fan va iqtisodiyotni olg‘a yetaklaydigan inson kapitali, yurtimizning intellektual elitasi. Shu bois, ularning iqtisodiy zo‘riqishlar yoki virtual makondagi firibgarliklar qurboniga aylanib, jinoyat ko‘chasiga kirib qolishlari nafaqat shaxs fojiasi, balki butun jamiyat barqarorligi uchun strategik yo‘qotishdir.

O‘zbekiston va xorijiy davlatlarning yetakchi olimlari mazkur xavflarning oldini olish masalasini chuqur tahlil qilib, yoshlar jinoyatchiligini o‘ziga xos ijtimoiy-psixologik hodisa sifatida baholaydilar. Ilmiy adabiyotlar tahlili shuni ko‘rsatadiki, talabalar jinoyatchiligining kelib chiqish sabablari uchta asosiy ilmiy yondashuv asosida tushuntiriladi:

Birinchidan, ijtimoiy dezadaptatsiya va anomiya nazariyasi. Xorijiy olimlar R. Merton va Ya.I. Gilinskiyning ilmiy xulosalariga ko‘ra, yoshlar jinoyatchiligining asosini ko‘pincha jamiyatdagi qadriyatlar tizimining yemirilishi va yangi ijtimoiy muhitga moslasha olmaslik holatlari tashkil etadi [4]. Xususan, mustaqil hayotga qadam qo‘yish va oliy ta’lim muhitiga moslashish davrida talabalarda kuchli psixologik bosim yuzaga keladi va bu davrda ular deviant guruhlar ta’siriga tez beriluvchan bo‘lib qoladi.

Ikkinchidan, psixologik bardoshlilikning shakllanmaganligi. Taniqli kriminolog Yu.M. Antonyanning tadqiqotlarida ta’kidlanishicha, huquqiy ong va stressga chidamlilik to‘liq shakllanmagan o‘smirlik va yoshlik davrida shaxs tashqi salbiy ta’sirlarga, ayniqsa, raqamli makondagi kiberjinoyatlar va moliyaviy firibgarliklarga eng ko‘p uchraydigan qatlam hisoblanadi [5].

Uchinchidan, kompleks ijtimoiy profilaktika zarurati. Mahalliy kriminolog olimlar I. Ismailov, M. Rustambayev va boshqalar o‘z tadqiqotlarida ta’kidlashicha, bugungi kunda an’anaviy profilaktika usullari faqatgina ma’rifiy va quruq pand-nasihat choralari bilan cheklanib qolmasligi kerak [7]. Zamonaviy kriminologik yondashuvlar ta’lim muassasalarida talabalarning murakkab va nostandart vaziyatlarda to‘g‘ri qaror qabul qilish, stressga chidamlilik va huquqiy madaniyatni yuksaltirish kompetensiyalarini shakllantirishni taqozo etadi.

Shu bois, olimlarning ilmiy xulosalariga tayangan holda, globallashuv va raqamlashuv sharoitida talaba-yoshlar muhitida yuzaga kelayotgan yangi tahdidlarni barvaqt aniqlash hamda ularni bartaraf etishning zamonaviy kriminologik modellarini yaratish bugungi kunning eng dolzarb ilmiy-amaliy vazifasi hisoblanadi.

Talaba-yoshlar o‘rtasidagi jinoyatchilik muammosining kelib chiqishi va uni bartaraf etish zaruratini ikki asosiy guruhga, ya’ni obyektiv va subyektiv omillarga ajratib tahlil qilish maqsadga muvofiqdir.

Masalaning obyektiv sabablariga e’tibor qaratsak, bugungi globallashuv va raqamlashuv davrida transchegaraviy kiberjinoyatlar, narkotrafik hamda turli buzg‘unchi mafkuraviy tahdidlar asosan jamiyatning eng faol qatlami bo‘lgan talabalar auditoriyasiga yo‘naltirilganini anglaymiz. Bu esa yoshlarning naqadar jiddiy tashqi xavflar qurshovida ekanini ko‘rsatadi.

Muammoning subyektiv sabablari esa bevosita talabalarning ichki ruhiyati va shaxsiy moslashuv jarayonlari bilan izohlanadi. Ayrim yoshlar ongida qonun-qoidalarni mensimaslik yoki ularga ishonmaslik holatlarining uchrashi, mustaqil hayotga va oliy ta’lim muhitiga moslashishdagi ruhiy qiyinchiliklar, shuningdek, ma’naviy-axloqiy tarbiyadagi ayrim uzilishlar ularni jinoyat yo‘liga kirib qolishiga zamin yaratmoqda.

Aynan shu omillarni hisobga olgan holda, tadqiqotimizda institutsional yechim sifatida ***“Ijtimoiy profilaktika xizmati”*** va uning doirasida qo‘llaniladigan “Ijtimoiy keys-menejment” – muammoli vaziyatdagi shaxs bilan yakka tartibda ishlash metodologiyasi ilgari surilmoqda.

Mazkur innovatsion mexanizm muammoli vaziyatga tushib qolgan talabalarga manzilli yordam ko‘rsatish orqali ularning jamiyat bilan sog‘lom aloqalarini mustahkamlaydi. Natijada, bu tizim nafaqat jinoyatlarning barvaqt oldini oladi, balki davlatimizning ichki xavfsizligi va barqarorligini himoya qiluvchi mustahkam kriminologik qalqon vazifasini bajaradi.

Shuningdek, O‘zbekiston Respublikasida oliy ta’lim tizimining kengayishi va talabalar sonining keskin ortishi ushbu ijtimoiy qatlam orasidagi jinoyatchilikni alohida, mustaqil ilmiy tadqiqot yo‘nalishi sifatida o‘rganishni taqozo etmoqda.

Rasmiy ma’lumotlarga ko‘ra, bugungi kunda mamlakatimizda jami 207 ta oliy ta’lim muassasasi faoliyat ko‘rsatyapti. Ularning 101 tasi davlat tasarrufidagi, 74 tasi nodavlat va 32 tasi xorijiy oliy ta’lim muassasalari hisoblanadi. Ushbu muassasalarda tahsil olayotgan talabalarning umumiy soni 1 611 231 nafarni tashkil etib, bu raqam 879 883 va 731 348 nafarlik demografik taqsimotda aks etadi [7].

Ta’lim makonida bunday ulkan yoshlar qatlamining shakllanishi juda katta intellektual kapitalning bir joyda jamlanishini anglatadi. Ammo, shu bilan birga, bu jarayon jamiyatdagi ijtimoiy nazorat tizimi oldiga mutlaqo yangi, tizimli xavf-xatarlar va

profilaktik vazifalarni ham qo‘ymoqda. Bu esa talabalar muhitida xavfsizlikni ta’minlashga doir yangicha yondashuvlarni ishlab chiqishni talab qiladi. Oliy ta’lim tizimidagi bunday miqdoriy va sifat o‘zgarishlari, shuningdek, an’anaviy nazorat mexanizmlarining zaiflashuvi oqibatida talaba-yoshlar o‘rtasida jinoyatchilikning sezilarli darajada faollashuvi kuzatilmoqda.

Statistik ma’lumotlarga murojaat qilsak, vaziyatning qanchalik murakkab ekanini ko‘rish mumkin. Xususan, 2025-yil yakunlari bo‘yicha olingan statistik ma’lumotlar ham bu boradagi vaziyatning naqadar jiddiy ekanini ko‘rsatadi. Ma’lumotlarga ko‘ra, o‘tgan yil davomida 544 nafar talaba tomonidan 590 ta jinoyat sodir etilgan [7]. Bu o‘rinda eng achinarli va e’tibor qaratish lozim bo‘lgan jihat shundaki, tahlillarga ko‘ra, mazkur jinoyatlarning barchasi *“oldini olish mumkin bo‘lgan jinoyatlar”* toifasiga kiradi. Bu ko‘rsatkich jinoyat sodir etgan jami yoshlarga nisbatan 4,1 foizni tashkil etadi. Garchi bu raqam umumiy miqyosda kichikdek tuyulsa-da, jamiyatning eng ziyoli va istiqbolli qatlami hisoblangan talabalar muhitida bunday ko‘rsatkichning mavjudligi o‘ta xavotirli ogohlantirishdir.

Mazkur jinoyatlarning hududiy taqsimoti ham o‘ziga xos kriminologik manzaraga ega. Talabalar tomonidan sodir etilgan oldini olish mumkin bo‘lgan jinoyatlarning asosiy qismi, ya’ni qariyb 59,9 foizi respublikamizning asosiy 5 ta hududi hissasiga to‘g‘ri keladi [7]. Xususan, bu borada Toshkent shahri va Toshkent viloyati yetakchilik qilmoqda. Keyingi o‘rinlarda esa Samarqand, Buxoro va Andijon viloyatlari qayd etilgan.

Zero, mazkur hududlarda talabalar jinoyatchiligi yuqori ko‘rsatkichni tashkil etayotganini o‘ziga xos sabablari mavjud. Buni ilmiy-amaliy jihatdan quyidagicha izohlash mumkin: ushbu hududlar mamlakatimizning asosiy yirik ta’lim markazlari hisoblanadi va ularda oliy ta’lim muassasalari hamda talabalar soni eng ko‘p jamlangan. Tabiiyki, boshqa viloyatlardan kelib o‘qiyotgan yoshlarning ichki migratsiyasi, ijara va yashash xarajatlari bilan bog‘liq iqtisodiy zo‘riqishlar, shuningdek, katta shahar muhitiga ijtimoiy-psixologik moslashishdagi qiyinchilik va stresslar aynan shu markazlarda yaqqolroq namoyon bo‘ladi.

Demak, yuqoridagi raqamlar yana bir bor ta’lim muassasalarida tizimli profilaktikaning naqadar zarurligini tasdiqlaydi. Oldini olish mumkin bo‘lgan jinoyatlar – aslida, vaqtida aniqlanmagan muammolar va e’tiborsiz qoldirilgan ijtimoiy-ruhiy zo‘riqishlarning oqibati. Ayniqsa, eng ko‘p jinoyat sodir etilayotgan mazkur 5 ta hududdagi oliy ta’lim muassasalarida ijtimoiy profilaktika mexanizmlarini joriy etish va birinchi navbatda, kuchaytirilgan tartibda ishlashi maqsadga muvofiqdir.

Ushbu salbiy tendensiya talabalarning ijtimoiy va huquqiy nazoratdan qanchalik uzilib qolganini ko‘rsatadi. Eng yomoni, bu ko‘rsatkichlar ta’lim maskanlaridagi sog‘lom akademik muhitga turli jinoiy odatlar, yot qarashlar va tushunchalar kirib borayotganidan dalolat beradi. Bu esa zudlik bilan ta’lim maskanlarida yangicha profilaktik mexanizmlarni joriy etishi zaruratini ko‘rsatadi.

Talabalik davri o‘ziga xos murakkab ijtimoiy jarayon bo‘lib, bu davrda yoshlar ko‘pincha moddiy qiyinchiliklar, xususan, shartnoma to‘lovlari va kundalik yashash xarajatlari hamda Internet olamidagi xavf-xatarlar bilan yuzma-yuz keladi. Mana shu ijtimoiy dinamika va iqtisodiy zo‘riqishlarni inobatga olgan holda, talabalar qatlamini davlat xavfsizligi va strategik barqarorlik nuqtayi nazaridan alohida mustaqil kriminologik obyekt sifatida tahlil qilish nihoyatda zarur.

Mazkur vazifani amalda ta’minlashning institutsional yechimi sifatida oliy ta’lim tizimidagi raqamli infratuzilmani, xususan, “HEMIS” axborot tizimini bevosita “E-ijtimoiy profilaktika” platformasiga integratsiya qilish maqsadga muvofiqdir.

Ushbu raqamli integratsiyadan ko‘zlangan asosiy maqsad 1,6 milliondan ortiq yoshlar qatlamini xato qilganidan so‘ng ma’muriy tazyiq bilan jazolash emas, balki jinoyatga yetaklovchi ilk xavf belgilari, barvaqt kriminogen indikatorlar paydo bo‘lgandayoq ularni aniqlash va yoshlarga vaqtida manzilli ijtimoiy-gumanitar yordam ko‘rsatishdan iboratdir. Bu tizim jamiyatning eng muhim intellektual qatlamini jinoyatchilikdan himoya qilishning yangi, insonparvar nazariy-amaliy poydevori bo‘lib xizmat qiladi.

Talabalar o‘rtasidagi jinoyatchilikning institutsional, ya’ni bevosita oliy ta’lim muassasalari kesimidagi tahlili ayrim o‘quv yurtlarida kriminogen vaziyat boshqalariga nisbatan ancha murakkabligini ko‘rsatmoqda. Xususan, tadqiqotlar davomida shakllantirilgan “10 dan ortiq talabalari jinoyat sodir etgan oliy ta’lim muassasalari reytingi” ta’lim jarayonida ijtimoiy profilaktika va ichki nazorat mexanizmlarini tubdan qayta ko‘rib chiqishni taqozo etadi.

Mazkur o‘ziga xos reytingda 2025-yil davomida “antireyting”ning yetakchi o‘rinlarini asosan poytaxtda joylashgan yirik universitetlar egallagani kuzatilmoqda. Jumladan, Toshkent davlat iqtisodiyot universiteti 51 nafar talabasi jinoyatga qo‘l urgani bilan mazkur salbiy ro‘yxatda birinchi o‘rinda qayd etilgan. Undan keyingi o‘rinlarda Toshkent davlat transport universiteti 32 nafar hamda Toshkent davlat texnika universiteti 27 nafar talabalari jinoyat sodir etgan bo‘lib, yuqori ko‘rsatkichni egallagan. Ushbu holat ulkan kontingentga ega, megapolis muhitida joylashgan va respublikaning turli hududlaridan kelib o‘qiyotgan talabalar jamlangan muassasalarda ijtimoiy-psixologik moslashuv hamda iqtisodiy zo‘riqish jarayonlari ancha keskinroq kechishidan dalolat beradi.

Shuningdek, statistik tahlillar nafaqat davlat tasarrufidagi oliygohlarda, balki nodavlat va hududiy ta’lim muassasalarida ham jinoyatchilik ko‘rsatkichlari yuqori ekanini oshkor qilmoqda. Toshkent amaliy fanlar universiteti (26 nafar) va Alfraganus universiteti (23 nafar) kabi xususiy sektor vakillari, shuningdek, Buxoro davlat universiteti (24 nafar), Samarqand davlat universiteti (24 nafar), Andijon tibbiyot instituti (22 nafar) va Buxoro muhandislik-texnologiya instituti (22 nafar) kabi viloyatlardagi yetakchi oliygohlar ham ushbu ro‘yxatdan joy olgan.

Bu ko‘rsatkichlar ta’lim shakli va hududidan qat’i nazar, yoshlar muhitida deviant xulq-atvor shakllanishining tizimli sabablari mavjudligini tasdiqlaydi. Mazkur statistik manzara yuqorida nomlari keltirilgan ta’lim muassasalarida talabalarning ijtimoiy muammolarini barvaqt aniqlash, ularni raqamli viktimizatsiyadan himoya qilish hamda tadqiqotimizda ilgari surilayotgan “Ijtimoiy profilaktika” tizimini birinchi navbatda va kuchaytirilgan tartibda joriy etish zarurligini ilmiy-amaliy jihatdan to‘liq asoslab beradi.

Ushbu institutsional disproporsiya va xavfli nuqtalarning mavjudligi oliy ta’lim tizimida preventiv chora-tadbirlarni umumiy va yuzaki tarzda emas, balki aynan kriminogen xavf darajasi yuqori bo‘lgan mazkur universitetlar profilidan kelib chiqib, maqsadli va differensial shaklda tashkil etishni taqozo etadi. Bu esa tadqiqotda ilgari surilayotgan oliy ta’lim muassasalarida “Ijtimoiy profilaktika”ni tashkil etish mexanizmini, birinchi navbatda, aynan ushbu kriminal faollik yuqori bo‘lgan ta’lim maskanlarida pilot loyiha sifatida sinovdan o‘tkazish zaruratini ilmiy jihatdan to‘liq asoslab beradi.

Mazkur OTMlarda “HEMIS” axborot tizimini bevosita “E-ijtimoiy profilaktika” yagona platformasiga raqamli integratsiya qilish orqali yangicha profilaktik muhit yaratiladi. Natijada ushbu universitetlardagi xavf guruhiga mansub talabalarning akademik o‘zlashtirishi va ijtimoiy-iqtisodiy indikatorlarini avtomatlashtirilgan tarzda monitoring qilish imkoniyati paydo bo‘ladi. Eng muhimi, mazkur tizim muammoli talabalarga nisbatan ma’muriy tazyiq o‘tkazish yoki jazolash emas, balki ularni inqirozdan qutqarishga qaratilgan individual reabilitatsiya dasturlarini zudlik bilan ishga tushirish imkonini yaratadi.

Kriminologiya tadqiqot instituti tomonidan olingan empirik ma’lumotlarga ko‘ra, 2026-yil davomida talabalar tomonidan sodir etilgan jinoyatlar tarkibida eng yuqori ko‘rsatkich mulkiy tajovuzlarga to‘g‘ri kelmoqda. Xususan, o‘g‘rilik jinoyati bo‘yicha jami 99 ta holat qayd etilgan bo‘lsa, ikkinchi o‘rinni 35 ta holat bilan firibgarlik jinoyati egallab turibdi. Umumiy jinoyatchilik tuzilmasida ushbu ikki turdagi jinoyatning yetakchi o‘ringa chiqishi bevosita talabalarning iqtisodiy ahvoli hamda raqamli makondagi transformatsiya jarayonlari bilan izohlanadi.

Mazkur tendensiyaning asl sabablarini aniqlash maqsadida 11 321 nafar respondent-talabani qamrab olgan keng ko‘lamli ijtimoiy so‘rovnoma o‘tkazildi. Tadqiqot natijalari jinoyatga undovchi asosiy omillarni quyidagicha tasniflash imkonini berdi:

Tadqiqot doirasida ishtirokchilarga berilgan “Sizningcha, talabalarni jinoyatga undaydigan asosiy sabablar nimalar?” degan savolga olingan javoblar muammoning naqadar ko‘p qirrali ekanini va u bir qator ijtimoiy-iqtisodiy omillarga borib taqalishini ko‘rsatdi. So‘rovnomada qatnashgan respondentlarning fikrlari asosan quyidagi yo‘nalishlar bo‘yicha taqsimlangan:

Moliyaviy qiyinchilik (5959 nafar), eng yuqori ko‘rsatkich. Respondentlarning mutlaq ko‘pchiligi talabalarni jinoyatga yetaklovchi asosiy sabab sifatida aynan moddiy yetishmovchilik va iqtisodiy zo‘riqishlarni qayd etgan. Bu holat talabalar oladigan stipendiyaning kundalik yashash xarajatlarini qoplay olmasligi hamda to‘lov-kontrakt yukining og‘irligi bilan bevosita bog‘liq. Iqtisodiy ehtiyojlarning qondirilmasligi talabalarni noqonuniy daromad topish yo‘llarini izlashga majbur qilmoqda.

Oila va muhit ta’siri (4083 nafar). Ikkinchi o‘rinda nosog‘lom oilaviy muhit, ota-ona nazoratining sustligi va talabani o‘rab turgan mikromuhitning salbiy ta’siri deb belgilagan. Respondentlarning sezilarli qismi jinoyatga yetaklovchi sabab sifatida nosog‘lom mikromuhitni ko‘rsatgan. Bunda oiladagi zo‘ravonlik holatlarining talaba ruhiyatiga ta’siri hamda ota-onalarning mehnat migratsiyasida ekanligi sababli farzandlarning nazoratsiz qolishi kuzatiladi. Oqibatda, yangi ijtimoiy muhitga moslasha olmagan yoshlar ijtimoiy izolyatsiyaga tushib, bo‘sh vaqtlarini mazmunsiz o‘tkazadi va psixologik bosimlarga bardosh bera olmay, tez og‘ib ketishadi.

Oson pul topish istagi (3803 nafar). Mehnat qilmasdan, tez va oson boyish maqsadida turli qing‘ir yo‘llarga kirib ketish holatlari talabalar jinoyatchiligini keltirib chiqaruvchi eng xavfli va murakkab motivlardan biri sifatida baholandi. Ushbu ko‘rsatkichning yuqoriligi faqatgina moddiy yetishmovchilik bilan emas, balki bugungi yoshlarning dunyoqarashi va qadriyatlar tizimida yuz berayotgan keskin o‘zgarishlar bilan izohlanadi.

Internet va ijtimoiy tarmoq ta’siri (3605 nafar), ya’ni bugungi axborot makonidagi virtual aldovlar, firibgarliklar hamda destruktiv kontentlarning yoshlar ongiga ta’siri yuqoriligicha qolmoqda. Bugungi kunda ijtimoiy tarmoqlar (Instagram, TikTok va boshqalar) orqali targ‘ib qilinayotgan “hashamatli hayot”, qimmatbaho buyumlar va tez boyish kontentlari talabalarda sun’iy iste’molchilik ehtiyojlarini shakllantirmoqda. Real daromad va virtual makondagi havas o‘rtasidagi disproporsiya yoshlarni halol va mashaqqatli mehnatni chetlab o‘tib, eng qisqa yo‘l bilan daromad topishga undaydi.

Halol mehnat qadriyatlarining yemirilishi, ya’ni ayrim talabalar orasida uzoq muddatli va tizimli mehnat qilish, o‘z ustida ishlash va bilim orqali sekin-asta karyera qilish jarayoni “eskirgan” yoki “samarasiz” usul sifatida qabul qilinmoqda. Buning o‘rniga hech qanday jismoniy yoki intellektual kuch sarflamasdan turib, onlayn qimor, totalizator yoki moliyaviy piramidalar orqali boyish kayfiyati avj olmoqda.

Raqamli jinoyatlarning “psixologik to‘siqsizligi”. Oson pul topish istagidagi talabalar ko‘pincha kibermakondagi jinoyatlarni, masalan, birovning plastik kartasidan pul yechib olish, soxta e’lonlar orqali aldash, “dropperlik” xizmatlari ko‘rsatishni an’anaviy jinoyatdek qabul qilmaydilar. Jabrlanuvchining yuzini ko‘rmaslik va jismoniy muloqotning yo‘qligi ularda jinoyat sodir etishdagi ichki psixologik to‘siqni pasaytirib yuboradi.

Oson pul topish yo‘liga kirgan talaba o‘z xatti-harakatlarini “hamma shunday qilyapti”, “bu shunchaki biznes”, “men hech kimni o‘ldirganim yo‘q” qabilidagi vajlar bilan oqlashga moyil bo‘ladilar.

Ma’lumotsizlik va ma’naviy tarbiya yetishmasligi (2658 nafar). Huquqiy ongning pastligi, hayotiy qadriyatlar va ma’naviy immunitetning to‘liq shakllanmaganligi talabalar orasida deviant xulq-atvor va jinoyatchilikka zamin yaratuvchi muhim ijtimoiy-psixologik omil sifatida e’tirof etilgan. Ushbu ko‘rsatkich oliy ta’lim bosqichida faqatgina kasbiy bilim berish bilan cheklanib qolmasdan, balki shaxsning dunyoqarashi va huquqiy madaniyatini shakllantirishda quyidagi tizimli bo‘shliqlar mavjudligini ko‘rsatadi:

Huquqiy nigilizm va huquqiy savodsizlik. Talaba-yoshlar muhitida huquqiy ongning yetarli darajada shakllanmagani ularning sodir etayotgan xatti-harakatlarining huquqiy oqibatlarini to‘liq anglab yetmasligiga yoki qonun talablariga nisbatan bepisand munosabatda bo‘lish holatlariga sabab bo‘lmoqda. Bu holat yoshlarning kundalik faoliyatida jiddiy kriminogen xavflarni keltirib chiqaradi.

Amaliy tahlillar shuni ko‘rsatadiki, qonun normalaridan xabardor bo‘lmaslik yoki ularning mas’uliyatini chuqur his etmaslik yoshlarning ko‘pincha o‘zlari sezmagan holda turli jinoiy guruhlar, noqonuniy uyushmalar va huquqbuzarliklar doirasiga tortilib ketishiga sharoit yaratadi. Ayniqsa, raqamli makondagi huquqiy savodsizlik ayrim talabalarning internet orqali sodir etiladigan

jinoyatlarning asl mohiyatini tushunmasdan turib, oddiy “onlayn yordamchi” yoki ishtirokchiga aylanib qolishiga olib kelmoqda.

Mazkur salbiy tendensiya oliy ta’lim muassasalarida faqatgina umumiy targ‘ibot ishlari bilan cheklanib qolmasdan, balki talabalarning huquqiy madaniyatini yuksaltirish, ularda qonunga hurmat va qonuniylikni ta’minlash ruhini shakllantirishga qaratilgan maqsadli hamda tizimli huquqiy ta’lim mexanizmlarini kuchaytirishni taqozo etadi.

Ma’naviy immunitet va mafkuraviy bo‘shliq. Globallashuv va zamonaviy axborot xurujlari mislsiz darajada kuchaygan davrda yoshlarning ongi va dunyoqarashi uchun kurash keskin tus olmoqda. Oliy ta’lim bosqichida ma’naviy-axloqiy tarbiyaning zaiflashuvi hamda milliy qadriyatlarga asoslangan barqaror ma’naviy immunitetning to‘liq shakllanmaganligi talabalarni turli buzg‘unchi va destruktiv yot g‘oyalarning ta’siriga o‘ta beriluvchan qilib qo‘ymoqda.

Ayniqsa, raqamli makonda turli yot va begona qadriyatlarning ommaviy ravishda targ‘ib qilinishi yoshlarda tanqidiy fikrlashni pasaytirib yuboradi. Natijada ayrim talabalar bunday yod g‘oyalarni sog‘lom qadriyat sifatida qabul qilishga, ularni chuqur tahlil qilmasdan ko‘r-ko‘rona ergashishga moyil bo‘lib qoladilar. Bu esa, o‘z navbatida, yoshlarning turli radikal oqimlar, buzg‘unchi submadaniyatlar va noqonuniy uyushmalar ta’siriga tushib ketish xavfini keskin oshiradi.

Mazkur salbiy holatlar ta’lim muassasalarida faqatgina huquqiy targ‘ibot bilan cheklanib qolmasdan, balki talabalarda mafkuraviy immunitetni kuchaytirish, milliy o‘zlikni anglash va sog‘lom dunyoqarashni shakllantirishga qaratilgan ustuvor tarbiyaviy mexanizmlarni yanada kuchaytirishni taqozo etadi.

Shaxsiy mas’uliyat va kelajakni anglash hissining pastligi. Talaba-yoshlar hayotida aniq maqsadlarning yo‘qligi, vaqtni to‘g‘ri taqsimlay olmaslik hamda ongli ravishda fikrlash o‘rniga vaqtinchalik kundalik kayfiyat va hissiyotlar oqibatida ish tutish ularning qisqa fursat ichida noto‘g‘ri va falokatli qarorlar qabul qilishiga zamin yaratadi.

Bundan tashqari, yoshlarning jamiyat oldidagi burchi va mas’uliyatini hamda oliy o‘quv yurtida tahsil olayotgan intellektual elita sifatidagi yuksak maqomini to‘liq anglab yetmasliklari ularda ijtimoiy mas’uliyat hissining pasayishiga olib keladi. Mazkur psixologik va ijtimoiy beparvolik oqibatida ular yengil-yelpi hayot tarziga berilib, oxir-oqibat turli huquqbuzarliklar va jinoiy yo‘lga kirib ketish xavfi bilan yuzma-yuz qolmoqdalar.

Olib borilgan kriminologik va sotsiologik tadqiqotlar shuni yaqqol tasdiqlaydiki, talabalar o‘rtasida jinoyatchilikning oldini olishda an’anaviy va yuzaki yondashuvlardan voz kechib, asosiy e’tiborni ularning ijtimoiy-iqtisodiy muammolarini hal etishga, ta’lim muassasalarida sog‘lom akademik muhit yaratishga hamda raqamli makondagi xavfsizligini ta’minlashga qaratish maqsadga muvofiq. Tadqiqot natijalari va aniqlangan determinantlar asosida milliy qonunchilik va huquqni qo‘llash amaliyotiga tizimli preventiv innovatsiyalarni kiritish yuzasidan quyidagi ilmiy-amaliy takliflar ishlab chiqildi:

1. Normativ-huquqiy bazani takomillashtirish. Birinchi navbatda, barcha oliy ta’lim muassasalari uchun hukumat darajasidagi qarorga asosan yagona va majburiy bo‘lgan Ijtimoiy profilaktikani tashkil etish to‘g‘risidagi nizomni tasdiqlash hamda unda talabalar o‘rtasida jinoyat sodir etilishining barvaqt oldini olish yuzasidan qat’iy va aniq preventiv talablarni belgilab qo‘yish zarur.

2. Profilaktika inspektorlari faoliyatini transformatsiya qilish. Oliy ta’lim muassasalariga biriktirilgan profilaktika inspektorlarining ish uslubini tubdan yangilab, ular tomonidan talabalarning kundalik ijtimoiy-iqtisodiy ahvolini tizimli ravishda monitoring qilib boruvchi ta’sirchan “Ijtimoiy profilaktika” mexanizmini joriy etish talab etiladi.

3. Raqamli integratsiya va platformalarni yaratish. Zamonaviy texnologiyalarni jalb qilgan holda, oliy ta’lim jarayonlarini boshqaruvchi “HEMIS” axborot tizimini bevosita davlatning “E-ijtimoiy profilaktika” yagona elektron platformasiga integratsiya qilish hamda virtual makonda talabalar uchun xavfsiz muloqot muhitini yaratish lozim.

4. Iqtisodiy qo‘llab-quvvatlash va sog‘lom raqobat. Iqtidorli hamda ijtimoiy himoyaga muhtoj talabalar uchun maxsus grant loyihalarini, sovrinli tanlovlarni tizimli tashkil etish orqali ta’lim muassasasida sog‘lom raqobat muhitini yaratish va ularni iqtisodiy jihatdan qo‘llab-quvvatlash tizimini yo‘lga qo‘yish maqsadga muvofiqdir.

5. Viktimologik prevensiya va amaliy ta’lim. Viktimologik tahlilning yaxlit natijalari oliy ta’lim muassasalarida jinoyatchilikning oldini olish metodikasini tubdan o‘zgartirishni taqozo etadi. Nafaqat jinoyatchilikning tizimli determinantlariga, balki talabalarning viktimizatsiya omillariga ham ta’sir ko‘rsatish zarur. Buning uchun oliy ta’lim dasturlariga raqamli xavfsizlik, kibergigiyena va viktimologik himoya asoslari bo‘yicha maxsus amaliy kurslarni kiritish lozim.

6. Psixologik xizmat va institutsional ishonch. Universitetlar huzurida anonim tarzda faoliyat yurituvchi ijtimoiy-psixolog va keys-menejer xizmatlarini tashkil etish hamda talabalarda jinoyat qurboniga aylangan yoki qiyin vaziyatga tushib qolgan holatda davlatning huquqiy himoyasiga bo‘lgan institutsional ishonchni mustahkamlash preventiv siyosatning eng ustuvor strategik yo‘nalishi bo‘lishi lozim.

Ushbu kompleks chora-tadbirlarning amaliyotga joriy etilishi oliy ta’lim tizimidagi inklyuziv va xavfsiz muhitni ta’minlab, mamlakatimiz intellektual salohiyatining asosi bo‘lgan yoshlarni har qanday tahdidlardan samarali himoya qilishning ishonchli poydevori bo‘lib xizmat qiladi.

Foydalanilgan manbalar

1. O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining Jamoat xavfsizligini ta’minlash tizimini yanada takomillashtirish va mahallalarda profilaktika mexanizmlarini yangi bosqichga ko‘tarishga qaratilgan yig‘ilishidan. 2026-yil 8-aprel.
2. Mirziyoyev Sh. Yangi O‘zbekiston taraqqiyot strategiyasi asosida demokratik islohotlar yo‘lini qat’iy davom ettiramiz / Yangi saylangan O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyevning lavozimga kirishish tantanali marosimiga bag‘ishlangan Oliy Majlis palatalari qo‘shma majlisidagi nutqi. 2021- yil 6-noyabr.
3. O‘zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining “Obod va xavfsiz mahalla” tamoyili asosida mahallalarda ijtimoiy profilaktika tizimining samaradorligini oshirish chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi 801-son qarori. 2024.30.11
4. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других “отклонений”. – СПб.: Алеф-Пресс, 2013. – С. 112–115. (Shuningdek, qadriyatlar yemirilishi bo‘yicha qarashlar: Merton R.K. Social Theory and Social Structure. – New York: Free Press, 1968.)
5. Антонян Ю.М. Психология преступника и расследования преступлений. – М.: Юрайт, 2020. – С. 84-89.
6. Ismailov I., Rustambaev M.H. va boshq. Kriminologiya. Oliy o‘quv yurtlari uchun darslik. – Toshkent: O‘zbekiston Respublikasi IIV Akademiyasi, 2018. – B. 201–205.
7. Jinoyatchilik tendensiyalari va omillari davlat hisobotlari (2024-yil bo‘yicha): Axborot-tahliliy hujjat. – T.: O‘zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti, 2025. –136 b.
8. BMT (United Nations): Global Issues – Youth. Ma’lumot: Dunyoda 15–24 yoshdagi yoshlar soni 1,2 milliard kishini (umumiy aholining 16 foizini) tashkil etishi haqidagi rasmiy statistika. – Manba: un.org/en/global-issues/youth.
9. UNESKO (UNESCO Institute for Statistics / Global Education Monitoring): Ta’lim va savodxonlik bo‘yicha global hisobotlar. Yoshlarning bazaviy ta’lim va savodxonlik ko‘nikmalari bilan bog‘liq ko‘rsatkichlari. – Manba: uis.unesco.org va UNESKOning xalqaro savodxonlik kuniga bag‘ishlangan rasmiy ma’lumotlari.
10. Xalqaro mehnat tashkiloti (ILO): "Global Employment Trends for Youth" (Yoshlar bandligi bo‘yicha global tendensiyalar) hisoboti. Global yoshlar ishsizligi va bandlik muammolari tahlili. – Manba: ilo.org hamda ILOSTAT ma’lumotlar bazasi.
11. UNISEF va UAYNADS (UNICEF / UNAIDS): "Adolescent HIV Prevention and Treatment" (O‘smirlar orasida VICh profilaktikasi va davolash) global hisobotlari. Demografik yosh toifasidagi (15–24 yosh) VICh bilan yashovchi shaxslarning rasmiy statistikasi (3,2 million nafar ko‘rsatkichi). – Manba: data.unicef.org.

ПЕРВЫЙ УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС НЕЗАВИСИМОГО УЗБЕКИСТАНА: ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

(II часть)

ЯКУБОВ
Александр Санджарович
Заслуженный юрист Республики Узбекистан,
профессор, доктор юридических наук

АЗИМ ШУХРАТ
Заместитель начальника
Исследовательского института криминологии,
доктор философии по юридическим наукам (PhD)

Аннотация. *В статье анализируются концептуальные основы и итоги тридцатилетнего функционирования первого Уголовного кодекса независимого Узбекистана. Рассматриваются основные направления уголовно-правовой реформы начала 1990-х годов, принципы формирования нового уголовного законодательства, его соответствие Конституции и международным стандартам, а также значение Кодекса в становлении национальной уголовной политики. Особое внимание уделяется преемственности реформ, проблемам совершенствования уголовного законодательства и реализации концепций его развития в условиях современных вызовов.*

Ключевые слова: *Уголовный кодекс Республики Узбекистан, уголовно-правовая реформа, криминализация, декриминализация, уголовное законодательство, независимый Узбекистан, правовая реформа, концепция развития законодательства.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada mustaqil O'zbekistonning birinchi Jinoyat kodeksining o'ttiz yillik faoliyatining kontseptual asoslari va natijalari tahlil qilinadi. Unda 1990-yillarning boshlarida jinoyat qonunchiligini isloh qilishning asosiy yo'nalishlari, yangi jinoyat qonunchiligini ishlab chiqish tamoyillari, uning Konstitutsiya va xalqaro standartlarga muvofiqligi va milliy jinoyat siyosatini rivojlantirishdagi Kodeksning ahamiyati o'rganiladi. Islohotlarning uzluksizligiga, jinoyat qonunchiligini takomillashtirishdagi qiyinchiliklarga va zamonaviy qiyinchiliklarga qaramay, uni rivojlantirish konsepsiyalarini amalga oshirishga alohida e'tibor qaratilgan.*

Kalit so'zlar: *O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksi, jinoyat qonunchiligini isloh qilish, kriminallashtirish, dekriminallashtirish, jinoyat qonunchiligi, mustaqil O'zbekiston, huquqiy islohot, qonunchilikni rivojlantirish konsepsiyasi.*

Abstract. *The article examines the conceptual foundations and the thirty-year development of the first Criminal Code of independent Uzbekistan. It analyzes the key directions of the criminal law reform launched in the early 1990s, the principles underlying the formation of new criminal legislation, its compliance with the Constitution and international standards, and its role in shaping the national criminal policy. Particular attention is paid to the continuity of legal reforms, the challenges of improving criminal legislation, and the implementation of legislative development concepts in the context of contemporary challenges.*

Keywords: *Criminal Code of the Republic of Uzbekistan criminal law reform, criminalization, decriminalization, criminal legislation, legal reform, independent Uzbekistan, concept of legislative development.*

В условиях системного социально-экономического и политического реформирования государственности, осуществляемого непрерывно с момента провозглашения независимости Республики Узбекистан, вопросы укрепления законности и правопорядка, обеспечения надёжных гарантий охраны конституционных прав, свобод человека и гражданина, интересов общества и государства всегда являются приоритетными и находятся в центре внимания государства. Принятие Конституции независимого государства, внесение в неё последующих дополнений и изменений, обусловленные современным состоянием общества и государства, потребовало и формирования прочной правовой основы дальнейшего укрепления и развития государственности, справедливости гражданского общества.

С повестки дня не снимаются два главных вопроса… «первый – сохранение мира и спокойствия в обществе, второй – охрана здоровья населения». Для реализации этих задач, как подчеркнул Президент Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёев, необходимо кардинально изменить социальную обстановку во всём обществе в целом, для чего следует эффективно организовать работу …. по предупреждению преступности и профилактике правонарушений, повышению правосознания и правовой культуры населения, утверждению в сознании граждан важнейшего принципа: **«Наш приоритет – верховенство закона, наказание за преступление неизбежно»** [1].

Традиционно государство уделяло и продолжает уделять пристальное внимание тем отраслям права и законодательства, основное социальное предназначение которых состоит в обеспечении функционирования общественных отношений во всех сферах жизнедеятельности, их охране. К их числу относится Уголовный кодекс Республики Узбекистан, принятый 22 сентября 1994 года на шестнадцатой сессии Верховного Совета Республики Узбекистан двенадцатого созыва и вступивший в силу с 1 апреля 1995 г. [2], основное функциональное предназначение которого состоит в охране наиболее значимых общественных отношений, без которых невозможен поступательный процесс к поставленной цели, предупреждение посягательств на охраняемые уголовном законом общественные отношения и реагировании на допущенные преступления посредством применения государственного принуждения к лицам их совершившим.

Подготовка проекта кодекса потребовала от разработчиков определенной научной смелости, поскольку существовала необходимость переоценки и пересмотра многих теоретических положений, ранее казавшихся незыблемыми и аксиоматичными, что, несомненно, вызвало в процессе обсуждения на различных уровнях непринятие отдельных из предложенных научных прогностических решений. В особенности это затронуло нормы и институты Общей части УК, имеющих лишь на первый взгляд чисто теоретизированный характер, без какой-либо практической значимости и необходимости. Вместе с тем, Общая часть содержит нормы, которые регламентируют два больших социально-правовых явления – **преступление и наказание**. Общая часть содержит положения, выступающие своеобразным «ключом», без которого единообразное применение норм Особенной части будет значительно затруднено и как результат приведёт к неоднозначному толкованию и субъективизму, расширению либо сужению практического усмотрения, что, в свою очередь, повлечет неминуемое нарушение прав и свобод личности, закрепленных в Конституции Узбекистана и других законах. Более того, практически все нормы и институты Общей части уголовного права являются основополагающими для всех других отраслей права, имеющих антикриминальную направленность, таких как уголовно-процессуальное право, уголовно-исполнительное право, оперативно-розыскное право, криминология, виктимология, профилактика преступлений. Существенна роль Общей части и в отграничении преступного поведения от непреступного, последнее из которых регулируется административным, гражданским, трудовым, семейным, экологическим и другими отраслями права. Поэтому правильное понимание и применение норм

Особенной части в соответствии с принципом законности, возможно только на основе детальной проработки общих положений, которые сформулированы и закреплены в Общей части. Именно поэтому развитию основополагающих положений учения о преступлении и учения о наказании, которые составляют Общую часть уголовного закона, было уделено серьёзное внимание. Вместе с общими положениями о задачах и принципах уголовного закона и пределами его действия, учению о преступлении в момент принятия УК была посвящена 41 статья. В данный момент таких статей фактически 43. В сравнении с УК Узбекистана 1959 г. произошло увеличение количества статей в два раза. Однако более важно не количественное увеличение, а качественное, содержательное различие, поскольку практически каждый институт учения о преступлении был подвергнут переоценке и пересмотру. Эти утверждения в полной мере относимы и к учению о наказании, что возможно установить, используя метод сравнительно-правового анализа действующего кодекса с нормами Уголовного кодекса Узбекской ССР 1959 г. Такой подход диктовался как сложившемуся к 1994 года социально-экономическому и политико-правовому состоянию общественной и государственной жизни, так и необходимостью реализации прогностической функции, которая потребовала отразить те тенденции, которые сегодня уже наметились в развитии Нового Узбекистана и далее будут только углубляться и интенсифицироваться.

Законодательный прогноз, осуществленный при разработке и принятии в период 1993-1994 г.г. действующего УК явился достаточно эффективным, поскольку в последующие тридцать лет функционирования Общей части уголовного законодательства она была подвергнута незначительным смысловым корректировкам и дополнениям.

В количественном выражении таким корректировкам подверглись лишь 15 норм учения о преступлении, а по существу гораздо меньше. Остановимся на них, поскольку это позволит объективно оценить уровень научного прогноза законодателя.

Основные изменения и дополнения сводятся к следующим:

I. Редакция статьи 5 УК, предусматривающей принцип равенства граждан перед законом, на основании Закона (№ ЗРУ-963) Республики Узбекистан от 20 сентября 2024 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан» [3] была приведена в соответствие с ч. 2 ст. 19 Конституции Республики Узбекистан в новой редакции [4]. В статье 5 УК закреплено, что **лица, совершившие преступление, имеют одинаковые права и обязанности и равны перед законом без различия пола, расы, национальности, языка, религии, убеждения, социального происхождения, общественного положения**.

II. В связи с принятием Закона (№ 255-II) Республики Узбекистан от 29 августа 2001 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы и Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности в связи с либерализацией уголовных наказаний» [5] осуществлен пересмотр характеристик категорий преступлений (ст. 15 УК).

Так, к преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, отнесены:

а) умышленные преступления, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы не свыше трёх лет;

б) преступления, совершенные по неосторожности, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы не свыше 5 лет.

В первоначальной редакции к этой категории относили все преступления, за которые законом предусматривались более мягкие наказания, чем лишение свободы.

Такое решение потребовало скорректировать характеристику менее тяжких преступлений (ч.3 ст. 15 УК) и к ним отнесли:

а) умышленные преступления, за которые законом предусмотрены наказания в виде лишения свободы на срок более 3 лет, но не свыше 5 лет.

б) преступления, совершенные по неосторожности, за которые законом пред-

усмотрены наказания в виде лишения свободы на срок более 5 лет.

Классификация преступлений подверглась ещё одной корректировке в 2007 году в связи с отменой в Республике Узбекистан такой меры наказания как смертная казнь, исключение её из системы наказаний (ст. 43 УК) и введение нового вида наказания: **пожизненное лишение свободы** [6]. К особо тяжким преступлениям (ч. 5 ст. 15 УК) стали относить умышленные преступления, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет либо **пожизненное лишение свободы**.

III. В статье 17, предусматривающей ответственность физических лиц ч.2 ст. 17 исключена. Законодатель отказался от привлечения к уголовной ответственности лиц с 13 лет за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, установив за это преступление возрастную границу с 14 лет. Это было осуществлено на основании Закона (№ ЗРУ-735) Республики Узбекистан от 7 декабря 2021 года «О внесении изменений дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с дальнейшим совершенствованием системы обеспечения гарантии прав ребёнка» [7]. Уточнена редакция части четвёртой этой статьи в части перечня преступлений, ответственность за которые может наступить только по достижении 18 лет. К таким преступлениям относятся те, которые предусмотрены статьями 122, 123, 125[1], 127, 127[1], 144, 146, 193–195, 205–210, 225, 226, 230–232, 234, 235, 279–302 кодекса [8].

В соответствии с Законом (№ ЗРУ-829) Республики Узбекистан от 11 апреля 2023 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с дальнейшим совершенствованием системы надежной защиты прав, свобод и законных интересов женщин и детей» [9] часть вторая статьи 17 УК была дополнена предусмотрением наступления уголовной ответственности с четырнадцатилетнего возраста также и за преступления, предусмотренные частями четвертой–восьмой статьи 126-1 УК, и часть третья, определяющая перечни преступлений, за которые наступает ответственность с восемнадцатилетнего возраста дополнена указанием на часть первую и вторую ст. 126-1УК.

IV. Норма Общей части, предусматривающая общий порядок ответственности за преступление, совершённое в состоянии опьянения (ст. 19 УК) дополнена ещё одной группой веществ-средств, употребление которых наряду с алкогольными, наркотическими и др., также влияет на интеллектуально-волевую деятельность. Появляется термин «**аналог».** В принципе эта статья, даже без конкретизации и специального выделения группы аналогов наркотических средств по содержанию охватывала и их. Но, законодательное решение о внесении уточняющего признака было обусловлено тем, что в последние десятилетия в международно-правовых документах, конвенциях, регламентирующих незаконный оборот наркотических средств, стал употребляться и термин «их аналогов». Узбекистан, подтверждая свою приверженность признаваемым им нормам международного права, осуществил корректировку в собственном уголовным законодательстве.

V. В соответствии с Законом (№ ЗРУ–567) Республики Узбекистана от 12 сентября 2019 г. «О внесении изменений дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с совершенствованием системы оказания психиатрической помощи» Уголовный кодекс был дополнен ст. 18[1], характеризующей ответственность лица, страдающего психическим расстройством, не исключающим вменяемости, что по существу означает введение ещё одной разновидности вменяемости, а именно ограниченной вменяемости.

VI. В связи с установлением в Особенной части уголовной ответственности в специальной норме **ст. 155[1] за несообщение сведений и фактов о готовящихся или совершённых террористических актах**, в ст. 31 УК, регламентирующую институт прикосновенности к преступлению, часть первая редакционно была уточнена посредством предусмотрения в ней ст. 155[1] УК [10].

VII. В соответствии с Законом (№ЗРУ–459) Республики Узбекистан от 9 января 2018 года

«О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан» [11] внесены корректировки в часть вторую статьи 35, исключена часть пятая статьи 38, и Кодекс дополнен статьёй 41[1]. Все эти изменения касаются одного содержательного изменения, а именно предание статуса самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния – **физическое или психологическое принуждение либо угроза**.

VIII. В соответствии с Законом (№ ЗРУ–345) Республики Узбекистан от 29 декабря 2012 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан» [12] статья 41 УК, регламентирующая одно из обстоятельств, исключающих преступность деяния – **оправданный профессиональный или хозяйственный риск** была дополнена частью пятой следующего содержания: **невыполнение договорных обязательств субъектами предпринимательства перед банками и другими финансовыми организациями по оказанным услугам, в том числе выданным кредитам, связанное с предпринимательскими и другими коммерческими рисками, не является основанием для привлечения к уголовной ответственности работников банков и других финансовых организаций.**

IX. В соответствии с Законом (№ ЗРУ–459) Республики Узбекистана от 9 января 2018 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан» совершению преступления при физическом или психическом принуждении либо угрозы применения такого принуждения был придан самостоятельный статус обстоятельства, исключающего преступность деяния. Была введена самостоятельная статья 41[1] УК.

Таким образом, даже беглый анализ изменений и дополнений учения о преступлении, осуществлённых за тридцатилетнее действие уголовного законодательства, подтверждает правильность избранного разработчиками концептуального подхода, его жизнеспособность и обоснованность, как с позиции научного прогноза, так и с позиции законодательного решения и последующей правоприменительной практики. Содержательный анализ позволяет констатировать достаточно высокий уровень законотворческого прогноза по одному из сложных и дискуссионных в науке уголовного права институту – учению о преступлении. Вместе с тем, ещё раз подчеркнем, что отдельные, не нашедшие компромиссного решения проблемы, такие как вопросы действия уголовного закона в пространстве, ограниченной вменяемости, стадий совершения умышленного преступления, множественности преступлений, уголовно-правового стимулирования позитивного поведения, уголовной ответственности юридических лиц и некоторые другие не ушли с повестки дня, и, сегодня требуют более пристального внимания с учётом современного уровня развития и функционирования общественных отношений.

Представленный в декабре 1993 года проект Кодекса о преступлениях и наказаниях в Верховный совет Республики Узбекистан подвергся детальной проработке весьма компетентной комиссии во главе с Председателем Верховного Совета Халиловым Э.Х. В состав комиссии на этом уровне входили: заместители Председателя Верховного Суда Бугров Б.И. и Алимжанов А.Х.; Председатель Верховного Суда Мингбаев У.; Генеральный прокурор Мустафаев Б.М.; Министр юстиции Мардиев А.М.; заместитель министра МВД, начальных Следственного управления Бурханов К.Н.

Для обсуждения отдельных положений проекта привлекались ведущие специалисты различных министерств и ведомств. Проект был направлен на независимую экспертизу во все заинтересованные ведомства, их региональные подразделения, образовательные и научные учреждения, а также ведущим специалистам и правоведам. Было получено более 200 предложений, которые были изучены комиссией, и многие из них впоследствии были приняты. Обсуждение было завершено в августе 1994 г. и проект был внесён для рассмотрения и утверждения на шестнадцатую сессию Верховного Совета Республики Узбекистан двенадцатого созыва. 22 сентября 1994 года кодекс был принят и вступил в силу 1 апреля 1995 года.

Использованные источники

1. Мирзиёев Ш.М. Выступление на двадцатом пленарном заседании Сената Олий Мажлиса // Светлой и благополучной будет жизнь народа, имеющего благородные устремления и великие цели. Т.3. – Ташкент, 2019. – С. 141.
2. Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1995 г., № 1, ст. 2.
3.Национальная база данных законодательства. 21.09.2024 г., № 03/24/963/0735.
4. Закон (№ ЗРУ-837) Республики Узбекистан от 1 мая 2023 года «О Конституции Республики Узбекистан» // Национальная база данных законодательства. 01.05.2023 г., № 03/23/837/0241.
5. Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 2001 г., № 9-10, ст.166.
6. Закон Республики Узбекистан от 11 июля 2007 года № ЗРУ-99 – Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 2007 г., № 6, ст.248.
7. Национальная база данных законодательства. 07.12.2021 г., № 03/21/735/1141.
8. Закон Республики Узбекистан от 30 апреля 2013 года № ЗРУ-352 и 9 января 2019 года № ЗРУ-514 – Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2013 г., № 18, ст. 233; 2019 г. № 1-2, ст.3.
9. Национальная база данных законодательства. 12.04.2023 г., № 03/23/8293/0208.
10. Закон Республики Узбекистан от 25 апреля 2016 года № ЗРУ-405. Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2016 г., № 17, ст. 173.
11. Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2018 г., № 2, ст. 211.
12. Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2013 г., № 1, ст. 1.

CRIMINAL-LAW CHARACTERISTICS AND CLASSIFICATION OF CRIMES AGAINST JUSTICE

YUSUPOV
Bekhzodjon Farkhodovich
Tashkent State University of Law
Independent Researcher

Abstract. *The article analyzes the criminal-law concept of crimes against justice, the generic object that unites them into a single system, and the criteria for their classification. It substantiates the need to interpret the term “justice” in a broad functional sense for the purposes of Chapter XVI of the Special Part of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan. It is demonstrated that, in addition to judicial activity, this concept encompasses relations connected with inquiry, preliminary investigation, prosecutorial supervision, evidence, enforcement of judicial acts, and the protection of procedural information.*
Keywords: *justice, crimes against justice, object of crime, generic object, immediate object, classification, procedural activity, judicial independence, evidence, digital justice.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada odil sudlovga qarshi jinoyatlarning jinoyat-huquqiy tushunchasi, ularni yaxlit tizimga birlashtiruvchi turdosh obyekt va ularni tasniflash mezonlari ko'rib chiqiladi. O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksi Maxsus qismining XVI bobi maqsadlari uchun “odil sudlov” atamasini keng va funksional talqin qilish zarurligi asoslab berilgan. Shu ma'noda, odil sudlov nafaqat sudlar tomonidan qaror qabul qilishni, balki surishtiruv, dastlabki tergov, prokuror nazorati, isbotlov faoliyati, sud hujjatlarini ijro etish va protsessual axborotni himoya qilishni ham o'z ichiga oladi.*
Kalit so'zlar: *odil sudlov, odil sudlovga qarshi jinoyatlar, jinoyat obyekti, turdosh obyekt, bevosita obyekt, tasniflash, protsessual faoliyat, sud mustaqilligi, dalillar, raqamli odil sudlov.*

Аннотация. *В статье рассматривается уголовно-правовая концепция преступлений против правосудия, родовой объект, объединяющий их в единую систему, и критерии их классификации. Обоснована необходимость широкого функционального понимания термина “правосудие” в целях XVI главы Особенной части Уголовного кодекса Республики Узбекистан. В этом смысле правосудие включает в себя не только деятельность судов, но и дознание, предварительное следствие, прокурорский надзор, доказательственную деятельность, исполнение судебных актов и защиту процессуального информационного режима.*
Ключевые слова: *правосудие, преступления против правосудия, объект преступления, общий объект, непосредственный объект, классификация, процессуальная деятельность, судебная независимость, доказательства, цифровое правосудие.*

In a state governed by the rule of law, justice is one of the most important institutional guarantees for protecting the interests of the individual, society, and the state. Unless the independence of the judiciary, the lawful, impartial, and fair resolution of cases, the reliability of evidence, and the mandatory enforcement of judicial acts are ensured, the rights proclaimed in the Constitution and laws cannot acquire real substance. Therefore, the criminal-law protection of the interests of justice constitutes a distinct area of the state's law-enforcement policy.

Chapter XVI of the Special Part of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan establishes liability for crimes against justice. This chapter brings together substantively diverse acts, ranging from knowingly prosecuting an innocent person to falsifying evidence, unlawful detention, torture,

interference in investigation or judicial proceedings, perjury, non-enforcement of a judicial act, and intentional concealment of a crime from official registration. Identifying the feature that unites these offences into a single system and the criteria for dividing them into internal groups is important not only theoretically, but also for legal qualification and differentiation from related offences [1].

Digitalization further increases the relevance of this issue. Electronic case management, digital evidence, automated case-allocation systems, remote court hearings, and electronic enforcement mechanisms are transforming the way justice is administered. Consequently, the subject matter, methods, and means of criminal encroachment are also acquiring a digital character, requiring traditional classifications to be reconsidered.

The purpose of this article is to define the concept of crimes against justice, disclose the criminal-law meaning of the term “justice,” and systematize the offences contained in Chapter XVI of the Criminal Code on the basis of their immediate object and the characteristics of the digital environment.

The criminal-law meaning of the concept of “justice”

Legal scholarship has developed both narrow and broad approaches to defining the concept of “justice.” Under the narrow, constitutional–procedural approach, justice is state activity carried out exclusively by courts through constitutional, civil, criminal, economic, and administrative proceedings. This approach derives from the constitutional principles of judicial independence and the exclusive authority of courts to administer justice [2].

However, the content of Chapter XVI of the Criminal Code demonstrates that justice is not confined to the judicial stage alone. The chapter also protects relations connected with the activities of inquiry officers, investigators, prosecutors, operational-search officers, state enforcement officers, witnesses, experts, interpreters, and other participants in proceedings. For example, falsification of evidence, unlawful detention, torture, or disclosure of preliminary investigation data often occurs before a case reaches court. Nevertheless, the legislature has included such acts within the system of crimes against justice.

Accordingly, within criminal law, justice denotes a broader functional system than the court's activity of rendering a final decision. It begins with the receipt and registration of information about a crime and extends through pre-investigation review, inquiry, preliminary investigation, prosecutorial supervision, trial, and enforcement of the judicial act [3].

This broad interpretation does not contradict the constitutional rule that “justice shall be administered only by a court.” In the constitutional sense, justice refers to the authority to deliver a judgment or another judicial act; for the purposes of Chapter XVI of the Criminal Code, however, the term functions as a special criminal-law category encompassing the entire environment that ensures the legality and fairness of judicial decisions.

In this sense, the interests of justice should be understood as a system of social relations connected with the lawful, independent, impartial, comprehensive, and complete conduct of procedural activity; the establishment of legally relevant truth on the basis of reliable evidence; the protection of procedural rights; and the timely and full enforcement of judicial acts.

The generic object of crimes against justice

The principal criterion for systematizing offences in the Special Part of the Criminal Code is their object. The general object of crimes against justice is the body of social relations in the sphere of exercising state power, while their generic object is the lawful procedural activity through which the tasks of justice are performed and secured.

In legal literature, the generic object of these crimes is described as the “normal activity of courts and law-enforcement bodies,” the “interests of justice authorities,” or “relations concerning the exercise of judicial power” Yet emphasizing only the “normal activity” of institutions narrows the content of the object to an organizational framework. Criminal law protects not merely the operating routine of a particular body, but above all the legality and fairness of the process and its capacity to establish the truth [4].

Crimes against justice must also be distinguished from official misconduct offences. Although certain acts are committed by officials

through the use of official authority, their principal immediate object is not the general functioning of the state apparatus, but the legality of a procedural decision in a specific case, an individual's procedural freedom, or the reliability of the evidentiary process. Therefore, for qualification purposes, the decisive factor is not simply the presence of an official perpetrator or the use of official powers, but the primary direction of the encroachment [5].

In the digital environment, this boundary becomes even more complex. For example, unauthorized access to a judicial information system may simultaneously harm information security and the interests of justice. In such cases, it is necessary to determine which social relation was primarily targeted, the procedural status of the information, and the effect of the encroachment on the outcome of the court or investigation.

The concept of crimes against justice

The following features should be taken into account when formulating the concept of crimes against justice. First, all such crimes encroach upon the interests of justice, namely the lawful and fair conduct of procedural activity. Second, the perpetrators are not uniform: these offences may be committed by special subjects, such as an inquiry officer, investigator, prosecutor, judge, or state enforcement officer, as well as by general subjects, including witnesses, victims, experts, interpreters, convicted persons, or other individuals [6].

Third, the encroachment may take various forms: bringing an unfounded accusation or issuing an unjust decision; falsifying evidence and distorting the truth; obstructing or interfering with proceedings; violating an individual's freedom and dignity; disclosing information subject to confidentiality; concealing a crime; or failing to enforce a judicial act. Fourth, these acts are generally intentional, because the offender understands that he or she is unlawfully affecting procedural order or the outcome of justice.

On this basis, the following authorial definition may be proposed: crimes against justice are a set of socially dangerous intentional acts prohibited under threat of punishment by criminal law, committed by inquiry officers, investigators, prosecutors, judges, other persons assisting in the administration of justice, or participants in procedural relations, and encroaching upon the lawful, independent, comprehensive, complete, and impartial conduct of procedural activity.

The advantage of this definition is that it identifies the object through the functional quality of the process rather than the organizational activity of particular institutions; encompasses both special and general subjects; and unites both obstruction and distortion of procedural truth.

Theoretical and practical significance of classification

Classification reveals the common and distinguishing features of related offence structures by dividing them into scientifically grounded groups. It facilitates the systematic interpretation of Criminal Code provisions, identification of the immediate object, differentiation of offences from each other and from offences in adjacent chapters, and detection of legislative gaps [7].

Crimes against justice may be classified according to various criteria. By subject, they may be divided into: (a) offences committed by officials administering or supporting justice; (b) offences committed by participants in proceedings; and (c) offences committed by other persons. By procedural stage, they may be divided into offences against pre-trial proceedings, trial proceedings, and enforcement of judicial acts [8].

However, neither the subject criterion nor the procedural-stage criterion makes it possible to arrange all offences consistently. Some offences may be committed at several stages, while certain provisions envisage different categories of subjects. Therefore, the immediate object–namely, the specific procedural value or relation targeted by the offence–should serve as the principal criterion for classification [9].

Six functional groups according to the immediate object

1. Crimes against the legality and fairness of accusation and procedural decisions. This group includes knowingly prosecuting an innocent person (Article 230 of the Criminal Code) and knowingly rendering an unjust judgment, decision, ruling, or order (Article 231). Their common feature is the adoption of an unlawful procedural decision

against a person through the exercise of prosecutorial or judicial authority. The immediate object is the well-founded nature of the accusation and the legality and fairness of the judicial decision.

2. Crimes against the process of proof and establishment of truth. This group includes falsification of evidence, falsification of the results of operational-search activity, knowingly false reporting, perjury, a knowingly false expert opinion, incorrect interpretation, and refusal to testify (Articles 230¹, 230², 237, 238, and 240 of the Criminal Code). These acts undermine the establishment of procedural truth on the basis of reliable sources. In the context of digital evidence, altering file metadata, editing an electronic recording, or creating a deepfake through artificial intelligence may constitute modern forms of this group [10].

3. Crimes involving unlawful interference with the independence and impartiality of procedural activity. This group combines interference with the enforcement of judicial acts and interference with inquiry, preliminary investigation, or adjudication (Articles 232¹ and 236 of the Criminal Code). Their immediate object is the activity of procedural decision-makers free from external pressure and the independence of courts and investigative bodies. Interference may take traditional forms, such as oral instructions, threats, or offers of benefit, as well as digital forms, including manipulation of automated case allocation or transmission of unlawful instructions through a personal electronic account [11].

4. Crimes against relations guaranteeing an individual's procedural freedom, inviolability, and dignity. Unlawful detention or arrest and torture (Articles 234 and 235 of the Criminal Code) constitute this group. These offences directly violate the humaneness of justice and the principle of respect for individual rights. Information obtained through unlawful procedural coercion cannot constitute reliable evidence; therefore, protection of personal inviolability is inseparable from the process of establishing the truth.

5. Crimes against the procedural information regime and the system of crime registration. Disclosure of inquiry or preliminary investigation data, failure to report or concealment of a crime, and intentional concealment of a crime from official registration (Articles 239, 241, and 241¹ of the Criminal Code) belong to this group. The immediate object is the legally established regime of procedural information, the completeness of crime-related data, and the reliability of state registration. Deleting an entry from an electronic register, moving it to another category, or entering false data directly encroaches upon these relations [12].

6. Crimes against relations ensuring the binding force and enforcement of procedural acts. Failure to enforce a judicial act and unlawful disposal of seized property (Articles 232 and 233 of the Criminal Code) form this group. Without effective enforcement, justice remains merely declaratory. The immediate object of these crimes is therefore the binding force of judicial and other procedural acts and the lawful functioning of the enforcement system.

Additional classification in the context of digitalization

Classification by immediate object reveals the socio-legal nature of the offences. In the context of digitalization, however, an additional criterion is needed to account for the form and environment in which the act is committed. Technology may serve merely as an instrument of the offence, constitute the environment in which it is committed, or become the direct subject of encroachment.

The first type comprises offences committed in traditional form. These involve paper documents, direct communication, physical pressure, or conventional organizational influence. Examples include orally threatening a witness, falsifying a paper record, or failing to enforce a judicial act.

The second type consists of acts in which information and communication technologies serve as the means of committing the offence. Examples include sending a forged email, editing an audio recording, pressuring a judge through social media, or disseminating investigation data through a messaging application. Here, the principal object of encroachment remains the interests of justice, while technology functions as the method of commission.

The third type comprises crimes directly encroaching upon the digital infrastructure of justice and the integrity of electronic information. Examples include deleting or altering electronic evidence, interfering with an automated court-case allocation system, or creating a false entry in an electronic crime register. In such cases, the digital system is not merely an instrument, but a functional component of justice and the subject matter of the offence [13].

This additional classification assists in evaluating whether legal provisions correspond to digital reality, identifying the need to expressly include electronic objects in statutory dispositions, and determining whether the use of information technologies should constitute a qualifying circumstance [14].

Significance of classification for legal qualification and legislation

The first practical function of the proposed six-group classification is to distinguish related and similar offences. For example, alteration of electronic evidence may outwardly resemble a violation of informatization rules or unlawful access to computer information. If the act is committed to distort the truth in a particular proceeding and influence the decision, however, the principal object is the evidentiary relation.

The second function is to determine priority among competing provisions. The criteria of the principal immediate object, special subject matter, offender, and purpose must be applied comprehensively. Where a special provision on crimes against justice fully covers all features of the act, additional qualification under a general official-misconduct or information-technology provision may be unnecessary. Where real harm is caused to an independent additional object, however, a concurrence of offences arises.

The third function is to improve the internal structure of Chapter XVI of the Criminal Code. The existing provisions are arranged in a historically developed sequence, and their functional interrelationship is not always apparent. In future codification, organizing the provisions according to the proposed groups would make the logic of the chapter clearer for law-enforcement authorities.

The fourth function is to develop interpretative guidance from the Plenum of the Supreme Court. Such guidance should explain the broad functional meaning of “justice” for the purposes of Chapter XVI, the generic and principal immediate objects of the offences, and the criteria for qualifying encroachments upon digital evidence and electronic information systems.

The fifth function is to unify the elements relating to digital acts. Provisions on falsification of evidence should expressly refer to electronic (digital) evidence and its source; provisions on interference should cover automated information systems; and provisions concerning information regimes should expressly include electronic registers and digital data. This would ensure the principles of legal certainty and legality in criminal law.

Crimes against justice encroach not upon the activity of a single institution, but upon a complex system of procedural relations ensuring that the outcome of justice is lawful, impartial, and fair. Therefore, for the purposes of Chapter XVI of the Criminal Code, the term “justice” must be understood in a broad functional sense. Alongside judicial activity, it encompasses inquiry, investigation, prosecutorial supervision, evidence, protection of procedural information, and enforcement of judicial acts.

The generic object of crimes against justice is the body of social relations ensuring that procedural activity is conducted in accordance with law, independently, comprehensively, completely, and impartially. Unlike organizational formulations such as the “normal activity of institutions,” this approach reveals the functional substance of criminal-law protection.

Based on the criterion of the immediate object, the crimes contained in Chapter XVI of the Criminal Code may be divided into six functional groups: (1) crimes against the legality and fairness of accusation and procedural decisions; (2) crimes against the process of proof and establishment of truth; (3) crimes involving interference with procedural independence and impartiality; (4) crimes against an individual's procedural freedom, inviolability, and dignity; (5) crimes against the procedural information regime and crime-registration system; and (6) crimes against the binding force and enforcement of procedural acts.

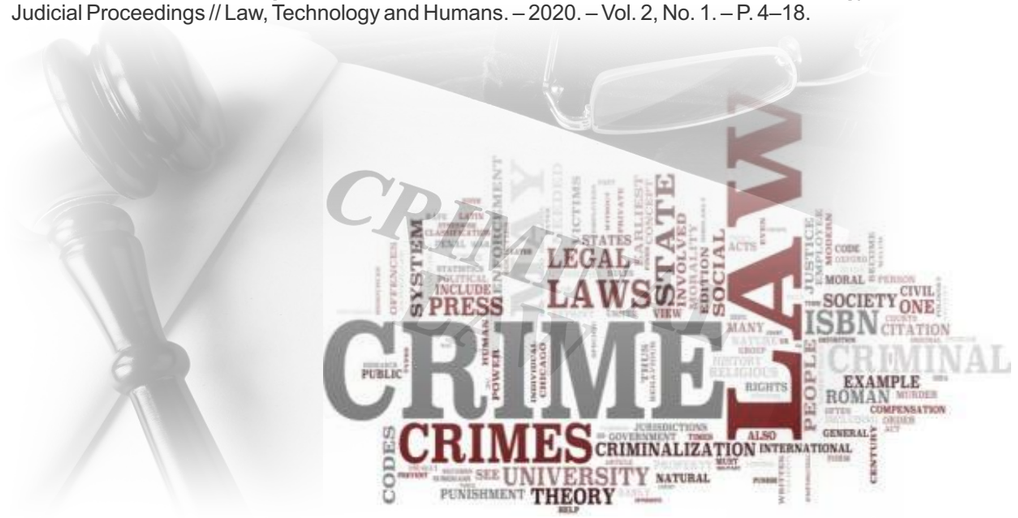
In the context of digitalization, this basic classification should be supplemented by an

additional division according to the form and environment of commission. Distinguishing between traditionally committed offences, offences committed through information technologies, and offences directly targeting the digital infrastructure of justice serves to adapt criminal law to technological reality and ensure legality in qualification.

The proposed concept may serve as a unified methodological basis for the systematic interpretation of Chapter XVI of the Criminal Code, differentiation of competing offence structures, legal assessment of digital encroachments, and improvement of legislation.

References

1. Ўзбекистон Республикасининг Жиноят кодекси. Қонунчилик маълумотлари миллий базаси.
2. Ўзбекистон Республикаси Конституцияси. – Тошкент, 2023.
3. Кабулов Р., Отажонов А.А. Одил судловга қарши жиноятлар: ўқув қўлланма. – Тошкент: Ўзбекистон Республикаси ИИВ Академияси, 2013.
4. Гулямов З.Х. Проблемы борьбы с преступлениями против правосудия: теория и практика: дисс. ... докт. юрид. наук. – Ташкент, 2003.
5. Рустамбаев М.Ҳ. Ўзбекистон Республикасининг Жиноят кодексига шарҳлар. Махсус қисм. Т. 3. – Тошкент: Yuridik adabiyotlar publish, 2021.
6. Жиноят ҳуқуқи. Махсус қисм: дарслик / Ш.Т. Икрамов, Р. Кабулов, А. Отажонов ва бошқ.; масъул муҳаррир Ш.Т. Икрамов. – Тошкент: Ўзбекистон Республикаси ИИВ Академияси, 2016.
7. Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения: дисс. ... докт. юрид. наук. – Владивосток, 2007.
8. Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: дисс. ... докт. юрид. наук. – Казань, 2000.
9. Федоров А.В. Понятие и классификация преступлений против правосудия: дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2004.
10. Grimm P.W., Grossman M.R., Cormack G.V. Artificial Intelligence as Evidence // Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property. – 2021. – Vol. 19, No. 1. – P. 9–106.
11. Saldi I., Yuliandri F.A., Hilaire T. Obstruction of justice in the effort to eradicate corruption in Indonesia // International Journal of Law, Crime and Justice. – 2017. – Vol. 51. – P. 72–83.
12. Borovyk A., Hrynkiv O., Olieinikov D., Derevyanko N. Obstruction of law enforcement and judiciary functions: criminal offense in comparative dimension // Amazonia Investiga. – 2023. – Vol. 12, No. 65. – P. 185–195.
13. Stoykova R. The Right to a Fair Trial as a Conceptual Framework for Digital Evidence Rules in Criminal Investigations // Computer Law & Security Review. – 2023. – Vol. 49. – Article 105801.
14. Contini F. Artificial Intelligence and the Transformation of Humans, Law and Technology Interactions in Judicial Proceedings // Law, Technology and Humans. – 2020. – Vol. 2, No. 1. – P. 4–18.

YANGI O‘ZBEKISTON SHAROITIDA NARKOJINOYATCHILIKKA QARSHI KURASHISHNING KONSYEPTUAL PARADIGMALARI: QONUNCHILIK EVOLYUTSIYASI, KRIMINOLOGIK DETERMINANTLAR VA ILG‘OR XORIJIY TAJRIBA IMPLEMENTATSIYASI

MAXMUDOV
Dilmurod Rozmetovich
O‘zbekiston Respublikasi IIV Akademiyasi,
yuridik fanlar doktori, dotsent

MAXMUDOV
Kamoliddin Rozmetovich
Toshkent Kimyo halqaro universiteti,
Samarqand filiali mustaqil izlanuvchisi

Annotatsiya. *Mazkur maqolada globallashuv va raqamlashtirish sharoitida Yangi O‘zbekistonda narkojinoyatchilikka qarshi kurashishning o‘ziga xos huquqiy va kriminologik xususiyatlari tizimli tahlil qilingan. Tadqiqot obyekti sifatida milliy jinoyat qonunchiligidagi konseptual yangilanishlar, xususan, xufiyona narkolaboratoriyalar hamda bangixonalarni tashkil etish bilan bog‘liq qilmishlar uchun javobgarlikning qat’iylashtirilishi tadqiq etilgan. Maqolada kibermakondagi (darknet) narkotrafik va sintetik psixofaol moddalarning tarqalish xavfi viktimologik va kriminologik nuqtayi nazardan baholanib, Singapur, Saudiya Arabistoni hamda Yaponiyaning jazolovchi (punitive) huquqiy siyosati qiyosiy o‘rganilgan. G.L. Paker (H.L. Packer) va R. Klark (R. Clarke) kabi olimlarning ilmiy-nazariy qarashlariga asoslangan holda, milliy huquqni qo‘llash amaliyotiga “tarqatish maqsadi prezumpsiyasi”ni joriy etish va virtual makondagi narkosavdo elementlarini obyektiv jihatdan qayta kvalifikatsiya qilish bo‘yicha fundamental ilmiy-amaliy takliflar ishlab chiqilgan.*
Kalit so‘zlar: *transtulut narkojinoyatchilik, kiber-narkomakon, tarqatish prezumpsiyasi, kriminologik determinantlar, vaziyatli profilaktika, jinoyat nazorati modeli.*

Аннотация*. В исследовании представлен системный анализ правовых и криминологических особенностей противодействия наркопреступности в Новом Узбекистане в условиях цифровизации. Объектом анализа выступают новеллы национального законодательства, в частности, ужесточение ответственности за организацию подпольных нарколабораторий и притонов. С виктимологической и криминологической точек зрения оценены угрозы наркотрафика в даркнете и распространения синтетических веществ. Проведен сравнительный анализ жесткой (punitive) правовой политики Сингапура, Саудовской Аравии и Японии. Опираясь на концепции Г.Л. Пакера и Р. Кларка, авторами разработаны научно-практические предложения по внедрению в отечественную практику «презумпции цели сбыта» и квалификации наркоторговли в виртуальном пространстве.*
Ключевые слова: *транснациональная наркопреступность, кибернаркопространство, презумпция сбыта, криминологические детерминанты, ситуационная профилактика, модель контроля над преступностью.*

Abstract. *This study provides a systematic analysis of the specific legal and criminological features of countering drug-related crimes in New Uzbekistan under the conditions of globalization and digitalization. The object of the research encompasses the conceptual innovations of national criminal legislation, particularly the tightening of liability for organizing clandestine drug laboratories and drug dens. The article evaluates the threats of cyber-drug trafficking (darknet) and the proliferation of synthetic psychoactive substances from victimological and criminological perspectives, conducting a comparative analysis of the punitive legal policies of Singapore, Saudi Arabia, and Japan. Based on the scientific and theoretical views of scholars such as H.L. Packer and R. Clarke, fundamental scientific and practical proposals have been developed to introduce the "presumption of trafficking intent" into national law enforcement practice and to objectively re-qualify elements of the drug trade in the virtual space.*
Keywords: *transnational drug crime, cyber-drug space, presumption of trafficking, criminological determinants, situational prevention, crime control model.*

Hozirgi globallashuv va raqamlashtirish jarayonida giyohvandlik hamda narkojinoyatchilik nafaqat milliy xavfsizlikka, balki butun insoniyat genofondi va davlatlarning institutsional barqarorligiga putur yetkazuvchi transtulut tahdidlardan biriga aylandi. Birlashgan Millatlar Tashkilotining Narkotiklar va jinoyatchilik bo‘yicha boshqarmasi (UNODC) tomonidan taqdim etilgan “World Drug Report 2026” global hisoboti ma’lumotlari global narkobozorning misli ko‘rilmagan darajada eskalatsiyaga uchrayotganini real faktlar bilan tasdiqlaydi [1]. Statistik tahlillarga muvofiq, so‘nggi o‘n yillikda giyohvandlik moddalari iste’molchilarining soni 34 foizga oshib, 331 million nafarni, ya’ni 15–64 yosh toifasidagi yer yuzi aholisining 6,2 foizini tashkil etgan. Ushbu kriminogen vaziyatning eng xavfli jihati shundaki, an’anaviy fito (o‘simlik) giyohvandlik vositalari o‘rnini jadal ravishda sintetik narkotiklar va yangi psixofaol moddalar (NPS) egallamoqda. Birgina 2024-yil mobaynida 755 turdagi yangi psixofaol moddalarning muomalaga kiritilishi transmilliy narkobozorning kimyoviy va texnologik jihatdan qanchalik tezkor adaptatsiya xususiyatiga ega ekanligini namoyon qiladi.

Geosiyosiy va kriminologik nuqtayi nazardan, Osiyo mintaqasi global narkojinoyatchilikning eng yirik va murakkab xablaridan biriga aylanib ulgurgan bo‘lib, bu yerda 105 milliondan ziyod shaxs narkotik moddalar iste’molchisi sifatida ro‘yxatga olingan [2]. Mintaqada tibbiy reabilitatsiyaga muhtoj bemorlarning 61 foizi aynan amfetamin tipidagi stimulyatorlar (ATS) qaramligidan aziyat chekmoqda.

Mazkur destruktiv tendensiyalar O‘zbekiston Respublikasining milliy xavfsizlik tizimiga ham o‘zining bevosita salbiy ta’sirini o‘tkazmoqda. Xususan, uyushgan transchegaraviy jinoiy guruhlar tomonidan virtual makon (darknet), telegram-botlar va yuqori darajada shifrlangan aloqa kanallaridan foydalangan holda, giyohvandlik vositalarining “kontaktsiz” (yashirin joylab ketish – zakladka) usulida distributsiya qilinishi huquqni muhofaza qiluvchi organlar oldiga mutlaqo yangi kiber-huquqiy va tezkor-texnologik vazifalarni qo‘ymoqda [3]. Bunga parallel ravishda, yoshlar va voyaga yetmaganlar kontingenti orasida “dorixona giyohvandligi”ning keng ommalashishi, shuningdek, kuchli ta’sir qiluvchi farmatsevtik preparatlarning notibbiy (rekreatsion) maqsadlarda nazoratsiz iste’mol qilinishi jamiyatning axloqiy negizlari va oila institutining barqarorligiga to‘g‘ridan-to‘g‘ri xavf tug‘dirmoqda.

O‘zbekistonda Prezident Sh.M. Mirziyoyev tashabbusi bilan giyohvandlikka qarshi kurashish davlat siyosatining ustuvor yo‘nalishlaridan biriga aylandi. Davlatimiz rahbarining bevosita boshchiligida sohaning huquqiy poydevorini tubdan isloh qilish, javobgarlik muqarrarligini ta’minlash va jamiyatda giyohvandlikka nisbatan *“nol toqatsizlik” (zero tolerance)* immunitetini shakllantirish bo‘yicha keng qamrovli ishlar amalga oshirilmoqda. O‘zbekiston Respublikasining 2026-yil 11-iyunda qabul qilgan “O‘zbekiston Respublikasining ayrim qonun hujjatlariga giyohvandlik vositalari, psixotrop moddalar yoki ularning analoglarining va kuchli ta’sir qiluvchi moddalarning qonunga xilof muomalasi uchun javobgarlikni takomillashtirishga qaratilgan qo‘shimcha va o‘zgartirishlar kiritish to‘g‘risida”gi O‘RQ-1151-son qonuni (keyingi o‘rinlarda – 1151-sonli qonun) mazkur yo‘nalishdagi eng muhim qadamlardan biri bo‘ldi [5]. Shuningdek, mazkur qonun bilan O‘zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksiga *“Aholi salomatligi va genofondiga qarshi jinoyatlar”* nomli yangi bob kiritilishi, davlatning jinoyatga oid huquqiy himoya obyekti sifatida nafaqat jamoat xavfsizligini, balki butun millatning biologik va ijtimoiy kelajagini e’tirof etganligini anglatadi.

Bundan tashqari, mazkur normativ-huquqiy hujjatning zudlik bilan qabul qilinish zarurati qator *kriminologik, texnologik* va *ijtimoiy-huquqiy determinantlar* bilan bevosita bog‘liq. *Birinchidan,* so‘nggi yillarda mamlakat ichkarisida turli kimyoviy prekursorlardan foydalangan holda yashirin *“narkolaboratoriya”*lar tashkil etish holatlari keskin oshdi [6]. Oldingi qonunchilikda bunday qilmishlar uchun alohida maxsus norma mavjud emas edi, bu esa jinoyatning ijtimoiy xavflilik darajasiga mos jazo tayinlashda sud amaliyotida turli xil yondashuvlar va bo‘shliqlarni yuzaga keltirgan. *Ikkinchidan,* giyohvandlik moddalarini tarqatish usullarining butunlay raqamlashuvi, ya’ni dilerlar va xaridorlar o‘rtasidagi aloqaning Internet va shifrlangan messenjerlar orqali masofadan turib amalga oshirilishi an’anaviy operativ-qidiruv tadbirlarining samaradorligini pasaytirdi [3]. *Uchinchidan,* sintetik narkotiklarning *(masalan, mefedron, alfa-PVP)* organizmga fojiali ta’siri va qaramlikni tez shakllantirish xususiyati an’anaviy vositalardan bir necha barobar yuqori bo‘lsa-da, ularning yuridik klassifikatsiyasi va ularga nisbatan belgilangan sanksiyalar bu tahdidning real ko‘lamiga mos kelmas edi [7].

Ushbu nomutanosibliklarni bartaraf etish maqsadida 1151-sonli qonun bilan Jinoyat kodeksiga bir qator konseptual va sanksiyalari qat’iylashtirilgan yangi moddalar kiritildi:

Ushbu o‘zgartirishlar tarkibida Jinoyat kodeksining yangi *276[1]-moddasi (G‘ayriqonuniy narkolaboratoriya tashkil etish)* alohida ahamiyatga ega. Qonunchilikka ilk bor mazkur tushuncha kiritilib, giyohvandlik vositalarini ishlab chiqarish maqsadida yashirin laboratoriya tashkil etganlik uchun 5 yildan 10 yilgacha ozodlikdan mahrum qilish jazosi belgilandi [5]. Ushbu qilmishning ijtimoiy xavfliligi shundaki, birgina narkolaboratoriya minglab insonlarni zaharlash quvvatiga ega. Shu bois, qonun chiqaruvchi qilmish uyushgan guruh tomonidan yoki uning manfaatlarini ko‘zlab, ikki yoki undan ortiq laboratoriyalar tashkil etgan holda sodir etilsa, jazoni keskin og‘irlashtirib, 15 yildan 20 yilgacha ozodlikdan mahrum qilish jazosini belgiladi [5]. Bundan tashqari, qonunda rag‘batlantiruvchi norma ham o‘z aksini topdi: agar shaxs o‘z ixtiyori bilan aybini bo‘yniga olib, jinoyatni ochishda faol yordam bersa, u jazodan ozod qilinishi mumkinligi ko‘rsatildi. Bu esa uyushgan jinoiy guruhlar ichidagi iyerarxiyani buzish va ularni fosh etishga qaratilgan muhim taktikadir.

Shuningdek, 276[2]-moddada *“Bangixona tashkil qilish yoki saqlash”* uchun 3 yildan 5 yilgacha ozodlikdan mahrum qilish joriy etildi. Agar ushbu jinoyat odam o‘limiga sabab bo‘lsa yoki narkolaboratoriya faoliyati bilan bog‘liq holda sodir etilsa, sanksiya 10 yildan 15 yilgacha ozodlikdan mahrum qilish sifatida qat’iylashtirildi. Kuchli ta’sir qiluvchi yoki zaharli moddalarni qonunga xilof ravishda egallash bilan bog‘liq 276[4]-modda esa o‘g‘rilik yoki firibgarlik yo‘li bilan ushbu moddalarni qo‘lga kiritganlik uchun 5 yilgacha, odam o‘limiga sabab bo‘lsa 5 yildan 10 yilgacha ozodlikdan mahrum qilish jazosini ko‘zda tutadi [5].

Mazkur qonunning akademik va huquqiy mazmuni shundaki, u jinoyat huquqidagi *“javobgarlikning qilmish xususiyatiga mutanosibligi” (proportionality principle)* tamoyilini zamonaviy tahdidlarga to‘liq moslashtirdi. Xususan, telekommunikatsiya tarmoqlaridan va Internet jahon axborot tarmog‘idan foydalanib jinoyat sodir etish og‘irlashtiruvchi holat sifatida *(273- va 274-moddalarga kiritilgan o‘zgartirishlar orqali)* baholanishi kiberjinoyatchilikka qarshi kurashning mustahkam huquqiy asosini yaratdi. Bu esa narkodilerlarning virtual makondagi daxlsizlik illyuziyasini buzib, ularning har qanday raqamli izlari jinoiy javobgarlik uchun asos bo‘lishini qonuniy kafolatladi.

Shuningdek, 1151-sonli qonun qabul qilinganidan so‘ng, ichki ishlar organlari, Davlat xavfsizlik xizmati va Bojxona qo‘mitasi tomonidan respublika bo‘ylab narkojinoyatchilikka qarshi *“Tozalash”, “Qoradori”* kabi keng ko‘lamli tezkor-profilaktik tadbirlar keskin jadallashtirildi. Ijtimoiy tarmoqlar va rasmiy idoralarning axborot xizmatlari tomonidan yoritilayotgan so‘nggi holatlar mazkur turdagi jinoyatlarning fenomenologik qiyofasi qanchalik o‘zgarganini yaqqol ko‘rsatmoqda. Giyohvandlik jinoyatlari endilikda faqatgina marginal qatlamlar yoki og‘ir ijtimoiy ahvoldagi

shaxslar tomonidan emas, balki axborot texnologiyalaridan yaxshi xabardor bo‘lgan yoshlar tomonidan sodir etilmoqda.

Masalan, oxirgi yillarda Toshkent viloyatida *“Qoradori-2025/2026”* tezkor tadbirlari doirasida giyohvandlikka qarshi kurash o‘ta tizimli va manzilli tarzda amalga oshirilmoqda [8]. Ushbu tadbirlar davomida xufiyona laboratoriyalar va yirik narkokuryerlar faoliyatiga chek qo‘yilmoqda. 2026-yilning yanvar oyida Namangan viloyatida o‘tkazilgan muvaffaqiyatli tezkor tadbir natijasida qariyb 21 kg *“gashish”* moddasi muomaladan olindi [9]. Bunday yirik miqdordagi giyohvandlik vositalarining viloyatlar kesimida harakatlanishi ularning ortida kuchli moliyalashtirilgan va puxta rejalashtirilgan transmilliy tarmoqlar turganini tasdiqlaydi.

Jinoyat ishlari bo‘yicha Jizzax shahar sudi tomonidan taqdim etilgan ma’lumotlarga ko‘ra, 2026-yilning birinchi choragida giyohvandlikka oid 7 ta jinoyat ishi ko‘rib chiqilib, 7 nafar shaxsga nisbatan turli og‘irlikdagi jazo choralari tayinlangan [10]. Eng achinarli jihati, sudlanuvchilarning aksariyati yoshlar hissasiga to‘g‘ri keladi. Bu raqamlar ortida quruq statistika emas, balki *izdan chiqqan hayot*, *yo‘qotilgan imkoniyat* va *og‘ir taqdirlar* yotibdi. Yoshlarning ushbu jinoyatlarga jalb qilinishi asosan telegram kanallari orqali mo‘may va tez daromad topish va’da qilinishi (asosan “kuryer” va “zakladchik” vazifalari uchun) bilan bevosita bog‘liqdir [3].

Ushbu holatlarni kriminologiya va viktimologiya nuqtayi nazaridan tahlil qiladigan bo‘lsak, muhim ilmiy xulosalarga kelish mumkin. Xususan, huquqshunos olimlar M.H. Rustambayev va S.S. Niyozova ilmiy tadqiqotlarida voyaga yetmaganlar va yoshlarning o‘ziga xos ruhiy-jismoniy xususiyatlari ularning jinoyatga qo‘l urishi yoki qurbonga aylanishidagi asosiy faktorlardan biri ekanligini tahlil qilganlar [11]. Tadqiqotchilarning fikriga ko‘ra, yoshlar o‘zlarining qiziquvchanliklari, ishonuvchanliklari va o‘zgalar ta’siriga tez tushishlari sababli yuqori viktimlikka ega. Oilaviy muhitda nosog‘lomlik, ota-onalarning e’tiborsizligi *(neglect)* va virtual olamdagi nazoratsizlik shaxsda deviant *(huquqqa xilof)* xulq-atvorga moyillikni keltirib chiqaruvchi birlamchi determinantlar hisoblanadi.

Zamonaviy narko-sindikatlar aynan yoshlarning ushbu psixologik zaifligidan, ularning moliyaviy mustaqillikka bo‘lgan intilishidan hamda raqamli texnologiyalardagi savodxonligidan unumli foydalanib, ularni bir martalik jinoyat quroliga aylantirmoqda. Sud-tergov amaliyotining ilmiy tahlili shuni ko‘rsatadiki, tezkor tadbirlar davomida qo‘lga tushgan shaxslarning qariyb 60–70 % sintetik giyohvandlik moddalarini Internet orqali qabul qilib oluvchi va yashiruvchi 18–30 yoshdagi yigit-qizlardir. Bu esa huquqni muhofaza qiluvchi organlar oldiga nafaqat jazo muqarrarligini ta’minlash, balki virtual makondagi operativ-qidiruv faoliyatini *(kiber-intellektni)* keskin kuchaytirish, maktab va oliy ta’lim muassasalarida raqamli gigiyena va huquqiy tarbiyani yangi bosqichga olib chiqish vazifasini qo‘yadi [12].

Shu o‘rinda, giyohvandlik va unga aloqador transmilliy jinoyatlarga qarshi kurashish siyosatini shakllantirishda jahon kriminologiyasi va jinoyat huquqi fanida qator ilmiy-nazariy maktablar shakllanganligiga to‘xtalib o‘tsak. Xususan, AQSHning Stenford universiteti professori, taniqli huquqshunos olim Herbert L. Packer 1964 va 1968-yillarda e’lon qilgan o‘zining fundamental asarlarida jinoiy odil sudlov jarayonining ikkita qarama-qarshi, biroq o‘zaro muvozanatni talab qiluvchi modelini yaratgan: bular *Jinoyat nazorati modeli (Crime Control Model)* va *Tegishli jarayon modeli (Due Process Model)*dir [13].

Herbert L. Packer *“Jinoyat nazorati”* modeliga ko‘ra, jinoyat-protsessual tizimining eng oliy va mutlaq vazifasi jinoiy xulq-atvorni repressiya qilish va jamiyatda tartib hamda xavfsizlikni saqlashdir. Bu model doirasida tizim *“konveyer” (assembly line)* usulida ishlashi lozim: tergov va sud organlari jinoyatchilarni maksimal tezkorlik bilan aniqlab, qog‘ozbozliklarsiz aybini isbotlashi va muqarrar hamda qattiq jazoga tortishi talab etiladi [14]. Ushbu model doirasida narkojinoyatlarga nisbatan nol toqatsizlik *(zero tolerance)* siyosati qo‘llaniladi va huquqni muhofaza qiluvchi organlarning vakolatlari, jumladan, tintuv o‘tkazish, ushlab turish, aloqa kanallarini nazorat qilish imkoniyatlari sezilarli darajada kengaytiriladi [15]. Olimning ta’kidlashicha, agar davlat jinoyatchilikni nazorat qila olmasa, qonunga itoatkor fuqarolarning erkinliklari xavf ostida qoladi. Biroq, buning aksi o‘laroq, *“Tegishli jarayon”* modeli ko‘proq inson huquqlarini himoya qilishga, tizimni *“to‘siqlar yo‘lagi” (obstacle course)* sifatida shakllantirib, tergov xatolarining oldini olishga qaratiladi.

Kriminolog Kent Roach esa Herbert L. Packer tomonidan olib borilgan ilmiy nazariy qarashlarni tanqidiy tahlil qilib, ular faqatgina ayblanuvchi va davlat o‘rtasidagi munosabatlarga qurilganini, biroq jabrlanuvchilarning manfaatlari chetda qolib ketganini ta’kidlaydi [16]. Kent Roach jinoyat protsessining yangi modellarini, xususan, jabrlanuvchilar *(shu jumladan, zaif qatlamlar va yoshlar)* huquqlarini himoya qilishda jazolovchi (punitive) yondashuv zarurligini ilgari surdi. Giyohvandlik moddalari savdosida individual jabrlanuvchi *(masalan, qotillik yoki o‘g‘rilikdagi kabi)* bevosita ko‘zga tashlanmasa-da, butun jamiyat, genofond va oila instituti jabrdiyda hisoblanadi. Shu sababli, narkofurushlarga nisbatan eng og‘ir jazo choralarini qo‘llash davlatning jamiyat oldidagi axloqiy va huquqiy burchi ekanligi ilmiy asoslanadi.

Shuningdek, kriminolog Ronald V. Clarke tomonidan ishlab chiqilgan *“Vaziyatli jinoyatlar profilaktikasi” (Situational Crime Prevention)* nazariyasi bugungi kunda giyohvandlikka qarshi kurashda beqiyos ahamiyatga ega. Ronald V. Clarke fikricha, jinoyatchining shaxsiyati yoki tarbiyasi bilan kurashgandan ko‘ra, jinoyat sodir etish imkoniyatlarini *(makon, vosita va sharoitni)* cheklash orqali jinoyatchilikni keskin pasaytirish mumkin [17]. Ushbu nazariyani bugungi kiber-narkojinoyatlarga tatbiq etadigan bo‘lsak, elektron to‘lov tizimlari *(ayniqsa kriptovalyutalar tranzaksiyalari)* va darknet ustidan qat’iy davlat nazoratini o‘rnatish, shuningdek, narkolaboratoriyalar uchun zarur bo‘lgan prekursorlarning erkin savdosini bloklash aynan vaziyatli profilaktikaning yorqin namunasi hisoblanadi.

Shu o‘rinda, rivojlangan davlatlarning javobgarlikni og‘irlashtiruvchi siyosatini ilmiy tahlil qilish maqsadga muvofiqdir. Xususan, jahon tajribasi shuni ko‘rsatadiki, davlatlarning giyohvandlikka qarshi kurash siyosati asosan ikkita qutbga bo‘linadi. Bular: liberal *(dekriminalizatsiya va zararni kamaytirish)* va konservativ *(qat’iy jazolovchi va yo‘q qilish)* [18]. Amaliyot shuni ko‘rsatmoqdaki, liberal yondashuvni tanlagan qator G‘arb davlatlarida giyohvandlik epidemiyasi nazoratdan chiqib ketmoqda. Biroq, rivojlangan, ayniqsa, Osiyo va Yaqin Sharq mintaqasidagi davlatlar H.L. Packerning *“Jinoyat nazorati”* modeli [19] hamda K.Roachning jazolovchi konsepsiyasiga asoslangan qattiqqo‘l siyosatni qo‘llab, jamiyat xavfsizligini ta’minlashda misli ko‘rilmagan natijalarga erishmoqda [20].

Xususan, ***Saudiya Arabistonida*** giyohvandlik va psixotrop moddalar jinoyatlariga qarshi davlat siyosati Islom shariati tamoyillari va Podshohlikning 1426 hijriy yil (2005-yil milodiy) qabul qilingan *“Narkotik va psixotrop moddalarga qarshi kurashish to‘g‘risida”*gi Qirollik Dekretiga *(Anti-Narcotics Law)* asoslanadi [21]. Mazkur Dekretga muvofiq, giyohvandlik moddalarni kontrabanda qilish *(chegaradan olib o‘tish),* ularni ishlab chiqarish va qasddan takroran sotish eng og‘ir jinoyatlar qatoriga kiritiladi. Saudiya Arabistonning jinoyat-protsessual tizimida ushbu qilmishlarga nisbatan o‘lim jazosi qo‘llaniladi. Bu jazo shariatdagi *“Ta’zir” (qozining yoki davlat rahbarining ixtiyoriga ko‘ra jamiyat manfaatini ko‘zlab beriladigan jazo)* doirasida hamda *“Yerda buzg‘unchilik qilish” (Fasad fil ard)* og‘ir jinoyati sifatida talqin qilinadi [22]. Qonunchilik iste’molchilar uchun tibbiy va ijtimoiy reabilitatsiyani ko‘zda tutuvchi insonparvar shartlarni taqdim etsa-da, narkokuryerlar va tarqatuvchilarga nisbatan hech qanday shafqat qilinmaydi [21]. Xalqaro tashkilotlar, xususan, *Amnesty International* ma’lumotlariga ko‘ra, Saudiya Arabistonida 2026-yilning dastlabki olti oyida giyohvandlik bilan bog‘liq og‘ir jinoyatlar uchun 61 nafar shaxs qatl etilgan bo‘lib, bu raqamlar davlatning mazkur transmilliy illatga nisbatan temir intizom va qat’iy jazo muqarrarligi siyosatini namoyon etadi [23].

Singapur davlati bo‘lsa, bugungi kunda jahonda giyohvandlik moddalari aylanmasi eng past bo‘lgan va aholisi eng xavfsiz hisoblangan sanoqli davlatlardan biridir. Bu barqarorlikning huquqiy poydevori 1973-yilda qabul qilingan *“Giyohvandlik moddalarini suiiste’mol qilish to‘g‘risida”*gi aktga (Misuse of Drugs Act – MDA 1973) borib taqaladi [24]. Singapur jinoyat qonunchiligining eng diqqatga sazovor va boshqa davlatlar o‘rganishi kerak bo‘lgan jihati – *“Tarqatish prezumpsiyasi” (Presumption of trafficking)* institutining mavjudligi. Mazkur aktning 17-moddasiga binoan, agar shaxsning yonidan, uyidan yoki boshqaruvidagi transport vositasidan

O‘z.KTI | Kriminologik faoliyat _ Ilmiy-amaliy jurnal | №3-2026 (8)

qonunda belgilangan hajmdan ortiq giyohvandlik moddasi topilsa (*masalan, 15 gramm geroin, 30 gramm kokain, 250 gramm metamfetamin yoki 500 gramm kannabis),* u avtomatik ravishda *“sotish maqsadini ko‘zlagan tarqatuvchi” (trafficker)* sifatida prezumpsiya qilinadi [25]. Bunda isbotlash majburiyati (burden of proof) tergovchidan ayblanuvchining zimmasiga o‘tadi, ya’ni shaxs ushbu yirik miqdordagi moddani sotish uchun emas, balki faqat o‘zi iste’mol qilish uchun saqlaganligini rad etib bo‘lmas dalillar bilan isbotlab berishi shart. Belgilangan ushbu “o‘lim jazosi chegarasidan” (Mandatory Death Penalty amounts) ortiq modda bilan qo‘lga tushganlar uchun sudning ixtiyorisiz majburiy o‘lim jazosi tayinlanadi *(ba’zi istisnolardan tashqari, masalan, tergov bilan faol hamkorlik qilgan kuryerlarga nisbatan umrbod qamoq va darralash jazosi berilishi mumkin, Section 33B).* Shu bilan birga, Singapur markaziy narkotiklar byurosi (CNB) tomonidan faqat iste’molchi bo‘lgan *(jinoiy motivi yo‘q)* shaxslarni sud jarayonisiz to‘g‘ridan-to‘g‘ri majburiy davolashga va reabilitatsiya markazlariga *(Drug Rehabilitation Centre)* yuborish amaliyoti mavjud [24]. Bu Pakerning *“Jinoyat nazorati”* va sog‘liqni saqlash tizimlarini o‘zida mukammal uyg‘unlashtirgan o‘ziga xos milliy tizimdir.

Shuningdek, ***Yaponiya*** qonunchiligi ko‘ra mamlakatda *“Stimulyatorlarni nazorat qilish to‘g‘risida”*gi qonuni (Stimulants Control Act) giyohvandlikka nisbatan murosasiz va *“nol toqatsizlik” (zero tolerance)* pozitsiyasida turadi [26]. G‘arbning aksariyat davlatlaridan farqli o‘laroq, Yaponiyada nafaqat giyohvandlik moddalarini sotish, balki birinchi marta oz miqdorda bo‘lsa-da iste’mol qilish ham og‘ir jinoyat sifatida baholanadi va real ozodlikdan mahrum qilish bilan jazolanadi. Yaponiya hukumati global minbarlarda, jumladan BMT sessiyalarida ham narkotiklar bo‘yicha *“zararni kamaytirish”* siyosatini qat’iyan rad etib keladi va asosiy maqsad faqat *“giyohvandliksiz jamiyat”* qurish ekanligini ta’kidlaydi. Yaponiyada jamoatchilikning kuchli qoralashi *(ijtimoiy stigma)* qonunning jazolovchi kuchi bilan birlashib, yuqori tiyib turuvchi *(deterrence)* effektni yaratadi va butun mamlakat bo‘ylab jinoyatchilik darajasining minimal ko‘rsatkichda saqlanishini ta’minlaydi.

Olimlarning nazariy tahlillari va mazkur davlatlarning amaliy tajribasi shuni ko‘rsatadiki, giyohvandlik moddalari savdosi kabi transmilliy va o‘ta yuqori daromadli jinoyatlarni faqatgina *H.L. Packerning* “The Limits of the Criminal Sanction” va *K.Roachning* “Four Models of the Criminal Process” nomli modellarini milliy qonunchilikka qat’iy tatbiq etish orqaligina jilovlash mumkin [27].

Yuqorida keltirilgan xorijiy davlatlar *(ayniqsa Singapur)ning* ilg‘or huquqiy siyosati va kriminolog olimlarning nazariy qarashlarini O‘zbekiston Respublikasi milliy qonunchiligiga implementatsiya qilish bugungi kunning eng dolzarb vazifalaridan biridir. Ayni paytda, O‘zbekiston Respublikasi sudlari tomonidan giyohvandlikka oid ishlarni ko‘rishda Oliy sud Plenumining 2017-yil 28-apreldagi 12-sonli *“Giyohvandlik vositalari, ularning analoglari va psixotrop moddalar bilan qonunga xilof ravishda muomala qilishga oid jinoyat ishlari bo‘yicha sud amaliyoti to‘g‘risida”*gi qarori asosiy rahbariy ko‘rsatma bo‘lib xizmat qilmoqda [28]. Biroq, 1151-sonli qonunning yaqindagina qabul qilinishi va kiber-narkojinoyatlarning urchishi mazkur Plenum qarorini konseptual jihatdan modernizatsiya qilishni taqozo etadi.

Shu maqsadda quyidagi ilmiy-amaliy va huquqiy takliflarimizni ilgari suramiz:

Birinchidan, ***Singapur modeli asosida giyohvandlik moddalarni “tarqatish maqsadi prezumpsiyasi”ni joriy etish.*** Amaldagi jinoyat qonunchiligimizda va Plenum qarorida shaxsning yonidan juda ko‘p miqdorda giyohvandlik moddasi topilsa-da, agar uning ushbu moddalarni sotish niyati (qasdi) tergov organlari tomonidan aniq faktlar (nazorat xaridi, telefon so‘zlashuvlari, guvohlar ko‘rsatmasi) bilan isbotlanmasa, u JKning 276-moddasi *(o‘tkazish maqsadini ko‘zlamay saqlash)* bilan javobgarlikka tortiladi. Bu esa aybsizlik prezumpsiyasini suiiste’mol qilib, asl yirik narkofurushlarning sudda yengil jazo bilan qutulib qolishiga olib kelmoqda.

Implementatsiya mexanizmi. Oliy sud Plenumining 12-sonli qaroriga Singapurning “MDA 1973” qonunchiligi (17-moddasi) [29] tajribasi asosida quyidagi mazmundagi tushuntirish xati (yangi band) kiritilishi taklif etiladi: “*Tergov va sud organlarining e’tibori qaratilsinki, agar shaxs tomonidan qonunga xilof ravishda olingan, saqlangan, tashilayotgan yoki jo‘natilayotgan giyohvandlik vositasi, uning analogi yoki psixotrop moddaning miqdori qonunchilikda belgilangan “ko‘p miqdor” (yoki yangidan joriy etilishi taklif qilinayotgan “juda ko‘p miqdorda”) mezonidan oshib ketsa, ushbu holat o‘z-o‘zidan mazkur moddalarni o‘tkazish maqsadida qilingan harakat sifatida (JKning 273-moddasi) baholanishi lozim. Shaxsning ushbu moddalarni faqat shaxsiy iste’mol uchun saqlaganligi haqidagi vajlari uning o‘zi tomonidan inkor etib bo‘lmas obyektiv dalillar bilan tasdiqlanmagunga qadar, qilmish o‘tkazish qasdi bilan sodir etilgan deb hisoblanadi”.* Ushbu normaning joriy etilishi isbotlash majburiyatining bir qismini *(burden of proof)* ayblanuvchiga yuklaydi. Garchi bu klassik aybsizlik prezumpsiyasiga biroz ziddek tuyulsa-da, narkojinoyatlarning yuqori ijtimoiy xavfliligi inobatga olinsa, bu *H.L. Packer* tomonidan ishlab chiqilgan “Jinoyat nazorati” konsepsiyasiga hamda milliy xavfsizlik manfaatlariga to‘la mos tushadi [30].

Ikkinchidan, ***Iber-makondagi “narkosavdo” tushunchasini kengaytirish va virtual aktivlarni ashyoviy dalil sifatida mustahkamlash.*** Amaldagi Plenum qarorining 21-bandida giyohvandlik vositalarini qonunga xilof ravishda o‘tkazish deganda *“ularni turlicha usulda haq evaziga yoki tekinga (sotish, hadya etish, almashtirish, qarzi evaziga yoki qarz sifatida va h.k.) boshqa shaxsga berish tushunilishi lozim”* deb ko‘rsatilgan [28]. Ammo zamonaviy *“kontaktsiz” (darknet, zakladka)* sotuv jarayonida diler va xaridor o‘rtasida jismoniy berish jarayoni umuman mavjud emas. Ular faqatgina raqamli ma’lumot almashadilar. *Implementatsiya mexanizmi:* 12-sonli Plenum qarorining 21-bandi quyidagi zamonaviy mazmun bilan to‘ldirilishi va kengaytirilishi lozim: “*Giyohvandlik vositalarini xufiyona joylarga yashirish (zakladka) va ularning geolokatsiya koordinatalarini yoki fotosuratlarini Internet jahon axborot tarmog‘i (shu jumladan, darknet va shifrlangan messenjerlar) orqali boshqa shaxsga yuborish, shuningdek, buning evaziga elektron to‘lov tizimlari, bank kartalari yoki virtual aktivlar (kriptovalyutalar) orqali moliyaviy mablag‘ qabul qilib olish – modda fizik jihatdan xaridor qo‘liga tegishidan qat’i nazar, jinoyatni o‘tkazish sifatida tugallangan (JKning 273-moddasi) deb topilishiga asos bo‘ladi”.* Bunday talqin Oliy sud Plenumining 2020-yil 3-iyuldagi 12-sonli o‘zgartirishlaridagi virtual mulk *(FK 169-moddasi)* konsepsiyasini narkojinoyatlar amaliyoti bilan integratsiya qiladi [31].

Uchinchidan, ***“G‘ayriqonuniy narkolaboratoriya” va “Bangixona”ning raqamli va vaziyatli talqinini yaratish.*** 1151-sonli qonun bilan kiritilgan yangi *276[1]-modda (G‘ayriqonuniy narkolaboratoriya tashkil etish)* [5] va mavjud *276[2]-modda (Bangixona tashkil qilish yoki saqlash)* [5] tushunchalarini sud amaliyotida bir xil qo‘llash uchun Plenum qarorida ularning aniq huquqiy chegaralarini ochib berish zarur. *Ronald Clarke tomonidan yozilgan “*Situational Crime Prevention” nazariyasiga suyangan holda [32], Plenum qarorida laboratoriya faqat tayyor narkotik mahsulot ishlab chiqarayotgan joy emas, balki sintez jarayoni uchun zarur prekursorlar, kolbalar va kimyoviy uskunalar jamlangan har qanday makon sifatida *(Yaponiya qonunchiligidagi kabi qat’iy)* [26] tavsiflanishi lozim. Shuningdek, zamonaviy “bangixona” tushunchasi nafaqat fizik makon (uy yoki yer-to‘la), balki yoshlarni giyohvandlik moddalarini iste’mol qilishga undovchi, ularning ta’sirini muhokama qiluvchi virtual chatlar va forumlar yaratuvchilarini ham qamrab oluvchi targ‘ibot makoni sifatida baholash mexanizmlari ishlab chiqilishi kerak.

Yuqorida batafsil bayon etilgan nazariy yondashuvlar va xorijiy davlatlarning ilg‘or jinoyatga oid huquqiy siyosatini milliy qonunchiligimizga, xususan, O‘zbekiston Respublikasi Oliy sudi Plenumi qaroriga implementatsiya qilish orqali qisqa va o‘rta muddatli istiqbolda quyidagi ulkan ijobiy natijalarga erishish kafolatlanadi:

Birinchidan, *huquqni qo‘llash amaliyotida yagona yondashuv va jazo muqarrarligining (Deterrence effect) ta’minlanishi.* Ya’ni, Singapur davlatining *“modda hajmiga qarab sotishni prezumpsiya qilish”* amaliyoti sudlarimiz faoliyatiga joriy etilsa, tergov va sud organlari o‘rtasidagi sun’iy to‘siqlar hamda korrupsion xavf-xatarlar butunlay olib tashlanadi. Yirik miqdordagi narkotik bilan ushlangan shaxsning o‘zini *“iste’molchi”* qilib ko‘rsatib, aybini sun’iy ravishda yengillashtirib javobgarlikdan (og‘ir jazodan) qutulib qolish ehtimoli nolga tenglashadi. Zero, qat’iy va muqarrar jazo jinoyatchilikning oldini olishning eng samarali psixologik faktoridir.

TAHLIL, TADQIQOT VA ILMIY-NAZARIY QARASHLAR
O‘z.KTI | Kriminologik faoliyat _ Ilmiy-amaliy jurnal | №3-2026 (8)

Ikkinchidan, *sintetik narkotiklarning ichki ishlab chiqarish tarmog‘ini yo‘q qilish va demografik xavfsizlikni saqlash.*1151-sonli qonun doirasida g‘ayriqonuniy narkolaboratoriyalar uchun 20 yilgacha ozodlikdan mahrum qilishdek qat’iy jazoning belgilanishi, shuningdek, Oliy sud Plenumi tomonidan ushbu tushunchaning keng qamrovli talqin qilinishi mamlakat ichkarisida mahalliy ishlab chiqaruvchilarning *(kustar laboratoriyalarning)* moliyaviy va logistik faoliyatini butunlay falaj qiladi. Bu esa bozordagi taklifni keskin kamaytirib, sintetik giyohvandlikning epidemik tarqalishiga chek qo‘yadi.

Uchinchidan, *kiber-narkojinoyatchilik tarmoqlarini parchalash va raqamli dalillarning huquqiy maqomini oshirish.* Ya’ni, Virtual aktivlar *(kriptovalyuta),* darknet va geolokatsiya almashinuvini bevosita *“o‘tkazish”* jinoyatining obyektiv tomoni sifatida rasman tan olinishi huquqni muhofaza qiluvchi organlarning raqamli dalillar bilan ishlash salohiyatini legitimlashtiradi. Bu orqali *H.L. Packer* tomonidan yozilgan “Jinoyat nazorati” nazariyasi zamonaviy kiberxavfsizlik talablari bilan uyg‘unlashadi va davlatning virtual makondagi ustunligi ta’minlanadi.

To‘rtinchidan, *Millat genofondini va yoshlar viktimologiyasini himoya qilish.* Yoshlarning kriminal transnatsional guruhlarga kuryer yoki zakladchik sifatida aldanib jalb qilinishining oldi olinadi. Yaponiya va Saudiya Arabistoni kabi davlatlarning qat’iy jazolash va jamiyatda murosasiz muhit yaratish siyosatini qisman o‘zlashtirish orqali jamiyatimizda giyohvandlik bilan bog‘liq har qanday qilmish og‘ir davlat jinoyati darajasida qoralanishi *(kuchli ijtimoiy stigma)* ta’minlanadi. Bu esa sog‘lom, barkamol va jismonan yetuk avlod yashaydigan xavfsiz Yangi O‘zbekiston jamiyatini barpo etishning eng muhim poydevori bo‘lib xizmat qiladi.

Olib borilgan kompleks tadqiqot va ilmiy tahlillar shuni ko‘rsatadiki, Yangi O‘zbekistonda Prezident Sh.M. Mirziyoyev rahbarligida giyohvandlikka qarshi kurash sohasida olib borilayotgan keskin islohotlar, xususan, 1151-sonli qonunning qabul qilinishi davlatning inson huquqlarini va millat sog‘lig‘ini himoya qilishdagi yuksak siyosiy irodasining amaliy ifodasidir. Jahon hamjamiyatida, xususan, BMT hisobotlarida takror va takror bong urilayotgan sintetik narkotiklarning global xurujiga qarshi faqatgina eskicha usullar va yumshoq qonunchilik bilan kurashib bo‘lmaydi. Yuqorida tahlil qilingan G‘arb va Sharqning ilg‘or ilmiy nazariyalari hamda qat’iy jazolovchi huquqiy amaliyotlarini milliy qonunchiligimizga singdirish orqali biz nafaqat bugungi kun jinoyatchiligini jilovlaymiz, balki kelajak avlodlarni ushbu asr vabosidan asrab qolish uchun mustahkam qalqon yaratamiz.

Foydalanilgan manbalar

1. BMT Giyohvand moddalar va jinoyatchilik bo'yicha boshqarmasi (UNODC). UNODC World Drug Report 2026: Global drug markets transforming rapidly as technology, novel drug types and instability present traffickers with new opportunities // https://www.unodc.org/unodc-/en/press/releases/2026/June/unodc-world-drug-report-2026_-global-drug-markets-transforming-rapidly-as-technology--novel-drug-types-and-instability-present-traffickers-with-new-opportunities.html
2. BMT Giyohvand moddalar va jinoyatchilik bo'yicha boshqarmasi (UNODC). UNODC World Drug Report 2026 by region: Asia // https://www.unodc.org/unodc/en/wdr/2026/asia.html
3. Гиёҳвандликка қарши кураш - доимий назоратда // Ўзбекистон Миллий ахборот агентлиги (ЎзА) расмий сайти. 04.05.2026. // https://uza.uz/uz/posts/giyoh-vandlikka-qarshi-kurash-doimiy-nazoratda-video_853225
4. Эрназаров О. Гиёҳвандликка қарши биргаликда курашайлик // Ўзбекистон Миллий ахборот агентлиги (ЎзА) расмий сайти // https://uza.uz/en/posts/giyohvandlikka-garshi-birgalikda-kurashaylik_852819
5. Ўзбекистон Республикасининг 2026 йил 11 июндаги “Ўзбекистон Республикасининг айрим қонун ҳужжатларига гиёҳвандлик воситалари, психотроп моддалар ёки уларнинг аналогларининг ва кучли таъсир қилувчи моддаларнинг қонунга хилоф муомаласи учун жавобгарликни такомиллаштиришга қаратилган қўшимча ва ўзгартиришлар киритиш тўғрисида”ги ЎРҚ-1151-сон қонуни // Қонунчилик маълумотлари миллий базаси. URL: https://lex.uz/docs/8263876
6. Гиёҳвандликка қарши курашиш ва йўл ҳаракати хавфсизлигини таъминлаш чоралари кўриб чиқилди - president.uz, https://president.uz/uz/lists/view/9300
7. Мирзаев Ш., Дониёров Д. Гиёҳвандликка қарши курашиш янги босқичга олиб чиқилмоқда // https://yuz.uz/oz/news/gievandlikka-qarsi-kurasis-iangi-bosqicga-olib-ciqilmoqda

8. “Қорадори-2025” тезкор тадбирлари доирасида Тошкент вилояти ИИББ томонидан амалга оширилган ишлар юзасидан // https://gov.uz/uz/iiv/news/view/69325
9. Матназаров О. Гиёҳвандлик воситалари устидан давлат назорати кучайтирилади // https://kun.uz/kr/news/2026/07/13/giyohvandlik-vositalari-ustidan-davlat-nazorati-kuchaytiri-ladi-41e62e
10.Эрназаров О. Гиёҳвандликка қарши биргаликда курашайлик // Ўзбекистон Миллий ахборот агентлиги (ЎзА) расмий сайти. URL: https://uza.uz/en/posts/giyohvandlikka-qarshi-birgalikda-kurashaylik_852819
11. Rustambayev M.X.,Niyozova S.S. Viktimologiya Umumiy qism. Darslik// Toshkent: O`zbekiston Respublikasi Jamoat xavfsizligi universiteti, 2021. – 239 b.
12. Мирзаев Ш., Дониёров Д. Гиёҳвандликка қарши курашиш янги босқичга олиб чиқилмоқда // https://yuz.uz/oz/news/gievandlikka-qarsi-kurasis-iangi-bosqicga-olib-ciqilmoqda
13. Packer H.L. The Limits of the Criminal Sanction // Google Books тизими. URL: https://books.google.com/books/about/The_Limits_of_the_Criminal_Sanction.html?id=gncxJvRGyR0C
14. The Crime Control Model: Due Process Values // StudyCorgi (Free Essay Examples). URL: https://studycorgi.com/the-crime-control-model-due-process-values/
15. Packer, H. (1964). Two models of the criminal process, 113 U. PA. L. Rev. 1; Yerkes, M. (1969). The limits of the criminal sanction, by Herbert L. Packer (1968). Loyola of Los Angeles Law Review 176, 2(1).
16. Roach K. Four Models of the Criminal Process // Journal of Criminal Law and Criminology. – 1999. – Vol. 89, Issue 2. – P. 676-681.
17. Sutton M. Stolen Goods Markets (Problem-Specific Guides Series No. 57) // U.S. Department of Justice, Office of Community Oriented Policing Services. URL: https://portal.-cops.usdoj.gov/resourcecenter/content.ashx/cops-p177-pub.pdf
18. Nadelmann E.A. Drug Prohibition in the United States: Costs, Consequences, and Alternatives // Science. – 1989. – Vol. 245, Issue 4921. – P. 939–947.
19. Packer H.L. The Limits of the Criminal Sanction. – Stanford: Stanford University Press, 1968. – P. 158.
20. Roach K. Four Models of the Criminal Process // Journal of Criminal Law and Criminology. – 1999. – Vol. 89, Issue 2. – P. 671-716.
21. Anti-Narcotics Law // https://malnassarlawyer.com/en/anti-narcotics-law
22. Human Rights Committee, General Comment No. 36, article 6: right to life, CCPR/C/GC/36, para. 32ss. Being mindful that Saudi Arabia is not a party to the International Covenant on Civil and Political Rights and therefore not bound by the findings of the Human Rights Committee, we submit nonetheless that it should be taken into consideration in the present analysis on a consultative manner and applied mutatis mutandis to countries bound by the right to life under the UDHR. The mandates of the Special Rapporteur on extrajudicial, summary or arbitrary executions and the Special Rapporteur on torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment, considered that the death penalty for drug-related crimes against 29 Egyptians in Saudi Arabia does not reach the threshold of “most serious” crimes, see, UN Special Procedures mandate holders, UA SAU 5/2024, 3 December 2024, p. 4.
23. Saudi Arabia: Almost 100 People Executed so Far This Year as Dozens More Remain on Death Row for Drug-Related Offenses, https://www.amnestyusa.org/press-releases/saudi-arabia-almost-100-people-executed-so-far-this-year-as-dozens-more-remain-on-death-row-for-drug-related-offenses/
24. MDA, https://isomer-user-content.by.gov.sg/266/00c6631d-a2ba-4db2-9076-abce45ed-733f/topic-2-overview-of-mda.pdf
25. “Misuse of Drugs Act 1973”. Government of Singapore. Archived from the original on 17 April 2021. Retrieved 3 December 2020.
26. Japanese statement on drug demand reduction - CND Blog // https://cndblog.org/-2009/03/japanese-statement-on-drug-demand-reduction/
27. Packer H.L. The Limits of the Criminal Sanction. – Stanford: Stanford University Press, 1968. – P. 158.; Roach K. Four Models of the Criminal Process // Journal of Criminal Law and Criminology. – 1999. – Vol. 89, Issue 2. – P. 699.
28. Ўзбекистон Республикаси Олий суди Пленумининг 28.04.2017 й. 12-сон “Гиёҳвандлик воситалари, уларнинг аналоглари ва психотроп моддалар билан қонунга хилоф равишда муомала қилишга оид жиноят ишлари бўйича суд амалиёти тўғрисида”ги қарори | NRM.uz, https://nrm.uz/contentf?doc=520849_o%E2%80%98zbekiston_respublikasi-_oliy_sudi_plenumining_28_04_2017_y_12-son_giehvandlik_vositalari_ularning_analoglari_-va_psihotrop_moddalar_bilan_qonunga_hilof_ravishda_muomala_qilishga_oid_jinoyat_ishlari_bo%E2%80%98yicha_sud_amalieti_to%E2%80%98g%E2%80%98risidagi_qarori&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana
29. Misuse of Drugs Act (Singapore)–Wikipedia, https://en.wikipedia.org/wiki/Misuse_-of_Drugs_Act_(Singapore)
30. Packer H.L. Two Models of the Criminal Process // University of Pennsylvania Law Review. – 1964. – Vol. 113, No. 1. – P. 1-68.
31. Ўзбекистон Республикаси Олий суди Пленумининг 2020 йил 3 июлдаги “Ўзбекистон Республикаси Олий суди Пленуми ва Ўзбекистон Республикаси Олий хўжалик суди Пленумининг айрим қарорларига ўзгартириш ва қўшимчалар киритиш тўғрисида”ги 12-сон қарори // Қонунчилик маълумотлари миллий базаси. URL: https://lex.uz/docs/4904177
32. Stolen Goods Markets - Agency Portal, https://portal.cops.usdoj.gov/resourcecenter/-content.ashx/cops-p177-pub.pdf

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ КАК МЕХАНИЗМА РАННЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
опыт Республики Узбекистан

ТАЗЕТДИНОВ
Руслан Рабинович
Исследовательский институт криминологии
Республики Узбекистан,
доктор философии по психологическим наукам, доцент

Аннотация. *В статье с позиций юридической психологии и криминологии анализируется институциональная модель социальной профилактики преступности, сложившаяся в Республике Узбекистан на базе института махалли и механизма «махаллинской семёрки». Показано, что эффективность профилактического воздействия определяется не столько нормативно-организационными, сколько психологическими факторами: механизмами формирования девиантной мотивации, состоянием психологической защищённости личности в семье и территориальном сообществе, качеством межличностного доверия между населением и субъектами профилактики. Прослежена связь узбекской модели с классическими психолого-криминологическими концепциями – теорией аномии Э. Дюркгейма и Р. Мертона, теорией «разбитых окон» Дж. Уилсона и Дж. Келлинга, концепцией «криминогепного удара» П. Вудса. Сформулированы научно-практические предложения по усилению психологической составляющей системы социальной профилактики.*
Ключевые слова: *юридическая психология, социальная профилактика, криминогенная ситуация, девиантное поведение, махалля, психологическая безопасность личности, ранняя профилактика, аномия, фрустрация.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada O'zbekiston Respublikasida mahalla instituti va "mahalla yetti" mexanizmiga asoslangan ijtimoiy jinoyatlarning oldini olishning institutsional modeli huquqiy psixologiya va kriminologiya nuqtai nazaridan tahlil qilinadi. Profilaktik choralarning samaradorligi nafaqat normativ va tashkiliy omillar, balki psixologik omillar bilan ham belgilanadi: deviant motivatsiyani shakllantirish mexanizmlari, oila va hududiy hamjamiyat ichida shaxsning psixologik xavfsizligi holati va aholi va profilaktika sub'ektlari o'rtasidagi shaxslararo ishonch sifati. O'zbek modeli va klassik psixologik va kriminologik tushunchalar o'rtasidagi bog'liqlik kuzatiladi: E. Dyurkgeym va R. Mertonning anomiya nazariyasi, J. Uilson va J. Kellingning "singan derazalar" nazariyasi va P. Vudsning "kriminogen zarba" tushunchasi. Ijtimoiy profilaktika tizimining psixologik tarkibiy qismini mustahkamlash bo'yicha ilmiy va amaliy takliflar shakllantirilgan.*
Kalit so'zlar: *huquqiy psixologiya, ijtimoiy profilaktika, kriminogen vaziyat, deviant xulq-atvor, mahalla, shaxsning psixologik xavfsizligi, erta profilaktika, anomiya, umidsizlik.*

Abstract. *From the perspective of legal psychology and criminology, this article analyzes the institutional model of social crime prevention established in the Republic of Uzbekistan based on the institution of the mahalla and the "mahalla seven" mechanism. It is demonstrated that the effectiveness of preventive impact is determined not so much by normative and organizational factors, but rather by psychological ones: the mechanisms behind the formation of deviant motivation, the state of an individual's psychological security within the family and the territorial community, and the quality of interpersonal trust between the population and prevention subjects. The connection between the Uzbek model and classical psychological-criminological concepts is traced, including É. Durkheim and R. Merton's theory of anomie, J. Wilson and G. Kelling's "broken windows" theory, and P. Woods' concept of "criminogenic impact." Scientific and practical proposals are formulated to strengthen the psychological component of the social prevention system.*
Keywords: *legal psychology, social prevention, criminogenic situation, deviant behavior, mahalla, psychological security of the individual, early prevention, anomie, frustration*

Проблема предупреждения преступности традиционно рассматривается в рамках уголовно-правовой и криминологической парадигмы, однако углублённый анализ природы противоправного поведения невозможен без обращения к его психологическим основаниям. Всякое преступление есть, прежде всего, акт индивидуального сознания и воли, формирующийся под воздействием внутриличностных процессов – мотивации, эмоциональной регуляции, ценностных установок, механизмов психологической защиты и адаптации к среде. Поэтому социальная профилактика преступности, понимаемая как воздействие на первопричины, а не на последствия противоправного поведения, по своей сущности является в значительной мере психолого-педагогической деятельностью, реализуемой правовыми и организационными средствами.

За период 2023–2025 годов в Республике Узбекистан формировалась и получила нормативное закрепление комплексная модель социальной профилактики, опирающаяся на институт местного самоуправления – махаллю и механизм «махаллинской семёрки» [10, 11]. Несмотря на очевидную организационно-правовую проработанность данной модели, её психологическое измерение – то есть то, каким образом система воздействует на внутренние, личностные детерминанты девиантного и криминального поведения, – остаётся недостаточно изученным. Между тем именно психологический компонент – доверие к субъектам профилактики, снижение тревожности и фрустрации у лиц группы риска, восстановление внутрисемейных эмоциональных связей – определяет устойчивость достигаемых результатов.

Целью данной статьи является анализ психологических механизмов, лежащих в основе узбекской модели социальной профилактики, а также формулирование предложений по усилению психологической составляющей профилактической деятельности с учётом мирового научного опыта.

Криминогенная ситуация, вопреки распространённому упрощённому пониманию, не сводится к совокупности внешних социально-экономических обстоятельств. Она представляет собой психологически насыщенное состояние среды, в котором у личности формируется субъективная готовность к противоправному деянию. Классическая теория аномии Дюркгейма объясняет рост преступности через разрушение нормативно-ценностной регуляции поведения: при ослаблении общественных норм личность утрачивает психологические ориентиры и переживает состояние морально-психологической дезориентации [1, 2].

Р. Мертон, развивая идею аномии, показал, что психологическим источником девиации служит рассогласование между социально одобряемыми целями (материальный успех, статус) и реально доступными личности легитимными средствами их достижения. Возникающее при этом состояние фрустрации – переживание блокированной потребности – толкает часть индивидов к избранию противоправных способов удовлетворения актуальных мотивов [3, 4]. С этой точки зрения профилактика преступности должна включать не только расширение легальных социальных лифтов, но и работу с самим переживанием фрустрации – обучение конструктивным копинг-стратегиям, снижение уровня агрессии и тревожности у лиц, находящихся в ситуации социальной депривации.

Теория «разбитых окон» Дж. Уилсона и Келлинга дополняет психологическую картину криминогенной ситуации указанием на роль средового восприятия: визуально неблагополучная, запущенная территория формирует у жителей ощущение отсутствия социального контроля и безнаказанности, что снижает порог психологического сдерживания противоправных импульсов [6]. Именно поэтому в узбекской модели профилактики особое значение придаётся выявлению инспекторами по профилактике заброшенных, неосвещённых и неконтролируемых пространств махалли – данная мера имеет не только организационный, но и выраженный психолого-средовой смысл, поскольку упорядоченная и «видимая» среда снижает субъективное ощущение вседозволенности.

Особый интерес с психологической точки зрения представляет концепция «криминогенного удара» П. Вудса, согласно которой клю-

чевым триггером девиантного поведения личности выступает резкое негативное событие – неудача в учёбе, потеря работы, развод родителей, семейное насилие, переживание несправедливости [8]. Такие события порождают острое психотравмирующее состояние, при отсутствии своевременной психологической поддержки трансформирующееся в устойчивую антисоциальную установку. Данная концепция методологически обосновывает необходимость раннего психологического сопровождения именно в кризисные, переходные моменты жизни личности – что, как показано ниже, составляет содержательное ядро индивидуальной профилактики в узбекской модели.

Индивидуальная профилактика, реализуемая инспектором по профилактике и иными членами «махаллинской семёрки», по своей психологической структуре представляет собой процесс адресной работы с личностью, включающий как минимум три взаимосвязанных компонента: диагностический (оценка психического состояния, семейной атмосферы, уровня тревожности и склонности к девиации), поддерживающий (снятие психологического напряжения, восстановление доверия к социальному окружению) и коррекционный (формирование законопослушных установок, обучение конструктивным моделям поведения).

Семья при этом рассматривается как первичное психологическое пространство социализации личности, в котором закладываются базовые механизмы саморегуляции, эмпатии и уважения к границам другого человека. Насильственная, эмоционально нестабильная или безнадзорная семейная среда формирует у ребёнка искажённые модели совладения с конфликтом, при которых агрессия воспринимается как приемлемый способ разрешения противоречий. Это подтверждает необходимость включения в состав субъектов профилактики психологов и социальных работников, способных проводить квалифицированную диагностику детско-родительских отношений, а не только фиксировать факт неблагополучия.

Показательно, что нормативная модель Узбекистана прямо предусматривает психологическую составляющую деятельности инспектора по профилактике: изучение психического состояния лиц, состоящих на профилактическом учёте, оценка их эмоциональной устойчивости и мотивации, проведение индивидуальных профилактических бесед [13, 14]. Вместе с тем анализ практики показывает, что данная функция зачастую выполняется должностными лицами без соответствующей психологической подготовки, что снижает точность диагностики и эффективность коррекционного воздействия.

Работа с лицами, вернувшимися из мест лишения свободы, ранее судимыми и состоящими на профилактическом учёте, также требует психологического осмысления. Постпенитенциарная адаптация сопряжена с переживанием стигматизации, социальной изоляции и утраты идентичности; без целенаправленной психологической реабилитации формальное трудоустройство и материальная поддержка не устраняют внутриличностного конфликта, повышающего риск рецидива. Снижение показателей рецидивной преступности, зафиксированное в республике за 2024–2025 годы [10], целесообразно связывать не только с мерами социально-экономической реинтеграции, но и с элементами психологического сопровождения, реализуемыми через институт наставничества и духовно-просветительскую работу.

С позиций юридической психологии институт махалли может быть интерпретирован как механизм воссоздания «психологически безопасной среды» – территориального сообщества, в котором личность ощущает себя узнаваемой, включённой и социально значимой. Утрата подобной включённости – характерная черта урбанизированных, анонимных сообществ – признаётся в социологической криминологии одним из ключевых факторов роста преступности, поскольку анонимность ослабляет неформальный социальный контроль и связанное с ним чувство ответственности перед конкретными людьми [5, 7].

Механизм «махаллинской семёрки», объединяющий инспектора по профилактике, председателя махалли, помощника хокима, активиста по делам женщин, лидера молодёжи, социального работника и налогового инспектора, психологически значим тем, что обеспечивает многоканальность доверительного контакта: для человека, испытывающего затруднение в обращении к представителю правоохранительных органов, более доступным может оказаться диалог с активистом по делам женщин, социальным работником или духовным наставником. Такая структура снижает психологический барьер стигматизации, связанный с обращением «в органы», и повышает вероятность добровольного раскрытия проблемы на ранней стадии.

Отдельного внимания заслуживает деятельность активисток женского движения, чья работа с женщинами, находящимися в конфликтных семьях, переживающими насилие или психоэмоциональную нагрузку, требует специфических навыков эмпатийного слушания и кризисного консультирования. Наблюдаемое сокращение доли женской преступности в ряде регионов республики можно рассматривать как косвенное свидетельство эффективности данного психолого-профилактического канала, хотя причинно-следственная связь нуждается в дальнейшей эмпирической верификации.

Опыт Японии, где профилактика преступности опирается на систему местных полицейских пунктов кобан, также подтверждает психологическую закономерность: регулярный, неформальный и доброжелательный контакт представителя правопорядка с населением формирует устойчивое чувство доверия и снижает уровень социальной тревожности, что само по себе выступает мощным профилактическим фактором, не сводимым к репрессивному сдерживанию.

С учётом изложенного представляется целесообразным внести следующие научно-практические предложения, направленные на усиление психологической составляющей системы социальной профилактики:

1. Включить в состав «махаллинской семёрки» либо в перечень лиц, содействующих осуществлению мероприятий по социальной профилактике, штатную должность практического психолога, закреплённого за группой из нескольких махаллей, для проведения психодиагностики лиц группы риска и супервизии деятельности иных субъектов профилактики.

2. Разработать и внедрить обязательный модуль базовой психологической подготовки (основы психодиагностики, кризисного консультирования, распознавания признаков психотравмы и суицидального риска) для инспекторов по профилактике, помощников хокима, активистов по делам женщин и лидеров молодёжи.

3. Дополнить информационную систему «Е-социальная профилактика» стандартизированным блоком психологической оценки объекта профилактики (уровень тревожности, наличие психотравмирующих событий, качество семейных отношений), заполняемым по результатам структурированной беседы с участием психолога.

4. Разработать дифференцированные программы психологического сопровождения для ключевых кризисных периодов личности («криминогенного удара»): развод и постразводная адаптация, освобождение из мест лишения свободы, потеря работы, утрата близкого человека, – с приоритетным вниманием к несовершеннолетним и молодёжи.

5. Организовать регулярный мониторинг субъективного благополучия и уровня социальной тревожности населения махаллей (в дополнение к статистике зарегистрированных преступлений) как самостоятельного индикатора эффективности профилактической работы, поскольку снижение тревожности и рост доверия к субъектам профилактики являются опережающими признаками стабилизации криминогенной обстановки.

6. Предусмотреть в программах повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел и работников махаллей курс юридической психологии, включающий изучение теорий аномии, фрустрации-агрессии, «разбитых окон» и «криминогенного удара» с их адаптацией к национальной практике.

7. При обмене опытом в рамках Совета министров внутренних дел государств-участников СНГ инициировать формирование межгосударственной рабочей группы по

психологическому сопровождению территориальной профилактики преступности в целях выработки унифицированных методических рекомендаций с учётом культурных особенностей стран-участниц.

Реализация предложенных мер способна укрепить психологическую устойчивость и научную обоснованность узбекской модели социальной профилактики, обеспечить её воспроизводимость в иных национальных условиях и повысить долгосрочную эффективность раннего предупреждения преступности как в Республике Узбекистан, так и в государствах, заинтересованных в изучении данного опыта.

Использованные источники

1. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр.; под ред. В.А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
2. Durkheim E. The Division of Labour in Society. – London: Macmillan, 1993.
3. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории) / пер. с фр. Е.А. Самарской; ред. пер. М.Н. Грецкий. – М.: Прогресс, 1966. – С. 299–313.
4. Merton R.K. Social Theory and Social Structure. – New York: Free Press, 1968. – 175 p.
5. Криминология: учебник / К.Р. Абдурасулова, А.Г. Закирова, И. Исмаилов [и др.]. – Ташкент: Академия МВД Республики Узбекистан, 2023. – 318 с.
6. Wilson J.Q., Kelling G.L. Broken Windows: The Police and Neighborhood Safety // The Atlantic Monthly. – 1982. – Vol. 249, № 3. – P. 29–38.
7. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. – М.: ИНФРА·М–НОРМА, 1997. – 47 с.
8. Woods P. The Myth of the 'Culture of Deprivation' // British Journal of Sociology of Education. – 1991. – Vol. 12, № 2. – P. 139–150.
9. Violence prevention: the evidence [Электронный ресурс]. – Geneva: World Health Organization, 2010. – URL: https://www.who.int/publications/i/item/9789241597821 (дата обращения: 30.07.2026).
10. О мерах по повышению эффективности системы социальной профилактики в махаллях на основе принципа «Благоустроенная и безопасная махалля»: постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 30.11.2024 № 801 [Электронный ресурс]. – URL: https://lex.uz/docs/7243832 (дата обращения: 30.07.2026).
11. О систематизации постановлений Правительства в сфере охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности и профилактики правонарушений: постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 01.12.2025 № 754 [Электронный ресурс]. – URL: https://lex.uz/uz/docs/7872510#7873326 (дата обращения: 30.07.2026).
12. Мирзиёев Ш.М. Наш народ ждет от нас обеспечения верховенства закона и справедливости на деле // Решительно продолжая наш путь национального развития, поднимем его на новый уровень. – Ташкент: Узбекистан, 2017. – С. 206.
13. Зиёдуллаев М.З., Исаев С.А. На пути к совершенствованию правовых основ профилактики правонарушений // Qalqon (Щит). – 2015. – № 1. – С. 7.
14. Исмаилов И., Мухамедов У.Х., Зиёдуллаев М.З. [и др.]. Коренные реформы в системе органов внутренних дел – гарантия служения интересам народа: учеб. пособие / под общ. ред. Б.А. Матлюбова. – Ташкент, 2017. – С. 89.
15. Об утверждении Концепции общественной безопасности Республики Узбекистан и мерах по ее реализации: указ Президента Республики Узбекистан от 29.11.2021 № УП-27 [Электронный ресурс]. – URL: https://lex.uz (дата обращения: 30.07.2026).

EKSTREMISTIK FAOLIYAT NATIJASIDA SODIR ETILADIGAN JINOYATLARNING SABABLARI VA ULARGA IMKON BERAYOTGAN SHART-SHAROITLAR

TO‘XTAYEV
Firdavs Mustafoqul o‘g‘li
O‘zbekiston Respublikasi IIV Akademiyasi
yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

Annotatsiya. *Ushbu maqolada ekstremistik faoliyat natijasida sodir etiladigan jinoyatlarning kelib chiqish sabablari va unga imkon berayotgan shart-sharoitlar bo‘yicha olimlarning ilmiy-nazariy qarashlari tahlil qilingan. Ekstremizmning sabab va shart-sharoitlari o‘zaro bog‘liqligi va ushbu hodisalarning xorijiy davlatlardagi talqini hamda Internet makonida ekstremistik g‘oyalarning targ‘iboti bilan bog‘liq vaziyat o‘rganilgan. Ekstremistik faoliyatga doir sud hukmlari tahlil qilinib, qilmishning sabablari tizimlashtirilgan hamda qayd etilgan holatlar bo‘yicha mualliflik yondashuvlari ilgari surilgan.*
Kalit so‘zlar: *jinoyat, ekstremizm, ekstremistik faoliyat, qilmish, sabab, shart-sharoit, ekstremistik tashkilot, mafkura, ekstremist shaxsi, internet, din, e’tiqod.*

Аннотация. *В научной статье анализируются научно-теоретические взгляды ученых на причины преступлений и экстремистской деятельности, а также условия, способствующие их совершению. Изучается взаимосвязь причин и условий экстремизма и интерпретация этих явлений в зарубежных странах, а также ситуация, связанная с пропагандой экстремистских идей в интернете. Анализируются судебные решения по делам об экстремистской деятельности, систематизируются причины деяния и предлагаются подходы автора к рассмотренным случаям.*
Ключевые слова: *преступление, экстремизм, экстремистская деятельность, акт, причина, условия, экстремистская организация, идеология, экстремистская личность, интернет, религия, убеждения.*

Abstract. *This scientific article analyzes the scientific and theoretical views of scientists on the causes of crimes and extremist activity and the conditions that enable them. The interrelationship of the causes and conditions of extremism and the interpretation of these phenomena in foreign countries, as well as the situation related to the propaganda of extremist ideas on the Internet, are studied. Court rulings on extremist activity are analyzed, the causes of the act are systematized, and the author's approaches to the noted cases are put forward.*
Keywords: *crime, extremism, extremist activity, act, cause, conditions, extremist organization, ideology, extremist personality, internet, religion, belief.*

Ekstremistik faoliyatga qarshi kurashish jarayonlarini takomillashtirish hamda uning kelib chiqishining oldini olish maqsadida qilmishning sabablari va unga imkon berayotgan shart-sharoitlarni chuqur o‘rganish kerak bo‘ladi.

O‘zbek tilining izohli atamalar lug‘atida “sabab” so‘zi biror bir harakat yoki hodisaning yuzaga kelishida omil bo‘lgan holat, biror-bir harakatga asos bo‘lgan narsa, ma’lum bir vaqt mobaynida bo‘lgan bir voqeaning yuz berishi uchun sharoit yaratuvchi voqea yoki hodisa kabi ma’nolarni anglatadi. “Sharoit” so‘zi esa obyektiv holatdagi, muayyan vaziyat, biror voqeaning bo‘lishiga ta’sir etuvchi holat, imkoniyat sifatida izohlanadi [1].

Ekstremistik faoliyatning sabablari va unga imkon berayotgan shart-sharoitlarni o‘rganish unga qarshi kurashish samaradorligini oshirishga xizmat qiladi. Bu borada, Ye.I. Kairjanov ta’kidlab o‘tganidek, “sababiyat kriminologiyaning eng muhim va serqirra muammolaridan biri” hisoblanadi [2].

V. Malkovaning fikricha, muayyan sharoitlarda oqibatni keltirib chiqaruvchi hamda boshqa hodisalarni paydo qiladigan voqelikni jinoyatning sababi deb tushunish mumkin. Ijtimoiy hayotda jinoyatning kelib chiqishiga ko‘maklashuvchi va mustaqil ravishda jinoyatlarni keltirib chiqarmaydigan, balki unga imkoniyat yaratuvchi holatlar sharoit sifatida baholanadi [3].

V. Kudryavsev o‘z ilmiy tadqiqotlarida yetarli shartlar va sabablarning mavjud bo‘lishi natijasida oqibatning muqarrarligi ta’minlashini ta’kidlagan. Olimning fikrlaridan jinoyatning sabablari uning ijtimoiy xavflilik darajasini ham belgilashi mumkinligini anglash mumkin [4].

Ingliz huquqshunosi Ieremiya Bentam o‘zining “Ma’naviyat va qonunchilik asoslariga kirish” nomli asarida inson xulq-atvoriga va umuman jinoyatchilikka ta’sir etuvchi 32 omilni sanab o‘tadi. Ular orasida inson sog‘ligi, kuch-quvvati, jismonan nomukammallik, bilim darajasi va sifati, aqliy qobiliyati, o‘jarlikka moyilligi, qiziqishlar, antipatiyaga moyillik, qiziqqonlik, ta’sirchanlik, simpatiyalar, pul bilan bog‘liq holatlar, simpatiya orqali aloqalar, antipatiya orqali aloqalar, tana tuzilishi, ruhiyat, jins, yosh, ijtimoiy holat, tarbiya, iqlim, kelib chiqish, boshqaruv shakli, din va hokazo holatlar ajratib ko‘rsatilgan [5].

Yuqorida keltirilgan fikrlar tahlilidan jinoyatning yagona sababi yoki shart-sharoiti bo‘lishi mumkin emas, degan fikrga kelish mumkin. Bir so‘z bilan aytganda, sabab va shart-sharoit kompleks ijtimoiy hodisa bo‘lib, ularni aniqlash yoki belgilashda bir tomonlama emas, balki har tomonlama yondashish lozim.

Ushbu masala yuzasidan Q. Abdurasulova sabablarni “hal qiluvchi”, “asosiy”, “tub”, “ikkinchi darajali”, “yuzaki”, “tashqi va ichki”, “obyektiv va subyektiv” kabi shakllarga ajratgan [1]. Olimning sabablarni ajratib ko‘rsatishi bizning yuqoridagi fikrlarimizni tasdiqlamoqda.

Ekstremizmning bevosita kelib chiqish sabablari haqida bir qancha olimlar tomonidan ilmiy izlanishlar olib borilgan. Xususan, R.M. Uzdenov o‘z tadqiqotlarida ekstremizmning tarixiy, geosiyosiy, ijtimoiy-iqtisodiy, ijtimoiy-madaniy, axborot, tashqi siyosiy omillarini ajratib ko‘rsatgan [6].

S.N. Fridinskiy tomonidan o‘tkazilgan tadqiqotlarda ekstremistik faoliyatning kelib chiqishiga iqtisodiy, ijtimoiy-siyosiy va mafkuraviy omillar asosiy rol o‘ynashi qayd etilgan [7].

Olim tomonidan *iqtisodiy omillarga* mamlakatdagi iqtisodiy inqiroz, aholining ish bilan ta’minlanmaganligi va aholi ayrim qatlamining o‘z mavqeyini yo‘qotishi kabi holatlar, *ijtimoiy-siyosiy omillarga* davlat organlari faoliyatida boshboshdoqlik, tanish-bilishchilik va mahalliychilikning avj olishi, tartibsiz migratsiya jarayonlari kiritiladi, *mafkuraviy omillar* sifatida aholi vakillari orasida bo‘linishning kuchayishi, davlat tomonidan yagona maqsadga yo‘naltirilgan g‘oyaga oid konsepsiyalar ishlab chiqilmaganligi, diniy e’tiqodlarga nisbatan siyosiy tus berish kabilar holatlar kiritilgan.

S.N. Fridinskiy tomonidan bildirilgan fikrlarni N.A. Sokolov, A.L. Santashov va E.V. Gerasimova ham tasdiqlagan holda diniy tashkilotlar faoliyatning faollashuvi, ularning yuridik shaxs sifatida ro‘yxatdan o‘tmagan holda faoliyat olib borishi mamlakatdagi demografik inqiroz, ekstremizmga qarshi kurashuvchi huquqni muhofaza qiluvchi organlar xodimlarining yetarli darajada tayyorgarlikdan o‘tmaganligi kabilarni ham qayd etishgan [8].

Fikrimizcha, olimlar tomonidan bildirilgan fikrlarda, asosan, MDH davlatlariga xos bo‘lgan jihatlar ifodalangan. Chunki, bugungi kunda G‘arbiy Yevropa va Amerika hududlarida yuqorida ta’kidlanayotgan holatlarning ayrimlari muammo yoki qaysidir hodisani keltirib chiqaruvchi sabab sifatida ko‘rilmaydi.

G‘arbiy Yevropa va Amerika davlatlari hududida ekstremistik faoliyatning kelib chiqish sabablari o‘rganilganda, bunday ijtimoiy xavfli qilmishlar, asosan, quyidagilar orqali vujudga kelganligi aniqlangan:

– siyosiy institutlar faoliyatiga nisbatan aholining ishonchsizligi;

– ta’lim jarayonlarining yaxshi tashkil etilmaganligi;

– muayyan guruhlar faoliyatining kuchayib borishi [9].

V.A. Mamedov, D.V. Dekkert o‘z tadqiqotlarda ekstremistik faoliyatning kelib chiqishiga oila ichidagi inqiroz va farzand tarbiyasidagi yetishmovchiliklar, mamlakatdagi ma’naviy va madaniy qadriyatlar salbiy hodisalardan iboratligini asoslovchi axborotlarning tarqalishini ko‘rsatib o‘tishgan.

S.K. Badamshin ekstremistik faoliyatning kelib chiqish sabablarini ichki va tashqi turlarga ajratgan. Ichki sabablar davlatda olib borilayotgan siyosat, ijtimoiy jarayonlar, alohida shaxslarning liderligi, mazkur faoliyatni amalga oshiruvchi ekstremistik tashkilotlarning davlat hududida faoliyat yuritishi bilan o‘zaro bog‘liq bo‘ladi.

Tashqi sabablar esa mamlakatning xalqaro aloqalarga kirishishi oqibatida uning hududiga ekstremistik g‘oyalarning kirib kelishi bilan bog‘liq. Ichki ijtimoiy migratsiyani ichki sabablarga, tashqi ijtimoiy migratsiyani tashqi sabablarga kiritish mumkin.

Fikrimizcha, migratsiya jarayonlarini tashqi sabablarga kiritish maqsadga muvofiq. Chunki mamlakatning xalqaro aloqalarga kirishishi jarayonida siyosiy institutlar tomonidan ekstremistik g‘oyalar kirib kelishi uchun sharoit yuzaga kelmaydi. Xalqaro aloqalar kuchayishi migratsiya jarayonlari rivojlanishiga bu esa ekstremistik g‘oyalar kirib kelishiga sabab bo‘lishi mumkin.

J.A. Ibrohimov tomonidan o‘tkazilgan tadqiqotlarda ekstremizm va terrorizmning kelib chiqishiga sayyoramizda bo‘layotgan deyarli barcha lokal ziddiyatlar ko‘rsatib o‘tilgan. Bunda, Yaqin sharq mintaqasidagi davlatlar uglevodorod va qazilma boyliklarning katta zaxirasiga egaligi hamda mamlakatlar aholisi turmush darajasi pastligi mojaro qo‘zg‘ashga imkoniyat yaratadi. Natijada, ta’kidlanayotgan jinoiy xatti-harakatlar yuzaga keladi [10].

Olim tomonidan bildirilgan fikrlardan ekstremistik va terrorchilik harakatlarining yuzaga kelishiga iqtisodiy sabablar bilan birga, geosiyosiy omillar ham ta’sir etayotganligi to‘g‘risida xulosaga kelish mumkin. Demak, geosiyosiy sabablarning ham alohida tur sifatida ko‘rsatilishi noto‘g‘ri hisoblanmaydi.

Yuqorida bildirilgan fikrlarga e’tibor qaratsak, olimlarning deyarli barchasi jinoyatning kelib chiqish sabablariga iqtisodiy omilni ko‘rsatib o‘tmoqda. Fikrimizcha, mazkur masalani ikki tomonlama talqin qilish mumkin.

Birinchisi, aholining turmush darajasi pastligi sababli ular ekstremistik oqim va tashkilot vakillari tomonidan moliyaviy qo‘llab-quvvatlanib, yashash sharoitini yaxshilashning bir imkoniyati ekstremistik g‘oyalarni boshqalar orasida yoyishni ko‘rsatib o‘tishi natijasida, aholi orasida ekstremistik faoliyat bilan shug‘ullanuvchilarning ortishiga sabab bo‘ladi.

Ikkinchisi, transmilliy jinoyatchilar moddiy boylik orttirish uchun ekstremistik oqim va tashkilot faoliyatini yo‘lga qo‘yishadi va ularni moliyalashtirayotgan davlatlarning iqtisodiy o‘sishi jarayonlarini tezlashtirish uchun ekstremistik faoliyatni tashkillashtirishadi.

Ta’kidlash joizki, olimlar tomonidan ekstremistik faoliyatning sabablari to‘g‘risida fikr va mulohazalar bildirilgan bo‘lsa-da, shart-sharoitlar borasida batafsil to‘xtalib o‘tilmagan. Bunga olimlarning sabab va shart-sharoitlarning o‘zaro bog‘liqligi xususidagi yondashuvi asos bo‘lgan, degan xulosaga kelish mumkin.

Shart-sharoit deganda, jinoyatgacha va jinoyat sodir etilayotgan vaqt, atrof-muhit, holat, ishtirokchilar o‘rtasida o‘zaro bog‘liqlikni ifodalovchi obyektiv voqelikni tavsiflovchi jarayonlar tizimi tushuniladi. Ekstremistik faoliyatning sababi shart-sharoitlarsiz paydo bo‘lmaydi, ular sabab paydo bo‘lishi uchun ko‘maklashadi va uni kuchaytiradi.

Bugungi kunda, ekstremistik faoliyatning sodir etilishiga Internet jahon axborot tarmog‘ining rivojlanishi ham bir sabab bo‘lmoqda. Statistik ma’lumotlarga ko‘ra, dunyo aholisining 5.35 milliarddan ortig‘i yoki dunyo aholisining 66 foizi Internetdan foydalanadi. Internet tarmog‘ida 1 milliarddan ortiq saytlar mavjud, har oyda o‘rtacha 201,4 trillion videorolik ko‘rib chiqiladi, 144 milliardga yaqin elektron maktub jo‘natiladi [11].

Mamlakatimiz aholisining 94,2 foizi Internet va ijtimoiy tarmoqlardan foydalanib kelishadi. Mazkur jarayonda virtual makondagi axborot hajmining ortishi hamda Internetning quyidagi qulayliklari ham ekstremistik faoliyatni amalga oshirishga sabab bo‘lmoqda:

– virtual makonda juda ko‘p axborotlarning qisqa muddatlarda tarqatilish imkoniyati mavjudligi;

– virtual makon orqali uzoq masofalardan ishlarni tashkillashtirish uchun imkoniyatlar mavjudligi;

– virtual makonda ekstremistik faoliyat bilan shug‘ullangan shaxslarni aniqlash imkoniyati juda cheklanganligi.

O‘zbekiston sudlari tomonidan 63 nafar shaxsga nisbatan chiqarilgan 37 ta sud hukmini

o‘rganish natijalari bo‘yicha quyidagilar ekstremistik faoliyatning kelib chiqishiga sabab bo‘layotganligi kuzatildi:

– ijtimoiy tarmoqlardan foydalanish madaniyatining yuqori darajada shakllanmaganligi;

– virtual olamda axborot hajmining me’yordan ortiq ko‘payib ketayotganligi, qabul qiluvchining ularni saralash imkoniyatlari cheklanganligi;

– foydalanuvchi tomonidan ijtimoiy tarmoqqa murojaat qilingan vaqtda, dastlab ekstremistik oqim vakillarining materiallari paydo bo‘lishi. Ijtimoiy tarmoqlarning monitoringi shuni ko‘rsatmoqdaki, “YouTube” videoxostingi va “Google” platformasida ma’lumotlar olish maqsadida qidiruv o‘tkazilganda o‘zbek tilida so‘zlashuvchi auditoriya uchun dastlab ekstremistik oqim vakillariga taalluqli bo‘lgan materiallar chiqadi;

– ekstremistik kanal va guruhlarning keng faoliyat olib borayotganligi va ularning faoliyatini batamom cheklash imkoniyatlari chegaralanganligi;

– aholi orasida diniy bilimlarga bo‘lgan ehtiyojning yuqoriligi hamda ushbu ehtiyojlarni ijtimoiy tarmoqlar yordamida qondirishga bo‘lgan intilishlar.

Mamlakatimizda ekstremistik faoliyatning yillar davomida ortib borishiga fuqarolarning ommaviy tarzda diniy e’tiqodga bo‘lgan moyilligining kuchayib borayotganligini ham sabab sifatida ko‘rsatsa bo‘ladi.

Misol uchun, fuqaro A.J. dinga moyilligi va qiziqishi sababli namoz o‘qish tartiblarini o‘rganish maqsadida Internet tarmog‘idan diniy mazmundagi materiallarni muntazam ravishda kuzatib, “You Tube” orqali Sodiq Samarqandiy, Abdullox Zufar, Abdullox domla, Abduvali qori va boshqalarning «Tavhid», «jihod» va boshqa diniy mazmundagi audio va video-fayllarini tanishlari orasida tarqatib kelganligi aniqlangan. Tahlillardan fuqaro A.J. diniy e’tiqodi kuchayib borayotganligi sababli ekstremistik faoliyat bilan shug‘ullangan deb xulosa qilinadi [12].

Shu bilan birga, O‘zbekiston Respublikasining bir guruh fuqarolariga Jinoyat kodeksining 159-moddasi 1-qismi va 244^1-moddasi 3-qismi “g” bandi, 244^2-moddalari bilan jinoyat ishi qo‘zg‘atilib, ularga nisbatan olib borilgan dastlabki tergov jarayonida, jinoyat sodir etilishida diniy savodsizlik, diniy bilim va diniy e’tiqodga moyillikning kuchayib ketganligi asosiy sabab sifatida qayd etilgan [13].

Shuningdek, hozirgi vaqtda O‘zbekiston sharoitida ekstremistik faoliyatning kelib chiqishiga migratsiya jarayonlari ham o‘z ta’sirini ko‘rsatmoqda.

Migratsiya jarayonlarida shaxslarning huquqlari poymol bo‘lishi, og‘ir mehnat sharoitlarida ishlash, chet eldagi begona muhitga moslasha olmaslik, ekstremistik tashkilot va oqimlar vakillarining migrantlar bilan to‘g‘ridan to‘g‘ri muloqot olib borish imkoniyatining mavjudligi kabi holatlar ekstremistik faoliyatni keltirib chiqarmoqda.

Misol uchun, fuqaro K.D. 1996–2008-yillar davomida Turkiya Respublikasida o‘qish va ishlash uchun borgan vaqtida yuqorida keltirilgan shart-sharoitlar tufayli “Nurchilar” ekstremistik oqimi vakillari ta’siriga tushgan. Shundan so‘ng, mamlakatimizga qaytib kelgach, “Nurchilar” g‘oyalarini aholi orasida yoyish hamda yollov tadbirlari bilan shug‘ullanadi [14]. Bunga fuqaro “Nurchilar” ekstremistik oqimi ta’siriga bevosita migratsiya jarayonida emas, balki og‘ir mehnat sharoitida ishlash, begona muhitga moslasha olmaslik, ekstremistik tashkilot va oqimlar vakillarining to‘g‘ridan-to‘g‘ri migrantlar bilan muloqot olib borish imkoniyatlari asosiy sabab bo‘lgan.

Shu nuqtayi nazardan, migratsiyani ekstremizm kelib chiqishining sababi sifatida ko‘rsatish maqsadga muvofiq emas. Fikrimizcha, migratsiya ekstremizmning kelib chiqish sabablarini kuchaytirishga xizmat qiluvchi uzluksiz jarayonlar majmui deb aytilsa, xato bo‘lmaydi.

Ekstremistik faoliyatning shakllaridan bo‘lgan konstitutsiyaviy tuzumga tajovuz qilish va ommaviy tartibsizliklar mamlakatdagi ishsizlik, shaxsning og‘ir oilaviy ahvoli va jamiyatdan norozilik kayfiyati tufayli ham sodir etilishi kuzatilmoqda.

Xususan, fuqaro B.D. Jinoyat kodeksining 159-moddasi 1-qismi va 244-moddasi 2-qismi “b” bandida ko‘rsatib o‘tilgan jinoyatlarni sodir etganligiga tushkun kayfiyatida bo‘lganligi, buning natijasida oilasida ham notinchlik yuzaga kelganligi, ishlamaganligi sababli qarzlari ko‘payib ketganligi, aynan shu vaqtlarda go‘yoki uning bunday ishi yurishmasligida hamma aybdor degan fikrga kelganligi sabab sifatida qayd etilgan [15].

O‘zbekiston Respublikasi Davlat statistika qo‘mitasi tomonidan taqdim etilgan rasmiy ma’lumotlarga ko‘ra, O‘zbekistonda ishsizlik darajasi

14 % ni tashkil etadi. 2024-yilda mehnat migrantlarining O‘zbekistonga qaytish suratining o‘sishi natijasida ishsizlar sonini yanada oshdi. O‘zbekistonda yiliga 900 mingta bo‘sh ish o‘rni yaratish talab etiladi [16].

O‘zbekiston Respublikasi Kambag‘allikni qisqartirish va bandlik vazirligining 2024-yil yakuniy hisobotlariga ko‘ra, mamlakatimizda 3,300 mln aholi kambag‘allar ro‘yxatiga kiritilgan bo‘lib, bu aholi umumiy sonining 8,9 % ni tashkil etadi [17].

Mamlakatimizda fuqarolarning ekstremistik oqim va tashkilotlar ta’siriga tushishiga aholining rasmiy diniy idora vakillariga nisbatan ishonchsizlik bildirishi ham sabab bo‘lmoqda. Ushbu holat bo‘yicha sud hukmlariga murojaat qilinsa, 2024-yil 14-iyun kuni Qashqadaryo viloyati jinoyat ishlari bo‘yicha Chiroqchi tuman sudi tomonidan Jinoyat kodeksining 244^1-moddasi 3-qismi “a” va “g” bandlari hamda 244-moddasi 2-qismi “a” va “b” bandlarida ko‘rsatib o‘tilgan jinoyatlarni sodir etganlikda aybli deb topilgan fuqaro S.O.ning jinoyatni sodir etishiga Misr Arab Respublikasida noqonuniy diniy ta’lim olganligi sabab bo‘lgan [18].

Voyaga yetmagan S.O.ning ota-onasi rasmiy diniy idora vakillariga va O‘zbekistondagi diniy ta’lim muassasalariga ishonchsizligi tufayli farzandini Misr Arab Respublikasiga diniy ta’lim olish uchun yuborib, uni ekstremistik oqimlar ta’siriga tushishiga sababchi bo‘lishgan.

Xulosa qilib aytganda, ekstremistik faoliyat natijasida sodir etiladigan jinoyatlarning sabablari mamlakatda kechayotgan har bir jarayon bilan uzviy bog‘liq holda shakllangan ijtimoiy hodisa. Hech bir sababsiz jinoyat sodir etilishi mumkin emas. Jinoyatning ijtimoiy xususiyat kasb etishining asosiy mezoni uning sababi hisoblanadi.

Jinoyatchilikning, shu jumladan ekstremistik faoliyat natijasida sodir etiladigan jinoyatlarning sabablarini o‘rganishda yagona mezon asosida emas, balki har tomonlama yondashilsa, jinoyatchilikka qarshi kurashish samaradorligini oshirishga erishish mumkin.

Foydalanilgan manbalar

1. Абдурасулова Қ.Р. Криминология: Дарслик. – Тошкент: “Адолат”, 2007. – Б. 28.
2. Каиржанов Э.И. Объект преступления – интересы социальных субъектов: Монография. – Алматы: Экономика, 2008. – С 106–107.
3. Криминология: Учебник / Под ред.В.Д. Малкова. – М., 2004. – С.37.
4. Рустамбаев М.Х., Абдурасулова Қ.Р., Нурмухаммедова Г.Б. Криминология: Дарслик. – Тошкент: Жамоат хавфсизлиги университети, 2024. – Б. 34.
5. Избранные произведения Иеремий Бентама. – СПб., 1967. – С.39.
6. Узденов Р.М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2008. – С. 21.
7. Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом (уголовно-правовой и криминологический аспекты): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2003. – 24–25.
8. Соколов Н.А., Санташов А.Л. Герасимова Е.В. Криминологическая характеристика экстремизма и его связь с терроризмом // Юридические исследования. – Вологда, 2021. – С. 64–70.
9. Бадамшин С. К. Обстоятельства, способствующие совершению преступлений экстремистской и террористической направленности с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей / С. К. Бадамшин, Идельбаева Г. И. // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 4. – С. 63.
10. Иброҳимов Ж.А. Террорчилик хусусиятига эга жиноятларнинг жиноий-ҳуқуқий ва криминологик жиҳатлари: Монография. – Тошкент, 2024. – Б. 216.
11. www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2024-v-ire-i-v-rossi
12. 2024-yil 25-sentyabrdagi jinoyat ishlari bo‘yicha Gurlan tuman sudining 1-2206-2401/49-sonli jinoyat ishi
13. 2025-yil 10-fevraldagi jinoyat ishlari bo‘yicha Qo‘shtepa tuman sudining 1-1512-2501/12- sonli jinoyat ishi; 2024-yil 25-sentyabrdagi jinoyat ishlari bo‘yicha Gurlan tuman sudining 1-2206-2401/50 -sonli jinoyat ishi; 2025-yil 20-fevraldagi jinoyat ishlari bo‘yicha Shahrixon tuman sudining 1-1716-2401/351-sonli jinoyat ishi; 2025-yil 20-fevraldagi jinoyat ishlari bo‘yicha Gurlan tuman sudining 1-2206-2401/90-sonli jinoyat ishi; 2025-yil 3-fevraldagi Toshkent shahar jinoyat ishlari bo‘yicha Yunusobod tuman sudining 1-1004-2402/845-sonli jinoyat ishi; 2025-yil 4-fevraldagi Toshkent viloyati jinoyat ishlari bo‘yicha Bekobod shahar sudining 1-1102-2501/3-sonli jinoyat ishi; 2025-yil 26-fevraldagi jinoyat ishlari bo‘yicha Shahrisabz shahar sudining 1-1815-2501/26-sonli jinoyat ishi; 2025-yil 24-fevraldagi jinoyat ishlari bo‘yicha Andijon viloyati Qo‘rg‘ontepa

tuman sudining 1-1709-2401/304-sonli jinoyat ishi; 2025-yil 4-fevraldagi jinoyat ishlari bo‘yicha Samarqand shahar sudining 1-1401-2503/68-sonli jinoyat ishi; 2025-yil 10-fevraldagi jinoyat ishlari bo‘yicha Kattaqo‘rg‘on shahar sudining 1-1403-2401/186-sonli jinoyat ishi; 2025-yil 6-fevraldagi jinoyat ishlari bo‘yicha Marhamat tuman sudining 1-1710-2401/237-sonli jinoyat ishi; 2025-yil 5-fevraldagi Toshkent shahar jinoyat ishlari bo‘yicha Mirzo Ulug‘bek tuman sudining 1-1001-2502/69-sonli jinoyat ishi.
14. 2024-yil 28-noyabrdagi Toshkent shahar jinoyat ishlari bo‘yicha Shayxontohur tuman sudining 1-1003-2403/693-sonli jinoyat ishi.
15. 2023-yil 5-yanvardagi jinoyat ishlari bo‘yicha Mirzo Ulug‘bek tuman sudining 1-1001-2205/753-sonli jinoyat ishi.
16. Davlat statistika qo‘mitasi tomonidan taqdim etilgan rasmiy statistik ma’lumotlar va Prezident Sh.M. Mirziyoyevning 2024-yil 10-may kuni video selektorda so‘zlagan nutqidan https://www.staet statistic agenciy.uz:
17. O‘zbekiston Respublikasi kambag‘allikni qisqartirish va bandlik vazirligi ma’lumotlari https://gov.uz/oz/bv/news/view/34849.
18. 2024-yil 14-iyun kuni jinoyat ishlari bo‘yicha Chiroqchi tuman sudining 1-1814-2401/71-sonli jinoyat ishi.

ФЕМИЦИД КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА: ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

РАХМАНОВ
Дмитрий Каландарович
Институт парламентских исследований при Законодательной палате Олий Мажлиса РУз., доктор философии по юридическим наукам

САМАТОВА
Жасмина Тохир қизи
Университет мировой экономики и дипломатии, факультет Международного права, студентка 3 курса

Аннотация. *В статье фемицид рассматривается как крайняя форма гендерно обусловленного насилия и самостоятельная социально-правовая проблема. Анализируются международные стандарты защиты женщин, научные подходы к определению фемицида, действующее законодательство Республики Узбекистан и модели уголовно-правового регулирования, применяемые в зарубежных государствах. Обосновывается необходимость разграничения фемицида и иных убийств женщин, раскрываются возможные признаки гендерной обусловленности деяния и предлагаются альтернативные направления совершенствования ст.97 УК Республики Узбекистан.*
Ключевые слова: *фемицид, гендерно обусловленное убийство, насилие в отношении женщин, дискриминация по признаку пола, семейное (бытовое) насилие, уголовная ответственность, сравнительное правоведение, Республика Узбекистан.*

Annotatsiya. *Maqolada femitsid gender asosidagi zo'ravonlikning ashaddiy shakli va mustaqil ijtimoiy-huquqiy muammo sifatida ko'rib chiqiladi. Unda xotin-qizlarni himoya qilishning xalqaro standartlari, femitsid tushunchasini belgilashga doir ilmiy yondashuvlar, O'zbekiston Respublikasining amaldagi qonunchiligi hamda xorijiy davlatlarda qo'llaniladigan jinoyat-huquqiy tartibga solish modellari tahlil qilinadi. Femitsidni ayollarning boshqa turdagi qotilliklaridan farqlash zarurati asoslab beriladi, qilmishning gender omiliga bog'liqligini ko'rsatuvchi ehtimoliy belgilar ochib beriladi hamda O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksining 97-moddasini takomillashtirishning muqobil yo'nalishlari taklif etiladi.*
Kalit so'zlar: *femitsid, gender asosidagi qotillik, xotin-qizlarga nisbatan zo'ravonlik, jinsiy kamsitish (gender diskriminatsiyasi), oilaviy (maishiy) zo'ravonlik, jinoiy javobgarlik, qiyosiy huquqshunoslik, O'zbekiston Respublikasi.*

Abstract. *The article examines femicide as an extreme form of gender-based violence and an independent social and legal problem. It analyzes international standards for the protection of women, scientific approaches to defining femicide, the current legislation of the Republic of Uzbekistan, and models of criminal law regulation applied in foreign countries. The author substantiates the need to distinguish between femicide and other homicides of women, reveals potential indicators of the gender-based nature of the act, and proposes alternative directions for improving Article 97 of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan.*
Keywords: *femicide, gender-based homicide, violence against women, gender discrimination, domestic violence, criminal liability, comparative law, Republic of Uzbekistan.*

Насилие в отношении женщин остается одной из наиболее острых проблем современного общества. Несмотря на развитие международных стандартов защиты прав человека и принятие государствами комплексных мер по предупреждению гендерного насилия, его наиболее тяжким и необратимым последствием продолжает оставаться умышленное лишение жизни женщины, обусловленное ее полом, дискриминационными представлениями либо стремлением установить над ней власть и контроль.

Согласно совместному докладу структуры «ООН-женщины» и Управления ООН по наркотикам и преступности, в 2024 году в мире было умышленно убито около 83,3 тыс. женщин и девочек. Примерно 50 тыс. из них, или 60 процентов, погибли от действий интимных партнеров либо других членов семьи. Иными словами, ежедневно в семейно-бытовой сфере погибали в среднем 137 женщин и девочек [1]. Эти данные показывают, что для значительной части потерпевших опасность исходит не от случайного преступника, а от лица, находящегося с ними в близких, семейных или иных доверительных отношениях.

В международных документах, законодательстве и научной литературе для обозначения гендерно обусловленного убийства женщины используется термин «фемицид» (англ. femicide), а в испаноязычной доктрине также «феминицид» (feminicidio). Современное употребление понятия связывается с выступлением Дианы Э.Х. Расселл в 1976 году, однако его содержание до настоящего времени не получило универсального юридического определения. В наиболее общем виде фемицид характеризуется как крайняя форма насилия в отношении женщин, возникающая в континууме дискриминации, унижения, преследования, принудительного контроля и иных взаимосвязанных форм насилия [2].

Актуальность исследования обусловлена не только масштабом проблемы, но и сложностью ее уголовно-правовой оценки. Не всякое убийство женщины является фемицидом. Для такой квалификации необходимо установить связь между лишением жизни и полом потерпевшей, гендерной ненавистью, дискриминацией либо отношениями подчинения и контроля. Поэтому законодательное закрепление понятия требует одновременно социальной чувствительности и строгого соблюдения принципов законности, виновной ответственности и правовой определенности.

Цель настоящего исследования состоит в обобщении международных, доктринальных и сравнительно-правовых подходов к фемициду и определении возможных направлений совершенствования законодательства Республики Узбекистан. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и доктринальный методы исследования.

Развитие законодательства Республики Узбекистан

В Республике Узбекистан формируется последовательная система правовых гарантий равенства, достоинства и безопасности женщин. Ст. 58 Конституции Республики Узбекистан закрепляет равенство прав женщин и мужчин и обязанность государства обеспечивать равные права и возможности в общественной и государственной жизни [3]. Закон Республики Узбекистан № ЗРУ-562 «О гарантиях равных прав и возможностей для женщин и мужчин» определил основные направления государственной гендерной политики и механизмы предупреждения прямой и косвенной дискриминации по признаку пола [4].

Специальные правовые и организационные механизмы были установлены Законом Республики Узбекистан № ЗРУ-561 «О защите женщин от притеснения и насилия». Закон регулирует предупреждение физического, психологического, сексуального и экономического насилия, выдачу охранного ордера, оказание правовой, социальной и иной помощи пострадавшим [5]. Следующим этапом стал Закон № ЗРУ-829 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с дальнейшим совершенствованием системы надежной защиты прав, свобод и законных интересов женщин и детей», которым, в частности, в

Уголовный кодекс введена ст.126[1] об ответственности за семейное (бытовое) насилие [6].

Вместе с тем статья 97 Уголовного кодекса Республики Узбекистан, устанавливающая ответственность за умышленное убийство, не выделяет убийство женщины по признаку пола ни в качестве самостоятельного состава преступления, ни в качестве квалифицирующего признака [7]. Семейное (бытовое) насилие и фемицид могут пересекаться, однако не совпадают: гендерно обусловленное убийство возможно и вне семьи, тогда как не каждое убийство в семейном конфликте обусловлено полом потерпевшей.

Качественно новый этап связан с Указом Президента Республики Узбекистан № УП-33 «О дополнительных организационно-правовых мерах по усилению защиты прав женщин и детей, а также предотвращению случаев притеснения и насилия в отношении них». Дорожной картой, утвержденной данным Указом, предусмотрена подготовка предложений об установлении ответственности за умышленное убийство женщин по признаку пола (фемицид) [8]. Тем самым вопрос из области преимущественно научной дискуссии перешел в плоскость конкретной законодательной работы.

В 2026 году Узбекистан отмечает 35-летие государственной независимости. За этот исторический период сформирована собственная национальная правовая система, последовательно ориентированная на признание достоинства человека, верховенство закона и усиление гарантий прав личности. В данном контексте дальнейшее совершенствование механизмов защиты жизни и безопасности женщин является не формальной юбилейной мерой, а закономерным продолжением правового развития независимого государства. Постановлением Президента Республики Узбекистан от 2 апреля 2026 года о подготовке и проведении широкого празднования 35-й годовщины независимости особо подчеркнута связь суверенитета с политическим, социальным и правовым прогрессом страны [9].

При использовании национальной статистики необходимо, однако, соблюдать методологическую осторожность. Открытые данные отражают общее количество умышленных убийств и покушений на убийство, тяжких телесных повреждений и пол лиц, совершивших преступления. Например, в опубликованных сведениях за 2025 год указано 316 зарегистрированных умышленных тяжких телесных повреждений. Эти показатели сами по себе не позволяют определить число фемицидов, поскольку не содержат систематизированных данных о поле потерпевшей, характере ее отношений с виновным, предшествующем насилии и гендерном мотиве. Следовательно, введение специальной нормы должно сопровождаться формированием соответствующей статистической методологии.

Международно-правовые стандарты

Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года обязывает государства принимать законодательные и иные меры, включая санкции, необходимые для устранения дискриминации и обеспечения эффективной защиты женщин [10]. Хотя Конвенция непосредственно не использует термин «фемицид», Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин последовательно рассматривает гендерно обусловленное насилие как форму дискриминации, препятствующую осуществлению женщинами основных прав и свобод.

Общая рекомендация №35 Комитета CEDAW 2017 года, обновившая Общую рекомендацию №19, требует придавать уголовно наказуемый характер формам гендерно обусловленного насилия, соответствующим тяжести посягательства, и устанавливать эффективные, соразмерные и сдерживающие санкции [11]. При этом международные стандарты не предписывают государствам единственную юридико-техническую модель. Законодатель вправе установить самостоятельный состав фемицида, дополнить состав убийства квалифицирующим признаком либо учитывать гендерный мотив как общее обстоятельство, отягчающее ответственность. Определяющее значение имеет не название нормы, а ее правовая определенность, применимость и включенность в систему предупреждения насилия.

Существенное значение имеет разработанная UNODC и «ООН-женщины» Статистическая основа измерения гендерно обусловленных убийств женщин и девочек 2022 года [12]. В ней предлагается выявлять гендерную обусловленность не только по прямому выражению ненависти, но и по совокупности обстоятельств: характеру отношений между потерпевшей и виновным, предшествующему насилию, сексуальному посягательству, незаконному лишению свободы, эксплуатации, причинению увечий, способу обращения с телом и иным признакам. Такой подход имеет значение и для уголовного права, поскольку показывает, что мотив и контекст преступления могут подтверждаться системой объективных доказательств.

Научные подходы к понятию фемицида

В научной литературе фемицид рассматривается одновременно как криминологическая категория, форма гендерно обусловленного насилия и возможная уголовно-правовая конструкция. Диана Э.Х. Расселл и Джилл Рэдфорд определяли его через убийство женщин мужчинами по причине принадлежности потерпевших к женскому полу, акцентируя мизогинную направленность деяния [13]. В этой концепции определяющим является не биологический пол жертвы сам по себе, а обусловленность убийства дискриминационным отношением к женщине.

Марсела Лагард развила более широкое понятие «феминицида», включив в него не только акт лишения жизни, но и систему предшествующих нарушений прав женщин, дискриминацию, безнаказанность и недостаточность государственной реакции [14]. С данной точки зрения убийство выступает заключительной стадией длительного процесса насилия. Такой подход важен для криминологии и государственной политики, однако его прямое перенесение в диспозицию уголовно-правовой нормы затруднительно: состав преступления должен содержать конкретные и доказуемые признаки.

Эмануэле Корн, исследуя историю и сравнительные модели криминализации фемицида, обращает внимание на необходимость разграничивать социально-политическое значение термина и требования уголовного закона [15]. И.Н. Вишневецкая также подчеркивает, что основная проблема состоит в квалификации и установлении признаков, позволяющих отличить фемицид от иных убийств женщин [16]. Таким образом, доктринальная дискуссия концентрируется не столько вокруг признания общественной опасности явления, сколько вокруг границ понятия, способа описания гендерного мотива и выбора оптимальной законодательной модели.

Представляется, что для целей уголовного права фемицид может быть определен как умышленное причинение смерти женщине, совершенное по мотиву ненависти или дискриминации по признаку пола либо как крайнее проявление гендерно обусловленного подчинения, обладания, преследования или контроля над ее поведением и личной свободой. При этом факт принадлежности потерпевшей к женскому полу является необходимым, но недостаточным признаком. Убийство женщины при разбойном нападении, в связи с имущественным спором или по иному мотиву, не связанному с ее полом, не должно автоматически признаваться фемицидом.

Основные модели зарубежного законодательства

Сравнительный анализ показывает, что государства используют несколько моделей правового регулирования: самостоятельный состав преступления; квалифицированный вид убийства; законодательное определение фемицида с применением общих составов преступлений; либо учет мотива пола как общего отягчающего обстоятельства.

В Италии Закон от 2 декабря 2025 года № 181 «О введении преступления фемицида и иных нормативных мерах по противодействию насилию в отношении женщин и защите потерпевших» дополнил Уголовный кодекс статьей 577-bis. Самостоятельный состав охватывает убийство женщины, совершенное из ненависти, дискриминации или угнетения, как проявление контроля, обладания или доминирования, в связи с отказом женщины вступить в близкие отношения или продолжить их либо с целью ограничить ее личную свободу. Закон не ограничивается санкцией: он содержит процессуальные, организационные и профилактические меры, включая отчетность о применении нормы [17].

В Хорватии Законом о внесении изменений в Уголовный кодекс, опубликованным в «Официальной газете» № 36/2024, введена статья 111a «Тяжкое убийство лица женского пола (фемицид)». Ответственность наступает за гендерно обусловленное убийство женщины. При установлении этого признака суд учитывает близкие отношения, предшествующее насилие, уязвимость потерпевшей, отношения зависимости или подчинения, обстоятельства сексуального насилия и иные данные, свидетельствующие о гендерно обусловленном характере деяния [18]. Достоинство хорватской модели состоит в соединении общего понятия с перечнем ориентиров для правоприменителя.

Федеральный уголовный кодекс Мексики предусматривает самостоятельный состав феминицида в статье 325. Убийство признается феминицидом при наличии одной или нескольких предусмотренных законом характеристик, среди которых признаки сексуального насилия; причинение унижающих достоинство повреждений; предшествующее семейное, трудовое или иное насилие; наличие близких либо доверительных отношений; угрозы и преследование; незаконное лишение свободы; оставление или публичное выставление тела потерпевшей [19]. Мексиканская конструкция примечательна попыткой объективировать гендерный мотив через конкретные фактические обстоятельства.

В Колумбии Закон от 6 июля 2015 года № 1761, известный как Закон «Роса Эльвира Сели», ввел в Уголовный кодекс статьи 104A и 104B. Феминицид является самостоятельным преступлением, если смерть женщины причинена в связи с тем, что она является женщиной, либо по мотивам ее гендерной идентичности. Закон раскрывает типичные контексты: интимные и семейные отношения, предшествующий цикл насилия, использование тела женщины для удовлетворения сексуальных желаний или совершения преступлений, осуществление власти и контроля, предшествующие акты насилия и лишение свободы. Отдельно установлены квалифицирующие обстоятельства [20].

Аргентина избрала модель квалифицированного убийства. Законом от 14 декабря 2012 года № 26.791 статья 80 Уголовного кодекса дополнена пунктом 11, предусматривающим пожизненное лишение свободы за убийство женщины мужчиной при наличии гендерного насилия [21]. Такая конструкция сохраняет единый состав преступления против жизни, но придает гендерной обусловленности значение квалифицирующего признака.

В Румынии Закон № 53/2026 «О предупреждении и противодействии фемициду и предшествующему ему насилию, а также о внесении изменений и дополнений в отдельные нормативные акты» закрепил развернутые определения фемицида, интимного и косвенного фемицида, установил меры предупреждения, сбора данных и защиты потерпевших, а также внес корреспондирующие изменения в уголовное законодательство [22]. Румынский опыт демонстрирует комплексную модель, в которой уголовно-правовые меры соединены с профилактическими и институциональными механизмами.

Особый подход применен в Республике Молдова. Законом от 10 июля 2025 года № 252 Общая часть Уголовного кодекса дополнена статьей 134^{27}, определяющей фемицид как особо тяжкий акт насилия в отношении женщины, совершенный по мотиву гендерного предубеждения и повлекший смерть потерпевшей [23]. При этом само определение не заменяет соответствующие составы Особенной части, а используется при квалификации убийства, телесных повреждений, семейного насилия и иных деяний. Такая модель подчеркивает системное значение понятия, но требует особенно четкой связи между дефиницией и нормами об ответственности.

Наконец, в Грузии самостоятельного состава фемицида нет, однако часть 3^{1} статьи 53 Уголовного кодекса признает совершение любого преступления по признаку пола или иным дискриминационным основаниям обстоятельством, отягчающим ответственность [24].

Эта модель отличается меньшей символической выраженностью, но позволяет учитывать гендерный мотив применительно ко всем составам преступлений.

Таким образом, зарубежный опыт не подтверждает существования единственно правильной модели. Самостоятельный состав делает явление более заметным, облегчает отдельный статистический учет и позволяет детально описать его признаки. Вместе с тем он может создавать конкуренцию с общей нормой об убийстве и усложнять доказывание. Квалифицирующий признак легче интегрируется в действующую систему преступлений против жизни, однако требует нормативного или судебного разъяснения содержания гендерной обусловленности. Комплексные законы Румынии и Италии дополнительно показывают, что уголовная ответственность должна быть связана с профилактикой, защитой потерпевших и анализом летальных случаев.

Направления совершенствования законодательства Республики Узбекистан

С учетом положений Указа Президента Республики Узбекистан № УП-33 и рассмотренного зарубежного опыта возможны две альтернативные законодательные модели, которые не должны вводиться одновременно.

1. Дополнение части второй статьи 97 Уголовного кодекса квалифицирующим признаком «умышленное убийство женщины по признаку пола (фемицид)». Содержание признака может быть раскрыто в разделе Кодекса о правовом значении терминов либо в примечании к статье. Данная модель соответствует структуре действующего уголовного законодательства и позволяет сохранить единство нормы об умышленном убийстве.

2. Введение самостоятельной статьи, предусматривающей ответственность за фемицид и содержащей исчерпывающее описание его обязательных и квалифицирующих признаков. Такой вариант обладает большей самостоятельностью и статистической заметностью, однако потребует четкого разграничения со статьей 97, нормами о семейном (бытовом) насилии и иными преступлениями против личности.

Для действующей системы Уголовного кодекса более органичной представляется первая модель – дополнение части второй ст. 97 квалифицирующим признаком. Вместе с тем окончательный выбор должен основываться на анализе следственно-судебной практики, национальной статистики и результатах обсуждения с участием специалистов в области уголовного права, криминологии, судебной экспертизы и защиты прав женщин.

Независимо от выбранной модели необходимо нормативно определить признаки, указывающие на гендерную обусловленность убийства. К ним могут относиться: предшествующее физическое, психологическое, сексуальное или экономическое насилие; нарушение охранного ордера; угрозы убийством; систематическое преследование; принудительный контроль за передвижением, общением и доходами потерпевшей; убийство в связи с ее отказом вступить в отношения или продолжить их; месть за обращение в государственные органы; унижающее достоинство обращение с телом; иные обстоятельства, объективно подтверждающие мотив подчинения, обладания либо дискриминации.

Одновременно требуется совершенствование статистического учета. По каждому умышленному убийству женщины целесообразно фиксировать отношения между потерпевшей и обвиняемым, факты предшествующего насилия и обращений за защитой, наличие охранного ордера, признаки преследования, установленный мотив и окончательную судебную квалификацию. Такая информация позволит оценивать не только число зарегистрированных преступлений, но и эффективность механизмов раннего предупреждения.

Фемицид представляет собой не любое убийство женщины, а гендерно обусловленное лишение жизни, связанное с дискриминацией, ненавистью, отношениями власти, подчинения или контроля. Его самостоятельная социальная природа признается международными организациями, национальными законодателями и научным сообществом, однако способы уголовно-правового закрепления существенно различаются.

Законодательная реализация задачи, предусмотренной Указом Президента Республики Узбекистан № УП-33, должна обеспечить баланс между усилением защиты женщин и требованиями правовой определенности. Новая норма будет эффективной лишь при четком описании признаков фемицида, доказуемости гендерной обусловленности, согласованности с действующей системой Уголовного кодекса, отдельном статистическом учете и развитии профилактических механизмов.

В год 35-летия государственной независимости совершенствование уголовно-правовой защиты жизни и достоинства женщин может рассматриваться как закономерное продолжение формирования национального правового государства. Смысл такой реформы состоит не только в усилении наказания за уже совершенное преступление, но прежде всего в способности государства своевременно распознавать опасную эскалацию насилия и предупреждать наиболее тяжкие последствия.

Использованные источники

1. UN Women; UNODC. Femicides in 2024: Global Estimates of Intimate Partner/Family Member Femicides. New York, 2025. URL: https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2025/11/femicides-in-2024-global-estimates-of-intimate-partner-family-member-femicides (дата обращения: 29.07.2026).
2. UN Women. Five essential facts to know about femicide. URL: https://knowledge.unwomen.org/en/articles/explainer/five-essential-facts-to-know-about-femicide (дата обращения: 29.07.2026).
3. Конституция Республики Узбекистан (новая редакция). URL: https://constitution.uz/ru/clause/index (дата обращения: 29.07.2026).
4. Закон Республики Узбекистан от 2 сентября 2019 года № ЗРУ-562 «О гарантиях равных прав и возможностей для женщин и мужчин». URL: https://lex.uz/docs/4494873 (дата обращения: 29.07.2026).
5. Закон Республики Узбекистан от 2 сентября 2019 года № ЗРУ-561 «О защите женщин от притеснения и насилия». URL: https://lex.uz/ru/docs/4494712 (дата обращения: 29.07.2026).
6. Закон Республики Узбекистан от 11 апреля 2023 года № ЗРУ-829 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с дальнейшим совершенствованием системы надежной защиты прав, свобод и законных интересов женщин и детей». URL: https://www.lex.uz/ru/docs/6430278 (дата обращения: 29.07.2026).
7. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-XII (действующая редакция). URL: https://lex.uz/docs/111457 (дата обращения: 29.07.2026).
8. Указ Президента Республики Узбекистан от 3 марта 2026 года № УП-33 «О дополнительных организационно-правовых мерах по усилению защиты прав женщин и детей, а также предотвращению случаев притеснения и насилия в отношении них». URL: https://www.lex.uz/docs/8070196 (дата обращения: 29.07.2026).
9. Постановление Президента Республики Узбекистан от 2 апреля 2026 года «О подготовке и проведении широкого празднования 35-й годовщины государственной независимости Республики Узбекистан». URL: https://president.uz/ru/lists/view/9072 (дата обращения: 29.07.2026).
10. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 года. URL: https://www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/cedaw.htm (дата обращения: 29.07.2026).
11. Committee on the Elimination of Discrimination against Women. General Recommendation No. 35 on gender-based violence against women, updating General Recommendation No. 19. 2017. URL: https://www.ohchr.org/en/documents/general-comments-and-recommendations/general-recommendation-no-35-2017-gender-based (дата обращения: 29.07.2026).
12. UNODC; UN Women. Statistical Framework for Measuring the Gender-related Killing of Women and Girls (Femicide/Feminicide). 2022. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/statistics/Statistical_framework_femicide_2022.pdf (дата обращения: 29.07.2026).
13. Radford J., Russell D. E. H. (eds.). Femicide: The Politics of Woman Killing. New York: Twayne Publishers, 1992.
14. Lagarde y de los Ríos M. Antropología, feminismo y política: violencia feminicida y derechos humanos de las mujeres. URL: https://mujeresdeguatemala.org/wp-content/uploads/2014/06/Violencia-feminicida-y-derechos-humanos-de-las-mujeres.pdf (дата обращения: 29.07.2026).
15. Corn E. Il femminicidio come fattispecie penale: storia, comparazione, prospettive. URL: https://iris.unitn.it/handle/11572/190183 (дата обращения: 29.07.2026).

16. Вишневецкая И.Н. Фемицид: проблемы уголовно-правовой квалификации и криминологические особенности. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/femitsid-problemy-ugolovno-pravovoy-kvalifikatsii-i-kriminologicheskie-osobennosti/viewer (дата обращения: 29.07.2026).
17. Italia. Legge 2 dicembre 2025, n. 181. Introduzione del delitto di femminicidio e altri interventi normativi per il contrasto alla violenza nei confronti delle donne e per la tutela delle vittime. URL: https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2025/12/02/25G00189/sg (дата обращения: 29.07.2026).
18. Croatia. Criminal Code, Article 111a «Aggravated murder of a female person (femicide)», as amended in 2024. URL: https://mpudt.gov.hr/print.aspx?id=25885&url=print (дата обращения: 29.07.2026).
19. México. Código Penal Federal, artículo 325 «Feminicidio» (texto vigente). URL: https://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/CPF.pdf (дата обращения: 29.07.2026).
20. Colombia. Ley 1761 de 2015 «Por la cual se crea el tipo penal de feminicidio como delito autónomo y se dictan otras disposiciones (Rosa Elvira Cely)». URL: https://www.secretariasenado.gov.co/senado/basedoc/ley_1761_2015.html (дата обращения: 29.07.2026).
21. Argentina. Ley 26.791 de 2012; Código Penal de la Nación, artículo 80, inciso 11. URL: https://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/verNorma.do?id=206018 (дата обращения: 29.07.2026).
22. România. Legea nr. 53/2026 pentru prevenirea și combaterea femicidului și a violențelor care îl precedă, precum și pentru modificarea și completarea unor acte normative. URL: https://www.cdep.ro/ords/pls/proiecte/upl_pck2015.proiect?an=2026&nr=42 (дата обращения: 29.07.2026).
23. Republica Moldova. Legea nr. 252 din 10 iulie 2025; Codul penal, articolul 134[27] «Femicid». URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=150197&lang=ro (дата обращения: 29.07.2026).
24. Georgia. Criminal Code of Georgia, Article 53(3[1]) (discriminatory motive as an aggravating circumstance). URL: https://www.matsne.gov.ge/en/document/download/16426/173/en/pdf (дата обращения: 29.07.2026).

VOYAGA YETMAGANLAR JINOYATCHILIGINING MOHIYATI, IJTIMOIY TABIATI VA ILMIY TADQIQ ETISH ZARURATI

BARATOVA
Dilnoza Odiljon qizi
Kriminologiya tadqiqot instituti ilmiy xodimi, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

ABDUHAMIDOV
G‘ayrat Zaynishevich
Kriminologiya tadqiqot instituti ilmiy xodimi

Annotatsiya. *Mazkur maqolada voyaga yetmaganlar jinoyatchiligining ijtimoiy-huquqiy mohiyati, uning kelib chiqish sabablari va determinantlari kriminologik nuqtayi nazardan tahlil qilingan. Xorijiy va milliy olimlarning nazariy qarashlari qiyosiy o‘rganilgan holda voyaga yetmaganlar jinoyatchiligini tushunishda integrativ kriminologik yondashuvning ahamiyati asoslab berilgan. Tadqiqot natijalari asosida profilaktika tizimini takomillashtirishga qaratilgan amaliy takliflar ishlab chiqilgan.*
Kalit so‘zlar: *voyaga yetmaganlar jinoyatchiligi, kriminologik nazariyalar, ijtimoiy determinantlar, profilaktika, integrativ yondashuv.*

Аннотация. *В данной статье с криминологической точки зрения проанализирована социально-правовая природа преступности несовершеннолетних, причины и детерминанты её возникновения. На основе сравнительного изучения теоретических взглядов зарубежных и отечественных учёных обоснована значимость интегративного криминологического подхода к пониманию преступности несовершеннолетних. По итогам исследования разработаны практические предложения по совершенствованию системы профилактики.*
Ключевые слова: *преступность несовершеннолетних, криминологические теории, социальные детерминанты, профилактика, интегративный подход.*

Abstract. *This article analyzes, from a criminological perspective, the socio-legal nature of juvenile delinquency and the causes and determinants underlying its emergence. Through a comparative study of the theoretical views of foreign and national scholars, the significance of an integrative criminological approach to understanding juvenile delinquency is substantiated. Based on the research findings, practical proposals for improving the prevention system are developed.*
Keywords: *juvenile delinquency, criminological theories, social determinants, prevention, integrative approach.*

Huquqbuzarlik hamda jinoyatchilikni keltirib chiqaruvchi sabab va shart-sharoitlarni aniqlash, ularga ta’sir etuvchi omillarni batafsil o‘rganish kriminologik tadqiqotlarning asosiy yo‘nalishlaridan biri hisoblanadi. Zero, jinoyatchilik determinantlarini ilmiy jihatdan tahlil qilish nafaqat nazariy, balki huquqbuzarliklar profilaktikasi samaradorligini oshirish, jinoyatchilikka qarshi kurashish mexanizmlarini takomillashtirish nuqtayi nazaridan ham muhim amaliy ahamiyat kasb etadi. Shu bois jinoyatchilikning kelib chiqish sabablari, uning rivojlanish qonuniyatlari va ijtimoiy omillarini aniqlash kriminologiya fanining ustuvor vazifalaridan biri sifatida e’tirof etiladi.

Mamlakatimizda huquqbuzarliklar profilaktikasini kuchaytirish hamda jinoyatchilikning oldini olish davlat siyosatining ustuvor yo‘nalishi sifatida belgilangan. O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyev ta’kidlaganidek, “jinoyatchilikka qarshi kurashishda uning oqibatlari bilan emas, balki unga sabab bo‘luvchi omillarni bartaraf etishga alohida e’tibor qaratish zarur” [1]. Mazkur konseptual yondashuv jinoyatchilikning determinantlarini chuqur ilmiy tahlil qilish, ayniqsa, voyaga etmaganlar tomonidan sodir etiladigan jinoyatlarning sabablari va ularni vujudga keltiruvchi omillarni kompleks o‘rganish, profilaktika chora-tadbirlarini ilmiy asosda tashkil etish zaruratini yanada dolzarblashtiradi.

Kriminologiya nazariyasida jinoyatchilikning sabablari va unga ta’sir etuvchi omillarning mazmuni hamda o‘zaro nisbati yuzasidan yagona ilmiy yondashuv hozirga qadar shakllanmagan. Ilmiy adabiyotlarda mazkur masalaga nisbatan turli xil konseptual yondashuvlar mavjud bo‘lib, ular jinoyatchilikning paydo bo‘lishini ijtimoiy, iqtisodiy, psixologik, biologik hamda madaniy omillar bilan izohlaydilar. Bu holat, ayniqsa, voyaga yetmaganlar jinoyatchiligida yanada yaqqol namoyon bo‘ladi. Chunki ushbu toifadagi shaxslar xulq-atvoriga nafaqat tashqi ijtimoiy muhit, balki yosh xususiyati, ruhiy rivojlanish darajasi, tarbiya muhiti va shaxsiy psixologik omillar ham bevosita ta’sir ko‘rsatadi.

Voyaga yetmaganlar jinoyatchiligi zamonaviy kriminologiyaning eng dolzarb va murakkab tadqiqot obyektlaridan biri hisoblanadi. Mazkur ijtimoiy-huquqiy hodisa faqatgina muayyan shaxs tomonidan sodir etilgan huquqbuzarliklar yig‘indisi emas, balki o‘smir shaxsining ijtimoiylashuv jarayonida yuzaga keluvchi ijtimoiy, iqtisodiy, ma’naviy va psixologik ziddiyatlarning kompleks natijasi sifatida namoyon bo‘ladi. Shu jihatdan voyaga yetmaganlar jinoyatchiligini o‘rganish faqat huquqiy tahlil bilan cheklanmasdan, kriminologiya, psixologiya, pedagogika, sotsiologiya va viktimologiya kabi sohalarning integratsiyalashgan yondashuvini talab etadi.

Tahlillar voyaga yetmaganlar tomonidan sodir etiladigan jinoyatlarning aksariyati oldindan shakllangan jinoiy maqsad emas, balki nosog‘lom ijtimoiy muhit, tengdoshlar ta’siri, oilaviy muammolar, tarbiyadagi kamchiliklar, shaxsiy barqarorlikning yetarli darajada shakllanmaganligi hamda tashqi salbiy ta’sirlar natijasida sodir etilishini ko‘rsatadi. Shuning uchun mazkur turdagi jinoyatchilikni o‘rganishda, jinoyatning huquqiy kvalifikatsiyasi bilan bir qatorda, uning ijtimoiy-psixologik mexanizmlari ham chuqur tahlil qilinishi lozim.

Uzoq yillar davomida mahalliy va xorijiy kriminolog olimlar voyaga yetmaganlar jinoyatchiligining sabablari va determinantlarini turli yondashuvlar asosida izohlab kelmoqdalar. Ayrim tadqiqotchilar ushbu turdagi jinoyatchilikning asosiy sabablari sifatida o‘smirning yashash, ta’lim olish va mehnat faoliyati davomida uchraydigan salbiy ijtimoiy ta’sirlarni, ta’lim muassasasini tark etish holatlarini, ijtimoiy foydali mehnat bilan band bo‘lmaslikni, kattalar tomonidan sodir etiladigan huquqqa xilof xatti-harakatlarning namuna sifatida qabul qilinishini hamda ommaviy axborot vositalari va raqamli muhit orqali tarqatiladigan zo‘ravonlik, odob-axloq qoidalariga zid, huquqqa nisbatan hurmatsizlik g‘oyalarining ta’sirini ko‘rsatadilar. Shu bilan birga, bolaning nazoratsiz qolishi, ta’lim muassasalarida tarbiyaviy ishlar samaradorligining pastligi, madaniy dam olish imkoniyatlarining cheklanganligi hamda profilaktika subyektlari faoliyatidagi tashkiliy kamchiliklar ham muhim kriminogen omillar sifatida baholanadi.

Jinoyatchilikning sabab va shart-sharoitlarini ilmiy jihatdan izohlashga qaratilgan yuqoridagi yondashuvlar voyaga yetmaganlar jinoyatchiligi ko‘p omilli hamda murakkab ijtimoiy-huquqiy

hodisa ekanligini ko‘rsatadi. Ushbu omillarning mazmuni, o‘zaro ta’siri va jinoiy xulqning shakllanish mexanizmini chuqurroq anglash uchun kriminologiya fanida ishlab chiqilgan nazariy konsepsiyalarga murojaat qilish zarur. Chunki har bir kriminologik nazariya voyaga yetmaganlar jinoyatchiligining muayyan jihatini yoritib, uning kelib chiqish sabablari, rivojlanish qonuniyatlari hamda profilaktika mexanizmlarini turlicha talqin qiladi. Shu nuqtayi nazardan, mazkur nazariyalarni tahlil qilish voyaga yetmaganlar tomonidan sodir etiladigan jinoyatlarning determinantlarini to‘laqonli baholash, ularning o‘zaro bog‘liqligini aniqlash hamda samarali profilaktika chora-tadbirini ilmiy asoslashda muhim nazariy manba hisoblanadi.

Mazkur maqolaning maqsadi – voyaga yetmaganlar jinoyatchiligining ijtimoiy-huquqiy mohiyati, kelib chiqish sabablari va determinantlarini ilmiy jihatdan tahlil qilish, shuningdek ushbu sohada shakllangan xorijiy va milliy kriminologik nazariyalarni qiyosiy o‘rganish orqali voyaga yetmaganlar jinoyatchiligi profilaktikasini takomillashtirishning ilmiy asoslarini ishlab chiqishdan iborat. Maqolada mazkur masalaning nazariy asoslari yoritilib, xorijiy va milliy olimlarning ilmiy qarashlari tahlil qilinadi hamda tadqiqot natijalari asosida profilaktika tizimini takomillashtirishga qaratilgan amaliy takliflar ishlab chiqiladi.

Shu o‘rinda voyaga yetmaganlar jinoyatchiligining shakllanishiga doir nazariy yondashuvlarga to‘xtalamiz. Zero, voyaga yetmaganlar jinoyatchiligining kelib chiqish sabablari va uning ijtimoiy tabiatini tushuntirishga qaratilgan ilmiy qarashlar kriminologiya fani rivojlanishining turli bosqichlarida shakllangan. Mazkur nazariyalar jinoyatchilikni turlicha omillar bilan izohlasada, ularning barchasi voyaga yetmagan shaxs xulqining shakllanishida tashqi ijtimoiy muhit hal qiluvchi ahamiyat kasb etishini e’tirof etadi. Shu nuqtayi nazardan, mazkur nazariyalarni tahlil qilish voyaga yetmaganlar jinoyatchiligining sabablarini har tomonlama baholash hamda profilaktika choralarini ilmiy asoslash imkonini beradi.

Fransuz sotsiologi Emil Dyurkgeym jinoyatchilikni jamiyat taraqqiyoti bilan uzviy bog‘liq bo‘lgan ijtimoiy hodisa sifatida baholaydi. Uning fikricha, jamiyatdagi ijtimoiy me’yorlar zaiflashgan yoki qadriyatlar tizimi izdan chiqqan sharoitda anomiya holati yuzaga keladi. Ana shunday muhitda shaxslar, ayniqsa, ruhiy va ijtimoiy jihatdan to‘liq shakllanmagan o‘smirlarning deviant xulq-atvorga moyilligi kuchayadi [6]. Dyurkgeym nazariyasi voyaga yetmaganlar jinoyatchiligini faqat shaxsiy nuqsonlar bilan emas, balki jamiyatdagi ijtimoiy beqarorlik va qadriyatlar inqirozi bilan bog‘liq holda tahlil qilish zarurligini asoslab beradi.

Amerikalik olim Robert Merton esa jinoyatchilikni “strukturaviy zo‘riqish” (strain theory) orqali tushuntiradi. Uning ta’kidlashicha, jamiyat tomonidan belgilangan maqsadlarga qonuniy yo‘llar orqali erishish imkoniyatlari o‘rtasida nomunosiblik yuzaga kelganda shaxsda ichki ziddiyat paydo bo‘ladi [7]. Ayniqsa, iqtisodiy imkoniyatlari cheklangan yoki ijtimoiy himoyaga muhtoj o‘smirlarda mazkur ziddiyat noqonuniy xatti-harakatlarga moyillikni kuchaytiradi. Bu esa voyaga yetmaganlar jinoyatchiligining ijtimoiy tengsizlik, kambag‘allik va imkoniyatlar cheklanganligi bilan uzviy bog‘liqligini ko‘rsatadi.

Albert Koen o‘zining submadaniyat nazariyasida voyaga yetmaganlar jinoyatchiligining asosiy sabablaridan biri sifatida tengdoshlar guruhi ta’sirini ko‘rsatadi. Olimning fikricha, ijtimoiy e’tirofga erisha olmagan yoki o‘zini jamiyatda namoyon qilish imkoniyati cheklangan o‘smirlar noformal guruhlarga birlashadi va ushbu guruhlarda qabul qilingan qoidalarni o‘zlashtiradi. Natijada guruh manfaatlari qonun talablaridan ustun qo‘yilib, jinoiy xulq shakllanishi uchun qulay muhit yuzaga keladi [8].

Bu nazariya zamonaviy sharoitda yoshlar guruhlari, Internet hamjamiyatlari hamda yopiq ijtimoiy tarmoqlarda shakllanayotgan salbiy submadaniyatlarning ta’sirini baholashda ham dolzarb ahamiyat kasb etadi.

Nemis sotsiologi Ulrix Bek tomonidan ilgari surilgan “tavakkalchilik jamiyati” konsepsiyasi ham voyaga yetmaganlar jinoyatchiligini tushunishda muhim nazariy asoslardan biri hisoblanadi. Uning fikricha, globallashuv, raqamli texnologiyalar rivoji, axborot oqimining keskin ortishi hamda an’anaviy ijtimoiy institutlarning ta’siri susayishi natijasida yangi turdagi ijtimoiy xavflar paydo bo‘lmoqda [14]. Bunday sharoitda o‘smirlar kibermakon orqali jinoiy g‘oyalar, zo‘ravonlik madaniyati va destruktiv

axborot ta’siriga tezroq tushib qolish ehtimoli yuqori bo‘ladi. Shu jihatdan mazkur nazariya raqamli muhitda voyaga yetmaganlar o‘rtasida huquqbuzarliklar profilaktikasini kuchaytirishning nazariy asoslaridan biri sifatida xizmat qiladi.

Yuqorida keltirilgan nazariyalar tahlili shuni ko‘rsatadiki, ularning har biri voyaga yetmaganlar jinoyatchiligining muayyan jihatlarini izohlab beradi. Biroq zamonaviy sharoitda ushbu ijtimoiy-huquqiy hodisani bitta nazariya doirasida to‘liq tushuntirish imkoni mavjud emas. Shu bois voyaga yetmaganlar jinoyatchiligining sabab va shart-sharoitlarini baholashda ijtimoiy, psixologik, pedagogik va huquqiy omillarni kompleks tarzda tahlil qilish maqsadga muvofiq hisoblanadi.

Voyaga yetmaganlar jinoyatchiligini ilmiy jihatdan tushuntirishda XX asrning ikkinchi yarmi va XXI asr boshlarida ishlab chiqilgan kriminologik nazariyalar alohida ahamiyat kasb etadi. Ushbu nazariyalar jinoyatchilikning kelib chiqishini shaxsning biologik xususiyatlari bilan emas, balki uning ijtimoiy muhiti, tarbiyasi, muloqot doirasi hamda ijtimoiy institutlar bilan o‘zaro munosabatlari orqali izohlaydi. Shu jihatdan ular zamonaviy profilaktika tizimining nazariy asosini tashkil etadi.

Amerikalik kriminolog Edvin Sazerlend tomonidan ishlab chiqilgan differensial assotsiatsiyalar nazariyasiga ko‘ra, jinoiy xulq tug‘ma emas, balki u muloqot jarayonida shakllanadi. Olimning ta’kidlashicha, shaxs qonunga itoat qilish yoki huquqbuzarlik sodir etishga oid qarashlarni va ko‘nikmalarni o‘zi muloqot qilayotgan ijtimoiy muhitdan o‘zlashtiradi [9]. Shu nuqtayi nazaridan, nosog‘lom tengdoshlar muhiti, jinoyat sodir etgan shaxslar bilan doimiy muloqot ustunligi voyaga yetmaganlarda huquqqa zid xulq shakllanishiga xizmat qiladi.

Mazkur nazariyaning ahamiyati shundaki, u voyaga yetmaganlar jinoyatchiligining oldini olishda faqat huquqiy ta’sir choralari yetarli emasligini, balki o‘smirning muloqot muhitini sog‘lomlashtirish, uni ijtimoiy foydali jamoalarga jalb etish va oila hamda ta’lim muassasalarining tarbiyaviy imkoniyatlarini kuchaytirish zarurligini asoslab beradi.

Trevis Xirshi tomonidan ishlab chiqilgan ijtimoiy nazorat nazariyasiga ko‘ra, insonning jinoyat sodir etmasligiga asosiy sabab tashqi jazodan qo‘rqishi emas, balki uning jamiyat bilan mavjud ijtimoiy bog‘liqliklaridir. Olim oila, maktab, mahalla, mehnat jamoasi va boshqa ijtimoiy institutlar bilan mustahkam aloqalarga ega bo‘lgan o‘smirlarda huquqbuzarlik sodir etish ehtimoli ancha past bo‘lishini ta’kidlaydi [10].

Bu nazariya voyaga yetmaganlar profilaktikasi nuqtayi nazaridan muhim amaliy ahamiyatga ega. Chunki profilaktika choralari o‘smirni jazolashga emas, balki uning oila, ta’lim muassasasi, mahalla va jamoatchilik bilan ijtimoiy aloqalarini mustahkamlashga qaratilganda yuqori samaradorlikka erishish mumkin.

Ronald Eykers Sazerlend nazariyasini rivojlantirib, ijtimoiy o‘rganish nazariyasini shakllantirgan. Uning fikricha, jinoiy xulq nafaqat kuzatish va muloqot orqali, balki rag‘batlantirish, taqlid qilish va mukofotlash mexanizmlari orqali ham shakllanadi. Agar huquqqa zid xatti-harakat ijobiy baholansa yoki ma’lum manfaat keltirsa, o‘smir uni takrorlashga moyil bo‘ladi [11].

Zamonaviy raqamli makonda mazkur nazariyaning ahamiyati yanada ortib bormoqda. Ijtimoiy tarmoqlarda zo‘ravonlikni targ‘ib qiluvchi kontentlar, destruktiv Internet guruhlari hamda kiberjinoyatchilikka oid ma’lumotlar o‘smirlarda huquqqa zid xulqni o‘rganish mexanizmini tezlashtirishi mumkin. Shu bois profilaktika jarayonida raqamli muhit xavflarini inobatga olish dolzarb ahamiyat kasb etadi.

Amerikalik olim Uriye Bronfenbrenner inson rivojlanishining ekologik tizimlar nazariyasini ishlab chiqqan. Unga ko‘ra, bolaning shaxsiy rivojlanishi bir vaqtning o‘zida oila, ta’lim muassasasi, mahalla, ommaviy axborot vositalari, davlat siyosati hamda keng ijtimoiy muhit ta’siri ostida kechadi. Shu sababli o‘smirning jinoiy xulqi birgina omil ta’sirida emas, balki turli ijtimoiy tizimlardagi muammolarning yig‘indisi sifatida shakllanadi [12].

Ushbu yondashuv profilaktika faqat huquqni muhofaza qiluvchi organlar vazifasi emasligini, balki davlat organlari, ta’lim muassasalari, mahalla, ota-onalar va fuqarolik jamiyati institutlarining o‘zaro hamkorligi asosida amalga oshirilishi lozimligini ilmiy jihatdan asoslaydi.

Avstraliyalik olim Jon Breytueytning reintegrativ uyaltirish nazariyasi ham voyaga yetmaganlar jinoyatchiligi profilaktikasida muhim ahamiyatga ega. Olimning fikricha, huquqbuzarlik sodir etgan o‘smirni jamiyatdan chetlatish emas, balki qilmishini qoralagan holda uni jamoaga qayta moslashtirish maqsadga muvofiq [13]. Bu yondashuv o‘smir shaxsini emas, uning xatti-harakatini qoralashga asoslanadi.

Mazkur nazariya adliya, mediatsiya va probatsiya institutlarining rivojlanishi uchun muhim nazariy asos bo‘lib xizmat qiladi. Ayniqsa, birinchi marta jinoyat sodir etgan voyaga yetmaganlarga nisbatan qayta ijtimoiylashtirish choralarini qo‘llash retsidiv jinoyatchilikning oldini olishda samarali mexanizm sifatida baholanadi.

Yuqorida tahlil qilingan nazariyalar voyaga yetmaganlar jinoyatchiligi ko‘p omilli ijtimoiy-huquqiy hodisa ekanligini ko‘rsatadi. Uni faqat huquqiy ta’sir choralari orqali bartaraf etish mumkin emas. Samarali profilaktika ijtimoiy muhitni sog‘lomlashtirish, oila institutini mustahkamlash, ta’lim tizimi imkoniyatlarini kengaytirish, raqamli muhit xavflarini kamaytirish hamda o‘smirlarning ijtimoiy moslashuvini ta’minlashga qaratilgan kompleks chora-tadbir tizimiga asoslanishi lozim.

Mustaqillik yillarida mamlakatimizda ham voyaga yetmaganlar jinoyatchiligini o‘rganishga bag‘ishlangan qator fundamental va amaliy tadqiqotlar amalga oshirildi. Mazkur tadqiqotlarda o‘smirlar jinoyatchiligining sabablari, uning ijtimoiy-psixologik xususiyatlari, profilaktika mexanizmlari hamda davlat va jamiyat institutlarining o‘zaro hamkorligi masalalari atroflicha tahlil qilingan. Shu bilan birga, zamonaviy ijtimoiy munosabatlar, raqamli texnologiyalar rivoji hamda globallashuv jarayonlari ushbu sohadagi ilmiy qarashlarni yanada takomillashtirishni talab etmoqda.

Professor Z.S. Zaripov o‘z tadqiqotlarida jinoyatchilik profilaktikasini huquqni muhofaza qiluvchi organlar faoliyati bilan cheklab bo‘lmasligini ta’kidlaydi. Olimning fikricha, huquqbuzarliklarning oldini olish avvalo ijtimoiy muhitni sog‘lomlashtirish, aholining huquqiy ongi va huquqiy madaniyatini yuksaltirish hamda davlat organlari bilan fuqarolik jamiyati institutlari o‘rtasida samarali hamkorlikni yo‘lga qo‘yishga bog‘liq [3].

Mazkur yondashuv voyaga yetmaganlar jinoyatchiligi profilaktikasi uchun ham muhim ahamiyatga ega. Chunki o‘smirning shaxsi bir vaqtning o‘zida oila, ta’lim muassasasi, mahalla va tengdoshlar muhiti ta’sirida shakllanadi. Demak, profilaktika choralari ham kompleks xususiyat kasb etishi lozim.

Professor M.X. Rustambayev jinoyatchilikning huquqiy tabiatini tahlil qilar ekan, voyaga yetmaganlarga nisbatan qo‘llaniladigan jinoiy-huquqiy choralarning asosiy maqsadi jazolash emas, balki ularni qayta tarbiyalash va jamiyatga moslashtirish ekanligini ta’kidlaydi [2]. Olimning ushbu qarashi xalqaro huquqning bola manfaatlari ustuvorligi tamoyiliga ham to‘liq mos keladi.

Ushbu yondashuvdan kelib chiqib aytish mumkinki, o‘smirga nisbatan qo‘llaniladigan har qanday huquqiy ta’sir chorasi uning kelajakda ijtimoiy hayotga qaytishiga xizmat qilishi lozim. Aks holda jazo profilaktika vazifasini emas, balki, aksincha, retsidiv xavfini kuchaytiruvchi omilga aylanishi mumkin.

Amaliyotchi olim Sh.T. Ikramov profilaktika subyektlarining o‘zaro hamkorligiga alohida e’tibor qaratib, huquqbuzarliklarning oldini olishda davlat organlari bilan bir qatorda ta’lim muassasalari, mahalla fuqarolar yig‘inlari, oila va keng jamoatchilik ishtirokining ahamiyatini ta’kidlaydi [5].

Ushbu fikr bugungi kunda yanada dolzarb ahamiyat kasb etmoqda. Chunki tahlillar shuni ko‘rsatadiki, voyaga yetmaganlar tomonidan sodir etilayotgan huquqbuzarliklarning aksariyati profilaktika subyektlari o‘rtasidagi axborot almashinuvi va hamkorlikning yetarli darajada tashkil etilmaganligi bilan ham bog‘liq.

Yuridik fanlar doktori S.Abdullayeva o‘z tadqiqotlarida voyaga yetmaganlar jinoyatchiligida gender omillarining ahamiyatini alohida o‘rgangan. Olimaning ta’kidlashicha, o‘g‘il bolalar va qizlar tomonidan sodir etiladigan jinoyatlar nafaqat miqdor jihatdan, balki ularning motivlari, ijtimoiy omillari va psixologik xususiyatlari bilan ham farq qiladi [4]. Shu sababli profilaktika choralarini ishlab chiqishda gender yondashuvini hisobga olish muhim ahamiyatga ega.

Mazkur ilmiy yondashuv zamonaviy kriminologiyada tobora keng qo‘llanilmoqda. Chunki o‘g‘il bolalarda agressiv va zo‘ravonlikka moyil xatti-harakatlar ko‘proq uchrasa, qizlarda oilaviy muhit, psixologik bosim, ijtimoiy himoyaning yetishmasligi kabi omillar huquqbuzarlik sodir etish

ehtimoliga ko‘proq ta’sir ko‘rsatadi. Demak, profilaktika tadbirlari ham ushbu xususiyatlarni inobatga olgan holda differensial tarzda tashkil etilishi maqsadga muvofiq.

Xulosa va takliflar. Yuqorida keltirilgan xorijiy va milliy olimlarning qarashlari tahlili shuni ko‘rsatadiki, voyaga yetmaganlar jinoyatchiligining kelib chiqishini yagona omil bilan izohlash ilmiy jihatdan to‘g‘ri emas. Anomiya, strukturaviy zo‘riqish, submadaniyat, differensial assotsiatsiyalar, ijtimoiy nazorat, ijtimoiy o‘rganish, ekologik tizimlar va reintegrativ uyaltirish kabi xorijiy nazariyalar, shuningdek, milliy olimlarning tadqiqotlari ushbu hodisaning alohida jihatlarini ochib bersada, ularning har biri muayyan masalani yoritish bilan cheklanadi va zamonaviy raqamli muhit ta’sirini kompleks tarzda qamrab ola olmaydi. Shu bois voyaga yetmaganlar jinoyatchiligi ijtimoiy, iqtisodiy, psixologik, pedagogik, huquqiy va raqamli muhit omillarining o‘zaro bog‘liq ta’siri natijasida yuzaga keladigan ko‘p omilli ijtimoiy-huquqiy hodisa sifatida baholanishi lozim.

Shu nuqtayi nazardan, fikrimizcha, voyaga yetmaganlar jinoyatchiligini o‘rganishda integrativ kriminologik yondashuvdan foydalanish maqsadga muvofiq. Mazkur yondashuv jinoyatchilikni faqat huquqiy nuqtayi nazardan emas, balki kriminologiya, pedagogika, psixologiya, sotsiologiya, viktimologiya va raqamli xavfsizlik sohalari bilan o‘zaro bog‘liq holda tadqiq etish imkonini beradi. Zamonaviy sharoitda Internet tarmog‘i, ijtimoiy tarmoqlar, virtual guruhlar va sun’iy intellekt texnologiyalari o‘smirlar hayotining ajralmas qismiga aylanib borayotganini inobatga olib, profilaktika tizimi an’anaviy usullar bilan cheklanib qolmasdan, raqamli muhitdagi kriminogen xavflarni aniqlash va o‘smirlarda axborot xavfsizligi madaniyatini shakllantirishni ham qamrab olishi, bunda huquqiy, psixologik, pedagogik, ijtimoiy va axborot xavfsizligi mexanizmlari o‘zaro uyg‘un holda qo‘llanilishi lozim.

Shuningdek, profilaktika samaradorligini oshirishning asosiy sharti huquqbuzarlik sodir etilgandan keyin ta’sir choralarini qo‘llash emas, balki jinoyatchilikni keltirib chiqaruvchi ijtimoiy omillarni erta aniqlash va ularni bartaraf etish hisoblanadi. Demak, profilaktikaning asosiy vazifasi o‘smirni javobgarlikka tortish emas, balki uning jinoiy xulqi shakllanishiga sabab bo‘ladigan ijtimoiy muhitini o‘z vaqtida sog‘lomlashtirishdan iborat bo‘lib, bu esa zamonaviy kriminologiyaning profilaktikaga yo‘naltirilgan konsepsiyasiga to‘liq mos keladi.

Olib borilgan tadqiqot natijalari asosida quyidagi takliflarni ilgari surish mumkin:

1. Voyaga yetmaganlar jinoyatchiligini barvaqt aniqlash va oldini olishga qaratilgan milliy kriminologik monitoring tizimini takomillashtirish.

2. Oila, ta’lim muassasasi, mahalla, probatsiya xizmati va huquqni muhofaza qiluvchi organlar o‘rtasida elektron axborot almashinuvi mexanizmlarini yanada rivojlantirish.

3. Raqamli muhitdagi kriminogen xavflarni baholash hamda Internet orqali tarqatiladigan destruktiv axborotlarning o‘smirlar ongiga ta’sirini kamaytirishga qaratilgan profilaktik dasturlarni ishlab chiqish.

4. Gender xususiyatlarini hisobga olgan holda o‘g‘il bolalar va qizlar uchun differensial profilaktika dasturlarini joriy etish.

5. Ilk bor huquqbuzarlik sodir etgan voyaga yetmaganlarga nisbatan restorativ adliya, mediatsiya va ijtimoiy reabilitatsiya mexanizmlarini keng qo‘llash.

6. Voyaga yetmaganlar bilan ishlovchi profilaktika subyektlari uchun kriminologiya, bolalar psixologiyasi, mediatsiya va kiberxavfsizlik sohalari bo‘yicha maxsus malaka oshirish dasturlarini takomillashtirish.

Foydalanilgan manbalar

1. O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyevning korrupsiyaviy va iqtisodiy huquqbuzarliklarga qarshi kurashish, komplaens nazoratini takomillashtirish masalalariga bag‘ishlangan yig‘ilishdagi ma’ruzasidan // Prezidentning rasmiy veb-sayti. – 2025-yil 12-dekabr.
2. Rustambayev M.X. O‘zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksiga sharhlar. Umumiy qism. – Toshkent: “Yuridik adabiyotlar publish”, 2021. – 560 b.
3. Zarifov Z. S. Kriminologiya. Darslik. – Toshkent: TDYUU nashriyoti, 2020. – 340 b.
4. Abdullayeva S. O‘smirlar jinoyatchiligida gender omillarining kriminologik xususiyatlari. – Toshkent, 2021. – 180 b.
5. Ikramov Sh.T. Huquqbuzarliklar profilaktikasining nazariy va amaliy asoslari. – Toshkent: TDYUU, 2020. – 220 b.
6. Durkheim E. The Division of Labor in Society. – New York: Free Press, 1997. – 392 p.
7. Merton R.K. Social Theory and Social Structure. – New York: Free Press, 1968. – 702 p.
8. Cohen A.K. Delinquent Boys: The Culture of the Gang. – New York: Free Press, 1955. – 202 p.
9. Sutherland E.H., Cressey D.R. Principles of Criminology. – Philadelphia: Lippincott, 1978. – 654 p.
10. Hirschi T. Causes of Delinquency. – Berkeley: University of California Press, 1969. – 309 p.
11. Akers R.L. Social Learning and Social Structure: A General Theory of Crime and Deviance. – Boston: Northeastern University Press, 1998. – 420 p.
12. Braithwaite J. Crime, Shame and Reintegration. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 236 p.
13. Bronfenbrenner U. The Ecology of Human Development. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979. – 352 p.
14. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. — London: SAGE Publications, 1992. – P. 91–110.

ICHKI ISHLAR ORGANLARI XODIMLARINING QONUNIY HUQUQ VA MANFAATLARINI HIMOYA QILISHNING HUQUQIY MEXANIZMLARINI TAKOMILLASHTIRISH

TURAYEV
Murodxon Ayubxonovich
Ichki ishlar vazirligi Malaka oshirish instituti, dotsent

Annotatsiya. *Maqolada O'zbekiston Respublikasi ichki ishlar organlari xodimlarining qonuniy huquq va manfaatlarini himoya qilishning huquqiy mexanizmlari kompleks ravishda tadqiq etiladi. Ichki ishlar organlari xodimlarining huquqiy maqomi tushunchasi, uning tarkibiy elementlari, mehnat va ijtimoiy huquqlari, xizmat xavfsizligi, psixologik himoya, intizomiy javobgarlik, xizmat tekshiruvi, noqonuniy topshiriqlardan himoyalanish hamda buzilgan huquqlarni tiklash mexanizmlari tahlil qilinadi. Shu bilan birga, xizmat faoliyatining o'ziga xosligi, yuqori mas'uliyat, jismoniy va psixologik zo'riqish, xizmat intizomining qat'iyligi hamda ayrim hollarda hayot va sog'liq uchun xavf mavjudligi xodimlarning huquqiy himoyasiga alohida yondashuvni talab qilishi asoslanadi. Xorijiy va mahalliy ilmiy qarashlar asosida mualliflik pozitsiyasi shakllantirilib, amaldagi tizimni takomillashtirish bo'yicha ilmiy-amaliy takliflar ishlab chiqiladi.*

Kalit so'zlar: *ichki ishlar organlari, xodim, huquqiy maqom, huquqiy himoya, ijtimoiy himoya, xizmat intizomi, xizmat tekshiruvi, mehnat huquqlari, xizmat xavfsizligi, davlat xizmati, qonuniy manfaat.*

Аннотация. *В статье всесторонне изучены правовые механизмы защиты законных прав и интересов работников органов внутренних дел Республики Узбекистан. Проанализированы концепция правового статуса работников органов внутренних дел, ее структурные элементы, трудовые и социальные права, безопасность труда, психологическая защита, дисциплинарная ответственность, служебный надзор, защита от незаконных назначений и механизмы восстановления нарушенных прав. Одновременно утверждается, что специфика служебной деятельности, высокая ответственность, физический и психологический стресс, строгость служебной дисциплины, а в некоторых случаях наличие угрозы жизни и здоровью требуют особого подхода к правовой защите работников. На основе зарубежных и отечественных научных взглядов сформулирована позиция автора и разработаны научно-практические предложения по совершенствованию существующей системы.*
Ключевые слова: *органы внутренних дел, работник, правовой статус, правовая защита, социальная защита, служебная дисциплина, служебный надзор, трудовые права, безопасность труда, государственная служба, законный интерес.*

Abstract. *The article comprehensively studies the legal mechanisms for protecting the legitimate rights and interests of employees of the internal affairs bodies of the Republic of Uzbekistan. The concept of the legal status of employees of the internal affairs bodies, its structural elements, labor and social rights, service safety, psychological protection, disciplinary liability, service inspection, protection from illegal assignments and mechanisms for restoring violated rights are analyzed. At the same time, it is argued that the specificity of service activities, high responsibility, physical and psychological stress, strictness of service discipline, and in some cases the presence of a threat to life and health require a special approach to the legal protection of employees. Based on foreign and domestic scientific views, the author's position is formulated and scientific and practical proposals are developed to improve the current system.*
Keywords: *internal affairs bodies, employee, legal status, legal protection, social protection, service discipline, service inspection, labor rights, service safety, public service, legitimate interest.*

Huquqiy davlatning muhim belgilaridan biri inson huquq va erkinliklarining nafaqat e’tirof etilishi, balki ularning amalda samarali himoya qilinishidir. Bunday himoyani ta’minlashda huquqni muhofaza qiluvchi davlat organlari alohida o‘rin egallaydi. Xususan, ichki ishlar organlari jamoat tartibini saqlash, jamoat xavfsizligini ta’minlash, jinoyatchilikka qarshi kurashish, huquqbuzarliklarning oldini olish va fuqarolarning huquq va qonuniy manfaatlarini himoya qilish kabi muhim vazifalarni amalga oshiradi [1].

Ichki ishlar organlari xodimining xizmat faoliyati boshqa ko‘plab kasblardan o‘zining yuqori mas’uliyati va xavfliligi bilan ajralib turadi. Xodim jinoyat sodir etilgan joyga birinchi bo‘lib yetib borishi, huquqbuzarlik sodir etayotgan shaxsni ushlashi, jabrlanganlarga yordam ko‘rsatishi, jamoat tartibini saqlashi kerak, qolaversa, qurollangan yoki tajovuzkor shaxslar bilan to‘qnashishi mumkin [2].

Demak, davlat xodimdan fuqarolarning huquqlarini himoya qilishni talab qilar ekan, xodimning ham huquq va qonuniy manfaatlari samarali kafolatlanishi lozim [3].

Mazkur masalaning dolzarbligi shundaki, ichki ishlar organlari xodimlarining huquqiy himoyasi faqat xodim manfaatlarini ta’minlash masalasi emas. U bevosita huquqni muhofaza qiluvchi tizimning samaradorligi, xodimlarning xizmatga munosabati, qonuniylikka rioya qilishi va fuqarolar bilan munosabatlarning sifatiga ham ta’sir ko‘rsatadi [4]. Shu sababli “xodimning huquqlarini himoya qilish” va “xodimning xizmat intizomini ta’minlash” masalalarini bir-biriga qarama-qarshi qo‘yish emas, balki ularni yagona tizim sifatida ko‘rish zarur.

Ichki ishlar organlari xodimining huquqiy maqomi uning davlat xizmati doirasidagi huquq va majburiyatlari, qonuniy cheklovlari, xizmat kafolatlari hamda javobgarligi majmuini anglatadi.

Huquqshunoslikda “huquqiy maqom” tushunchasi shaxsning jamiyat va davlat bilan huquqiy munosabatlaridagi o‘rnini belgilovchi asosiy yuridik kategoriyalardan biri sifatida qaraladi.

Mazkur masala ichki ishlar organlari xodimlariga nisbatan o‘ziga xos xususiyatga ega. Chunki xodim bir vaqtning o‘zida: fuqaro; davlat xizmatchisi; huquqni muhofaza qiluvchi organ vakili; maxsus vakolatlarga ega mansabdor shaxs sifatida namoyon bo‘ladi.

S.P. Matveyevning ilmiy tadqiqotlarida ichki ishlar organlari xodimlarining huquqiy maqomi alohida huquqiy kategoriya sifatida ko‘rib chiqilib, “huquqiy maqom” va “huquqiy holat” tushunchalarining o‘zaro nisbati hamda xodimning huquqiy maqomini normativ tartibga solish masalalariga e’tibor qaratiladi [6].

A.V. Olshevskaya esa ichki ishlar organlari xodimining ma’muriy-huquqiy maqomini huquq va majburiyatlar, xizmatdagi cheklov va taqiqlar, xizmat kafolatlari hamda yuridik javobgarlik bilan bog‘liq kompleks tizim sifatida tahlil qiladi [7].

Mazkur ilmiy qarashlardan kelib chiqib, bizningcha, ichki ishlar organlari xodimining huquqiy maqomini faqat huquq va majburiyatlar bilan cheklab qo‘yish noto‘g‘ri. Fikrimizcha, ichki ishlar organlari xodimining huquqiy maqomi kamida besh elementdan iborat bo‘lishi kerak:

- huquq va majburiyatlar;
- xizmatdagi huquqiy cheklovlar;
- ijtimoiy va huquqiy kafolatlar;
- huquqlarni amalga oshirish mexanizmlari;
- huquq buzilganda himoyalanish va tiklanish mexanizmlari.

Ayniqsa, oxirgi ikki element ko‘pincha nazariy jihatdan yetarli darajada ajratib ko‘rsatilmaydi. Chunki shaxsga huquq berishning o‘zi yetarli emas. Ushbu huquqni amalga oshirish va buzilgan taqdirda uni tiklash mexanizmi mavjud bo‘lmasa, huquq faqat deklarativ xarakterda qolishi mumkin. Ichki ishlar organlari faoliyatining o‘ziga xos xususiyati xodim zimmasiga katta miqdorda majburiyat yuklanishidir.

Xodimning asosiy vazifasi fuqarolarning huquq va erkinliklarini, jismoniy va yuridik shaxslarning qonuniy manfaatlarini, jamoat tartibini va xavfsizligini himoya qilishdan iborat. Biroq xizmat majburiyatlarining kengligi, mas’uliyati xodimning huquqlarini ikkinchi darajali masalaga aylantirmasligi kerak. Aksincha, huquq va majburiyatlar o‘rtasida mutanosiblik mavjud bo‘lishi lozim.

Xodim zimmasiga yuklatilgan har bir qo‘shimcha majburiyat tegishli tashkiliy, moddiy, texnik va ijtimoiy kafolatlar bilan ta’minlanishi zarur. Masalan, xodimdan tun-u kun xizmat qilish talab etilsa, bu uning dam olish huquqiga ta’sir qiladi.

Bunday holatda qo‘shimcha xizmat yuklamasining kompensatsiyasi va dam olish mexanizmlari aniq belgilanishi kerak.

Xuddi shuningdek, xodimdan yuqori xavfli vaziyatlarda xizmat qilish talab qilinsa, davlat uning hayoti va sog‘lig‘ini himoya qilish uchun zarur vositalar bilan ta’minlashi lozim. Demak, *“majburiyat – vakolat – kafolat” uchligi* ichki ishlar organlaridagi xizmatning asosiy huquqiy formulasiga aylanishi maqsadga muvofiq.

Ichki ishlar organlari xodimlarining huquqiy himoyasi ijtimoiy himoya bilan bevosita bog‘liq. Ijtimoiy himoya xodimning mehnatiga haq to‘lash, sog‘lig‘ini saqlash, sug‘urta, pensiya, dam olish, uy-joy, xizmat vaqtida yetkazilgan zararni qoplash va boshqa kafolatlarni o‘z ichiga oladi.

Ichki ishlar organlari xodimlarining ijtimoiy himoyasi O‘zbekistonda ham ilmiy tadqiqotlar predmetiga aylangan. Xususan, L. Radjapovaning maqolasida ichki ishlar organlari xodimlari, ayniqsa, ayol xodimalarning ijtimoiy himoyasiga oid huquqiy asoslar, muammolar va ularni takomillashtirish bo‘yicha takliflar tahlil qilingan [8].

Mazkur tadqiqotning ahamiyatli jihati shundaki, unda xodimlarning ijtimoiy himoyasi umumiy kategoriya sifatida emas, balki xodimlarning turli guruhlari ehtiyojlarini hisobga olgan holda o‘rganilishi lozimligi ko‘rsatiladi.

Bizningcha, xodimlarning ijtimoiy himoyasini uch darajada ko‘rish mumkin:

Birinchi daraja – umumiy ijtimoiy kafolatlar. Bular barcha xodimlarga tegishli bo‘lgan mehnat va ijtimoiy huquqlar.

Ikkinchi daraja – maxsus xizmat kafolatlari. Bular ichki ishlar organlari xizmatining xavfli va alohida xususiyatidan kelib chiqadigan kafolatlar.

Uchinchi daraja – kompensatsion (tovon) kafolatlar. Ular xizmat faoliyati sababli xodim yoki uning oila a’zolariga yetkazilgan zarar yoki yuzaga kelgan alohida ijtimoiy oqibatlarni qoplashga qaratiladi. Shu jihatdan ijtimoiy himoya faqat “imtiyoz” sifatida emas, balki davlat xizmatining o‘ziga xos xususiyatidan kelib chiqadigan *huquqiy kafolat* sifatida tushunilishi lozim.

Ichki ishlar organlarida xodimlarning xizmat yuklamasi masalasi alohida ilmiy va amaliy ahamiyatga ega. Xodim xizmat vaqtida sodir bo‘layotgan hodisalarga tezkor munosabat bildirishi kerak. Ayrim hollarda xizmat vaqtining oldindan aniq chegaralanishi ham qiyin. Biroq xizmatning o‘ziga xosligi dam olish huquqining amalda cheklanishiga olib kelmasligi kerak [9].

Haddan tashqari xizmat yuklamasi quyidagi salbiy oqibatlarni keltirib chiqarishi mumkin:

- xodimning jismoniy charchashi;
- psixologik zo‘riqish;
- xizmat samaradorligining pasayishi;
- qaror qabul qilish sifatining yomonlashuvi;
- oilaviy muammolarning ko‘payishi;
- kasbiy kuyish sindromining kuchayishi [10].

Shu sababli xizmat yuklamasini baholashning obyektiv mezonlarini ishlab chiqish zarur. Bizningcha, xodimning xizmat yuklamasini baholashda faqat xizmatda bo‘lgan soatlar emas, balki: navbatchiliklar soni; tungi xizmat; chaqiruvlar soni; xizmat hududining kriminogen holati; xavfli operatsiyalarda ishtirok; ommaviy tadbirlarda xizmat; xizmatdan tashqari vaqtda chaqirilish holatlari ham hisobga olinishi lozim.

• Ichki ishlar organlari xodimining huquqiy himoyasi faqat yuridik vositalar bilan cheklanmasligi kerak. Zamonaviy yondashuvda xodimning psixologik xavfsizligi ham xizmat huquqlarining tarkibiy elementi sifatida ko‘rilishi lozim. Ichki ishlar organlari xodimi muntazam ravishda zo‘ravonlik, jinoyat, o‘lim, oilaviy nizolar va boshqa stressli vaziyatlar bilan to‘qnashadi. Shu sababli psixologik xizmat:

- profilaktik maslahat;
- individual psixologik monitoring;
- stressni boshqarish;
- og‘ir hodisalardan keyingi reabilitatsiya;
- kasbiy kuyishning oldini olish;
- oilaviy muammolar bo‘yicha maslahat yo‘nalishlarini qamrab olishi kerak [11].

Bunda eng muhim masala – *maxfiylik.* Xodim psixologga murojaat qilgani uning xizmat faoliyatiga salbiy ta’sir qilishi mumkin degan xavotirda bo‘lsa, bunday xizmatdan foydalanish samaradorligi pasayadi. Shuning uchun psixologik xizmatga murojaat qilgan xodimni asossiz ravishda “muammoli xodim” sifatida baholashga yo‘l qo‘ymaslik huquqiy kafolat sifatida mustahkamlanishi maqsadga muvofiq [12].

Ichki ishlar organlarida xizmat intizomi tizim faoliyatining asosiy shartlaridan biridir. Ammo “intizom” tushunchasini faqat xodimning rahbarga bo‘ysunishi bilan bog‘lash noto‘g‘ri.

Huquqiy davlat sharoitida xizmat intizomi, avvalo, *qonuniylikka asoslangan intizom* bo‘lishi kerak. Bu quyidagilarni anglatadi:

- xodim qonun talablariga rioya qiladi;
- rahbar qonun doirasida topshiriq beradi;
- topshiriq qonuniy va tushunarli bo‘lishi kerak;
- intizomiy jazo asoslangan bo‘lishi lozim;
- xodim o‘zini himoya qilish imkoniyatiga ega bo‘lishi kerak.

Ayniqsa, intizomiy javobgarlik masalasida *mutanosiblik prinsipi* katta ahamiyatga ega. Har qanday qoidabuzarlik uchun og‘ir jazo choralaridan foydalanish xodim huquqlarini buzishi mumkin.

Shuning uchun intizomiy jazo tayinlashda qoidabuzarlikning xususiyati, xodimning aybi, oqibatlarning og‘irligi, avvalgi xizmat faoliyati va boshqa holatlar kompleks baholanishi lozim.

Xizmat tekshiruvi xodim huquqlarini himoya qilish tizimining eng muhim elementlaridan biridir. Bizningcha, xizmat tekshiruvining mohiyatini faqat “xodimning aybini aniqlash” bilan izohlash ilmiy jihatdan bir tomonlama yondashuvdir. Xizmat tekshiruvi ikki nuqtayi nazardan o‘tkazilishi kerak:

birinchidan, xodimning huquqbuzarligi yoki xizmat intizomini buzganligini aniqlash;

ikkinchidan, xodimning aybi yo‘qligini yoki unga qo‘yilgan da’volarning asossizligini aniqlash.

Shu sababli xizmat tekshiruvining asosiy prinsiplari quyidagilardan iborat bo‘lishi kerak: xolislik; qonuniylik; to‘liqlik; aybsizlik prezumpsiyasiga hurmat; mutanosiblik; manfaatlar to‘qnashuviga yo‘l qo‘ymaslik.

Agar xizmat tekshiruvini o‘tkazuvchi shaxs tekshirilayotgan xodim bilan oldindan xizmat yoki boshqa nizoli munosabatda bo‘lsa, xolislikka shubha paydo bo‘lishi mumkin.

Shu bois manfaatlar to‘qnashuvini aniqlash va bunday holatda boshqa mansabdor shaxsni tayinlash maqsadga muvofiq.

Huquqiy himoya mexanizmining samaradorligi faqat qonunchilikka bog‘liq emas. Xodim o‘z huquqlarini bilmasa, mavjud kafolatlardan foydalanishi qiyinlashadi. Shu sababli xodimlar uchun muntazam ravishda:

- huquqiy seminarlar;
- xizmat huquqi bo‘yicha treninglar;
- intizomiy javobgarlik bo‘yicha amaliy mashg‘ulotlar;
- xizmat tekshiruvlarida xodimning huquqlari bo‘yicha tushuntirishlar;
- mehnat va ijtimoiy huquqlar bo‘yicha maslahatlar o‘tkazilib turishi maqsadga muvofiq.

Bu borada huquqiy targ‘ibot va xodimlarning huquqiy bilimlarini oshirish masalasi ilmiy adabiyotlarda ham muhim yo‘nalish sifatida qayd etiladi.

Xodimlarning huquqlarini himoya qilishning amaldagi ***muammolari.*** Yuqoridagi tahlillar asosida ichki ishlar organlari xodimlarining huquqiy himoyasi sohasida quyidagi muammolarni ajratish mumkin:

birinchisi, xizmat yuklamasini obyektiv o‘lchashning yagona mezonlariga ehtiyojning mavjudligi;

ikkinchisi, ayrim xizmat jarayonlarida ortiqcha hujjatbozlik va hisobotlar xodimning asosiy vazifalarini bajarishiga salbiy ta’sir qilishi;

uchinchisi, psixologik himoyaning profilaktik mexanizmlarini kuchaytirish zarurati;

to‘rtinchisi, xizmat tekshiruvlarining xolisligi va shaffofligini kuchaytirish masalasi;

beshinchisi, xodimlarning ijtimoiy himoyasi bo‘yicha mavjud kafolatlarning amalda to‘liq va o‘z vaqtida bajarilmasligi;

oltinchisi, xodimning o‘z rahbari yoki boshqa mansabdor shaxsning noqonuniy harakatlari ustidan murojaat qilishi uchun mustaqil va ishonchli mexanizmlarning zaifligi.

Mazkur maqola doirasida xodimlarining huquqiy himoyasini takomillashtirishga qaratilgan quyidagi ***takliflar*** ilgari suriladi.

1. “Xodim huquqiy himoyasining samaradorlik indeksi”ni joriy qilish. Ichki ishlar organlarida xodimlarning huquqiy himoyasi quyidagi ko‘rsatkichlar asosida muntazam baholanadigan tizim joriy etilishi taklif etiladi: xizmat yuklamasi; dam olish huquqining ta’minlanishi; ijtimoiy kafolatlardan foydalanish; xizmat tekshiruvlarining natijalari; intizomiy jazolarning bekor qilinishi; xodimlarning murojaatlari; psixologik yordamdan foydalanish; xizmat xavfsizligi.

2. Xizmat tekshiruvlarida manfaatlar to‘qnashuvining oldini olish. Tekshiruvni o‘tkazuvchi mansabdor shaxs tekshirilayotgan xodimning bevosita rahbari yoki shaxsiy manfaatdorligi mavjud bo‘lgan shaxs bo‘lsa, tekshiruvni boshqa man-

sabdor shaxsga o‘tkazish mexanizmini kuchaytirish taklif etiladi.

3. Noqonuniy topshiriqdan xabar berishning maxsus mexanizmini yaratish. Xodim noqonuniy topshiriq haqida maxsus elektron platforma yoki ishonch kanali orqali xabar berish imkoniyatiga ega bo‘lishi lozim. Bunda murojaat qilgan xodimning shaxsi va murojaat mazmunini himoya qilish kafolatlari ta’minlanishi zarur.

4. Psixologik yordamning maxfiyligini kuchaytirish. Psixologik yordamga murojaat qilganlik faktining o‘zi xodimning xizmat faoliyatiga salbiy baho berish uchun asos bo‘lmasligi kerak.

5. Xodimning huquqlari bo‘yicha “Huquqiy navigator” tizimini yaratish. Har bir xodim elektron shaklda quyidagi savollarga javob topa olishi kerak:

- Mening qanday huquqlarim bor?
- Menga qanday intizomiy jazo berilishi mumkin?
- Xizmat tekshiruvida qanday huquqlarim bor?
- Noqonuniy topshiriq bo‘lsa nima qilishim kerak?
- Xizmatda sog‘lig‘imga zarar yetganda qanday kafolatlar mavjud?
- Qayerga murojaat qilishim mumkin?

Bunday tizim huquqiy savodxonlikni oshirish bilan birga, xodim va rahbariyat o‘rtasida huquqiy munosabatni ham ta’minlaydi.

Ichki ishlar organlari xodimlarining huquqiy himoyasi masalasida asosiy ilmiy muammo huquq va xizmat intizomi o‘rtasidagi muvozanatni aniqlashdan iborat.

Bir tomondan, ichki ishlar organlari qat’iy intizom va bo‘ysunuvga asoslangan tizim bo‘lib, uning samarali faoliyati tezkor boshqaruvni talab qiladi. Ikkinchi tomondan, qat’iy bo‘ysunuv xodimning fundamental huquqlarini cheklashning universal vositasiga aylanmasligi kerak.

Shu sababli, bizningcha, zamonaviy ichki ishlar organlari tizimida *“qattiq intizom” emas, “qonuniy intizom”*ga ustuvor ahamiyat berish zarur.

Qonuniy intizom quyidagilarni anglatadi: ***qonun → vakolat → topshiriq → javobgarlik → huquqiy himoya.*** Bunda rahbar ham, xodim ham qonun doirasida harakat qiladi.

Ichki ishlar organlari xodimining huquqlarini himoya qilish tizimi qanchalik kuchli bo‘lsa, xodimning qonuniy faoliyat yuritish imkoniyati ham shunchalik yuqori bo‘ladi.

Ichki ishlar organlari xodimlarining qonuniy huquq va manfaatlarini himoya qilish zamonaviy huquqiy davlatning muhim vazifalaridan biridir.

Ichki ishlar organlari xodimlari fuqarolarning huquq va erkinliklarini himoya qilish, jamoat xavfsizligini ta’minlash va huquqbuzarliklarga qarshi kurashish kabi mas’uliyatli vazifalarni bajaradi. Shu sababli davlat xodimning o‘z huquqlarini ham samarali himoya qilish uchun zarur huquqiy, tashkiliy va ijtimoiy kafolatlarni yaratishi kerak.

Ilmiy adabiyotlarni tahlil qilish shuni ko‘rsatadiki, ichki ishlar organlari xodimining huquqiy maqomi, huquq va majburiyatlardan tashqari, xizmatdagi cheklovlar, kafolatlar va javobgarlikni ham qamrab oluvchi murakkab huquqiy institut hisoblanadi.

Mazkur maqolada asoslanganidek, xodimning huquqiy himoyasini faqat mavjud huquqlarni sanab o‘tish orqali emas, balki ularni amalga oshirish va buzilgan huquqlarni tiklash mexanizmlari bilan birgalikda ko‘rib chiqish zarur.

Tadqiqot natijasida quyidagi ***xulosalarga*** kelindi:

1. Ichki ishlar organlari xodimining huquqiy maqomi huquq va majburiyatlar, cheklovlar, kafolatlar, javobgarlik va huquqni himoya qilish mexanizmlarining yaxlit tizimidan iborat.
2. Xodimning xizmat majburiyatlari kengaygan sari unga mos ravishda huquqiy va ijtimoiy kafolatlar ham kuchaytirilishi kerak.
3. Xizmat yuklamasi va dam olish huquqi masalalarini obyektiv mezonlar asosida baholash zarur.
4. Xodimlarning psixologik himoyasini kuchaytirish zamonaviy huquqiy himoya tizimining ajralmas qismiga aylanishi kerak.
5. Xizmat tekshiruvlarida xolislik, obyektivlik va mutanosiblik prinsiplarini kuchaytirish zarur.
6. Xodimlarning huquqiy savodxonligini oshirishga qaratilgan maxsus doimiy o‘quv tizimi joriy qilinishi maqsadga muvofiq.
7. Ichki ishlar organlari xodimlarining huquqiy himoyasini baholovchi alohida samaradorlik indikatorlarini joriy qilish tizimdagi mavjud muammolarni aniqlash va bartaraf etishga yordam beradi.

Umuman olganda, *xodim huquqlarining himoyasi ichki ishlar organlari faoliyati samaradorligining zarur shartidir.* Huquqlari kafolatlangan, ijtimoiy jihatdan himoyalangan va qonuniy faoliyat yuritish imkoniyatiga ega xodim fuqarolarning huquq va erkinliklarini yanada samarali himoya qiladi.

Shu sababli xodimlarining huquqiy himoyasi masalasiga “xodimga berilgan imtiyoz” sifatida emas, balki qonuniylikni, xizmat samaradorligini va inson huquqlarini ta’minlashning institutsional kafolati sifatida yondashish maqsadga muvofiq.

Foydalanilgan manbalar

1. O‘zbekiston Respublikasining Konstitutsiyasi, yangi tahrirda. – T., 2023.
2. O‘zbekiston Respublikasining “Ichki ishlar organlari to‘g‘risida”gi O‘RQ-407-son qonuni. – T., 2016.
3. O‘zbekiston Respublikasining Mehnat kodeksi. – T., 2022.
4. O‘zbekiston Respublikasining “Jismoniy va yuridik shaxslarning murojaatlari to‘g‘risida”gi O‘RQ-407-son qonuni. – T., 2017.
5. O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining ichki ishlar organlari faoliyatini takomillashtirishga oid farmon va qarorlari.
6. Матвеев С.П. Ички ишлар органлари ходимларининг ҳуқуқий мақомига оид илмий тадқиқотлар.
7. Ольшевская А.В. К вопросу об административно-правовом статусе сотрудника органов внутренних дел // Вестник экономической безопасности. 2022. №5. Б.155–158. DOI: 10.24412/2414-3995-2022-5-155-158.
8. Раджапова Л.Н. Ички ишлар органлари аёл ходималарининг ижтимоий ҳимоясига оид айрим фикрлар // Янги Ўзбекистон илмий тадқиқотлар журнали, 2024.
9. Ненароков С.В. Развитие правового статуса сотрудника полиции: история и современность // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – №2(28). – С.42–46.
10. Миренкова Э.П., Кремёнов И.Н. Проблемы реализации социальной защиты сотрудников органов внутренних дел на современном этапе развития Российской Федерации // Молодой ученый. –2019. – №41(279). – С.95–98.
11. Позднякова Э.В. Понятие и особенности административно-правового статуса сотрудников органов внутренних дел. – М., 2023.
12. O‘zbekiston Respublikasi IIV Akademiyasi jamoasi. Ichki ishlar organlarining tashkiliy-shtab va yuridik ta’minlash faoliyati: Darslik. – Toshkent, 2025.

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

НИГМАТОВ
Руфтулло Олимджонович
заместитель начальника Исследовательского института криминологии Республики Узбекистан
доктор философии (PhD), профессор

РАХМАДЖОНЗОДА
Рифат Рахмаджон
заместитель начальника Академии МВД Республики Таджикистан по науке,
доктор юридических наук, профессор

Аннотация. *В статье исследуются предпосылки формирования криминологического знания в Великобритании XVII – середины XIX в. Цель исследования состоит в установлении того, как развитие представлений о государственном принуждении и предупредительном назначении наказания способствовало возникновению потребности в эмпирическом изучении преступных проявлений и результатов их предупреждения. Установлено, что признание предупреждения преступлений одной из целей наказания поставило вопрос о результатах его фактического применения, разрешение которого требовало обращения к практике уголовной юстиции и исполнения наказаний. Сделан вывод, что к середине XIX в. в Великобритании криминология еще не существовала в институционально оформленном виде, однако уже складывались концептуальные, эмпирические и методические предпосылки самостоятельного изучения преступных проявлений, их возможных причин и результатов предупреждения.*
Ключевые слова: *криминология; история криминологии; британская криминология; криминологическое знание; государственное принуждение; предупреждение преступлений; наказание; уголовная статистика; пенитенциарная практика*

Abstract. *The article examines the prerequisites for the formation of criminological knowledge in Great Britain from the seventeenth to the mid-nineteenth century. The aim of the study is to establish how the development of ideas about state coercion and the preventive purpose of punishment contributed to the emergence of a need for the empirical study of criminal manifestations and the outcomes of crime prevention. The study demonstrates that recognizing crime prevention as one of the purposes of punishment raised the question of the results of its actual application, the resolution of which required recourse to criminal justice practices and the implementation of punishments. It is concluded that by the mid-nineteenth century, criminology had not yet emerged in Great Britain as an institutionally established field; however, the conceptual, empirical, and methodological prerequisites for the independent study of criminal manifestations, their possible causes, and the outcomes of crime prevention had already begun to develop.*
Keywords: *criminology; history of criminology; British criminology; criminological knowledge; state coercion; crime prevention; punishment; criminal statistics; penitentiary practice.*

История криминологии нередко излагается через последовательную смену научных школ – классической, позитивистской, социологической и последующих направлений. Такая периодизация позволяет проследить развитие представлений о преступлении, преступнике и причинах преступности, однако не в полной мере отражает более ранний этап, связанный с возникновением потребности в объяснении преступного поведения. Его изучение позволяет установить предпосылки, предшествовавшие оформлению криминологии в самостоятельную научную область.

В Великобритании эти предпосылки складывались в процессе развития политико-правовой философии XVII–XVIII веков, учения о наказании, практики уголовной юстиции, пенитенциарной реформы, учета обвиняемых и осужденных, ранней уголовной статистики. Каждое из этих направлений имело собственное назначение и развивалось относительно самостоятельно. Однако, возникавшие в их рамках вопросы постепенно требовали обращения к фактическим сведениям о преступном поведении и деятельности уголовной юстиции, поскольку одного нормативного анализа преступления и наказания для их разрешения было недостаточно.

Современные исследования показывают, что становление британской криминологии не сводилось к последовательной смене классической и позитивистской школ. Д. Гарланд отмечает длительное развитие эмпирических исследований преступности, деятельности полиции и пенитенциарных учреждений [15]. Р. Шумейкер и Р. Уорд установили, что с конца XVIII в. в Англии развивается систематический сбор сведений об обвиняемых и осужденных, а с 1820-х годов накопленные данные начинают использоваться для статистических сравнений; авторы связывают этот процесс с административными задачами уголовной юстиции и формированием интереса к изучению преступника и причин преступного поведения [1]. Дж. Кививуори и Г. Йомэнс установили, что уже в 1838-1857 годы в Великобритании публиковались работы, посвященные статистическому изучению преступности, ее динамики, причин и предупреждения [2].

Приведенные исследования свидетельствуют о развитии эмпирического изучения преступности задолго до институционального оформления криминологии. Однако само накопление сведений о преступлениях и лицах, их совершивших, еще не означает формирования криминологического знания. Необходимо учитывать, какие вопросы ставились на основе этих сведений и для каких целей они использовались. Учет мог выполнять регистрационные, контрольные и иные задачи уголовной юстиции. Накопленные сведения приобретали криминологическое значение при их использовании для выявления повторяющихся характеристик преступных проявлений, установления различий между ними и постановки вопроса об обстоятельствах, которыми эти различия могли быть обусловлены.

Формирование криминологической проблематики также было связано с развитием представлений о предупредительном назначении наказания. Признание предупреждения преступлений одной из его целей ставило вопрос о достижении предполагаемого результата на практике. Для ответа на него требовались фактические сведения о применении и исполнении наказания, деятельности уголовной юстиции и преступном поведении. Наряду с нормативным обоснованием наказания возникал вопрос о его фактическом предупредительном действии.

В настоящем исследовании формирование криминологического знания рассматривается как постепенное выделение проблематики, связанной с эмпирическим изучением преступных проявлений, обстоятельств, которыми они могли быть обусловлены, и результатов их предупреждения.

Научная проблема состоит в определении изменений в философско-правовой и уголовно-политической мысли, способствовавших возникновению потребности в эмпирическом изучении преступных проявлений и результатов их предупреждения. Идеи Т. Гоббса, Дж. Локка, Ч. Беккариа, У. Блэкстона, И. Бентама и деятельность Дж. Говарда рассматриваются с учетом исторического содержания постав-

ленных ими вопросов. Отнесение этих авторов к криминологии в ее современном понимании было бы методологически неверным. Для настоящего исследования значение имеют развитые ими представления о государственном принуждении, наказании и предупреждении преступлений, изучение которых постепенно требовало обращения к фактическим сведениям.

Цель исследования состоит в установлении того, как развитие представлений о государственном принуждении и предупредительном назначении наказания в Великобритании XVII – середины XIX века способствовало формированию потребности в эмпирическом изучении преступных проявлений и результатов их предупреждения.

В исследовании использованы историко-генетический метод и криминолого-правовой анализ.

Историко-генетический метод применялся для изучения последовательных изменений в постановке вопросов о наказании и предупреждении преступлений – от философско-правового обоснования государственного принуждения к изучению практики уголовной юстиции, исполнения наказаний и статистических сведений о преступности.

Криминолого-правовой анализ использовался для разграничения нормативных вопросов об основаниях, видах и пределах государственного принуждения и вопросов о его фактическом предупредительном действии, требующих обращения к практике назначения и исполнения наказаний.

Источниковую базу исследования составили три группы материалов.

К первой отнесены философско-правовые и уголовно-политические труды Т. Гоббса, Дж.Локка, Ч. Беккариа, У. Блэкстона, И. Бентама [3-7]. Их положения рассматривались с учетом исторического контекста и содержания поставленных авторами вопросов, без перенесения на них позднейших криминологических категорий.

Вторую группу составили источники и историко-правовые исследования практики применения уголовного закона и исполнения наказаний в Англии XVIII – начала XIX в., включая пенитенциарные исследования Дж. Говарда [8-13].

В третью группу вошли исследования, посвященные развитию учета обвиняемых и осужденных, официальной уголовной статистики и раннего статистического изучения преступности [1; 2; 14].

Хронологические рамки исследования охватывают XVII – середину XIX в. Выбранный период позволяет рассмотреть развитие представлений о государственном принуждении и предупредительном назначении наказания, практику уголовной юстиции, становление пенитенциарных исследований, расширение уголовного учета и развитие ранней статистики.

Институционализация криминологии как самостоятельной научной области относится к более позднему периоду и в настоящей работе не рассматривается.

Вопросы, впоследствии вошедшие в предмет криминологии, первоначально рассматривались в рамках философско-правового осмысления государственного принуждения. В политико-правовой мысли XVII века разрабатывались основания и цели применения государством принуждения к лицу, нарушившему установленный порядок.

В политической философии Т. Гоббса право государства на наказание связано с суверенной властью, призванной обеспечивать безопасность и установленный порядок. Наказание определяется им как зло, причиняемое публичной властью за нарушение закона с тем, чтобы воля людей посредством страха была лучше расположена к повиновению [3]. Такое понимание связывает наказание не только с совершенным деянием, но и с воздействием на последующее поведение.

Дж. Локк связывает основание принуждения с нарушением закона и необходимостью предотвратить его дальнейшее нарушение. В «Двух трактатах о правлении» (Two Treatises of Government) право наказания рассматривается в связи с возмещением причиненного вреда и сдерживанием, а воздействие на нарушителя должно служить предостережением для других [4]. В данном случае в обосновании наказания

также присутствует его направленность на предотвращение последующих нарушений.

В XVIII в. предупредительное назначение наказания наиболее последовательно обосновано Ч. Беккариа, связывавшим его цель с предотвращением новых преступлений со стороны виновного и удержанием от них других лиц [5]. Этой цели должны соответствовать своевременность, определенность и соразмерность наказания. Ч. Беккариа особо выделял его неотвратимость: уверенность в наступлении наказания оказывает более сильное сдерживающее воздействие, чем чрезмерная суровость при меньшей вероятности его применения [5]. Связь предупредительного действия наказания с вероятностью его применения обращала внимание не только на содержание уголовного закона, но и на практику его реализации. Возникал вопрос о том, в какой мере совершение преступления фактически влекло выявление виновного, уголовное преследование, назначение и исполнение наказания.

У. Блэкстон в «Комментариях к законам Англии» (Commentaries on the Laws of England) рассматривает предупредительное правосудие (preventive justice), включая меры, применяемые при наличии оснований опасаться совершения противоправных действий, в частности гарантии сохранения мира и надлежащего поведения [6]. Эти меры применялись до совершения предполагаемого нарушения и были обращены к возможному будущему поведению лица, а не к уже совершенному деянию. Наряду с наказанием за совершенное преступление правовая мысль, таким образом, рассматривала государственное принуждение, направленное на предупреждение возможного нарушения.

И. Бентам развивает предупредительное понимание наказания в рамках принципа полезности. Поскольку наказание само представляет зло, его применение оправдано лишь постольку, поскольку позволяет предотвратить больший вред [7]. Отсюда следует требование соразмерять наказание с ожидаемым результатом и не применять его, когда оно безосновательно, неэффективно или излишне [7]. Оправданность наказания при таком подходе связывается с его способностью достигать предполагаемого предупредительного результата. Однако содержание правовой нормы само по себе не позволяло установить вероятность применения предусмотренного наказания и его фактическое воздействие на поведение.

Философско-правовая мысль XVII–XVIII вв. еще не составляла криминологию как самостоятельную область знания. Вместе с тем развитие представлений о государственном принуждении и предупредительном назначении наказания постепенно расширяло круг рассматриваемых вопросов. Признание предупреждения одной из целей наказания ставило вопрос о достижении предполагаемого результата при его фактическом применении. Ответ на него требовал изучения практики уголовной юстиции, назначения и исполнения наказаний. Потребность в таких сведениях составляла одну из предпосылок последующего формирования криминологической проблематики.

Значение неотвратимости наказания для его предупредительного действия требует обращения к практике английской уголовной юстиции XVIII – начала XIX в. Закон устанавливал виды и пределы наказаний, однако их фактическое применение зависело от решений, принимавшихся в ходе уголовного преследования, судебного разбирательства и исполнения приговора. Поэтому предусмотренная законом санкция не давала полного представления о том, какое наказание фактически назначалось и исполнялось.

Это различие проявлялось в практике применения уголовного законодательства, известного в историографии как «Кровавый кодекс» (Bloody Code), предусматривавшего смертную казнь за значительное число преступлений. Формальная угроза смертной казни не означала неизбежность ее применения: реализация предусмотренной законом санкции зависела от поведения потерпевшего, содержания предъявленного обвинения, вердикта присяжных, судебного решения, помилования и исполнения приговора [8-10].

На применение уголовного закона влиял и характер уголовного преследования в Англии

XVIII в. Его начало и поддержание обвинения во многих случаях зависели от потерпевшего, а обращение к магистрату было связано с расходами и требовало от обвинителя определенной активности [9; 10]. В этих условиях совершение преступления не означало неизбежного применения предусмотренного законом наказания. Исход дела мог зависеть от содержания предъявленного обвинения, оценки стоимости похищенного имущества, решения присяжных, судебной практики и последующего применения королевской прерогативы помилования [8-10]. Вынесенный смертный приговор далеко не всегда приводился в исполнение [8; 9].

Для оценки предупредительного действия наказания необходимо различать предусмотренную законом санкцию и практику ее применения. Суровость санкции характеризует содержание уголовно-правового предписания, но не свидетельствует о вероятности фактического назначения и исполнения соответствующего наказания. Следовательно, суровость наказания и вероятность его применения представляют собой взаимосвязанные, но не тождественные характеристики.

Социальное и политическое значение этой системы по-разному оценивается в историографии. Д. Хэй рассматривал сочетание суровости закона, судебного усмотрения и помилования в контексте поддержания власти и социального порядка в Англии XVIII в. [8]. Исследования Дж.М. Битти и П. Кинга раскрывают практику применения уголовного закона, в которой решения потерпевших, магистратов, присяжных, судей и Короны зависели от конкретных обстоятельств дела [9; 10]. Для целей настоящего исследования важно подтверждаемое указанными работами различие между предусмотренной законом санкцией и практикой назначения и исполнения наказания.

Неотвратимость наказания применительно к рассматриваемой проблеме предполагает учет последовательных стадий реализации уголовной ответственности: выявления преступления, установления виновного, уголовного преследования, судебного разбирательства, назначения и исполнения наказания. Поэтому установление оснований, видов и пределов наказания необходимо, но недостаточно для оценки его фактического предупредительного действия.

К началу XIX в. критика широкого применения смертной казни сопровождалась обсуждением состояния уголовного законодательства и практики его применения. С. Ромилли выступал за ограничение смертной казни и пересмотр уголовного законодательства [11], а Дж. Макинтош поставил перед парламентом вопрос о состоянии уголовных законов и необходимости их изменения [12]. Эти дискуссии свидетельствуют о внимании не только к содержанию уголовного закона, но и к практике применения системы наказаний.

Юридическая характеристика наказания не давала полного представления о его фактическом исполнении. При лишении свободы условия содержания заключенных, организация тюремного управления и сложившаяся практика определяли особенности исполнения наказания, которые не могли быть установлены только на основании правовых предписаний.

Дж. Говард в работе «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе» (The State of the Prisons in England and Wales, 1777) обобщил сведения, собранные при непосредственном посещении мест заключения: о состоянии тюремных помещений, санитарных условиях, распространении заболеваний, положении различных категорий заключенных, организации управления, дисциплине и материальном обеспечении [13]. Систематизация этих сведений позволяла сравнивать условия содержания в разных учреждениях и выявлять различия в фактическом исполнении одного и того же по юридическому виду наказания [13].

Исследования Дж. Говарда необходимо оценивать с учетом их исторического содержания, не приписывая им задач, характерных для более поздней криминологии. Собранные им материалы не устанавливают зависимости между условиями содержания и последующим преступным поведением освобожденных лиц и не позволяют судить об их влиянии на рецидив. Для формирования криминологической проблематики значение имело систематическое изучение условий исполнения наказания через

непосредственное наблюдение, сбор и сравнение фактических сведений о различных местах заключения. Пенитенциарная практика становилась источником эмпирических сведений, дополнявших юридическую характеристику наказания.

Изучение отдельных пенитенциарных учреждений не позволяло выявлять общие характеристики и изменения преступных проявлений. Для этого требовались сопоставимые сведения о значительном числе преступлений, обвиняемых и осужденных. Накопление и систематизация таких сведений создавали основу для развития уголовной статистики.

Р. Шумейкер и Р. Уорд связывают расширение учета персональных сведений об обвиняемых и осужденных в Англии с концом XVIII – первой половиной XIX в. Наряду с именем и данными, необходимыми для производства по делу, фиксировались возраст, занятие, место рождения, грамотность, прежние осуждения и другие характеристики, а с 1820-х гг. накопленные сведения все шире использовались для статистических сопоставлений [1]. Первоначально такой учет отвечал практическим потребностям уголовной юстиции. По мере накопления однотипных сведений становилось возможным сравнение характеристик значительного числа лиц и выявление различий между отдельными группами.

Одновременно развивалась официальная уголовная статистика. С начала XIX в. соответствующие сведения публиковались в парламентских материалах, их объем и состав постепенно расширялись [14]. Статистический учет позволял объединять сведения об отдельных преступлениях и лицах, сопоставлять показатели по периодам и территориям, анализировать структуру обвинений и наказаний, а также характеристики лиц, вовлеченных в уголовную юстицию.

Переход от сведений об отдельных случаях к статистическим совокупностям расширил возможности изучения преступных проявлений. При рассмотрении отдельного дела устанавливались обстоятельства совершенного деяния и основания ответственности конкретного лица. Статистические сведения позволяли сравнивать зарегистрированные случаи и выявлять различия по видам преступлений, территориям, периодам и характеристикам обвиняемых. Установление повторяющихся характеристик и различий ставило вопрос об обстоятельствах, которыми они могли быть обусловлены.

Официальная уголовная статистика вместе с тем имела ограничения, которые необходимо учитывать при интерпретации содержащихся в ней сведений. Зарегистрированные показатели формировались на основе преступлений и лиц, ставших известными уголовной юстиции и учтенных на определенных стадиях судопроизводства, и зависели от обращения потерпевших, выявления преступлений, практики уголовного преследования, квалификации деяний, действующего законодательства и порядка статистического учета [14]. Поэтому изменение статистических показателей нельзя без дополнительного анализа рассматривать как прямое отражение изменений в преступности. Их рост или снижение могли быть связаны как с изменением числа совершенных преступлений, так и с изменениями в их выявлении, регистрации и учете. При сравнении ранних английских статистических данных необходимо учитывать также изменения законодательства, оснований регистрации и используемых учетных категорий.

Несмотря на эти ограничения, уголовная статистика позволяла выявлять повторяющиеся характеристики, различия в распределении и изменения зарегистрированных преступных проявлений во времени. Однако установление таких различий еще не объясняло обстоятельств, которыми они были обусловлены. Их объяснение требовало постановки новых исследовательских вопросов и обращения к сведениям, выходившим за пределы статистических показателей.

Исследование Дж. Кививуори и Г. Йомэнса ранних томов *Journal of the Statistical Society of London* показывает, что уже в 1838-1857 г.г. статистическое изучение преступности сопровождалось постановкой вопросов о ее причинах и предупреждении [2]. Публикации, посвященные измерению преступности, ее динамике и

мерам предупреждения, авторы характеризуют как раннюю волну британского эмпирического исследования преступности, сложившуюся в кругах Статистического общества Лондона [2]. При этом наличие таких исследований еще не означало институционального оформления криминологии [2].

Эти данные свидетельствуют о том, что эмпирическое изучение преступных проявлений, их распределения, возможных причин и предупреждения развивалось до институционального оформления криминологии как самостоятельной научной области. Поэтому начало такого изучения нельзя связывать исключительно с распространением во второй половине XIX века биологических, медицинских и позднейших социологических объяснений преступности [1; 2].

Рассмотренные материалы показывают изменение характера вопросов о преступлении, наказании и предупреждении преступлений: от нормативного обоснования государственного принуждения к изучению практики применения и исполнения наказания, а затем к статистическому сопоставлению зарегистрированных преступных проявлений. Для формирования криминологической проблематики определяющим становился переход от описания выявленных различий к постановке вопроса об их объяснении. Статистические сведения позволяли устанавливать различия в распределении и динамике зарегистрированных преступных проявлений, но не раскрывали обстоятельств, которыми они были обусловлены. Их объяснение требовало изучения возможных связей между выявленными различиями и обстоятельствами преступного поведения.

Полученные результаты согласуются с выводами современных исследований о том, что эмпирическое изучение преступности в Великобритании развивалось до институционального оформления криминологии. Работы Д. Гарланда, Р. Шумейкера и Р. Уорда, Дж. Кививуори и Г. Йомэнса показывают раннее развитие сбора, систематизации и исследовательского использования сведений о преступлениях и лицах, вовлеченных в уголовную юстицию [1; 2; 15]. Проведенное исследование дополняет эти положения анализом изменений в представлениях о государственном принуждении и предупредительном назначении наказания.

Признание предупреждения преступлений одной из целей наказания ставило вопрос о результатах его фактического применения. Ответ на этот вопрос не мог быть получен только посредством анализа уголовно-правовых предписаний и требовал обращения к практике назначения и исполнения наказаний. Поэтому потребность в эмпирических сведениях формировалась не только в связи с административными задачами уголовной юстиции и развитием статистического учета, но и при рассмотрении вопросов о предупредительном действии наказания.

Практика английской уголовной юстиции XVIII – начала XIX в. свидетельствует о различиях между предусмотренной законом санкцией и фактическим назначением и исполнением наказания [8-10]. Между совершением преступления и исполнением наказания находился ряд действий и решений, связанных с уголовным преследованием, судебным разбирательством, назначением наказания и помилованием. Поэтому предусмотренная законом суровость наказания не определяла вероятность его фактического применения.

Исследования Дж. Говарда дополняют эту характеристику сведениями об условиях исполнения наказания [13]. Их значение для рассматриваемой проблемы связано с непосредственным наблюдением, сбором и сравнением данных о различных местах заключения. При этом материалы Дж. Говарда не позволяют устанавливать зависимость между условиями содержания заключенных и их последующим преступным поведением. Отнесение его исследований к изучению факторов рецидива означало бы перенесение более поздней криминологической проблематики на исторический материал.

Развитие уголовного учета и статистики расширило возможности изучения зарегистрированных преступных проявлений. Сравнение сведений об отдельных случаях позволяло выявлять повторяющиеся характеристики и различия по периодам, территориям, видам преступлений и характеристикам лиц [1; 14]. Однако зарегистрированные показатели зависели от выявления и регистрации преступлений, практики уголовного преследования, законодательства и используемых учетных категорий [14]. По этой причине изменение статистических показателей не может без дополнительного анализа рассматриваться как соответствующее изменение преступности.

Для формирования криминологической проблематики имел значение переход от статистического описания к постановке вопроса об объяснении выявленных различий. Статистические сведения позволяли устанавливать повторяемость, распределение и изменения зарегистрированных преступных проявлений, но не объясняли обстоятельств, которыми они были обусловлены.

Исследование Дж. Кививуори и Г. Йомэнса показывает, что в публикациях *Journal of the Statistical Society of London* 1838-1857 гг. статистическое изучение преступности уже сопровождалось рассмотрением вопросов о ее причинах и предупреждении [2].

Полученные результаты позволяют разграничить формирование криминологической проблематики и институционализацию криминологии. Формирование криминологической проблематики выражалось в постановке вопросов о преступных проявлениях, обстоятельствах, которыми могли быть обусловлены выявляемые повторяемость и различия, а также о результатах предупреждения преступлений. Институционализация связана с последующим оформлением криминологии как самостоятельной области научного знания. Поэтому наличие эмпирических исследований преступности в первой половине и середине XIX в. не дает оснований говорить о существовании в этот период институционально оформленной криминологии.

Предупредительное правосудие (preventive justice), рассмотренное У. Блэкстоном, характеризует еще одно направление развития представлений о предупреждении правонарушений [6]. Речь шла о предусмотренных правом мерах, применявшихся при наличии оснований опасаться будущего нарушения. Для настоящего исследования это положение имеет значение как пример правового регулирования государственного принуждения, направленного на предупреждение возможного противоправного поведения. При этом оно не дает оснований приписывать У. Блэкстону поздние представления о криминологическом прогнозировании. Исследование ограничено преимущественно английскими источниками и не охватывает в сопоставимом объеме развитие уголовной юстиции в Шотландии и Ирландии. За его пределами остаются также социально-экономические, демографические и иные предпосылки развития представлений о преступности, самостоятельное изучение которых потребовало бы расширения предмета и источниковой базы. Рассмотренная последовательность – от философско-правовых представлений о государственном принуждении и наказании к практике уголовной юстиции, пенитенциарным исследованиям и ранней уголовной статистике – представляет одно из направлений формирования криминологической проблематики и не исключает иных подходов к изучению этого процесса.

Проведенное исследование показывает, что предпосылки формирования криминологического знания в Великобритании складывались до институционального оформления криминологии как самостоятельной научной области. Этот процесс был связан с развитием представлений о государственном принуждении и предупредительном назначении наказания, изучением практики уголовной юстиции и исполнения наказаний, а также накоплением и статистическим использованием сведений о преступлениях и лицах, вовлеченных в уголовную юстицию.

Признание предупреждения преступлений одной из целей наказания поставило вопрос о результатах его фактического применения. Ответ на него требовал сведений о назначении и исполнении наказаний, поскольку содержание уголовно-правовых предписаний не позволяло установить вероятность применения предусмотренной санкции и ее фактическое предупредительное действие.

Практика английской уголовной юстиции XVIII – начала XIX в. свидетельствовала о различиях между предусмотренной законом санкцией и фактическим назначением и исполнением наказания. Пенитенциарные исследования Дж. Говарда дополнили изучение наказания непосредственным наблюдением, сбором и сопоставлением сведений об условиях его исполнения. Развитие уголовного учета и статистики позволило перейти от сведений об отдельных преступлениях и лицах к сопоставлению совокупностей зарегистрированных случаев, выявлению повторяющихся характеристик и различий по периодам, территориям и группам лиц.

Статистическое описание выявленных различий не объясняло обстоятельств, которыми они были обусловлены. Постановка вопросов о причинах наблюдаемых различий и результатах предупреждения преступлений свидетельствовала о формировании криминологической проблематики. Наличие таких вопросов и эмпирических исследований еще не означало существования криминологии как институционально оформленной научной области.

Т. Гоббс, Дж. Локк, Ч. Беккариа, У. Блэкстон, И. Бентам и Дж. Говард не были криминологами в современном дисциплинарном смысле. Их значение для рассматриваемой темы связано с развитием представлений о государственном принуждении, наказании и предупреждении преступлений, а также с постановкой вопросов, для разрешения которых постепенно требовалось обращение к фактическим сведениям.

К середине XIX века в Великобритании криминология еще не получила институционального оформления, однако уже складывались концептуальные, эмпирические и методические предпосылки самостоятельного изучения преступных проявлений, обстоятельств, которыми они могли быть обусловлены, и результатов их предупреждения.

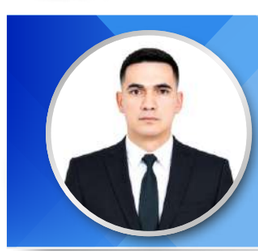
Использованные источники

1. Shoemaker R., Ward R. Understanding the Criminal: Record-Keeping, Statistics and the Early History of Criminology in England // *The British Journal of Criminology*. 2017. Vol. 57. No. 6. P. 1442-1461. DOI: 10.1093/bjc/azw071.
2. Kivivuori J., Yeomans H. The Emergence of Criminology in Britain: A Systematic Review of the Journal of the Statistical Society of London, 1838-57 // *The British Journal of Criminology*. 2026. Article azag047. DOI: 10.1093/bjc/azag047.
3. Hobbes T. *Leviathan, or The Matter, Forme, & Power of a Common-Wealth Ecclesiasticall and Civill*. London: Andrew Crooke, 1651.
4. Locke J. *Two Treatises of Government*. London: Awnsham Churchill, 1690.
5. Beccaria C. *Dei delitti e delle pene*. Livorno: Marco Coltellini, 1764.
6. Blackstone W. *Commentaries on the Laws of England. Book IV: Of Public Wrongs*. Oxford: Clarendon Press, 1769.
7. Bentham J. *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. London: T. Payne and Son, 1789.
8. Hay D. Property, Authority and the Criminal Law // *Albion's Fatal Tree: Crime and Society in Eighteenth-Century England* / D. Hay, P. Linebaugh, J. G. Rule, E. P. Thompson, C. Winslow. New York: Pantheon Books, 1975. P. 17-63.
9. Beattie J. M. *Crime and the Courts in England, 1660-1800*. Oxford: Clarendon Press, 1986.
10. King P. *Crime, Justice, and Discretion in England, 1740-1820*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
11. Romilly S. *Observations on the Criminal Law of England: As It Relates to Capital Punishments, and on the Mode in Which It Is Administered*. London: T. Cadell and W. Davies, 1810.
12. Mackintosh J. Motion for a Select Committee on the Criminal Laws // *Hansard. House of Commons Debates*. 9 May 1820. Vol. 1. Cols. 227-237.
13. Howard J. *The State of the Prisons in England and Wales, with Preliminary Observations, and an Account of Some Foreign Prisons*. Warrington: William Eyres, 1777.
14. Gatrell V. A. C., Hadden T. B. Criminal Statistics and Their Interpretation // *Nineteenth-Century Society: Essays in the Use of Quantitative Methods for the Study of Social Data* / ed. E. A. Wrigley. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. P. 336-396. DOI: 10.1017/CBO9780511896118.009.
15. Garland D. British Criminology Before 1935 // *The British Journal of Criminology*. 1988. Vol. 28. No. 2. P. 1–17. DOI: 10.1093/oxfordjournals.bjc.a047719.

СОВРЕМЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НАРКОУГРОЗЫ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ УЗБЕКИСТАНА

НАСУРИЁН
Пулод Асадулло
Начальник Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент

ИСАЕВ
Сардор Алишерович
Исследовательский институт криминологии Республики Узбекистан, главный научный сотрудник, доктор философии по юридическим наукам (PhD)

Аннотация: *В статье исследуются современные тенденции трансформации мировой наркотической угрозы и особенности их проявления в Республике Узбекистан. Анализируются изменения структуры мирового наркорынка, рост производства синтетических наркотиков, трансформация опиоидного сегмента, увеличение производства кокаина, распространение новых психоактивных веществ, цифровизация незаконного сбыта и использование современных финансовых инструментов. Особое внимание уделяется криминологическим характеристикам современной наркопреступности, выявлены ключевые угрозы, связанные с трансграничной контрабандой, цифровым сбытом, распространением синтетических веществ, незаконным оборотом сильнодействующих препаратов и деятельностью организованных групп. Сформулированы предложения по совершенствованию криминологической профилактики, оперативно-розыскной деятельности, финансового мониторинга, международного сотрудничества и цифрового противодействия наркопреступности.*
Ключевые слова: *наркоугроза, наркопреступность, наркотрафик, наркотики, синтетические наркотики, опиоиды, кокаин, нарколаборатории, цифровой сбыт, криптовалюта, организованная преступность, профилактика.*

Abstract. *This article examines contemporary trends in the transformation of the global drug threat and the specific features of their manifestation in the Republic of Uzbekistan. It analyzes changes in the structure of the global drug market, the growth of synthetic drug production, the transformation of the opioid segment, the increase in cocaine production, the spread of new psychoactive substances, the digitalization of illicit drug distribution, and the use of modern financial instruments. Particular attention is paid to the criminological characteristics of contemporary drug-related crime, including the increasing adaptability of criminal networks, the development of transnational links, clandestine production, and the expansion of contactless forms of drug distribution. Key threats associated with cross-border trafficking, digital drug distribution, the spread of synthetic substances, the illicit circulation of potent pharmaceutical drugs, and the activities of organized criminal groups are identified. The article formulates proposals for improving criminological prevention, operational-search activities, financial monitoring, international cooperation, and digital countermeasures against drug-related crime.*
Keywords: *drug threat, drug-related crime, drug trafficking, drugs, synthetic drugs, opioids, cocaine, clandestine drug laboratories, digital drug distribution, cryptocurrency, organized crime, prevention.*

Annotatsiya*. Mazkur maqolada global giyohvandlik tahdidining o'zgarishidagi hozirgi tendentsiyalar va ularning O'zbekiston Respublikasida qanday namoyon bo'lishi o'rganiladi. Unda global giyohvandlik bozori tuzilmasidagi o'zgarishlar, sintetik giyohvand moddalar ishlab chiqarishning o'sishi, opioid segmentining o'zgarishi, kokain ishlab chiqarishning ko'payishi, yangi psixofaol moddalarning tarqalishi, noqonuniy aylanmaning raqamlashtirilishi va zamonaviy moliyaviy vositalardan foydalanish tahlil qilinadi. Zamonaviy giyohvandlik bilan bog'liq jinoyatlarning kriminologik xususiyatlariga, transchegaraviy kontrabanda, raqamli tarqatish, sintetik moddalarni tarqatish, kuchli giyohvand moddalarning noqonuniy aylanmasi va uyushgan jinoyatchilik guruhlari faoliyati bilan bog'liq asosiy tahdidlarni aniqlashga alohida e'tibor qaratilgan. Kriminologik profilaktika, tergov operatsiyalari, moliyaviy monitoring, xalqaro hamkorlik va giyohvand moddalar bilan bog'liq jinoyatlarga qarshi raqamli qarshi choralarni takomillashtirish bo'yicha takliflar ishlab chiqilgan.*

Kalit so'zlar: *narkotik tahdid, narkojinoyatchilik, narkotrafik, narkotik moddalar, sintetik narkotiklar, opioidlar, kokain, narkolaboratoriyalar, raqamli savdo, kriptovalyuta, uyushgan jinoyatchilik, profilaktika.*

Мировая проблема наркотиков сохраняет статус одного из наиболее серьёзных вызовов современности. Незаконное культивирование, производство, перемещение и сбыт наркотических и психотропных веществ оказывают комплексное негативное воздействие на общественную безопасность, здоровье населения, социальную стабильность и экономическое развитие государств.

Современный наркорынок при этом уже нельзя рассматривать как относительно устойчивую систему, основанную преимущественно на традиционных видах наркотиков и сложившихся маршрутах их перемещения. Он находится в состоянии глубокой структурной трансформации. Расширяется синтетический сегмент, изменяется география производства и транзита, цифровизируются каналы сбыта, совершенствуются способы сокрытия преступных доходов, а организованные преступные сети становятся более гибкими, децентрализованными и технологически оснащёнными.

По международным оценкам, около **316 млн человек** в мире употребляют наркотики, что составляет около **6 % населения в возрасте 15–64 лет** [1]. Одновременно сохраняется значительный разрыв между количеством лиц, нуждающихся в лечении, и доступностью специализированной помощи. Это свидетельствует о том, что современная наркопроблема имеет не только правоохранительное, но и выраженное социальное, медицинское и экономическое измерение.

Актуальность исследования определяется необходимостью рассматривать наркотическую угрозу не только через объём изъятых наркотических средств или количество зарегистрированных преступлений, но и через изменение самой криминальной инфраструктуры наркорынка.

В связи с этим **целью настоящего исследования** является выявление основных глобальных тенденций трансформации наркорынка, определение их криминологических последствий и установление особенностей проявления современных наркоугроз в Республике Узбекистан.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- определить основные изменения структуры современного мирового наркорынка;
- исследовать тенденции развития синтетического сегмента;
- выявить изменения в международных маршрутах наркотрафика;
- определить роль цифровых технологий в организации незаконного сбыта;
- проанализировать современные механизмы финансового обеспечения наркопреступности;
- исследовать основные проявления глобальных тенденций в Узбекистане;
- определить приоритетные направления криминологического противодействия современной наркоугрозе.

Методологическую основу исследования составили **системный, статистический, сравнительный, структурно-динамический, территориальный и криминологический методы**. Системный метод позволил рассмотреть наркопреступность как взаимосвязанную

криминальную систему. Статистический и структурно-динамический методы использованы для анализа основных тенденций мирового и национального наркорынка. Сравнительный и территориальный методы позволили сопоставить глобальные процессы и особенности наркообстановки в Узбекистане. Криминологический метод применён для выявления современных угроз и разработки предложений по их предупреждению.

Прежде чем рассматривать отдельные проявления современной наркоугрозы, необходимо уточнить содержание основных понятий, используемых в исследовании. Это обусловлено тем, что современный наркорынок включает широкий спектр природных, полусинтетических и синтетических веществ, различающихся по происхождению, химическому составу, механизму воздействия и криминологическим характеристикам. И, прежде всего, необходимо разграничить и конкретизировать такие категории, как **«опиаты», «опиоиды», «синтетические наркотики», «новые психоактивные вещества»**, а также другие понятия, имеющие принципиальное значение для оценки современных тенденций развития наркоугрозы.

Опиаты представляют собой наркотические вещества, получаемые из природных алкалоидов опийного мака, к которым относятся, в частности, опиум, морфин и кодеин. Понятие **«опиоиды»** является более широким и включает природные, полусинтетические и синтетические вещества, воздействующие на опиоидные рецепторы организма [2].

Особое значение в современной наркоситуации приобретают **синтетические опиоиды**, производство которых не требует выращивания сырья растительного происхождения и может осуществляться при наличии соответствующих химических компонентов. К числу наиболее опасных представителей этой группы относится фентанил. Одновременно международный рынок сталкивается с распространением новых синтетических опиоидов, включая нитазены, которые характеризуются высокой активностью и представляют значительную угрозу для здоровья населения.

К другой группе современных наркотических угроз относятся **синтетические психостимуляторы** – амфетамин, метамфетамин, мефедрон, альфа-PVP и другие новые психоактивные вещества. Их опасность связана не только с воздействием на организм человека, но и с относительной простотой незаконного производства, компактностью готовой продукции и возможностью организации производства в небольших подпольных лабораториях.

Анализ международных данных и научных исследований показывает, что изменения на мировом наркорынке носят **системный характер:** меняется соотношение традиционных и синтетических наркотиков, география их производства и перемещения, появляются новые психоактивные вещества, совершенствуются способы сбыта и финансирования преступной деятельности. Эти процессы требуют оценки их возможных последствий для общественной безопасности, в том числе в Узбекистане.

В этой связи далее рассмотрим **основные тенденции трансформации мирового наркорынка.**

1. Изменение структуры предложения. Одной из наиболее значимых тенденций является изменение структуры мирового предложения наркотиков. На фоне сокращения производства опия в Афганистане и трансформации традиционного героинового рынка усиливается значение синтетических опиоидов. Их распространение обусловлено возможностью относительно дешёвого производства, высокой активностью и отсутствием необходимости транспортировать большие объёмы растительного сырья.

Это свидетельствует о принципиальном изменении модели функционирования наркорынка: снижение доступности традиционного наркотика не обязательно приводит к снижению общей наркоугрозы, поскольку преступный рынок способен компенсировать дефицит за счёт других веществ.

2. Рост производства кокаина. Параллельно наблюдается значительный рост производства кокаина. Согласно приведённым в исследуемых материалах данным, **объём мирового производства чистого кокаина**

увеличился примерно с **1 000 тонн** около десятилетия назад до приблизительно **4 100 тонн в 2024 году**. Расширение производства сопровождается ростом объёмов изъятий, появлением новых маршрутов транспортировки и усилением присутствия организованных преступных групп на рынках Европы, Африки и Азии [3].

Отдельную обеспокоенность вызывает распространение **крэк-кокаина**, представляющего собой курительную форму кокаина с быстрым наступлением психоактивного эффекта и высоким риском формирования зависимости [4]. Следовательно, увеличение производства кокаина необходимо рассматривать не только как показатель роста предложения, но и как фактор расширения международной криминальной инфраструктуры, связанной с его транспортировкой, сбытом и легализацией полученных преступных доходов.

3. Расширение синтетического сегмента. Каннабис остаётся наиболее распространённым наркотиком – около **244 млн потребителей**. Численность потребителей опиоидов оценивается примерно в **61 млн**, амфетаминов – более **30 млн**, кокаина – около **25 млн**, MDMA – около **21 млн** [5].

Однако наиболее динамичным сегментом является рынок **синтетических наркотиков и новых психоактивных веществ**.

Амфетаминовые стимуляторы, метамфетамин, мефедрон, альфа-PVP, синтетические каннабиноиды и другие вещества характеризуются возможностью относительно быстрого производства, удобством транспортировки и сложностью обнаружения.

Особую криминологическую проблему представляет высокая скорость появления новых веществ. Изменение химической формулы позволяет преступным группам создавать новые соединения быстрее, чем правоохранительные и экспертные системы успевают включать их в механизмы контроля.

Следовательно, современный наркорынок становится **технологически адаптивным**, а борьба с ним требует постоянного совершенствования экспертных и аналитических возможностей.

Современная наркопреступность характеризуется высокой адаптивностью. Преступные сети изменяют маршруты в зависимости от политической ситуации, эффективности пограничного контроля и активности правоохранительных органов.

Производство и хранение наркотиков всё чаще организуются в регионах, где преступники рассчитывают на более низкий уровень государственного контроля. При этом традиционные централизованные преступные организации дополняются **распределёнными сетями**, состоящими из большого количества участников, каждый из которых выполняет ограниченную функцию.

Изменяются и способы транспортировки. Для сокрытия наркотиков используются технические полости автомобилей, различные виды коммерческих грузов, контейнеры и другие способы маскировки. В международной практике отмечается также применение беспилотных летательных аппаратов, полупогружных судов и иных способов снижения риска обнаружения.

Особое значение приобретает **цифровизация незаконного сбыта**. Интернет-магазины, мессенджеры, закрытые каналы и боты позволяют организовывать сбыт без непосредственного контакта продавца и покупателя. Распространение системы тайников-закладок дополнительно снижает вероятность установления непосредственной связи между участниками преступной деятельности. В результате формируется новая криминальная модель: **организатор → цифровой координатор → поставщик → курьер → закладчик → потребитель**. При этом участники цепочки могут не знать друг друга, что значительно осложняет традиционные методы выявления преступных связей.

Современный наркобизнес трансформируется не только в сфере производства и сбыта, но и в области финансового обеспечения. Наряду с наличными денежными средствами преступные сети используют **виртуальные активы, стейблкоины, криптовалютные сервисы, децентрализованные финансовые инструменты и сети денежных мулов**. Одновременно сохраняются традиционные способы легализации преступных доходов: использование фиктивных компаний, подставных счетов, формально законной коммерческой деятельности, приобретение недвижимости, транспортных средств и других активов.

Изъятие наркотиков без выявления и блокирования финансовой инфраструктуры позволяет преступной организации сохранять экономическую основу своей деятельности. Поэтому противодействие должно постепенно смещаться от исключительно вещественного изъятия наркотиков к **финансовому расследованию и установлению всей экономической инфраструктуры преступной сети**.

Эти глобальные изменения мирового наркорынка имеют непосредственное значение для Республики Узбекистан. Географическое положение страны, близость к Афганистану и транспортные связи с Таджикистаном и Кыргызстаном создают объективные предпосылки для использования территории страны в качестве транзитного направления. Одновременно в стране получают распространение новые формы внутренней наркопреступности – бесконтактный сбыт, подпольное производство синтетических наркотиков, незаконный оборот сильнодействующих лекарственных препаратов и использование цифровых финансовых инструментов.

Данные за первое полугодие 2026 года позволяют определить основные направления этой трансформации.

За **январь–июнь 2026** года в Узбекистане зафиксировано **215 эпизодов изъятия наркотических средств, психотропных, сильнодействующих веществ и прекурсоров**. **Общий объём изъятых наркотиков** без учёта прекурсоров составил около **2 150 кг**, а **объём прекурсоров** превысил **1 710 кг**. При этом сводные региональные данные фиксируют **3003,46 кг** изъятых веществ и препаратов. В структуре изъятых веществ:

- каннабисная группа – около **1 100 кг (51 %)**
- опийная группа – около **350 кг (16 %)**
- синтетическая группа – около **150 кг (7 %)**
- сильнодействующие вещества – около **550 кг (26 %)** [6].

Эта структура показывает, что национальная наркоугроза уже не ограничивается традиционными наркотическими средствами. Значительную роль начинают играть **синтетические вещества и сильнодействующие препараты**.

Существенное значение имеет территориальная дифференциация наркотической преступности. Наибольшие объёмы изъятий приходятся на **Сурхандарьинскую область, Ферганскую область и город Ташкент**. Сурхандарьинская область преимущественно характеризуется рисками трансграничной контрабанды и транзита. Ферганская область сочетает признаки контрабанды, внутреннего сбыта и лабораторного производства. В городе Ташкенте более выражены процессы, связанные с цифровым сбытом, распространением синтетических и сильнодействующих веществ, а также оборотом прекурсоров [7].

Таким образом, территория страны не представляет собой однородное криминогенное пространство. Различные регионы выполняют **различные функции в структуре наркорынка**, что необходимо учитывать при разработке дифференцированных профилактических мероприятий.

За первое полугодие 2026 года зафиксировано более **80 эпизодов контрабанды**, что составляет около **40 %** от общего числа отражённых эпизодов. Основными направлениями являются:

Афганистан – Узбекистан, через Сурхандарьинскую область;

Таджикистан – Узбекистан;

Кыргызстан – Узбекистан, через восточные регионы страны [8].

Повышается и конспиративность транспортировки. В материалах отмечены случаи сокрытия наркотиков в грузах и технических полостях автомобилей, а также использования рек и лодок. Крупные партии гашиша перемещались, в частности, в экскаваторе, казанах и среди картофеля. Эти обстоятельства свидетельствуют о повышении **логистической приспособленности преступных групп** и необходимости перехода от исключительно визуального и выборочного контроля к риск-

ориентированному анализу грузов и транспортных потоков.

Ещё одной характерной особенностью современной наркопреступности в Узбекистане становится распространение бесконтактного сбыта. За первое полугодие 2026 года выявлено более **100 эпизодов сбыта**. Преступники используют интернет-магазины, Telegram-боты и каналы, банковские карты, криптовалюту и систему тайников-закладок. В результате традиционная модель непосредственного контакта между продавцом и покупателем постепенно заменяется **дистанционной моделью**, в которой каждый участник преступной цепочки выполняет отдельную функцию.

Это существенно изменяет криминологический портрет наркопреступности. Если ранее основным объектом оперативного воздействия являлся непосредственный сбытчик, то в цифровой модели необходимо устанавливать **администраторов, организаторов, координаторов, финансовых посредников и лиц, обеспечивающих функционирование цифровой инфраструктуры**.

Отдельную угрозу представляет развитие внутреннего производства. За первое полугодие 2026 года ликвидировано **28 нарколабораторий**, в которых преимущественно производились синтетические наркотики и незаконно оборотные сильнодействующие вещества [8].

Наличие таких лабораторий свидетельствует о том, что часть внутреннего рынка постепенно приобретает способность к **самостоятельному воспроизводству синтетической продукции**, снижая зависимость преступных сетей исключительно от внешних поставок.

Одновременно сохраняется транснациональный характер наркопреступности.

В **21 эпизоде** фигурировали иностранные граждане, в том числе граждане Афганистана, Таджикистана, Кыргызстана, России, Турции и др. государств. **98 эпизодов** были совершены в составе организованных групп, а **39 эпизодов** связаны с лицами, имеющими судимости [8].

Эти показатели свидетельствуют о наличии устойчивых криминальных связей, объединяющих производство, транспортировку, хранение и сбыт наркотических средств.

Обсуждение результатов (Discussion of results). Проведённый анализ позволяет утверждать, что современная наркотическая угроза имеет **гибридный характер**. Она формируется одновременно за счёт:

1. традиционной трансграничной контрабанды;
2. внутреннего производства синтетических веществ;
3. цифровизации незаконного сбыта;
4. распространения сильнодействующих препаратов;
5. использования криптовалют и других современных финансовых инструментов;
6. деятельности организованных и транснациональных преступных групп.

Особую опасность представляет способность наркорынка быстро адаптироваться к мерам государственного контроля. Сокращение производства или доступности одного наркотика может привести не к снижению спроса, а к его переориентации на другое вещество. Аналогичным образом перекрытие отдельного маршрута способно стимулировать поиск альтернативных направлений.

Следовательно, **наркопреступность необходимо рассматривать как адаптивную криминальную систему**, способную изменять свои формы, каналы и инфраструктуру.

В этих условиях эффективность противодействия нельзя оценивать исключительно по количеству изъятых наркотических средств. Более значимыми показателями становятся выявление организаторов, ликвидация лабораторий, пресечение каналов поставок, разрушение цифровой инфраструктуры, установление финансовых потоков и предупреждение вовлечения новых участников.

С учётом выявленных тенденций целесообразно совершенствовать систему противодействия современной наркоугрозе по следующим направлениям.

Во-первых, цифровизация правоохранительного мониторинга. Необходимо расширять возможности мониторинга открытой цифровой среды, интернет-платформ и мессенджеров с целью выявления признаков незаконного сбыта. Приоритет при этом должен отдаваться не только исполнителям низового уровня, но прежде всего организаторам, администраторам каналов, координаторам и лицам, обеспечивающим финансовое сопровождение преступной деятельности**.**

Во-вторых, совершенствование выявления подпольных лабораторий. Необходимо усилить контроль за оборотом прекурсоров и аналитическую работу по выявлению подозрительных операций с химическими веществами.

Особое внимание следует уделять небольшим арендуемым помещениям и иным объектам, которые могут использоваться для производства синтетических наркотиков.

В-третьих, усиление трансграничного сотрудничества. Необходимо расширять обмен оперативной, таможенной и аналитической информацией с государствами региона, прежде всего по выявлению маршрутов наркотрафика, организованных групп, посредников и перемещения прекурсоров.

В-четвёртых, развитие финансовых расследований. Финансовый мониторинг должен быть ориентирован не только на выявление отдельных подозрительных операций, но и на установление полной финансовой цепочки наркобизнеса**.**

Технологии анализа блокчейна могут использоваться для установления движения виртуальных активов, связанных адресов и взаимосвязей между участниками финансовых операций.

В-пятых, развитие риск–ориентированного контроля. С учётом изменения способов сокрытия наркотиков необходимо совершенствовать анализ транспортных потоков, грузов и поведения лиц, связанных с потенциальными каналами наркотрафика.

В-шестых, усиление профилактической работы. Профилактические мероприятия должны быть ориентированы прежде всего на молодёжь, поскольку именно эта категория населения является одной из наиболее уязвимых к вовлечению в незаконный оборот синтетических наркотиков.

Необходимы современные информационные кампании, цифровые профилактические программы и социально-психологические механизмы раннего выявления лиц группы риска.

Проведённое исследование показывает, что современный мировой наркорынок вступил в качественно новый этап развития. Его основными характеристиками являются **рост синтетического сегмента, изменение традиционных маршрутов наркотрафика, увеличение производства отдельных видов наркотиков, появление новых психоактивных веществ, цифровизация сбыта, использование современных финансовых инструментов и высокая адаптивность организованных преступных сетей**.

Для Узбекистана данные процессы имеют непосредственное практическое значение. Результаты анализа первого полугодия 2026 года свидетельствуют об одновременном существовании нескольких взаимосвязанных форм наркоугрозы: трансграничной контрабанды, внутреннего производства синтетических веществ, незаконного оборота сильнодействующих препаратов, бесконтактного цифрового сбыта и деятельности организованных групп с транснациональными связями.

В этой связи современную наркопреступность следует рассматривать не как совокупность отдельных противоправных действий, а как **сложную адаптивную криминальную систему**, способную изменять вещества, маршруты, способы сбыта, финансовые инструменты и формы организационного взаимодействия.

Поэтому результативность государственной политики в сфере противодействия наркотикам не должна оцениваться исключительно количеством изъятых веществ. Стратегически более значимым результатом является **разрушение инфраструктуры наркобизнеса** – маршрутов поставок, подпольных лабораторий, цифровых каналов сбыта, финансовых потоков и организационных связей.

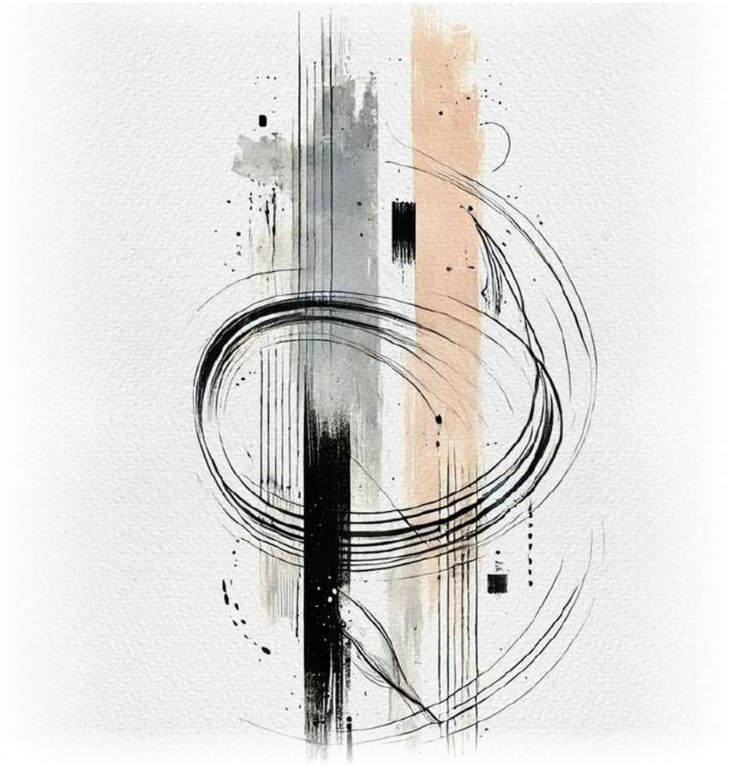
Наиболее перспективным представляется **комплексный криминологический подход**, объединяющий оперативно-розыскные, таможенные, финансовые, цифровые, профилак-

тические и международные механизмы. Такой подход позволит перейти от преимущественно реактивного реагирования на отдельные факты к **системному прогнозированию трансформаций наркорынка, раннему выявлению новых угроз и адресному разрушению криминальной инфраструктуры**.

В конечном итоге именно способность государства своевременно распознавать изменения наркорынка и адаптировать к ним механизмы предупреждения будет определять эффективность защиты общественной безопасности и здоровья населения.

Использованные источники

1. World Drug Report 2025. WORLD DRUG REPORT 2025. https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR_2025/WDR25_B1_Key_findings.pdf.
2. Опиоиды // https://rehabfamily.com/articles/opioidy/
3. Пугающий доклад ООН. Рынок наркотиков растет и еще сильнее угрожает миру // https://dzen.ru/a/akDE9FjDZ2J6Xx4M.
4. Крэк // https://rehabfamily.com/articles/krek/
5. UNODC World Drug Report 2025: Global instability compounding social, economic and security costs of the world drug problem // https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR_2025/Press_release_WDR_2025_English.pdf?utm_source=chatgpt.com.
6. Амфетамин // https://rehabfamily.com/articles/amfetamin/
7. Метамфетамин // https://rehabfamily.com/articles/metamfetamin-opisanie-sostav-effekt-i-svoystvo-narkotika/
8. Информационное сообщение ЦАРИКЦ № 261 // https://caricc.org/media/reports/2026/CARICC_bulletin_261_rus.pdf. ст. 33-36.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ТЕРРОРИСТА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КОЗУБЕНКО
Юрий Вячеславович
Уральский государственный юридический университет
Екатеринбург, Российская Федерация,
доктор юридических наук, доцент

ЯРОВ
Бекмамат Аликулович
Исследовательский институт криминологии
Республики Узбекистан,
кандидат филологических наук, главный редактор

Аннотация: *В статье представлен сравнительно-правовой и психолого-криминологический анализ личности преступника, совершившего террористический акт, выполненный на стыке юридической и психологической науки Республики Узбекистан и Российской Федерации. Сопоставляются нормативные конструкции состава террористического акта по законодательству двух государств (ст. 155 УК Республики Узбекистан и ст. 205 УК РФ). На этой основе анализируются общие для научного пространства и специфические национальные подходы к изучению психологических особенностей, мотивации и типологии личности террориста, а также сопоставляются практические модели профилактики и ресоциализации, сложившиеся в России и Узбекистане. Делается вывод о значительном сходстве законодательных конструкций при существенных различиях в санкционной политике и организации профилактической работы, а также о взаимной ценности накопленного двумя странами опыта.*
Ключевые слова: *террористический акт; личность преступника; психология терроризма; сравнительное правоведение; законодательство Республики Узбекистан; законодательство Российской Федерации; типология террориста; радикализация; ресоциализация.*

Abstract. *The article presents a comparative legal, psychological, and criminological analysis of the personality of a criminal who has committed a terrorist act, carried out at the intersection of legal and psychological sciences of the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation. The paper compares the statutory definitions of an act of terrorism under the legislation of the two states (Article 155 of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan and Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation). On this basis, the author analyzes common scientific and specific national approaches to studying the psychological characteristics, motivation, and typology of a terrorist's personality, and compares practical models of prevention and resocialization established in Russia and Uzbekistan. The study concludes that there is a significant similarity in legislative designs alongside substantial differences in sentencing policies and the organization of preventive work, as well as the mutual value of the experience accumulated by both countries.*
Keywords: *act of terrorism; personality of a criminal; psychology of terrorism; comparative law; legislation of the Republic of Uzbekistan; legislation of the Russian Federation; typology of a terrorist; radicalization; resocialization.*

Annotatsiya. *Maqolada O‘zbekiston Respublikasi va Rossiya Federatsiyasining huquqiy hamda psixologik fanlari tutashuvida amalga oshirilgan terrorchilik harakatini sodir etgan jinoyatchi shaxsining qiyosiy-huquqiy va psixologik-kriminologik tahlili taqdim etilgan. Ikki davlat qonunchiligiga ko‘ra terrorchilik harakati tarkibining normativ konstruksiyalari (O‘zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksining 155-moddasi va RF Jinoyat kodeksining 205-moddasi) o‘zaro qiyoslanadi. Shu asosda terrorchi shaxsining psixologik xususiyatlari, motivatsiyasi va tipologiyasini o‘rganishga oid umumiy ilmiy va o‘ziga xos milliy yondashuvlar tahlil qilinadi, shuningdek, Rossiya va O‘zbekistonda shakllangan profilaktika hamda resotsializatsiya (ijtimoiy moslashtirish)ning amaliy modellari solishtiriladi. Qonunchilik konstruksiyalarida sezilarli o‘xshashlik mavjud bo‘lgani holda, sanksiya siyosati va profilaktika ishlarini tashkil etishda jiddiy farqlar borligi, shuningdek, har ikki mamlakat tomonidan to‘plangan tajribaning o‘zaro qimmatli ekanligi to‘g‘risida xulosa chiqariladi.*

Kalit so‘zlar: *terrorchilik harakati; jinoyatchi shaxsi; terrorizm psixologiyasi; qiyosiy huquqshunoslik; O‘zbekiston Respublikasi qonunchiligi; Rossiya Federatsiyasi qonunchiligi; terrorchi tipologiyasi; radikallashuv; resotsializatsiya.*

Терроризм остаётся одной из наиболее острых транснациональных угроз безопасности на пространстве Содружества независимых государств. Узбекистан и Россия, обладая общим историческим и правовым наследием, в последние три десятилетия развивали собственное антитеррористическое законодательство и собственные научные школы криминологии и юридической психологии, что делает сопоставление накопленного опыта особенно продуктивным. С одной стороны, сохраняется значительная общность понятийного аппарата, конструкции состава преступления и методологических оснований психологического анализа личности преступника; с другой – обнаруживаются существенные различия в санкционной политике, возрастных порогах ответственности и организации профилактической и реабилитационной работы, обусловленные различием социально-демографической ситуации, миграционных процессов и региональной специфики угроз.

Необходимо отметить сравнительно-правовую характеристику террористического акта: ст. 155 УК Республики Узбекистан и ст. 205 УК Российской Федерации.

Уголовный кодекс Республики Узбекистан (ст. 155) определяет терроризм как насилие, применение силы либо иные создающие опасность для личности или собственности деяния (либо угрозу их совершения), направленные на понуждение государственного органа, международной организации, их должностных лиц, физического или юридического лица совершить или воздержаться от совершения определённых действий в целях осложнения международных отношений, нарушения суверенитета и территориальной целостности, подрыва безопасности государства, провокации войны или вооружённого конфликта, дестабилизации общественно-политической обстановки либо устрашения населения; к терроризму приравнивается также деятельность по обеспечению существования и финансированию террористической организации, подготовке и совершению террористических актов [1]. УК Российской Федерации (ст. 205) формулирует объективную сторону террористического акта иначе – как совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а равно угрозу совершения таких действий [9].

Несмотря на определнное различие юридической техники, оба состава объединены единым сущностным признаком – инструментальным характером насилия, применяемого не как самоцель, а как средство понуждения органов власти к определённому поведению, и специальной целью воздействия на принятие решений. Субъективная сторона в обоих правопорядках характеризуется прямым умыслом в отношении самих действий [1; 9].

Существенные различия проявляются в возрастных порогах уголовной ответственности. Согласно части 2 ст. 20 УК РФ, за террористический акт (статья 205), содействие

террористической деятельности и ряд смежных составов ответственность наступает с четырнадцатилетнего возраста – т.е. законодатель отнёс данное преступление к числу деяний повышенной общественной опасности, осознание противоправности которых доступно уже подросткам [9]. Уголовный кодекс Республики Узбекистан не выделяет для терроризма пониженный возрастной порог: ответственность по общему правилу наступает с шестнадцати лет, что отражает более консервативный подход узбекистанского законодателя к снижению возраста уголовной ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления [1].

Различается и санкционная политика. Санкция ч. 1 ст. 205 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок от десяти до двадцати лет, санкции квалифицированных составов – от двенадцати до двадцати лет, а при особо отягчающих обстоятельствах (посягательство на объекты использования атомной энергии, причинение смерти человеку) – от пятнадцати до двадцати лет либо пожизненное лишение свободы [9]. Уголовный кодекс Республики Узбекистан после гуманизации уголовного законодательства и отмены смертной казни в 2008 году предусматривает за терроризм длительные сроки лишения свободы либо пожизненное лишение свободы, при этом ранее (до реформы) террористическая деятельность относилась к числу двух составов, за которые могла быть назначена смертная казнь [1]. Таким образом, оба государства признают терроризм преступлением исключительной тяжести, однако проходили к действующей модели наказания разными путями: Узбекистан – через последовательную гуманизацию и полную отмену смертной казни, Россия – сохраняя пожизненное лишение свободы в системе наказаний за террористический акт, повлекший смерть человека.

Общей чертой обоих правопорядков выступает институт освобождения от уголовной ответственности за добровольный отказ от участия в подготовке терроризма при условии своевременного сообщения органам власти и отсутствия иного состава преступления в действиях лица [1; 9], что имеет существенное психологическое значение – данная норма создаёт правовой стимул для лиц, ещё не утративших способность к критической оценке собственного поведения, отказаться от совершения преступления.

Узбекистанская и российская школы юридической психологии в значительной степени опираются на общую методологическую традицию, и рассматривают личность террориста не как статичный набор признаков, а как результат взаимодействия социальных, идеологических и индивидуально-психологических факторов.

Российский криминолог Ю.М. Антонян одним из первых предпринял системное исследование данной проблемы, показав, что за внешне рациональным политическим или религиозным обоснованием террористической деятельности зачастую скрываются глубоко личностные, субъективные проблемы исполнителя [3].

Вместе с тем в обеих научных традициях присутствует осторожная, взвешенная позиция, предостерегающая от упрощений: попытки приписать простые, глобальные и обобщающие психологические характеристики всем террористам и всем разновидностям терроризма признаются малопродуктивными, поскольку современный терроризм крайне неоднороден по идеологическим основаниям, организационным формам и социальному составу участников [8]. Более перспективным представляется дифференцированный, типологический подход [8].

Значительный вклад в разработку типологии личности террориста применительно к ролевой структуре террористической группы внёс узбекский исследователь С.В. Асямов. Предложенная им классификация построена на конкретной функции, выполняемой лицом в организации [6]: выделяются «организаторы-вдохновители» – лидеры, определяющие стратегию, цели и задачи организации, осуществляющие общее руководство и планирование, а также категории непосредственных исполнителей, пособников, вербовщиков и лиц, обеспечивающих материально-техническую сторону деятельности группы [6].

В российской науке аналогичную функциональную логику отражает ряд типологий, построенных как на ролевом, так и на личностно-психологическом критерии.

Ю.М. Антонян в числе типичных психологических особенностей террористов называет тенденцию к экстернализации – поиску причин собственных проблем и неудач вовне, а не в себе; выраженную паранойяльность и подозрительность; ригидность мышления и поведения; постоянную оборонительную готовность; повышенный нарциссизм и нетерпимость к «инаким» [3]. Д.В. Ольшанский, исследуя личность современного террориста, сосредоточил внимание на психопатологических чертах и акцентуациях характера, отмечая парадокс личности террориста: с одной стороны – предельно выраженную индивидуальность, противопоставляющую себя окружающим; с другой – неизбежную деиндивидуализацию при включении в состав террористической группы, растворение собственной воли в целях, задаваемых организацией или её лидером [4].

Сопоставление узбекистанской ролевой типологии (Асямов) и российских личностно-психологических типологий (Ю.М. Антонян, Д.В. Ольшанский) показывает их взаимодополняющий характер: если ролевая типология отвечает на вопрос о функциональном месте лица в структуре террористической организации, то личностно-психологические типологии раскрывают внутренние, характерологические предпосылки, объясняющие, почему именно данный человек занял ту или иную ролевую позицию. Совместное использование обоих подходов представляется наиболее продуктивным как для научного анализа, так и для практики профилирования и профилактики.

Также необходимо отметить мотивацию лица, совершающего террористический акт. Она представляет собой сложную многоуровневую структуру, в которой декларируемые идеологические, религиозные или политические цели сочетаются с глубинными личностными потребностями. Российские исследователи мотивации террориста подчёркивают необходимость различать декларируемую (идеологическую) мотивацию, используемую для рационализации и морального оправдания насилия, и реальную (личностную) мотивацию, связанную с потребностями в значимости, принадлежности, преодолении чувства унижения или бессилия [5]. Данное разграничение в равной степени признаётся продуктивным и в узбекистанской практике деидеологизации, поскольку профилактическое воздействие, ориентированное исключительно на идеологический уровень мотивации, зачастую оказывается неэффективным без учёта личностных дефицитов, лежащих в её основе.

В факторах радикализации личности: сопоставление российского и центральноазиатского контекста имеются различия.

В частности, формирование готовности к совершению террористического акта представляет собой процесс, растянутый во времени и включающий несколько стадий – от общего недовольства социальной действительностью и восприимчивости к радикальным идеям до принятия оправдывающей насилие идеологии и готовности к непосредственному совершению насильственных действий. Общим для обеих стран фактором, снижающим устойчивость личности к вовлечению в радикальные организации, признаётся личностная незрелость: отсутствие психологической сепарации от родителей и значимых взрослых, ориентация при принятии жизненно важных решений на мнение других лиц, отсутствие сформированных внутренних психологических опор [7].

Вместе с тем региональная специфика источников радикализации имеет как общие черты, так и некоторые различия. Для Российской Федерации как многонационального и многоконфессионального государства значимыми каналами вовлечения выступают радикализация в местах лишения свободы, деятельность законспирированных ячеек в крупных городах и целенаправленная работа вербовщиков через интернет-платформы. Для Республики Узбекистан и региона Центральной Азии в целом более выраженным фактором риска признаются последствия трудовой миграции, приводящие к оторванности мигрантов от привычного социального окружения и делающие их уязвимыми для вербовочной работы эмиссаров запрещённых организаций через сети трудовых мигрантов и социальные сети, а также близость к зонам вооружённой нестабильности в Афганистане [7]. Учёт этой региональной специфики необходим при разработке профилактических программ в каждой из стран.

Практика профилактики и ресоциализации в обоих странах имеет значительное различие.Так, в Российской Федерации организационно-правовую основу профилактики терроризма составляет система Национального антитеррористического комитета и антитеррористических комиссий субъектов Федерации, в задачи которых входит координация деятельности органов власти по устранению причин и условий, способствующих осуществлению террористической деятельности, включая профилактическую работу с лицами, подверженными радикальным идеологиям.

Республика Узбекистан избрала во многом самостоятельную и получившую международное признание модель работы с лицами, вовлечёнными в террористическую деятельность или оказавшимися под её влиянием. В рамках серии гуманитарных операций «Мехр», проведённых начиная с 2019 года, из зон вооружённых конфликтов в Сирии, Ираке и Афганистане были возвращены свыше пятисот граждан Республики Узбекистан, преимущественно женщины и дети [11]. Ключевым принципом программы выступает представление о том, что дети не несут ответственности за ошибки родителей, а взрослые, оказавшиеся в зоне конфликта вследствие заблуждения или манипулятивного вовлечения, имеют право на государственную защиту и шанс на новую жизнь [11]; возвращённым лицам оказывается комплексная медицинская, психологическая и социальная помощь, а сама программа получила высокую оценку специализированных структур ООН как модель, основанная на приоритете интересов ребёнка и вовлечении семьи и местного сообщества [11]. Утверждённая Указом Президента Республики Узбекистан от 1 июля 2021 года № УП-6255 Национальная стратегия по противодействию экстремизму и терроризму на 2021–2026 годы закрепляет данный подход на программном уровне, ориентируя профилактическую работу на просвещение, раннее выявление признаков радикализации и психологическое сопровождение групп риска [2].

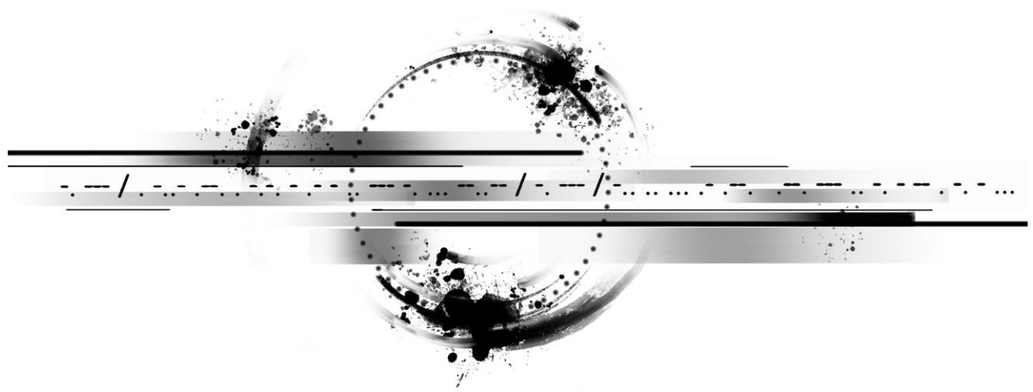
Сопоставление двух моделей показывает, что российский подход исторически смещён в сторону институционально-координационных механизмов профилактики на уровне государственных органов, тогда как узбекистанский – в сторону адресной, персонифицированной социально-психологической реабилитации конкретных лиц и семей, включая возвращение граждан из зон конфликтов. Обе модели не являются взаимоисключающими и могут дополнять друг друга: институциональная координация повышает системность профилактической работы, а адресная реабилитационная практика – её эффективность на уровне конкретной личности.

Учитывая вышеизложенное, можно предположить, что проведённое сравнительно-правовое и психолого-криминологическое исследование показывает, что законодательные конструкции террористического акта по праву Республики Узбекистан и Российской Федерации, при различии юридической техники, объединены общим пониманием инструментальной природы террористического насилия и специальной цели воздействия на органы власти. Вместе с тем возрастные пороги ответственности, санкционная политика и организация профилактической работы существенно различаются, отражая как разную социально-демографическую ситуацию, так и разные этапы гуманизации уголовного законодательства двух государств.

Психологический анализ личности террориста, опирающийся на общую для научного пространства СНГ методологическую традицию, демонстрирует устойчивый, хотя и вариативный, комплекс черт – экстернализацию, ригидность, повышенную тревожность, нарциссизм, склонность к деиндивидуализации в составе группы, – которые в сочетании с личностной незрелостью и специфической мотивационной структурой формируют психологическую готовность к участию в терро-

ристической деятельности. Узбекистанская ролевая типология и российские личностно-психологические типологии не противоречат, а взаимно дополняют друг друга, что делает их совместное применение перспективным направлением дальнейших исследований.

Наконец, накопленный Российской Федерацией опыт институциональной координации профилактической деятельности и накопленный Республикой Узбекистан опыт адресной социально-психологической реабилитации в рамках операций «Мехр» представляют взаимную научную и практическую ценность и могут стать основой для дальнейшего двустороннего научного сотрудничества в области противодействия терроризму.

Использованные источники

1. Уголовный кодекс Республики Узбекистан: утверждён Законом Республики Узбекистан от 22.09.1994 г. № 2012-XII (с изм. и доп.). Ст. 155, 155-1–155-3 [Электронный ресурс] // Национальная база данных законодательства (lex.uz). – URL: https://lex.uz/docs/111457 (дата обращения: 06.08.2026).
2. Национальная стратегия Республики Узбекистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2021–2026 годы: утв. Указом Президента Республики Узбекистан от 01.07.2021 г. № УП-6255.
3. Антонян Ю.М. Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М.: Щит-М, 1998. – 306 с.
4. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. – СПб.: Питер, 2002. – 288 с.
5. Зинченко Ю.П., Сурнов К.Г., Тхостов А.Ш. Мотивация террориста // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2007. – № 2. – С. 20–34.
6. Асямов С.В. Психология современного терроризма [Электронный ресурс] // ЮрПси. – URL: https://yurpsy.com/files/ucheb/prog/l6-5.htm (дата обращения: 06.08.2026).
7. Радикализация и дерадикализация: описание социально-психологической перспективы [Электронный ресурс]. – Абу-Даби: Hedayah, 2021. – URL: https://hedayah.com/app/uploads/2021/05/RCRS_Report_Hedayah_RU-2.pdf (дата обращения: 06.08.2026).
8. Психология личности террориста [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. – URL: https://bigenc.ru/c/psikhologiia-lichnosti-terrorista-6ada19 (дата обращения: 06.08.2026).
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 10.06.2026). Ст. 20, 205 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 06.08.2026).
10. Ломовская С.А., Пономарев Е.А. Психологические особенности личности террориста в контексте проблемы скулшутинга // Власть. – 2022. – Т. 30, № 3. – С. 284–288.
11. «Узбекская модель» реабилитации: итоги семи лет гуманитарных операций «Мехр» в Узбекистане [Электронный ресурс] // Национальный центр Республики Узбекистан по правам человека. – URL: https://www.nhrc.uz/ru/news/operatsija-mehr-put-ispravlenija (дата обращения: 06.08.2026).
12. Асямов С.В. Криминалистический профайлинг: понятие и история становления. – Ташкент: ЮрПси, 2022. – 180 с.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

МАЙОРОВ
Андрей Владимирович
Уральский государственный юридический университет
Екатеринбург, Российская Федерация
доктор юридических наук, доцент,

ТАЗЕТДИНОВ
Руслан Рабинович
Исследовательский институт криминологии
Республики Узбекистан,
доктор философии по психологическим наукам, доцент

Аннотация. *В статье с позиций юридической психологии и сравнительной криминологии анализируется зарубежный опыт социальной профилактики преступности на примере трёх принципиально разных национальных моделей – российской (нормативно-централизованной), американской (доказательно-поведенческой) и германской (институционально-интегрированной). Показано, что, несмотря на различие организационных форм, все три модели опираются на общий психологический механизм – снижение уровня фрустрации, тревожности и социальной изоляции личности через раннее, адресное и доверительное взаимодействие с субъектами профилактики. На основе сопоставления данных моделей с институциональной практикой Республики Узбекистан сформулированы научно-практические предложения по заимствованию отдельных психологически обоснованных элементов зарубежного опыта.*
Ключевые слова: *юридическая психология, социальная профилактика, сравнительная криминология, когнитивно-поведенческая терапия, ювенальная юстиция, доказательная политика, махалля.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada ijtimoiy jinoyatlarning oldini olish bo'yicha xalqaro tajriba huquqiy psixologiya va qiyosiy kriminologiya nuqtai nazaridan tahlil qilinadi, uchta tubdan farq qiluvchi milliy modellar - rus (normativ-markazlashtirilgan), amerikalik (dalillarga asoslangan xulq-atvor) va nemis (institutsional-integratsiyalashgan) misollar sifatida keltirilgan. Ko'rsatilganidek, ularning turli tashkiliy shakllariga qaramay, uchala model ham umumiy psixologik mexanizmga tayanadi: profilaktika sub'ektlari bilan erta, maqsadli va ishonchli o'zaro ta'sir orqali umidsizlik, xavotir va ijtimoiy izolyatsiyani kamaytirish. Ushbu modellarni O'zbekiston Respublikasining institutsional amaliyoti bilan taqqoslash asosida xalqaro tajribadan ma'lum psixologik jihatdan asosli elementlarni qabul qilish bo'yicha ilmiy va amaliy takliflar shakllantirilgan.*
Kalit so'zlar: *huquqiy psixologiya, ijtimoiy profilaktika, qiyosiy kriminologiya, kognitiv-xulq-atvor terapiyasi, voyaga yetmaganlar adliyasi, dalillarga asoslangan siyosat, mahalla.*

Abstract. *From the perspective of legal psychology and comparative criminology, this article analyzes foreign experience in social crime prevention using the example of three fundamentally different national models: Russian (normative-centralized), American (evidence-based behavioral), and German (institutionally integrated). It is shown that, despite differences in organizational forms, all three models rely on a common psychological mechanism: reducing the level of frustration, anxiety, and social isolation of an individual through early, targeted, and trust-based interaction with prevention subjects. Based on a comparison of these models with the institutional practice of the Republic of Uzbekistan, scientific and practical proposals have been formulated for adopting specific psychologically grounded elements of foreign experience.*

Keywords: *legal psychology, social prevention, comparative criminology, cognitive behavioral therapy, juvenile justice, evidence-based policy, mahalla.*

Сравнительное изучение зарубежных моделей социальной профилактики преступности представляет самостоятельный научный интерес не в силу их формального сходства с национальной практикой той или иной страны, а в силу того, что за различными организационными решениями скрывается общий психологический субстрат – работа с внутриличностными детерминантами девиантного поведения: тревожностью, фрустрацией, дефицитом доверия, разрывом социальных связей. Изучение того, как разные правовые системы решают эту общую психологическую задачу, позволяет выявить универсальные механизмы профилактического воздействия, применимые вне зависимости от конкретной институциональной формы.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что Республика Узбекистан, выстроившая за 2023–2025 годы собственную институциональную модель социальной профилактики на базе махалли [13, 14], заинтересована в критическом осмыслении и адаптации передового зарубежного опыта. С этой целью в статье последовательно рассматриваются три модели, представляющие разные типы правовых систем и разные исторические традиции работы с преступностью – российская, американская и германская, с последующим сопоставлением их психологически значимых элементов с узбекской практикой.

Целью статьи является сравнительный анализ психологических механизмов, заложенных в основу зарубежных систем социальной профилактики, и формулирование научно обоснованных предложений по совершенствованию узбекской модели.

1. Российская модель: нормативная централизация и личность правонарушителя как объект психологического анализа

Российская Федерация пошла по пути создания единой законодательной основы профилактической деятельности: Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» закрепил перечень субъектов профилактики (органы внутренних дел, комиссии по делам несовершеннолетних, органы опеки, образовательные и медицинские организации, общественные объединения), а также виды профилактического воздействия – общую, индивидуальную и специальную профилактику [4]. Данный закон систематизировал ранее разрозненную ведомственную практику, однако сохранил преимущественно организационно-правовой, а не психолого-диагностический характер регулирования.

Вместе с тем именно в российской криминологической и юридико-психологической школе была детально разработана концепция личности преступника как самостоятельного объекта профилактического анализа. Согласно Ю.М. Антоняну, М.И. Еникееву и В.Е. Эминову, причины противоправного поведения коренятся не столько во внешних обстоятельствах, сколько во внутриличностных психологических аномалиях – искажённой ценностно-мотивационной структуре, нарушениях эмоциональной регуляции и дефектах ранней социализации, тогда как внешняя ситуация играет лишь роль условия, способствующего или препятствующего реализации уже сформированной готовности к правонарушению [5]. Данный подход методологически значим тем, что переносит акцент профилактической работы с констатации социального неблагополучия на квалифицированную психологическую диагностику личности, что требует участия профессиональных психологов, а не только сотрудников правоохранительных органов и комиссий по делам несовершеннолетних.

Практическим следствием этого подхода выступает институт комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также институт участкового уполномоченного полиции, реализующий функции, во многом схожие с функциями инспектора по профилактике в узбекской модели. Однако в отличие от узбекской «махаллинской семёрки» российская модель не предусматривает встроенного, штатного психологического звена на низовом территориальном уровне, что ограничивает возможности ранней и системной психодиагностики групп риска.

2.Американская модель: community policing и доказательная поведенческая профилактика

Соединённые Штаты Америки продемонстрировали два взаимодополняющих направления развития профилактической политики. Первое – институциональное: принятый в 1994 году Закон о контроле над насильственной преступностью и охране правопорядка учредил в структуре Министерства юстиции США Управление по вопросам полицейской деятельности, ориентированной на взаимодействие с населением (COPS Office), которое с момента создания предоставило правоохранительным агентствам штатов и муниципалитетов свыше 20 млрд долларов на финансирование должностей полицейских, работающих по принципу community policing [6, 7]. Психологическая суть данной модели та же, что рассматривалась применительно к теории «разбитых окон» Дж. Уилсона и Дж. Келлинга: регулярный, персонализированный контакт представителя правопорядка с конкретными жителями конкретного квартала снижает анонимность среды, восстанавливает чувство социального контроля и повышает субъективный порог сдерживания противоправных импульсов [3].

Второе направление – доказательная поведенческая профилактика, наиболее полно представленная программой «Becoming a Man» (BAM), реализуемой некоммерческой организацией Youth Guidance в школах Чикаго для подростков из социально неблагополучных районов. В основе программы лежат методы когнитивно-поведенческой терапии, направленные на замедление автоматических импульсивных реакций подростка в ситуациях конфликта и на осознанный выбор альтернативной модели поведения. Серия рандомизированных контролируемых испытаний, проведённых учёными Чикагского университета, показала снижение числа арестов за насильственные преступления среди участников программы на 45–50%, снижение общего числа арестов на 28–35% и повышение доли своевременного окончания школы на 12–19% [8].

Значение американского опыта для психологической теории профилактики состоит в том, что он впервые в столь масштабном виде эмпирически подтвердил гипотезу, согласно которой значительная часть импульсивных правонарушений совершается не вследствие устойчивой криминальной направленности личности, а вследствие несформированности навыков произвольной саморегуляции в стрессовой ситуации – и что данный дефицит поддаётся целенаправленной и относительно кратковременной психологической коррекции. Это существенно расширяет теоретическую рамку, заданную классическими концепциями аномии Э. Дюркгейма и Р. Мертона [1, 2], смещая акцент с макросоциальных причин на конкретные, измеримые и тренируемые когнитивные навыки личности.

3. Германская модель: институциональная интеграция и принцип «одной крыши»

Федеративная Республика Германия развивает профилактику преступности по пути горизонтальной институциональной интеграции. В 2001 году была учреждена общественно-государственная организация «Германский форум по предупреждению преступности», объединяющая под единой координационной крышей представителей федеральных и земельных органов власти,

O'z.KTI | Kriminologik faoliyat _ Ilmiy-amaliy jurnal | №3-2026 (8)

бизнеса, профсоюзов, религиозных объединений и муниципалитетов для выработки единых, основанных на научных данных подходов к профилактике; в структуре земель функционируют земельные советы по профилактике преступности [9].

Наиболее психологически показательным элементом германской модели выступает институт «Дома ювенального права», впервые созданный в Штутгарте в 1999 году. Его отличительная особенность – размещение сотрудников полиции, прокуратуры и органов по делам молодёжи в одном здании, что обеспечивает кратчайшие организационные пути принятия решений и, что особенно важно с психологической точки зрения, раннюю передачу дела в службу ювенальной помощи ещё до формального судебного разбирательства [10, 11]. В центре внимания этой модели находится не наказание, а понимание причин поступка, сопровождение несовершеннолетнего и поиск решения, соответствующего его жизненной ситуации; за более чем двадцать пять лет практики модель признана эффективной и тиражирована в большинстве федеральных земель.

С психологической точки зрения германский опыт демонстрирует иной механизм воздействия, чем американский: не тренировку когнитивных навыков личности, а сокращение институциональной дистанции и временного разрыва между правонарушением и получением психолого-педагогической помощи. Чем короче путь от инцидента до участия специалиста по социальной работе с несовершеннолетними, тем ниже риск закрепления девиантной идентичности и стигматизации подростка в собственных глазах и в глазах окружения – эффект, содержательно близкий к профилактике «криминогенного удара», то есть острого психотравмирующего события, способного стать поворотным пунктом на пути к устойчивому противоправному поведению.

4. Сравнительный анализ и психологические уроки для узбекской модели

Сопоставление трёх моделей позволяет выделить три различных, но не взаимоисключающих психологических механизма профилактического воздействия: (а) снижение анонимности среды через персонализированный контакт представителя правопорядка с населением (США, отчасти российский институт участкового уполномоченного); (б) прямую психологическую коррекцию когнитивных и поведенческих навыков личности методами доказательной терапии (США); (в) сокращение институциональной и временной дистанции между правонарушением и психолого-педагогическим вмешательством (Германия). Узбекская модель, опирающаяся на институт махалли и механизм «махаллинской семёрки», институционально ближе всего к германскому принципу «одной крыши» и к российской традиции многосубъектной профилактики [15], однако уступает обеим моделям в двух отношениях: во-первых, в системе отсутствует выделенное психологическое звено, сопоставимое по функционалу со специалистами Jugendamt или психологами КДН; во-вторых, эффективность профилактических программ в республике оценивается преимущественно по статистике зарегистрированных преступлений, тогда как американский опыт демонстрирует ценность строгой доказательной оценки конкретных поведенческих интервенций методом рандомизированных испытаний [8].

Вместе с тем узбекская модель обладает институциональным преимуществом, которого лишены все три рассмотренные системы – устойчивой территориальной укоренённостью и высокой плотностью неформального социального капитала на уровне махалли, что по своей психологической функции близко к идее восстановления доверия и социального контроля, лежащей в основе американской концепции community policing [3]. Задача состоит не в заимствовании чужой институциональной формы, а в дополнении имеющегося социального капитала профессиональными психологическими инструментами, доказавшими эффективность в иных правовых системах.

Проведённый сравнительный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, несмотря на существенные различия в правовых традициях, институциональной архитектуре и уровне социально-экономического развития, российская, американская и германская модели социальной профилактики опираются на общий психологический принцип: снижение анонимности среды, сокращение дистанции между инцидентом и помощью, а также целенаправленную работу с внутриличностными механизмами саморегуляции. Во-вторых, наиболее методологически строгие эмпирические доказательства эффективности профилактических интервенций получены в рамках американской доказательной поведенческой политики, что указывает на необходимость внедрения аналогичных стандартов оценки в национальную практику. В-третьих, германский принцип институциональной интеграции «под одной крышей» представляет собой готовую к адаптации организационную форму, психологически совместимую с существующей узбекской моделью «махаллинской семёрки».

Использованные источники

1. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр.; под ред. В.А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
2. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории) / пер. с фр. Е.А. Самарской; ред. пер. М.Н. Грецкий. – М.: Прогресс, 1966. – С. 299–313.
3. Wilson J.Q., Kelling G.L. Broken Windows: The Police and Neighborhood Safety // The Atlantic Monthly. – 1982. – Vol. 249, № 3. – P. 29–38.
4. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 31.07.2026).
5. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. – М.: Юристъ, 1996. – 336 с.
6. Violent Crime Control and Law Enforcement Act of 1994: Pub. L. № 103-322, 108 Stat. 1796 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.congress.gov (дата обращения: 31.07.2026).
7. About the COPS Office [Электронный ресурс] // U.S. Department of Justice, Office of Community Oriented Policing Services. – URL: https://cops.usdoj.gov/aboutcops (дата обращения: 31.07.2026).
8. Heller S.B., Shah A.K., Guryan J., Ludwig J., Mullainathan S., Pollack H.A. Thinking, Fast and Slow? Some Field Experiments to Reduce Crime and Dropout in Chicago // The Quarterly Journal of Economics. – 2017. – Vol. 132, № 1. – P. 1–54.
9. Deutsches Forum für Kriminalprävention (DFK) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kriminalpraevention.de (дата обращения: 31.07.2026).
10. Haus des Jugendrechts [Электронный ресурс] // Landeshauptstadt Stuttgart. – URL: https://www.stuttgart.de/haus-des-jugendrechts (дата обращения: 31.07.2026).
11. Schairer M., Birnzain G. Das «Haus des Jugendrechts» in Stuttgart: Modellprojekt und Vorbild einer ganzheitlichen, behördenübergreifenden Zusammenarbeit in Baden-Württemberg // Kriminalpolizei. – 2005. – № 1.
12. Violence prevention: the evidence [Электронный ресурс]. – Geneva: World Health Organization, 2010. – URL: https://www.who.int/publications/i/item/9789241597821 (дата обращения: 31.07.2026).
13. О мерах по повышению эффективности системы социальной профилактики в махаллях на основе принципа «Благоустроенная и безопасная махалля»: постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 30.11.2024 № 801 [Электронный ресурс]. – URL: https://lex.uz/docs/7243832 (дата обращения: 31.07.2026).
14. Об утверждении Концепции общественной безопасности Республики Узбекистан и мерах по ее реализации: указ Президента Республики Узбекистан от 29.11.2021 № УП-27 [Электронный ресурс]. – URL: https://lex.uz (дата обращения: 31.07.2026).
15. Криминология: учебник / К.Р. Абдурасулова, А.Г. Закирова, И. Исмаилов [и др.]. – Ташкент: Академия МВД Республики Узбекистан, 2023. – 318 с.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ РАННЕГО ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЭКСТРЕМИЗМОМ

НУРУМБЕТОВА
Садокат Аллаяровна
Исследовательский институт криминологии Республики Узбекистан, доктор юридических наук (DSc), доцент

САФАРЗОДА
Хаёт Сайидамир
Академия МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *В статье проанализированы правовые, криминологические, цифровые и социально-психологические механизмы раннего выявления и предупреждения преступлений, связанных с экстремизмом. На основе законодательства Узбекистана, Национальной стратегии на 2021–2026 годы, Концепции государственной политики в религиозной сфере 2025 года, национальной открытой статистики и международных докладов раскрыты современные особенности угроз. Наряду с научными взглядами ученых изучен опыт зарубежных государств, в частности системы Prevent/Channel Великобритании, модели Aarhus Дании и Religious Rehabilitation Group Сингапура, и разработано авторское предложение — «Модель интегрированного раннего предупреждения и профилактической поддержки» для Узбекистана.*
Ключевые слова: *экстремизм, радикализация, раннее выявление, профилактика, экстремистский контент, цифровой мониторинг, индикаторы риска, реабилитация, реинтеграция, межведомственное взаимодействие.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada ekstremistik jinoyatlarni erta aniqlash va oldini olishning huquqiy, kriminologik, raqamli va ijtimoiy-psixologik mexanizmlari o'rganiladi. O'zbekiston qonunchiligi, milliy strategiyalar va konsepsiyalar, ochiq statistika, xalqaro hisobotlar va xorijiy tajriba, jumladan, Buyuk Britaniyaning Prevent/Channel tizimi, Daniyaning Orxus modeli va Singapurning Diniy reabilitatsiya guruhi asosida ekstremistik tahdidlarning hozirgi xususiyatlari tahlil qilinadi. Mualliflar O'zbekiston uchun Integratsiyalashgan Erta Ogohlantirish va Profilaktik Qo'llab-quvvatlash Modelini taklif qilishadi.*
Kalit so'zlar: *ekstremizm, radikalizm, erta aniqlash, oldini olish, ekstremistik kontent, raqamli monitoring, xavf ko'rsatkichlari, reabilitatsiya, reintegratsiya, idoralararo hamkorlik.*

Abstract. *This article examines legal, criminological, digital, and socio-psychological mechanisms for the early detection and prevention of extremist crimes. Based on Uzbek legislation, national strategies and concepts, open statistics, international reports, and foreign experience, including the UK's Prevent/Channel system, Denmark's Aarhus model, and Singapore's Religious Rehabilitation Group, the current characteristics of extremist threats are analyzed. The authors propose an Integrated Early Warning and Preventive Support Model for Uzbekistan.*
Keywords: *extremism, radicalization, early detection, prevention, extremist content, digital monitoring, risk indicators, rehabilitation, reintegration, interagency cooperation.*

Преступления, связанные с экстремизмом, не только создают угрозу общественной безопасности, конституционному строю, межнациональному и межконфессиональному согласию, но и под воздействием цифровых коммуникаций быстро меняются по форме и способам совершения. Если ранее распространение радикальных идей в большей степени опиралось на закрытые группы, личные контакты или печатные материалы, то сегодня скорость и охват идеологического воздействия резко возросли благодаря социальным сетям, мессенджерам, видеоплатформам и алгоритмическим рекомендациям. Поэтому, одних мер реагирования после совершения преступления уже недостаточно: необходимо, при строгом соблюдении законности и прав человека, выявлять факторы риска на ранней стадии, выводить человека из процесса, ведущего к насилию, и усиливать механизмы социальной поддержки.

Закон Республики Узбекистан «О противодействии экстремизму» определяет в качестве основных принципов противодействия экстремизму законность, приоритет прав, свобод и законных интересов человека, гласность и неотвратимость ответственности. Нормы Закона, касающиеся государственной политики, относят к основным направлениям профилактику, повышение правосознания и правовой культуры, формирование нетерпимого отношения к экстремизму, а также устранение его причин и условий [1]. В Национальной стратегии на 2021–2026 годы постоянное совершенствование системы раннего предупреждения, выявления и пресечения экстремизма и терроризма также обозначено как отдельная задача [2]. Принятая в 2025 году «Концепция обеспечения свободы совести граждан и государственной политики в религиозной сфере в Республике Узбекистан» закрепила необходимость раннего предупреждения и пресечения преступлений экстремистского и террористического характера, совершаемых на почве религиозного фанатизма [3].

Первое условие ранней профилактики — правильная оценка среды риска. По данным Национального комитета по статистике, доля населения Узбекистана, пользующегося интернетом, составляла 76,6 процента в 2021 году, достигла 93,3 процента в 2024 году и 94,2 процента в январе–августе 2025 года [12]. Таким образом, менее чем за четыре года охват интернетом увеличился на 17,6 процентного пункта. Положительная сторона этого показателя состоит в расширении цифровых услуг и информационных возможностей, однако с точки зрения профилактики он одновременно означает расширение потенциальной аудитории экстремистской пропаганды. Поэтому цифровая грамотность, оценка надежности источников и правовая осведомленность в отношении подозрительного контента должны стать неотъемлемой частью профилактики.

В январе 2025 года Верховный суд Республики Узбекистан обновил перечень источников и контента в интернете, признанных содержащими идеи религиозного экстремизма, терроризма и фанатизма и запрещенных к ввозу на территорию страны, изготовлению, хранению, распространению и демонстрации; к настоящему моменту данный перечень обновлялся дважды. Этот процесс будет продолжаться. УзА, ссылаясь на информационную службу Верховного суда, сообщило, что число запрещенных источников приближается к 1,5 тысячи, из них 703 действуют в Telegram, а 203 — в среде Meta (Facebook) [13]. Этот показатель подтверждает необходимость рассматривать мессенджеры и платформы социальных сетей как отдельный объект анализа при оценке риска цифрового экстремизма.

Примером превращения цифрового воздействия в реальную угрозу может служить открытая информация Министерства внутренних дел от 27 ноября 2024 года: в Ташкентской области было установлено, что лицо 2007 года рождения попало под влияние экстремистских идей в интернете, собиралось вместе с 16 близкими знакомыми в незаконную «общину» и планировало вступить в ряды зарубежной террористической организации; по данному факту было возбуждено уголовное дело по статье 244² Уголовного кодекса [14]. Этот отдельный случай не заменяет общую статистику, однако показывает профилактическую значимость

цепочки «онлайн-воздействие → узкая социальная группа → практический план действий».

Следует отметить, что международный сравнительный показатель также помогает понять общий фон. В Global Terrorism Index 2026 Узбекистан занял 96-е место среди 163 государств с показателем 0,114 балла [15; 16]. Низкий балл в индексе означает относительно низкое воздействие терроризма. Однако низкий текущий уровень риска должен служить не основанием для ослабления профилактической системы, а, напротив, аргументом в пользу сохранения непрерывности ранней профилактики, мер общественной устойчивости и реинтеграции.

В этой связи заслуживает внимания и практика реинтеграции Узбекистана. В страновом профиле GCERF по Узбекистану за январь 2026 года отмечено, что в 2019–2021 годах в рамках пяти гуманитарных операций «Мехр» из Сирии и Ирака были репатриированы 531 гражданин. К ним была применена комплексная программа реабилитации, направленная на их быструю интеграцию в семейную и махаллинскую среду [22]. Этот опыт показывает, что ранняя профилактика должна охватывать не только «выявление», но и этапы вывода из зоны риска, восстановления социальных связей и снижения риска повторной криминализации.

Согласно научно-теоретическому анализу, У.М. Хошимов специально исследовал роль информационных технологий и социальных сетей интернета в совершении преступлений, связанных с экстремизмом, изучив причины распространения экстремистских материалов через интернет, правовые меры противодействия и различия между понятиями «религиозно-экстремистский материал» и «экстремистский контент» [5]. Важный вывод из этого подхода заключается в том, что цифровой мониторинг не должен превращаться в простой «поиск по ключевым словам». Если контекст, цель, аудитория, способ распространения, связь призыва с насилием и последующие действия лица не оцениваются в совокупности, количество ложноположительных сигналов может увеличиться.

Кроме того, А. Ибрагимов предлагает при профилактике экстремизма среди молодежи комплексно учитывать социальные, идеологические и психологические факторы, проводить профилактическую работу посредством цифровых технологий, социальных сетей и системы образования, укреплять идеологический иммунитет молодежи и повышать ее социальную активность [6]. Такой подход показывает ошибочность восприятия профилактики исключительно как задачи правоохранительных органов. На ранней стадии школа, семья, махалля, молодежные организации и психологические службы имеют больше возможностей не «наказать проблему», а «устранить проблему». В этой связи М. Саидов, раскрывая роль профилактики правонарушений в противодействии экстремизму, подчеркивает значение духовно-просветительских и воспитательных мероприятий среди молодежи, проводимых государственными органами и общественными организациями [7]. Практическая ценность этой позиции состоит в том, что экстремистская пропаганда нередко использует социальную изоляцию человека, отсутствие пространства доверительного общения или кризис идентичности. Поэтому профилактика с участием общественности не должна ограничиваться «массовой лекцией», а должна включать доверительное консультирование, общение со сверстниками, семейную поддержку и возможности социальной активности.

В диссертации З.М. Хайитматова «Процесс противодействия экстремизму и терроризму в Республике Узбекистан» проанализированы финансовые источники экстремистских и террористических организаций, а также трансформация системы возвращения попавших под их влияние граждан в здоровую среду и их социальной реабилитации. В объявлении ВАК отмечено, что исследователь обосновал укрепляющее воздействие системы реабилитации на доверие между гражданами и социальную стабильность, а также приоритет политических и духовно-просветительских принципов в противодействии экстремизму [8]. Такой подход показывает два направления ранней профилактики: первое — выявление социальных и финансовых сетей, ведущих к радикализации; второе — снижение риска рецидива путем возвращения вышедшего из зоны риска лица в общество.

Обобщение взглядов отечественных ученых позволяет выделить три устойчивые идеи: а) правовая определенность; б) работа в цифровой среде и с молодежью; в) государственно-общественное взаимодействие и реабилитация. Следовательно, эффективная ранняя профилактика не может опираться на одно ведомство или одну технологию; она должна представлять собой межсекторальную систему, объединяющую правовые, социальные, психологические и информационные факторы.

Анализ взглядов зарубежных ученых показывает, что А.В. Кругланси и соавторы разработали модель, объясняющую радикализацию мотивацией «поиска личной значимости». В их подходе риск насильственного экстремизма возрастает при объединении трех элементов — потребности (need), идеологического нарратива (narrative), представляющего насилие приемлемым средством, и социальной сети (network), подтверждающей этот нарратив [9]. Эта модель дает важный теоретический вывод для раннего выявления: недостаточно отслеживать лишь высказывания радикального содержания; необходимо в совокупности оценивать чувство утраты человеком собственной значимости, его включение в нарратив, оправдывающий насилие, и связь с поддерживающей такой нарратив сетью.

В свою очередь Р. Борум, анализируя модели радикализации, подчеркивает необходимость не отождествлять идеологическую радикализацию с практической вовлеченностью в террористическую деятельность [10]. Для правового государства это различие особенно важно. Само по себе наличие жестких или нетрадиционных взглядов не является преступлением; профилактическая мера должна основываться на дополнительных факторах, таких как склонность к насилию, связь с преступной организацией, целенаправленное вовлечение, подготовка или риск перехода к преступному поведению. Подход Борума помогает избежать чрезмерного «профилирования» и оценки риска, основанной исключительно на идеологии.

В этой связи Дж. Хорган предлагает различать понятия «дерадикализация» и «выход из деятельности»: прекращение террористической деятельности не всегда означает отказ человека от всех радикальных взглядов [11]. Эта мысль имеет большое практическое значение. Кратко- и среднесрочной целью профилактики прежде всего может быть прекращение насильственных действий, разрыв связей с преступной группой и возвращение человека в безопасную социальную среду; затем проводится долгосрочная психологическая, социальная и идеологическая работа.

По нашему мнению, объединение рассмотренных зарубежных подходов позволяет сформулировать научную формулу ранней профилактики: *«понимание потребности и личного кризиса — выявление нарратива, оправдывающего насилие — оценка связи с вредоносной сетью — отдельная проверка риска перехода от убеждений к практическому насилию — предложение реального социального пути выхода из деятельности»*. Такой подход дает возможность вмешаться до совершения преступления, однако требует не смешивать законные взгляды, свободу религии и убеждений с криминальным риском.

По данным Global Terrorism Index 2026, в 2025 году во всем мире в результате 2 944 террористических инцидентов погибли 5 582 человека. По сравнению с 2024 годом число смертей от терроризма снизилось на 28 процентов, а число инцидентов — на 22 процента. При этом воздействие терроризма оставалось географически высоко концентрированным: около 70 процентов смертей пришлись на пять государств — Пакистан, Буркина-Фасо, Нигерию, Нигер, и Демократическую Республику Конго; лишь 1 процент смертей от терроризма произошел в государствах, не затронутых конфликтом [15].

Эти данные показывают значение таких макрофакторов риска экстремизма и терроризма, как вооруженный конфликт, слабость государственных институтов и социальная нестабильность.

Согласно отчету Европола EU TE-SAT 2025, в 2024 году 14 государств Европейского союза сообщили о 58 террористических атаках: 34 были совершены, 5 оказались неудавшимися, а 19 были предотвращены. В 20 государствах-членах за преступления, связанные с терроризмом, были арестованы 449 человек [17]. Особенно показательным является предотвращение 19 атак, что демонстрирует практический результат «раннего выявления»: разведывательная информация, действия полиции, сигналы от общественности и цифровые данные позволяют реагировать до совершения нападения.

В статистике программы Prevent, опубликованной Home Office Великобритании 6 августа 2026 года, за период с октября 2024 года по сентябрь 2025 года зарегистрировано 10 293 обращения. Из них 2 159 (21%) были рассмотрены панелью Channel, а 1 810 (18%) были приняты в качестве случаев Channel. Среди обращений с известным возрастом 36 процентов приходилось на лиц 11–15 лет [18]. Эти цифры позволяют сделать два вывода. Во-первых, каждый сигнал, поступивший в профилактическую систему, не приводит автоматически к выводу о том, что лицо является «экстремистом»; действует многоэтапный отбор. Во-вторых, работа с несовершеннолетними и подростками стала центральной частью профилактической системы. При этом особо следует подчеркнуть, что обращения в Prevent не являются статистикой преступлений или виновности.

Платформа Channel, внедренная в практику в рамках британской стратегии Prevent, выделяется как многоотраслевой институциональный механизм, ориентированный на работу с лицами, уязвимыми перед террористическим и радикализирующим воздействием.

Согласно официальному методическому руководству 2025 года, единой унифицированной формулы для идентификации деструктивных склонностей не существует. Этот процесс охватывает совокупность сложных когнитивно-психологических факторов, включая воздействие киберпространства, буллинг, виктимизацию вследствие девиантного или преступного поведения, семейную дестабилизацию, кризисы личной идентичности, а также социальные и политические обиды. В результате требуется обеспечить синергетическое взаимодействие образовательных учреждений, органов социальной защиты, системы здравоохранения, органов молодежной политики, правоохранительных структур и институтов гражданского общества [19].

Концептуальное преимущество данного подхода проявляется в мониторинге рисков из нескольких источников и применении превентивных мер на строго индивидуальной основе. Вместе с тем в качестве институциональной слабости системы сохраняется вероятность возникновения избыточных или необоснованных предупреждений (false positives). Поэтому эффективность данного механизма напрямую зависит от сочетания четких правовых критериев, профессиональной экспертной оценки и защитных средств, гарантирующих безопасность персональных данных.

В международной практике датская модель «Aarhus» выделяется успешной интеграцией предупреждения деструктивных склонностей в качестве неотъемлемого и специализированного элемента общей криминологической профилактики. Как отмечается в материалах Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC), платформа «Info House», действующая на основе совместной инициативы муниципалитета и полиции Восточной Ютландии, централизованно принимает поступающие обращения и направляет их в специальные программы реинтеграции [20]. Концептуальную основу такого подхода составляют четкое разграничение законных форм политических или религиозных убеждений и террористических угроз, создающих криминальный риск, а также объединение усилий правоохранительных органов, педагогики, психологии, социальных служб и институтов наставничества ради единой цели. При адаптации данного зарубежного опыта к национальной практике высокую эффективность может обеспечить использование потенциала института махалли, поскольку махалля позволяет глубоко понимать повседневную социально-бытовую среду

человека; при этом правовые границы и конфиденциальность персональных данных должны быть подкреплены строгими институциональными гарантиями.

Вместе с тем *многокомпонентная религиозно-психологическая и социальная модель реабилитации* Сингапура представляет собой уникальную превентивную практику работы с лицами, подвергшимися деструктивному идеологическому воздействию.

В частности, действующая с 2003 года Группа религиозной реабилитации сочетает научно-методологическое опровержение искаженно трактуемых религиозных постулатов*, профессиональные психологические тренинги и процессы социальной адаптации. В официальных заявлениях МВД Сингапура особо признана стратегическая роль RRG в формировании надежных теологических оснований против альтернативных деструктивных идей в борьбе с насильственным экстремизмом [21]. Кроме того, в парламентской практике страны отмечается, что с 2007 года в рамках Закона о внутренней безопасности (*Internal Security Act*) в отношении саморадикализировавшихся лиц применяются современные комплексные меры реабилитации [21]. Эта передовая практика показывает, что в противодействии чуждым идеологическим или разрушительным мировоззренческим воздействиям решающее значение имеет не только применение репрессивных или карательных мер, но и создание скоординированной системы предупреждения или раннего оповещения, объединяющей усилия квалифицированных экспертов, семьи и институтов гражданского общества.

Сравнительный анализ показывает, что, несмотря на функционирование всех трех моделей в различных правовых системах, они имеют общие элементы: прием раннего сигнала; межведомственную оценку; разграничение индивидуального риска и потребности; рассмотрение возможности оказания помощи до применения наказания; вовлечение семьи и сообщества; повторную оценку результата. Основным критерием эффективной профилактики должен быть не показатель «сколько лиц поставлено на учет», а результат, выраженный в том, «сколько опасных траекторий было остановлено до перехода к насилию и сколько лиц вернулось к нормальной социальной жизни».

На основе проанализированных отечественных и зарубежных подходов предлагается внедрить в национальную практику Узбекистана «Модель интегрированного раннего предупреждения и профилактической поддержки». Эта модель не заменяет оперативно-розыскную работу по преступлениям. Ее задача заключается в координации правовых, социальных, психологических и просветительских мер в случаях, когда признаки преступления еще не сформировались либо существует низкий уровень риска, а случаи высокого риска должны оперативно направляться в уполномоченные органы в соответствии с законом.

Первый блок модели — «прием сигнала и правовой фильтр». Сигнал может поступить из махалли, семьи, образовательного учреждения, от молодежного лидера, психолога, специалиста в религиозной сфере, в результате цифрового мониторинга либо обращения граждан. При этом каждый сигнал должен проходить правовой фильтр, и законные религиозные взгляды, политическое мнение, несогласие или критика не должны автоматически приравниваться к экстремистскому риску. Основанием для перехода к следующему этапу могут служить только значимые признаки, такие как пропаганда насилия, целенаправленное вовлечение в запрещенную организацию, осознанное распространение запрещенного контента, подготовка к поездке или финансированию, оправдание вооруженных действий либо групповое преступное планирование.

Второй блок — «междисциплинарная оценка». На районном/городском уровне действует небольшая экспертная группа, вклю-

* Постулаты — основные положения, идеи или принципы, принимаемые в качестве основы какой-либо теории, учения или научной системы и изначально не требующие доказательства.

чающая представителей органов внутренних дел, махалли, образования, молодежной сферы, психологической службы, а при необходимости — территориального подразделения Комитета по делам религий и социальной защиты. Оценка проводится по трем направлениям: 1) риск поведения; 2) социально-психологические потребности лица; 3) защитные факторы — семья, работа/учеба, позитивное окружение сверстников, контакт со специалистом. Теоретической основой здесь служат модель Круглански «потребность – нарратив – сеть» и проводимое Борумом различие между «убеждением и насильственной деятельностью».

Третий блок — «ступенчатый профилактический ответ». При низком риске применяются меры правового и медиапросвещения, психологическая помощь, семейное консультирование и стимулирование социальной активности; при среднем риске — индивидуальный кейс-менеджмент, наставничество, возвращение к работе/обучению, достоверное религиозное разъяснение и обеспечение безопасности цифровой среды; при высоком риске или наличии признаков преступления материалы в установленном законом порядке передаются уполномоченным правоохранительным органам. Таким образом, функции «профилактики» и «уголовного преследования» не смешиваются.

Четвертый блок — «анализ цифрового риска». На основе перечня источников и контента, запрещенных Верховным судом, тенденций открытой интернет-среды и обращений граждан анализируются общие тренды риска. Принципом данного блока должно быть не массовое автоматическое профилирование лиц, а научный мониторинг экосистемы контента, каналов его распространения и новых нарративов в открытых и законных источниках. Автоматизированный инструмент должен выступать лишь аналитическим помощником, а правовое решение обязан принимать специалист-человек.

Пятый блок — «измерение результата и повторная оценка». Для каждого профилактического случая могут устанавливаться конкретные критерии результата: отказ от поддержки насилия или снижение уровня рискованного поведения; прекращение связей с запрещенной сетью; возвращение к учебе/работе; стабилизация семейных отношений; улучшение психологического и социального состояния; устойчивость законопослушного поведения. Исходя из подхода Хоргана, первоначальный успех целесообразно оценивать не только по критерию «идеология полностью изменилась», а прежде всего по выходу из насильственной деятельности и возвращению к законной жизни.

Особое значение имеет гарантийный компонент «Модели интегрированного раннего предупреждения и профилактической поддержки», который должен предусматривать: сбор данных по принципу минимальной необходимости; недопустимость использования религии, национальности или политических взглядов лица в качестве самостоятельного индикатора риска; документирование каждого профилактического решения; проверку вывода о высоком риске не менее чем двумя специалистами; ограничение сроков использования персональных данных и прав доступа к ним; проведение ежегодной независимой оценки эффективности и воздействия на права человека. Эти гарантии соответствуют принципам законности и приоритета прав человека, закрепленным в Законе № ЗРУ-489 [1].

В современных условиях раннее выявление преступлений, связанных с экстремизмом, не ограничивается только сбором оперативной информации или наблюдением за интернетом. Научные источники и зарубежная практика показывают, что переход к насильственному экстремизму представляет собой многофакторный процесс, в котором взаимодействуют личный кризис, идеологический нарратив, социальная сеть, цифровая среда и реальная возможность совершения действий. Поэтому эффективная система также должна носить междисциплинарный характер.

Правовая база Узбекистана предусматривает профилактику, приоритет прав человека и межведомственное взаимодействие. Достижение интернет-охватом уровня 94,2 процента

[12] и приближение числа запрещенных Верховным судом цифровых источников к 1,5 тыс. [13] указывают на необходимость усиления цифровой профилактики, тогда как относительно низкий показатель воздействия терроризма для Узбекистана в Global Terrorism Index 2026 [15; 16] может рассматриваться как общий фон, свидетельствующий об эффективности непрерывного сохранения профилактических мер и мер социальной устойчивости.

По нашему мнению, приведенный анализ показывает, что в предупреждении экстремизма недостаточно ограничиваться только правоохранительными мерами: необходимо объединить социальные, психологические, просветительские и цифровые профилактические механизмы в единую систему. С этой точки зрения считаем целесообразным реализовать следующие меры по совершенствованию системы профилактики.

Во-первых, целесообразно в пилотном порядке внедрить на районном и городском уровнях «Панель раннего предупреждения и профилактической поддержки». Данный механизм должен обеспечивать взаимодействие органов внутренних дел, махалли, образовательных учреждений, органов по делам молодежи, психологических и социальных служб, а при необходимости — специалистов в религиозной сфере. В отношении лиц, у которых признаки преступления еще не сформировались, но присутствуют определенные факторы риска, необходимо разрабатывать индивидуальный план профилактики и социальной поддержки. При этом в целях обеспечения прав и свобод личности правоохранительные меры и функции социальной помощи должны быть четко разграничены в правовом и организационном отношении.

Во-вторых, необходимо разработать национальную методику оценки риска экстремизма. По нашему мнению, такая методика должна основываться не на отношении человека к определенной идеологии или религии, а на оценке конкретных поведенческих индикаторов: оправдание насилия, установление связей с преступными или экстремистскими структурами, вовлечение других лиц, финансирование, специальная подготовка или организация поездок, целенаправленное распространение запрещенных материалов. Одновременно целесообразно учитывать защитные факторы, такие как семейная среда, занятость в учебе или труде, позитивные социальные связи. Автоматизированный анализ и цифровые инструменты должны использоваться лишь как средства поддержки принятия решения, тогда как окончательный вывод должен делать квалифицированный специалист.

В-третьих, цифровую профилактику следует усилить как самостоятельное и приоритетное направление. Для этого необходимо представлять населению сведения о запрещенных Верховным судом контенте и материалах в понятной, удобной и регулярно обновляемой форме, включить в образовательный процесс модули по фактчекингу и медиаграмотности для молодежи, осуществлять научно обоснованный мониторинг новых экстремистских нарративов, появляющихся на интернет-платформах, а также создать безопасные и удобные механизмы сообщения гражданами о подозрительном контенте.

В-четвертых, целесообразно развивать на основе единого стандарта систему реабилитации и реинтеграции лиц, попавших под экстремистское влияние либо находящихся в процессе выхода из него. В этом направлении опыт Узбекистана, накопленный в рамках гуманитарных операций «Мехр», может быть объединен с эффективными подходами сингапурской Religious Rehabilitation Group (RRG) и датской модели Aarhus. Такая модель должна в рамках единой программы реабилитации сочетать религиозно-просветительское разъяснение, психологическую помощь, возвращение к профессиональному обучению и образованию, системную работу с семьей и механизмы наставничества. Эффективность программы при этом должна оцениваться не только количеством проведенных мероприятий, но и по конкретным результативным критериям: отсутствие повторных правонарушений, отказ лица от взглядов, поддерживающих насилие, возвращение к работе или учебе, восстановление семейных и социальных связей.

В целом предлагаемые меры должны представлять собой не разрозненные механизмы, а формировать единую профилактическую систему, функционирующую по принципу «раннее выявление — научная оценка — цифровая профилактика — реабилитация и реинтеграция».

По нашему мнению, именно такой комплексный подход позволит перейти в противодействии экстремизму от реагирования на последствия к современной модели профилактики, ориентированной на предварительное выявление и устранение его причин и факторов риска.

В-пятых, целесообразно внедрить в учреждениях исполнения наказания специальную комплексную программу, направленную на дерадикализацию уже в период отбывания наказания осужденных, совершивших преступления под влиянием чуждых и радикальных идей, и их последующую адаптацию к жизни в обществе. По нашему мнению, работа с данной категорией осужденных не должна ограничиваться лишь исполнением наказания или поддержанием режима и дисциплины, а должна быть направлена на выявление идеологических, психологических, социальных и семейных факторов, обусловивших формирование их радикальных взглядов, и их поэтапное устранение.

С этой целью предлагается формировать в отношении каждого осужденного индивидуальный «профиль дерадикализации и социальной адаптации». В нем должны комплексно оцениваться степень склонности лица к радикальным идеям, мотивы совершения преступления, социальная среда, семейные связи, образование и профессиональные навыки, психологическое состояние, а также факторы, препятствующие его реинтеграции в общество. На основе результатов такой оценки целесообразно разрабатывать индивидуальный план реабилитации с участием психолога, теолога или специалиста в религиозной сфере, педагога, социального работника и сотрудника учреждения исполнения наказания.

В рамках данной программы необходимо взаимосвязанно осуществлять меры по повышению правовой и религиозной грамотности осужденного, научно и просветительски обоснованному опровержению ошибочных трактовок радикальных идей, формированию навыков критического мышления и анализа информации, психологической коррекции, профессиональному обучению, привлечению к труду, восстановлению семейных отношений и подготовке к жизни после освобождения. При этом основной целью должно быть не только обеспечение отказа осужденного от радикальных идей, но и формирование необходимых социальных, духовных и профессиональных ресурсов для ведения им законной и самостоятельной жизни в обществе.

По нашему мнению, важно начинать такой подход не за несколько месяцев до освобождения осужденного, а с начального этапа отбывания наказания. Дерадикализация и социальная адаптация являются длительным процессом и требуют системного воздействия для изменения мировоззрения, поведения и социальных связей лица. Поэтому в самом учреждении исполнения наказания целесообразно сформировать непрерывную модель: «дерадикализация — психологическая реабилитация — профессиональная подготовка — работа с семьей — подготовка к освобождению — постпенитенциарное сопровождение».

Внедрение данного предложения будет способствовать снижению риска возвращения после отбытия наказания к тем же чуждым и радикальным идеям либо повторного совершения преступлений лицами, совершившими преступления под их влиянием, восстановлению социальных связей, обеспечению вовлечения в труд и образование, а также безопасной и устойчивой реинтеграции в общество. В этом отношении, по нашему мнению, учреждение исполнения наказания необходимо рассматривать не только как место исполнения наказания, но и как важный профилактический этап возвращения осужденного от радикальных взглядов и его подготовки к возвращению в общество.

Использованные источники

1. Закон Республики Узбекистан от 30 июля 2018 года № ЗРУ-489 «О противодействии экстремизму». LexUZ. https://lex.uz/docs/3841957 (дата обращения: 27.08.2026).
2. Указ Президента Республики Узбекистан от 1 июля 2021 года № УП-6255 и «Национальная стратегия Республики Узбекистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2021–2026 годы». LexUZ. https://lex.uz/uz/docs/5491626 (дата обращения: 27.08.2026).
3. Приложение к Закону Республики Узбекистан от 25 февраля 2025 года № ЗРУ-1037 — «Концепция обеспечения свободы совести граждан и государственной политики в религиозной сфере в Республике Узбекистан». LexUZ. https://lex.uz/Pages/GetPdf.aspx?file=LexUz_7466433.pdf (дата обращения: 27.08.2026).
4. Нурумбетова С.А. Экстремизм и экстремистская деятельность: существующие проблемы и предложения в национальном законодательстве // Journal of Science-Innovative Research in Uzbekistan. 2025. Vol. 3, Issue 3. С. 317–323. DOI: 10.71337/inlibrary.uz.journal-science-innovative.99042. https://inlibrary.uz/index.php/journal-science-innovative/article/view/99542
5. Хошимов У.М. «Роль информационных технологий и интернет-сетей в совершении преступлений, связанных с экстремизмом» // Central Asian Journal of Academic Research. 2025. 3(5 Part 4). С. 58–66. https://www.in-academy.uz/index.php/CAJAR/article/view/35560
6. Ибрагимов А. Новые механизмы предупреждения экстремизма среди молодежи // Central Asian Journal of Academic Research. 2025. 3(4 Part 3). С. 33–38. https://www.in-academy.uz/index.php/CAJAR/article/view/35397
7. Саидов М. Роль профилактики правонарушений в противодействии экстремизму // Eurasian Journal of Law, Finance and Applied Sciences. 2022. 2(10 Special Issue). С. 236–240. https://www.in-academy.uz/index.php/EJLFAS/article/view/11213
8. Хайитмотов З.М. Объявление о защите PhD-диссертации на тему «Процесс противодействия экстремизму и терроризму в Республике Узбекистан». Высшая аттестационная комиссия при Академии наук Республики Узбекистан. https://oak.uz/pages/17226 (дата обращения: 27.08.2026).
9. Kruglanski, A.W., Gelfand, M.J., Bélanger, J.J., Sheveland, A., Hetiarachchi, M., Gunaratna, R. The Psychology of Radicalization and Deradicalization: How Significance Quest Impacts Violent Extremism // Political Psychology. 2014. Vol. 35. P. 69–93. DOI: https://doi.org/10.1111/pops.12163
10. Borum, R. Radicalization into Violent Extremism II: A Review of Conceptual Models and Empirical Research // Journal of Strategic Security. 2011. Vol. 4, No. 4. P. 37–62. DOI: https://doi.org/10.5038/1944-0472.4.4.2
11. Horgan, J. Deradicalization or Disengagement? A Process in Need of Clarity and a Counterterrorism Initiative in Need of Evaluation // International Journal of Social Psychology. 2009. Vol. 24, Issue 2. P. 291–298. DOI: https://doi.org/10.1174/021347409788041408
12. Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. «94,2 процента населения Узбекистана пользуются интернетом». 29.09.2025. https://stat.uz/oz/matbuot-markazi-2/qo-mita-yangiliklar-2/64210-zbekiston-a-olisining-94-2-foizi-internetdan-fojdalanadi
13. УзА. «Стало известно, что источники, пропагандирующие религиозный экстремизм и терроризм, наиболее широко представлены в Meta и Telegram». 09.01.2025. На основе данных информационной службы Верховного суда. https://uza.uz/uz/posts/diniy-ekstremizm-va-terrorizmni-targib-etuvchi-manbalar-meta-va-telegramda-kopligi-malum-boldi_675840
14. Министерство внутренних дел Республики Узбекистан. «Выявлены лица, планировавшие вступить в ряды зарубежной международной террористической организации». 27.11.2024. https://gov.uz/uz/iiv/news/view/28627
15. Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2026. Sydney, 2026. https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2026/03/Global-Terrorism-Index-2026-Report.pdf
16. Tourism Committee of the Republic of Uzbekistan. "Safety strengthens Uzbekistan's tourism appeal". 29.07.2026. (о 96-м месте Узбекистана и показателе 0,114 балла в GTI 2026). https://gov.uz/en/uzbektourism/news/view/199217
17. Europol. European Union Terrorism Situation and Trend Report 2025 (EU TE-SAT): major developments and trends on terrorism in Europe in 2024. 24.06.2025. https://www.europol.europa.eu/media-press/newsroom/news/new-report-major-developments-and-trends-terrorism-in-europe-in-2024
18. UK Home Office. Individuals referred to and supported through the Prevent Programme, October 2024 to September 2025. Published 06.08.2026. https://www.gov.uk/government/statistics/individuals-referred-to-prevent-to-september-2025/individuals-referred-to-and-supported-through-the-prevent-programme-october-2024-to-september-2025
19. UK Home Office. Channel duty guidance: protecting people susceptible to radicalisation. Updated 14.10.2025. https://www.gov.uk/government/publications/channel-and-prevent-multi-agency-panel-pmap-guidance/channel-duty-guidance-protecting-people-susceptible-to-radicalisation-accessible
20. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). Preventing and Countering Violent Extremism: Aarhus model – Denmark, in capacity-building resource. https://www.unodc.org/res/terrorism/resources/capacity-building_html/21-06370_eBook.pdf
21. Ministry of Home Affairs, Singapore. Religious Rehabilitation Group Retreat – Speech by Mr K Shanmugam, 02.06.2026; Written Reply to Parliamentary Question on Rehabilitation Efforts for Self-Radicalised Individuals, 03.04.2024. https://www.mha.gov.sg/media-room/newsroom/religious-rehabilitation-group-retreat/ ; https://www.mha.gov.sg/media-room/newsroom/written-reply-to-pq-on-rehabilitation-efforts-for-self-radicalised-individuals/

ОТ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ К ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ: ДЕСЯТИЛЕТНЯЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ПУЛОДИ
Фаридабону Юлдашкул
Академия МВД Республики Таджикистан,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин

АБДУСАЛОМОВА
Хуршидабону Насирдиновна
Исследовательский институт криминологии
Республики Узбекистан,
независимый соискатель

Аннотация. *В статье модель работы органов внутренних дел с несовершеннолетними в период 2016–2026 годов проанализирована с точки зрения перехода от традиционной профилактики, направленной на предупреждение совершения правонарушений, к виктимологическому подходу, ориентированному на раннее выявление риска причинения вреда ребенку, его защиту и ограничение повторной виктимизации. Кроме того, на основе официальной статистики, данных UNICEF/MICS, национальной практики и зарубежных моделей разработаны авторские предложения.*
Ключевые слова: *виктимность несовершеннолетних, виктимологическая профилактика, органы внутренних дел, охранный ордер, поливиктимизация, ранняя профилактика, Barnahus.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada ichki ishlar organlarining 2016-yildan 2026-yilgacha bo'lgan voyaga yetmaganlar bilan ishlash modeli huquqbuzarliklarning oldini olishga qaratilgan an'anaviy profilaktikadan bolalarga zarar yetkazish xavfini erta aniqlash, ularni himoya qilish va takroriy qurbonlikni cheklashga qaratilgan qurbonlikni hisobga olish yondashuviga o'tish nuqtai nazaridan tahlil qilinadi. Bundan tashqari, muallifning takliflari rasmiy statistika, UNICEF/MICS ma'lumotlari, milliy amaliyotlar va xalqaro modellar asosida ishlab chiqilgan.*
Kalit so'zlar: *voyaga yetmaganlarning qurbon bo'lishi, qurbonlikni oldini olish, ichki ishlar organlari, himoya buyruqlari, poli-viktimizatsiya, erta profilaktika, Barnahus.*

Abstract. *This article analyzes the model of internal affairs agencies' work with minors from 2016 to 2026 in terms of the transition from traditional prevention aimed at preventing offenses to a victimological approach focused on the early identification of the risk of harm to children, their protection, and the limitation of repeat victimization. Furthermore, the author's proposals are developed based on official statistics, UNICEF/MICS data, national practices, and international models.*
Keywords: *juvenile victimization, victimological prevention, internal affairs agencies, protection orders, polyvictimization, early prevention, Barnahus.*

Правовой и концептуальной основой институциональной трансформации стал Указ Президента Республики Узбекистан № УП-5005 от 2017 года, который коренным образом переориентировал фундаментальную парадигму деятельности органов внутренних дел с «государствоцентричного подхода (приоритет интересов государства)» на антропоцентрический принцип — «защиту человека, его прав, свобод и законных интересов как высшей ценности». Этот стратегический поворот придал правоохранительной системе новое политико-правовое и доктринальное содержание, в центре которого находятся достоинство человека, его честь и неприкосновенность как ключевые объекты государственной политики.

Одновременно в Постановлении ПП-2833 был дан объективный и глубокий критический анализ системных дисбалансов и проблемных направлений в данной сфере — недостаточной адресности превентивных мероприятий и недостаточного уровня институционализации механизмов межведомственной синергии.

Именно в результате данного аналитического диагноза и последовательного развития правовых реформ в 2016–2026 годах в национальной практике предупреждения преступности сформировалась качественно новая модель — *взаимосвязанная превентивная (ранняя) профилактика*.

Это коренное изменение позволило перевести порядок деятельности правоохранительных органов (алгоритм действий) из традиционного формата «борьбы с последствиями» (реагирование после совершения преступления) в плоскость высокоэффективных и ориентированных на интересы человека стратегических действий, направленных на раннее выявление причин и условий, порождающих преступность, устранение отклоняющегося (нежелательного) поведения и факторов, побуждающих к преступлению, а также обеспечение безопасности личности [1, 2].

Логическим продолжением данных реформ стали меры, предусмотренные Постановлением ПП-5050 от 2021 года, по организации профилактики правонарушений среди несовершеннолетних на новой организационной основе. В частности, предусматривалось введение в структуре районных и городских органов внутренних дел 2000 должностей инспекторов-психологов по вопросам несовершеннолетних, определение местом их несения службы непосредственно общеобразовательных учреждений, изучение социально-психологической среды по каждому учащемуся, а также адресная работа с проблемными учащимися и их родителями.

К 2022 году глава государства также отмечал, что в школах введено более 2 тысяч должностей инспекторов-психологов. Это вывело содержание профилактической деятельности за рамки контроля ребенка, совершившего правонарушение, и приблизило ее к системному подходу, ориентированному на раннее выявление и устранение факторов риска в семейной и школьной среде, а также на защиту несовершеннолетнего от возможной виктимизации и риска правонарушения [3, 17].

Однако с виктимологической точки зрения важный поворот произошел в 2024–2026 годах. Закон № ЗРУ-996, принятый 14 ноября 2024 года, выделил в качестве самостоятельных форм физическое, сексуальное и психическое насилие в отношении ребенка, отсутствие заботы, эксплуатацию и буллинг. Особенно важно, что органы внутренних дел получили полномочия при поступлении сообщения о насилии незамедлительно принимать меры, участвовать в оценке жизненной ситуации ребенка и, исходя из уровня риска, в течение 24 часов выдавать охранный ордер сроком до 30 дней. Стратегия на 2026–2030 годы, в свою очередь, определила приоритетными задачами раннее выявление насилия, единую базу данных, мониторинг и межведомственное взаимодействие. Тем самым роль органов внутренних дел расширяется от «субъекта, контролирующего правонарушителя» до «субъекта защиты, управляющего риском виктимизации» [4, 5].

Исходя из проведенного в рамках темы анализа, необходимо отметить, что снижение уровня правонарушений не означает снижения виктимности.

Интегративный анализ официальной правоохранительной статистики и данных виктимологических опросов имеет важное методологическое значение для выявления реальной картины в данной сфере.

Согласно цифровым данным Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан, в 2025 г. число преступлений, совершенных несовершеннолетними, сократилось на 11 процентов, а число несовершеннолетних, зарегистрированных в качестве субъектов преступлений, — на 10 процентов. Эти показатели свидетельствуют о формировании определенного баланса и положительной динамики в системе превентивной профилактики.

Однако данные верифицированные показатели отражают лишь уровень нелатентной (зарегистрированной) преступности, оставляя за пределами видимости реальный масштаб насилия в отношении детей, буллинга, латентной эксплуатации или иных форм скрытых посягательств, а также уровень виктимизации. Поэтому в правовой политике требуется уделять столь же фундаментальное внимание не только показателям делинквентности (преступности), но и уровню латентной виктимности [8].

В проведенном в 2024 году анализе ситуации, основанном на данных MICS UNICEF за 2021–2022 годы, указано, что в Узбекистане 62 процента детей в возрасте 1–14 лет в течение месяца, предшествовавшего опросу, подвергались насильственным методам воспитания в форме физического наказания и/или психологической агрессии. Среди мальчиков этот показатель составил 64 процента, среди девочек — 60 процентов; в сельской местности — 65 процентов, в городах — 59 процентов. На странице данных UNICEF также отмечается, что примерно каждый четвертый ребенок школьного возраста сталкивается с той или иной формой буллинга. Следовательно, даже на фоне снижения статистики правонарушений уровень скрытой виктимности может оставаться высоким. Это показывает, что эффективность профилактики необходимо измерять не только «числом преступлений, совершенных детьми», но и «снижением риска в отношении детей и повторной виктимизации» [6, 7].

Внутренняя структура этих данных также дает важный сигнал для профилактики: согласно анализу UNICEF за 2025 год, показатель столкновения с насильственными методами воспитания между южными и восточными регионами различается от 79 процентов до 51 процента, а 10,7 процента матерей и лиц, осуществляющих уход, считают физическое наказание необходимой частью воспитания. Такие различия указывают на необходимость не равномерного распределения профилактических ресурсов органов внутренних дел по всем территориям, а формирования карты виктимологического риска в разрезе махалли, школы и семьи. Кроме того, UNICEF оценивает отсутствие в национальной системе полных и надежных дезагрегированных данных о насилии в отношении детей как отдельное системное препятствие [6].

На практике также одновременно прослеживаются две модели. Например, в практике ОВД Чиназского района за 2025 год 50 несовершеннолетних, состоявших на профилактическом учете, были привлечены к спортивным и научным кружкам, а в 46 общеобразовательных и 2 профессиональных школах 84 раза проведены мероприятия «Давомат» и «Тиғ». Это практический пример традиционной профилактики, направленной на снижение риска правонарушений. Новое законодательство добавило к этой цепочке механизмы оценки риска причинения вреда ребенку, выдачи охранного ордера и предупреждения повторного насилия [9, 4].

Практическое содержание нового механизма еще более конкретно: при получении устного или письменного сообщения о насилии в отношении ребенка орган внутренних дел обязан принять неотложные меры по прекращению и предупреждению соответствующих действий; жизненная ситуация ребенка оценивается уполномоченным органом с участием органов внутренних дел. При подтверждении уровня риска охранный ордер выдается в течение 24 часов на срок до 30 дней. Если потерпевший и лицо, совершившее насилие, обучаются в одном образовательном учреждении, органы внутренних дел в течение одного

рабочего дня направляют представление о запрете непосредственного контакта между ними, а организация обязана в течение трех рабочих дней принять меры по исключению такого контакта. Эти правила превращают виктимологическую профилактику из общей пропагандистской работы в индивидуальный алгоритм защиты, направленный на выведение конкретного ребенка из опасной ситуации [4].

Эти изменения созвучны выводам современной виктимологии. Дэвид Финкелхор в рамках «виктимологии развития» подчеркивает необходимость оценивать риск виктимизации ребенка с учетом его возраста, способности защитить себя и среды проживания. В исследовании Финкелхора, Ормрода и Тёрнера по поливиктимизации обосновано, что дети, столкнувшиеся в течение года с четырьмя и более видами виктимизации, имеют более выраженные травматические симптомы, а практика должна выявлять не один отдельный вид насилия, а совокупность форм причинения вреда. Дэвид Фаррингтон и соавторы показывают необходимость учитывать в профилактике не только факторы риска, но и защитные и позитивные факторы. Исследования под руководством Шерри Хэмби предлагают анализировать «поливиктимизацию» совместно с «полисильностью» — защитными ресурсами ребенка в семье, школе и социальной среде. С этой точки зрения наиболее эффективной моделью для органов внутренних дел является не только контроль поведения ребенка, но и оценка баланса его рисков и защитных ресурсов [10, 11, 12, 13].

В сформировавшейся в Исландии в 1998 г. модели Barnahus («Дом ребенка») полиция, прокуратура, службы защиты детей, специалисты медицины и психологии взаимодействуют в единой безопасной среде. По данным Совета Европы, эта модель распространилась более чем в 28 европейских странах; одна из ее основных целей — проведение судебно-медицинского интервью один раз специально подготовленным специалистом, чтобы уменьшить вторичную виктимизацию, возникающую из-за необходимости ребенку многократно рассказывать об одном и том же событии в разных ведомствах. Сходным образом функционирует американская модель Children's Advocacy Center: ребенок рассказывает о случившемся подготовленному интервьюеру в безопасном центре, после чего специалисты правоохранительных органов, прокуратуры, медицины, психического здоровья и защиты детей принимают решение как единая мультидисциплинарная команда. Пакет WHO INSPIRE, в свою очередь, относит выявление опасных «hotspot»-зон, создание безопасной среды и межсекторальную профилактику к числу научно обоснованных стратегий [14, 15, 16].

По нашему мнению, исходя из анализа приведенного национального и зарубежного опыта, целесообразно внедрить в практику следующие авторские предложения, направленные на предупреждение виктимности несовершеннолетних и повышение эффективности деятельности органов внутренних дел в данном направлении:

Во-первых, целесообразно внедрить в деятельность органов внутренних дел алгоритм «Профиль виктимологического риска – 3V» (Ситуация – Vulnerability/уязвимость – Виктимизация). Данный алгоритм должен позволять при каждом обращении или профилактическом случае, связанном с несовершеннолетним, комплексно оценивать не только склонность ребенка к совершению правонарушения, но и вероятность его виктимизации. В частности, предлагается оценивать на основе единой системы индикаторов такие факторы, как насилие в семье, буллинг, онлайн-угрозы, безнадзорность, предыдущие случаи виктимизации, наличие взрослого, способного защитить ребенка, а также социальную среду в школе и махалле.

Кроме того, *при выявлении высокого виктимологического риска* должен автоматически формироваться индивидуальный маршрут защиты, объединяющий применение охранного ордера, участие Центра социальных услуг «Инсон», медико-психологическую помощь, органы внутренних дел и прокуратуру. Такой механизм позволит сотруднику профилактики заранее видеть не только риск правонарушения, но и риск виктимизации ребенка и определять в отношении него адресные меры.

Во-вторых, автором предлагается внедрить в национальную практику пилотный стандарт «Один ребенок – одно интервью – один план защиты». Согласно ему, основное процессуальное интервью с несовершеннолетним, пострадавшим от сексуального, физического или тяжелого психического насилия, должно проводиться специально подготовленным интервьюером в безопасной, адаптированной для ребенка среде с аудио- и видеозаписью. Необходимые вопросы полиции, следователя, прокурора, психолога и социального работника должны заранее согласовываться, а практика, вынуждающая ребенка многократно излагать одно и то же событие в разных ведомствах, должна быть максимально ограничена.

По нашему мнению, повторный допрос целесообразно применять только в исключительных случаях, когда существует процессуальная необходимость. Данное предложение посредством адаптации наиболее эффективных элементов моделей Barnahus и Children's Advocacy Center к национальной правовой системе будет способствовать снижению вторичной виктимизации, сохранению психического состояния ребенка и повышению качества следственных действий.

При этом указанные два предложения следует рассматривать не как отдельные меры, а как взаимосвязанные этапы единого механизма виктимологической профилактики: на первом этапе выявляется и оценивается виктимологический риск ребенка, а на втором, при наличии факта причинения вреда, реализуется единый план его процессуальной и социальной защиты. Таким образом, в деятельности органов внутренних дел появляется возможность перейти от традиционного подхода, ориентированного на «ребенка, совершившего правонарушение», к модели виктимологической профилактики, основанной на «раннем выявлении и защите ребенка, находящегося под риском виктимизации».

Подводя итог, следует отметить, что в 2016–2026 годах система работы органов внутренних дел с несовершеннолетними существенно изменилась в институциональном, цифровом и правовом отношении. Требование адресной профилактики 2017 года, институт инспекторов-психологов 2021 года, закон 2024 года о защите детей от насилия и стратегические задачи, действующие с 2026 года, являются этапами одной цепи. Следующим качественным этапом должно стать формирование ориентированной на результат системы, которая наряду со статистикой правонарушений измеряет также виктимность, поливиктимизацию, вторичную виктимизацию и защитные ресурсы.

Использованные источники

1. Указ Президента Республики Узбекистан от 10 апреля 2017 года № УП-5005. https://lex.uz/docs/-3159827
2. Постановление Президента Республики Узбекистан от 14 марта 2017 года №ПП-2833. https://lex.uz/docs/-3141186
3. Постановление Президента Республики Узбекистан от 2 апреля 2021 года № ПП-5050. https://lex.uz/docs/-5353841
4. Закон № ЗРУ-996 «О защите детей от всех форм насилия». https://lex.uz/docs/-7219502
5. Стратегия защиты детей от всех форм насилия на 2026–2030 годы, № УП-256. https://lex.uz/uz/docs/-7938806
6. UNICEF, Situation Analysis of Children and Adolescents in Uzbekistan, 2025. https://www.unicef.org/uzbekistan/en/media/6691/file/Situation_Analysis_of_Children_and_Adolescents_in_Uzbekistan_en_.pdf.pdf
7. UNICEF Data - Uzbekistan: Child protection indicators. https://data.unicef.org/country/uzb/
8. Генеральная прокуратура Республики Узбекистан: Правовая защита несовершеннолетних, 2025. https://www.prokuratura.uz/yoshlarsiyosati
9. Министерство внутренних дел: «Служба профилактики. Большая ответственность» (практика Чиназского района). https://gov.uz/oz/iiv/news/view/4085
10. D. Finkelhor. The victimization of children: a developmental perspective. 1995. https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/7611336/
11. D. Finkelhor, R. Ormrod, H. Turner. Poly-victimization: a neglected component in child victimization. 2007. https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/17224181/
12. D.P. Farrington, M.M. Ttofi, A.R. Piquero. Risk, promotive, and protective factors in youth offending. 2016. https://www.repository.cam.ac.uk/items/da6e71f7-fb5f-4aa1-90a0-1614b943ca42
13. S. Hamby et al. From Poly-Victimization to Poly-Strengths. 2018. https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0886260517744847
14. Council of Europe. The State of Child-Friendly Justice in Europe: A Handbook, 2026 (Barnahus). https://rm.coe.int/handbook-on-the-state-of-child-friendly-justice-in-europe/48802bd482
15. National Children's Alliance. How the Children's Advocacy Center Model Works. https://www.nationalchildrensalliance.org/cac-model/
16. WHO et al. INSPIRE: Seven Strategies for Ending Violence Against Children. https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/207717/9789241565356-eng.pdf?sequence=1
17. Президент Республики Узбекистан: о введении в органах внутренних дел более 2 тысяч должностей инспекторов-психологов. https://president.uz/oz/lists/view/5641

XALQARO HAMKORLIK
O‘z.KTI | Kriminologik faoliyat _ Ilmiy-amaliy jurnal | №3-2026 (8)

ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ И РАСПРОСТРАНЕНИЕМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

НАЗАРОВА
Лайло Гелдимуродовна
Исследовательский институт криминологии Республики Узбекистан, ведущий научный сотрудник

ЕЛЬКИН ИОАНН
Военная прокуратура Центрального военного округа, Российская Федерация

Аннотация. *Статья посвящена комплексному уголовно-правовому и криминологическому исследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершаемых в отношении несовершеннолетних либо с их вовлечением в преступную деятельность. Рассматриваются нормативно-правовая база противодействия данному виду преступности, специфика способов вовлечения подростков в незаконный оборот наркотиков посредством информационно-телекоммуникационных сетей, криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего правонарушителя и потерпевшего, а также проблемы квалификации соответствующих деяний и направления профилактики. Обосновывается вывод о необходимости совершенствования уголовного законодательства и межведомственного взаимодействия субъектов профилактики в целях снижения уровня вовлечённости несовершеннолетних в наркопреступность.*
Ключевые слова: *несовершеннолетние, незаконный оборот наркотиков, вовлечение в преступную деятельность, наркопреступность, профилактика, уголовная ответственность, «закладки», сеть Интернет.*

Abstract. *The article provides a comprehensive criminal-law and criminological analysis of offenses related to the illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues committed against minors or involving minors in criminal activity. The study examines the legal framework for combating this category of crime, modern methods of recruiting adolescents into illicit drug trafficking through information and telecommunications networks and messaging platforms, the criminological characteristics of juvenile offenders and victims, problems of legal qualification, and priority areas of prevention. Particular attention is paid to anonymity in the digital environment, the use of “dead-drop” schemes, offers of “easy money,” and remote recruitment mechanisms as criminogenic factors increasing the vulnerability of minors to involvement in drug-related crime. The dual status of a minor as both a potential offender and a victim of criminal exploitation is identified as requiring a differentiated legal and preventive approach.*
Keywords: *minors, illicit drug trafficking, recruitment into criminal activity, drug-related crime, prevention, criminal liability, "dead drops" (drug caches), the Internet.*

Распространение наркотических средств и психотропных веществ среди несовершеннолетних на протяжении последних десятилетий сохраняет статус одной из наиболее острых угроз национальной безопасности Российской Федерации и Республики Узбекистан. Согласно Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации, вовлечение детей и молодёжи в незаконный оборот наркотиков рассматривается как фактор, подрывающий демографический и человеческий потенциал страны [1].

Особую тревогу вызывает трансформация способов совершения данных преступлений: если ранее распространение наркотиков среди подростков носило преимущественно контактный, «уличный» характер, то в настояще время чаще осуществляется бесконтактным способом – через мессенджеры, анонимные площадки в сети Интернет и систему «закладок», что существенно расширяет круг вовлекаемых несовершеннолетних и затрудняет деятельность правоохранительных органов [2].

Причины распространения данного пагубного явления условно можно разделить на несколько направлений. Во-первых, несовершеннолетние в силу возрастных психологических особенностей – повышенной внушаемости, стремления к самоутверждению, недостаточной критичности мышления – представляют собой наиболее уязвимую категорию как в качестве потребителей наркотических средств, так и в качестве субъектов их незаконного распространения [3]. Во-вторых, преступные группы, занимающиеся сбытом наркотиков, целенаправленно используют подростков в роли «закладчиков» и курьеров, поскольку несовершеннолетние менее осведомлены о характере уголовной ответственности и рассматриваются организаторами как «расходный материал» [4]. В-третьих, действующее уголовное законодательство, несмотря на наличие специальных норм (ст. 230, п. «в» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ), сохраняет ряд пробелов в части дифференциации ответственности за вовлечение несовершеннолетних в различные формы наркопреступной деятельности.

Нормативно-правовая основа противодействия распространению наркотиков среди несовершеннолетних

Уголовная ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, установлена главой 25 Уголовного кодекса Российской Федерации. Применительно к несовершеннолетним закон предусматривает как общие составы (ст. 228, 228.1, 232 УК РФ), применимые к подросткам, достигшим возраста уголовной ответственности, так и специальный состав – склонение к потреблению наркотических средств (ст. 230 УК РФ) [5].

Ключевое значение для рассматриваемой темы имеет квалифицирующий признак, предусмотренный п. «в» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, – сбыт наркотических средств несовершеннолетнему, заведомо для виновного не достигшему восемнадцатилетнего возраста. Данная норма отражает повышенную общественную опасность деяния, посягающего одновременно на здоровье населения и на нормальное физическое и нравственное развитие несовершеннолетних [6]. Судебная практика исходит из того, что для вменения указанного признака необходимо установить достоверную осведомлённость виновного о несовершеннолетнем возрасте потерпевшего, что на практике порождает значительные сложности доказывания, особенно при бесконтактных способах сбыта [7].

Отдельного внимания заслуживает вопрос об уголовной ответственности самих несовершеннолетних, вовлекаемых организованными преступными группами в роли «закладчиков». Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» разъясняет отдельные вопросы квалификации сбыта, однако не содержит специальных положений, учитывающих особый статус несовершеннолетнего исполнителя, действующего под влиянием взрослых организаторов [8]. Это порождает ситуацию, при которой подросток, формально совершивший оконченный состав преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК

РФ, привлекается к ответственности наравне со взрослым соучастником, тогда как факт вовлечения его в преступную деятельность нередко остаётся без должной уголовно-правовой оценки.

Существенным пробелом законодательства также является отсутствие самостоятельной, более строгой нормы об ответственности за вовлечение несовершеннолетнего именно в сбыт (а не только в потребление) наркотических средств, аналогичной по конструкции ст. 150 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления) [9]. На практике такие деяния квалифицируются по совокупности ст. 228.1 и ст. 150 УК РФ, что не всегда в полной мере отражает специфику общественной опасности целенаправленного «рекрутинга» подростков наркосбытчиками.

Криминологическая характеристика наркопреступности среди несовершеннолетних. Криминологический анализ преступлений рассматриваемой категории свидетельствует об устойчивой тенденции к «омоложению» контингента лиц, вовлекаемых в незаконный оборот наркотиков. По данным официальной статистики МВД России, доля несовершеннолетних среди лиц, привлечённых к ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, остаётся значимой, при этом наблюдается рост числа подростков, задержанных именно в качестве распространителей (закладчиков), а не только потребителей [10]. Указанная тенденция объясняется несколькими факторами.

Во-первых, произошла качественная трансформация способа совершения преступления – переход от личного контакта продавца и покупателя к бесконтактному сбыту через тайники-«закладки» с использованием мессенджеров с шифрованием (Telegram и аналогичные сервисы) и криптовалютных платежей [11]. Такая схема минимизирует риски для организаторов сбыта, поскольку непосредственный контакт с потребителем и правоохранительными органами осуществляет «закладчик» – зачастую подросток, привлечённый посредством объявлений о «лёгком заработке» в социальных сетях.

Во-вторых, криминальные структуры целенаправленно используют возрастные психологические особенности несовершеннолетних: потребность в самостоятельном заработке, желание быть принятым в референтную группу, склонность к риску и переоценке собственных возможностей, недостаточное осознание тяжести уголовно-правовых последствий [12]. Вербовка нередко сопровождается элементами геймификации – рейтинговой системой, «премированием» за выполненные «заказы», формирующие у подростка иллюзию участия в увлекательной, не преступной деятельности.

В-третьих, значимую роль играет фактор семейного и школьного неблагополучия. Исследования показывают, что несовершеннолетние, вовлечённые в незаконный оборот наркотиков, чаще происходят из семей с низким уровнем родительского контроля, характеризуются педагогической запущенностью, ранним прекращением обучения либо систематическими конфликтами в образовательной среде [13]. Вместе с тем нельзя игнорировать и случаи вовлечения подростков из внешне благополучных семей, что свидетельствует о недостаточности исключительно социально-экономического объяснения данного явления и о значении цифровой среды как самостоятельного криминогенного фактора [14].

Отдельного анализа заслуживает виктимологический аспект проблемы. Несовершеннолетние выступают не только в роли субъектов, но и в роли потерпевших от преступлений, предусмотренных ст. 228.1 и 230 УК РФ. Психологическая уязвимость подросткового возраста, стремление к экспериментированию, влияние референтной группы сверстников делают несовершеннолетних лёгкой мишенью для распространителей психоактивных веществ, в т.ч. новых потенциально опасных психоактивных веществ, не всегда охватываемых действующими перечнями наркотических средств [15].

Способы вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков. Анализ правоприменительной практики позволяет выделить несколько типичных схем вовлечения подростков в наркопреступную деятельность.

Первая схема – вербовка через объявления о трудоустройстве в социальных сетях и мессенджерах, содержащие завуалированные предложения «работы курьером» с указанием высокого дохода без конкретизации характера деятельности [16]. После установления контакта потенциальному «закладчику» разъясняется реальное содержание работы, при этом вовлекающие субъекты нередко используют методы психологического давления, включая угрозы разглашения уже совершённых подростком незначительных правонарушений либо шантаж компрометирующими материалами.

Вторая схема связана с вовлечением через ближайшее окружение – знакомых, друзей, старших подростков, уже включённых в преступную схему, что придаёт процессу вербовки видимость неформального, «дружеского» предложения и снижает критическое восприятие подростком противоправности предлагаемой деятельности [17].

Третья схема характерна для лиц, уже являющихся потребителями наркотических средств: вовлечение в сбыт предлагается как способ «отработки» долга за ранее приобретённые наркотики либо как возможность получения наркотика для собственного потребления в качестве оплаты за выполненную «работу» [18]. Данная модель наиболее криминогенна, поскольку сочетает признаки состава ст. 230 УК РФ (склонение к потреблению) с последующим вовлечением в сбыт.

Общей чертой перечисленных схем выступает использование анонимности цифровой среды, что существенно затрудняет установление личности организаторов преступной деятельности и выстраивание доказательственной базы, поскольку взаимодействие «куратора» и подростка-исполнителя, как правило, ограничивается перепиской в защищённых мессенджерах без сохранения истории сообщений [19].

Особенности личности несовершеннолетнего, вовлечённого в наркопреступную деятельность. Криминологический портрет несовершеннолетнего, привлекаемого к ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, характеризуется рядом устойчивых признаков. Как правило, речь идёт о подростках в возрасте 15–17 лет, т.е. о лицах, формально обладающих деликтоспособностью в отношении преступлений против здоровья населения (с 16 лет для большинства составов, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ) [20].

С психологической точки зрения таких несовершеннолетних отличает недостаточная сформированность правосознания, склонность к импульсивным решениям, ориентация на сиюминутную материальную выгоду при недооценке долгосрочных правовых последствий содеянного. Значительная часть подростков, привлечённых за сбыт наркотических средств, не осознаёт в полной мере тяжести совершаемого деяния, воспринимая роль «закладчика» как разновидность подработки, а не как участие в организованной преступной схеме.

Существенным является и то обстоятельство, что несовершеннолетние правонарушители данной категории зачастую сами являются потребителями психоактивных веществ, что свидетельствует о взаимосвязи и взаимообусловленности потребления и распространения наркотиков в подростковой среде. Указанное обстоятельство требует комплексного подхода к работе с такими подростками, сочетающего меры уголовно-правового реагирования с медико-психологической и социальной реабилитацией.

Проблемы квалификации и правоприменительной практики. Практика применения уголовного законодательства по делам о распространении наркотиков среди несовершеннолетних сталкивается с рядом системных проблем.

Первая проблема – сложность доказывания осведомлённости взрослого сбытчика о несовершеннолетнем возрасте потерпевшего при бесконтактном способе сбыта, когда взаимодействие сторон ограничивается перепиской в мессенджере без визуального контакта. В отсутствие достоверных сведений о возрасте потерпевшего квалифицирующий признак п. «в» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ вменению не подлежит, что снижает превентивный потенциал данной нормы.

Вторая проблема касается уголовно-правовой оценки положения несовершеннолетних «закладчиков». Действующее законодательство не предусматривает специальных смягчающих обстоятельств для несовершеннолетних, вовлечённых в сбыт наркотиков под влиянием обмана, психологического давления или зависимости от организаторов схемы, что приводит к назначению таким подросткам достаточно строгих мер уголовно-правового характера при формальном соблюдении принципа справедливости. Отдельные исследователи предлагают дополнить ст. 61 УК РФ соответствующим смягчающим обстоятельством либо расширить практику применения ст. 96 УК РФ (о применении положений главы 14 УК РФ к лицам, совершившим преступления в возрасте от 18 до 20 лет) в обратном направлении – с учётом особого статуса вовлечённых несовершеннолетних.

Третья проблема связана с недостаточной эффективностью выявления организаторов преступных схем, использующих подростков в качестве «расходного материала». Многоуровневая структура наркосбыта, построенная по принципу «кураторства» через анонимные аккаунты, позволяет организаторам избегать привлечения к уголовной ответственности, тогда как основная тяжесть наказания фактически ложится на несовершеннолетних исполнителей низшего звена преступной иерархии.

Направления профилактики распространения наркотиков среди несовершеннолетних

Эффективное противодействие рассматриваемому виду преступности предполагает сочетание уголовно-правовых, криминологических и социально-профилактических мер.

На уровне общей профилактики представляется целесообразным развитие системы раннего выявления семейного неблагополучия и педагогической запущенности несовершеннолетних, повышение эффективности межведомственного взаимодействия комиссий по делам несовершеннолетних, образовательных организаций, органов внутренних дел и учреждений здравоохранения. Значимую роль играет также информационно-просветительская работа, направленная на формирование у подростков и их родителей критического отношения к предложениям «лёгкого заработка» в информационно-телекоммуникационной сети, разъяснение реального содержания уголовной ответственности за участие в незаконном обороте наркотиков.

На уровне специальной профилактики необходимо совершенствование механизмов оперативно-разыскной деятельности, направленной на выявление организаторов и кураторов наркосбытовых схем, а не только непосредственных исполнителей-подростков. Целесообразным представляется расширение практики применения технико-криминалистических методов деанонимизации участников преступных групп, а также развитие сотрудничества с операторами связи и владельцами цифровых платформ в части оперативного реагирования на выявленные факты вербовки несовершеннолетних.

На уровне индивидуальной профилактики важное значение имеет организация психолого-педагогического сопровождения несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учёте, а также развитие программ ресоциализации и реабилитации подростков, признанных виновными в преступлениях данной категории, с учётом их специфического статуса - сочетания признаков субъекта преступления и жертвы вовлечения.

Наконец, представляется обоснованным законодательное закрепление специальных норм, учитывающих особый характер вовлечения несовершеннолетних в сбыт наркотических средств, в том числе путём дифференциации ответственности организаторов и вовлечённых исполнителей, а также совершенствования порядка применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним, впервые совершившим преступления небольшой и средней тяжести в данной сфере.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что преступления, связанные с распространением наркотических средств среди несовершеннолетних, обладают выраженной спецификой, обусловленной трансформацией способов их совершения, использованием информационно-телекоммуникационных технологий и целенаправленной эксплуатацией возрастных психологических особенностей подростков со стороны организованных преступных групп. Двойственный статус несовершеннолетнего – одновременно потенциального субъекта и потерпевшего от преступлений данной категории – требует комплексного подхода, сочетающего совершенствование уголовно-правового регулирования, повышение эффективности правоприменительной практики и развитие системы социально-профилактических мер. Дальнейшее совершенствование законодательства должно быть направлено на более точную дифференциацию ответственности между организаторами преступных схем и вовлечёнными в них несовершеннолетними, а также на усиление превентивного и реабилитационного компонента государственной антинаркотической политики.

Использованные источники

1. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 23.11.2020 № 733 (с изм. и доп., в том числе внесёнными Указом Президента РФ от 16.02.2026 № 94) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 48. – Ст. 7702.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 (в действующей редакции) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2006. – № 8.
4. Антонян Ю.М. Криминология: учебник для вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2022. – 388 с.
5. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. – Санкт-Петербург: Юридический центр, 2019. – 504 с.
6. Клейменов М.П. Криминология: учебник. – Москва: Норма, 2021. – 400 с.
7. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». – Москва: Городец, 2020. – 336 с.
8. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. Т. 2. Особенная часть: учебник. – Москва: Юрайт, 2022. – 872 с.
9. Пудовочкин Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву / науч.ред. Г.И.Чечель. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. – 293 с.
10. Романова Л.И. Наркопреступность: понятие, предупреждение, ответственность. – Москва: Проспект, 2020. – 240 с.
11. Тарасова И.А. Особенности вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств посредством сети Интернет // Российский следователь. – 2023. – № 4. – С. 34–39.
12. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 1008 с.
13. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / отв. ред. Л.В. Иногамова-Хегай. – Москва: Проспект, 2022. – 752 с.
14. Побегайло Э.Ф. Криминологическая характеристика вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений // Уголовное право. – 2021. – № 3. – С. 78–85.
15. МВД России. Состояние преступности в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: официальный интернет-сайт МВД России (дата обращения: 01.09.2026).
16. Государственный антинаркотический комитет. Доклады и материалы о наркоситуации в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: официальный интернет-сайт Государственного антинаркотического комитета (дата обращения: 01.09.2026).
17. Смирнов А.М. Психологические особенности несовершеннолетних, вовлечённых в незаконный оборот наркотиков // Юридическая психология. – 2022. – № 2. – С. 21–27.
18. Скляров С.В. Вина и мотивы преступного поведения. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2019. – 326 с.
19. Шестаков Д.А. Криминология: новые подходы к преступлению и преступности. – 3-е изд. – Санкт-Петербург: Юридический центр, 2021. – 348 с.
20. Обзор судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2024.

XALQARO HAMKORLIK

O‘z.KTI | Kriminologik faoliyat _ Ilmiy-amaliy jurnal | №3-2026 (8)

HUQUQBUZARLIKLARNI BARVAQT OLDINI OLISHNING YANGI O'ZBEKISTON MODELI: MAHALLA, MANZILLI ISHLASH VA IDORAVIY HAMKORLIK

ISMAILOV Isamiddin
O'zbekiston Respublikasi
Jamoat xavfsizligi universiteti professori,
yuridik fanlar doktori, professor

Annotatsiya. *Maqolada Yangi O‘zbekistonda huquqbuzarliklarni barvaqt oldini olish tizimining shakllanishi va rivojlanishi mahalla instituti, manzilli ishlash, ijtimoiy profilaktika va idoraviy hamkorlikning uyg‘unligi nuqtayi nazaridan ilmiy tahlil qilinadi. Tadqiqotda mahallaning aholi muammolarini hal etishda birinchi bo‘g‘in sifatida mustahkamlanishi, huquqbuzarliklarning barvaqt oldini olish vazifasining ustuvor yo‘nalishga aylanishi va ijtimoiy profilaktika mexanizmlarining normativ jihatdan aniqlashtirilishi yangi modelning institutsional poydevorini tashkil etgani asoslanadi. Shuningdek, kriminogen vaziyatni “jinoyat sodir bo‘lgan joy” emas, balki “xavf shakllanayotgan ijtimoiy makon” sifatida baholash, profilaktik qarorlarni statistik ma’lumot, geolokatsion tahlil va ijtimoiy diagnostikaga asoslash, “mahalla yettiligi”ning resurs va vakolatlarini yagona profilaktik zanjirga birlashtirish, videokuzatuvni vaziyatli profilaktika texnologiyasi sifatida manzilli qo‘llash hamda samaradorlikni tadbirlar soni bilan emas, bartaraf etilgan xavflar bilan baholash bo‘yicha takliflar ishlab chiqilgan.*
Kalit so'zlar: *mahalla, jamoat xavfsizligi, huquqbuzarliklarning barvaqt profilaktikasi, kriminogen vaziyat, manzilli ishlash, ijtimoiy profilaktika, mahalla yettiligi, idoraviy hamkorlik, videokuzatuv, geolokatsion xarita, vaziyatli profilaktika, xavfsiz muhit, profilaktik qaror.*

Аннотация. *В статье анализируется становление современной модели ранней профилактики правонарушений в Новом Узбекистане на основе потенциала института махалли, адресного подхода и межведомственного взаимодействия. Автор предлагает переосмыслить криминогенную ситуацию как «социальное пространство формирования риска» и базировать управленческие решения на статистических данных, геолокационном анализе и социальной диагностике. В рамках совершенствования модели рекомендуется объединить ресурсы «махаллинской семёрки» в единую систему, точечно внедрять технологии ситуационной профилактики (видеонаблюдение) и перекрестно оценивать эффективность работы не по количеству мероприятий, а по числу устраненных факторов риска.*
Ключевые слова: *махалля, общественная безопасность, ранняя профилактика преступлений, криминогенная ситуация, адресная работа, социальная профилактика, махаллинская семерка, ведомственное сотрудничество, видеонаблюдение, геолокационная карта, ситуационная профилактика, безопасная среда, превентивное решение.*

Abstract. *This article provides a scientific analysis of the formation and development of the system of early crime prevention in New Uzbekistan through the lens of the integration of the mahalla institution, targeted (address-based) work, social prevention, and interagency cooperation. The study substantiates that the institutional foundation of the new model consists of strengthening the mahalla as the primary link in resolving problems faced by the population, elevating the task of early crime prevention to a priority direction, and normatively clarifying the mechanisms of social prevention. The article develops proposals for assessing the criminogenic situation not as a "place where a crime has occurred" but as a "social space where risk is forming"; for basing preventive decisions on statistical data, geolocation analysis, and social diagnostics; for integrating the resources and authority of the mahalla's seven-member council (mahalla ettiligi) into a unified preventive chain; for the targeted application of video surveillance as a technology of situational prevention; and for evaluating effectiveness not by the number of measures conducted but by the risks eliminated.*
Keywords: *mahalla, public safety, early prevention of offenses, criminogenic situation, targeted work, social prevention, mahalla seven-member council (mahalla ettiligi), interagency cooperation, video surveillance, geolocation mapping, situational prevention, safe environment, preventive decision.*

Yangi O‘zbekistonda jamoat xavfsizligini ta’minlash va huquqbuzarliklarning oldini olish siyosati mazmunan yangi bosqichga ko‘tarilmoqda. Bu jarayonning muhim xususiyati “huquqbuzarlik sodir etilganidan keyin uning oqibatlariga munosabat bildirishdan” “uning sabablari va sodir etilishiga imkon bergan shart-sharoitlarni oldindan aniqlash hamda ularni bartaraf etishga” bosqichma-bosqich o‘tishdir. Bunday yondashuv jamoat xavfsizligi konsepsiyasida belgilangan profilaktik ustuvorliklar, mahalla institutini kuchaytirishga qaratilgan islohotlar va 2025-yildan boshlab mahallalar kesimida manzilli ishlash mexanizmlarining rivojlanishi bilan uzviy bog‘liq [1, 2, 3].

Tadqiqotlarda mahallalar jinoyatchiligi kriminologik jihatdan jamiyatdagi ijtimoiy munosabatlar, hududning demografik va geografik xususiyatlari, ijtimoiy-iqtisodiy infratuzilmasi, huquqbuzarlik sodir etgan va undan jabrlangan shaxslar hamda sabab va shart-sharoitlar bilan o‘zaro bog‘liq hodisa sifatida tahlil qilingan [4], shuningdek mahallada xavfsiz muhitni shakllantirishda videokuzatuv tizimlarini faqat texnik vosita sifatida emas, balki kriminogen vaziyat tahlili, vaziyatli profilaktika va boshqaruv qarorlarini axborot bilan ta’minlash tizimining bir qismi sifatida ko‘rish zarurligi asoslangan [5].

Tadqiqot natijalarini uyg‘unlashtirish bir muhim ilmiy xulosaga olib keladi: mahallada huquqbuzarliklarning barvaqt oldini olish samaradorligi alohida profilaktik tadbirning emas, balki “kriminologik diagnostika – xavfni baholash – sababni aniqlash – manzilli chora – idoraviy hamkorlik – raqamli monitoring – natijani baholash” zanjirining yaxlit ishlashiga bog‘liq.

Maqolaning maqsadi – huquqbuzarliklarni barvaqt oldini olishning Yangi O‘zbekiston modeli mazmun-mohiyatini ilmiy asoslash, uning mahalla, manzilli ishlash va idoraviy hamkorlikka tayanuvchi tarkibiy elementlarini o‘zaro uyg‘unlashtirish hamda samaradorligini oshirishga qaratilgan takliflarni ishlab chiqishdan iborat.

Tadqiqotda kriminologik tahlil, tizimli yondashuv, qiyosiy-huquqiy tahlil, hududiy tahlil, sabab-oqibatli yondashuv, kontent-tahlil va amaliyotni umumlashtirish usullaridan foydalanildi. Manba bazasini muallifning 2025 va 2026-yillarda nashr etgan ilmiy maqolalari, sohaga oid ilmiy adabiyotlar, shuningdek, 2021–2026-yillarda qabul qilingan normativ-huquqiy hujjatlar tashkil etdi [4, 18].

Metodologik jihatdan huquqbuzarliklarning barvaqt profilaktikasi huquqbuzarlik sodir etgan shaxsga nisbatan ta’sir choralari bilan cheklanmaydi. Uning birinchi bosqichi – xavfni shakllantirayotgan ijtimoiy, iqtisodiy, demografik, ma’naviy-ruhiy, tashkiliy-boshqaruv va muhitga oid omillarni aniqlash [4]. Shu nuqtayi nazardan “profilaktika obyekti” tushunchasi ham kengayib, shaxsdan tashqari oila, ko‘cha, xonadon, jamoat joyi, ijtimoiy guruh va hududiy muhitni qamrab oladi.

Yangi O‘zbekiston huquqbuzarliklar profilaktikasi modelining institutsional evolyutsiyasi. O‘zbekistonda huquqbuzarliklar profilaktikasining bugungi tizimi uzoq yillik islohotlar natijasida shakllangan. Shu bois uning genezisini ilmiy jihatdan to‘g‘ri belgilash muhim ahamiyatga ega. Bizningcha, mazkur jarayonni 2017 yoki 2021-yillardan boshlash yetarli emas. Chunki bugungi profilaktika modeliga xos bo‘lgan hududiylik, aholi yashash joyiga yaqinlashish, profilaktika inspektori instituti, tayanch punktlari va mahallada profilaktik ishlarni tashkil etish g‘oyalari ancha oldin, ya’ni 1999-yilda shakllana boshlagan.

1999-yil 12-aprelda O‘zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining “Toshkent shahrida jamoat tartibini saqlash va xavfsizlikni ta’minlash konsepsiyasi to‘g‘risida”gi 170/40-son qarori qabul qilinishi mazkur jarayonning muhim institutsional boshlang‘ich nuqtalaridan biri bo‘ldi. Mazkur qaror bilan bog‘liq islohotlar keyinchalik tayanch punktlari, profilaktika bo‘linmalari va profilaktika inspektori institutining rivojlanishiga zamin yaratdi [19].

Mahalla institutining huquqbuzarliklarning barvaqt profilaktikasidagi o‘rnini tushunish uchun islohotlarning bosqichma-bosqich rivojlanishini tahlil qilish muhim. O‘zbekistonda huquqbuzarliklarning barvaqt oldini olish tizimi bir necha o‘zaro bog‘liq bosqichlarni bosib o‘tgan. Ularni shartli ravishda quyidagicha ifodalash mumkin:

1999-yil – hududiy profilaktika modeliga institutsional asos solinishi;

2001-yil – Toshkent tajribasining respublika miqyosiga joriy etilishi;

2014-yil – profilaktikaning maxsus huquqiy instituti shakllanishi;

2016–2017-yillar – ichki ishlar organlarining xalqchil va inson huquqlariga yo‘naltirilgan tizim sifatida rivojlanishi;

2018–2021-yillar – mahalla, profilaktika inspektori va huquq-tartibot maskanlari negizida quyi bo‘g‘inni kuchaytirish;

2021–2022-yillar – profilaktika va jamoat xavfsizligini integratsiyalash;

keyingi bosqich – “mahallabay”, “oilabay”, “fuqarobay”, “xonadonbay” yondashuvlar, raqamlashtirish va idoralararo hamkorlikni kuchaytirish.

2021-yil 29-noyabrda O‘zbekiston Respublikasi jamoat xavfsizligi konsepsiyasi tasdiqlanib, jamoat xavfsizligini ta’minlashning kompleks va profilaktikaga yo‘naltirilgan tizimiga asos solindi [1]. Konseptual nuqtayi nazardan bu hujjat jamoat xavfsizligini faqat huquqni muhofaza qiluvchi organlarning vazifasi sifatida emas, balki davlat organlari, tashkilotlar va jamoatchilik ishtirokida ta’minlanadigan tizim sifatida ko‘rishga zamin yaratdi.

O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining 2023-yil 21-dekabrda qabul qilgan “Mahalla institutining jamiyatdagi rolini tubdan oshirish va uning aholi muammolarini hal etishda birinchi bo‘g‘in sifatida ishlashini ta’minlashga qaratilgan chora-tadbirlar to‘g‘risida”gi PF–209-son farmon bilan mahalla institutining aholi muammolarini hal etishda birinchi bo‘g‘in sifatida ishlashiga urg‘u berildi [2]. Bu yerda huquqbuzarlik profilaktikasi nuqtayi nazaridan prinsipial o‘zgarish yuzaga keldi: mahallaga faqat hududiy boshqaruv birligi emas, aholining ijtimoiy muammolari, oilaviy nizolar, ishsizlik, yoshlar bilan bog‘liq xavflar va boshqa kriminogen omillar eng erta bosqichda aniqlanishi mumkin bo‘lgan lokal ijtimoiy muhit sifatida qarala boshlandi.

2025-yil 3-yanvarda qabul qilgan “2025-yilda respublika mahallalarida xavfsiz muhitni yaratish va huquqbuzarliklarning barvaqt oldini olish tizimi samaradorligini yanada oshirish bo‘yicha chora-tadbirlar to‘g‘risida”gi PQ–1-son qaror mazkur jarayonni huquqbuzarliklarning barvaqt oldini olish nuqtayi nazaridan yanada aniqlashtirib, “har bir mahallada huquqbuzarliklarning barvaqt oldini olish” vazifasini ustuvor yo‘nalish sifatida belgiladi. Jumladan, jinoyat sodir etilgan mahallalarda choraklik manzilli chora-tadbirlarni belgilash, mas’ul rahbarlarni biriktirish, kriminogen vaziyati og‘ir mahallalarni ilmiy-amaliy yondashuvlar asosida o‘rganish, yoshlar, ayollar va ishsizlar o‘rtasidagi huquqbuzarliklarning oldini olishda “mahalla yettiligi” a’zolarining aniq mas’uliyatini belgilash, raqamli texnologiyalardan foydalanish va natijadorlik uchun qat’iy so‘rov tizimini joriy etish nazarda tutildi [3].

Vazirlar Mahkamasining 2025-yildagi 754-son qarori bilan “Obod va xavfsiz mahalla” tamoyili asosida mahallalarda ijtimoiy profilaktika tadbirlarini amalga oshirish tartibi to‘g‘risidagi Nizom tasdiqlandi. Unda mahalla raisi, hokim yordamchisi, profilaktika inspektori, yoshlar yetakchisi, xotin-qizlar faoli, ijtimoiy xodim va soliq inspektori, shuningdek boshqa davlat organlari va tashkilotlari o‘rtasidagi o‘zaro hamkorlik mexanizmlari belgilangan [6]. Shu tariqa “mahalla yettiligi” institutsional tarkib sifatida emas, balki ijtimoiy profilaktikaning yagona amaliy mexanizmi sifatida shakllanish imkoniyatiga ega bo‘ldi.

Shunday qilib, 2021–2025-yillardagi islohotlarni shartli ravishda quyidagi zanjirda ifodalash mumkin: “jamoat xavfsizligi konsepsiyasi” → “mahallaning birinchi bo‘g‘in sifatidagi roli” → “har bir mahallada barvaqt profilaktika” → “ijtimoiy profilaktikaning yagona hamkorlik mexanizmi”. 2026-yilda ushbu jarayonning mantiqiy davomi sifatida profilaktik faoliyatni yanada manzilli, raqamli va natijaga yo‘naltirilgan tarzda tashkil etish masalasi kun tartibiga chiqmoqda [5; 7].

Mahalla profilaktikaning eng quyi emas, eng muhim strategik bo‘g‘ini. Mahalla jinoyatchiligini kriminologik tahlil qilish shuni ko‘rsatadiki, bir xil turdagi jinoyat turli mahallalarda turlicha sabab va shart-sharoitlarda sodir bo‘lishi mumkin. Shuning uchun “mahallada jinoyat sodir bo‘ldi” degan umumiy fakt profilaktik qaror uchun yetarli emas. Qaror qabul qiluvchi subyekt jinoyat qayerda, qachon, kim tomonidan, kimga nisbatan, qanday muhitda va qanday imkoniyatlardan foydalangan holda sodir etilganini bilishi lozim.

Masalan, «Katta Chilonzor-3» mahallasida 2024-yilda 48 ta jinoyat qayd etilgan bo‘lib, shundan 42 tasi oldini olish mumkin bo‘lgan jinoyatlar sifatida baholangan. Ushbu 42 jinoyatni

sodir etgan 44 nafar shaxsning faqat 4 nafari mazkur mahalla aholisi, qolganlari esa boshqa mahallalar, Toshkent shahrining boshqa tumanlari va respublikaning boshqa hududlaridan kelgan shaxslar bo‘lgan [4]. Bu ma’lumot profilaktikada “mahalla aholisi” va “mahalla hududi” tushunchalarini farqlash zarurligini ko‘rsatadi.

Demak, mahalla kriminologik tahlilda bir vaqtning o‘zida uch xil obyekt sifatida qaralishi kerak: *birinchidan,* doimiy aholi yashaydigan ijtimoiy muhit; *ikkinchidan,* tashqi migratsiya va tranzit harakatlar ta’siridagi hudud; *uchinchidan,* jinoyat sodir etish imkoniyatlari shakllanadigan fizik muhit. Bunday yondashuv profilaktik choralarning haqiqiy manzilini belgilash imkonini beradi.

Tadqiqotlarimizda mahalla kriminogen muhitiga ta’sir qiluvchi omillar demografik-geografik, ijtimoiy-iqtisodiy, tashkiliy-boshqaruv, ma’naviy-ruhiy va viktimologik guruhlarga ajratilgan [4]. Bu tasnif yangi modelning amaliy diagnostika qismi uchun muhim metodik asosdir. Chunki bugungi kunda har bir guruhga mos profilaktik subyekt va ta’sir vositalari shakllangan: ishsizlik va kambag‘allikka – iqtisodiy-ijtimoiy, yoshlar muammosiga – yoshlarni foydali va mazmunli faoliyatga jalb etish, oilaviy nizolarga – ijtimoiy va xotin-qizlar himoyasini ta’minlash, muhit xavflariga – texnik profilaktika va obodonlashtirish, jabrlanish xavfiga – viktimologik profilaktika choralari yo‘naltiriladi.

Manzilli ishlash – yangi modelning asosiy texnologiyasi. Manzilli profilaktika umumiy profilaktik tadbirlarni muayyan shaxs, oila, xonadon, ko‘cha, obyekt yoki ijtimoiy guruhning aniq muammosiga moslashtirishni anglatadi. Bizning avvalgi tadqiqotlarimizda ham har bir shaxs ijtimoiy profilaktika obyekti sifatida qaralib, unga nisbatan manzilli va tizimli chora-tadbirlarni amalga oshirish zarurligi asoslangan [4].

Manzilli ishlashning mohiyatini “hammaga bir xil ta’sir”dan “muammoga mos ta’sir”ga o‘tish sifatida ifodalash mumkin. Masalan, ishsiz yoshga umumiy huquqiy targ‘ibot o‘tkazishning o‘zi yetarli emas; uning ishsizlik sababi, kasbiy qobiliyati, oilaviy sharoiti va bo‘sh vaqti o‘rganilib, kasbga yo‘naltirish bandlik va ijtimoiy qo‘llab-quvvatlash choralari bilan bog‘lanishi kerak. Xuddi shunday, velosiped o‘g‘irligi ko‘paygan ko‘p qavatli uyda faqat aholini ogohlantirish emas, kirish yo‘laklarini yoritish, eshiklarning ishlash holatini tekshirish, kamera o‘rnatish, saqlash joyini tashkil etish va aholiga xavfsizlik qoidalarini tushuntirish talab etiladi.

Avvalgi tadqiqotlarda aniqlangan amaliy holat buni yaqqol ko‘rsatadi: bir marta sodir etilgan velosiped o‘g‘irligi keyinchalik mahalla va qo‘shni mahallalarda shunga o‘xshash 12 ta o‘g‘irlikka aylangan. Bu holatda dastlabki jinoyat profilaktik axborotga aylantirilmagani, sabab va sharoitlar muhokama qilinmagani va muhitdagi imkoniyatlar bartaraf etilmagani takroriy jinoyatlar uchun sharoit yaratgan [4].

Shuning uchun manzilli ishlash algoritmi quyidagi ko‘rinishda bo‘lishi maqsadga muvofiq: 1) xavfni aniqlash; 2) xavf obyektlarini toifalash; 3) sabab va shart-sharoitlarni diagnostika qilish; 4) mas’ul subyektni belgilash; 5) aniq choralarni belgilash; 6) ijroni muddatlash; 7) natijani qayta baholash. Bu jarayonda har bir choraning “kim – nima – qachon – qayerda – qaysi ko‘rsatkich bilan” degan savollarga javobi bo‘lishi lozim.

Ijtimoiy profilaktika va idoraviy hamkorlikning yagona profilaktik zanjiri. Ijtimoiy profilaktikaning afzalligi shundaki, u huquqbuzarlikning ko‘plab sabablari huquqiy ta’sir vositalaridan tashqarida joylashganini tan oladi. Ishsizlik, oiladagi moddiy yetishmovchilik, ta’limdan uzilish, yoshlarning bo‘sh vaqti, alkogolizm, ijtimoiy yolg‘izlik, muhitning nazoratsizligi kabi omillar bir-biri bilan bog‘liq bo‘lib, ularni bitta organning imkoniyatlari doirasida bartaraf etish qiyin [4].

Shu nuqtayi nazardan “mahalla yettiligi” a’zolarining har biri profilaktik zanjirning alohida zvenosi sifatida qaralishi kerak. Profilaktika inspektori huquqiy va kriminologik xavfni baholaydi; hokim yordamchisi iqtisodiy muammo va bandlik masalalarini hal etishga ko‘maklashadi; yoshlar yetakchisi yoshlar bilan manzilli ishlaydi; xotin-qizlar faoli oilaviy va genderga oid xavflar bilan ishlaydi; ijtimoiy xodim og‘ir ijtimoiy holatdagi shaxslarga xizmat ko‘rsatadi; soliq inspektori iqtisodiy faoliyat bilan bog‘liq masalalarda ishtirok etadi; mahalla raisi esa mazkur resurslarni muvofiqlashtiruvchi lokal boshqaruv subyekti vazifasini bajaradi [6].

Bunda idoraviy hamkorlikning mohiyati yig‘ilish o‘tkazish yoki ma’lumot almashish bilan

cheklanmasligi kerak. Hamkorlikning haqiqiy natijasi bitta aniq muammoning birgalikda hal etilishi bilan o‘lchanishi lozim. Masalan, “nizoli oila” bo‘yicha profilaktika inspektori huquqiy xavfni baholaydi, ijtimoiy xodim oilaning ijtimoiy ehtiyojini aniqlaydi, xotin-qizlar faoli jabrlanish xavfini baholaydi, mahalla raisi va boshqa subyektlar esa zarur xizmat va resurslarni biriktiradi. Shunda hamkorlik “axborot almashish”dan “yagona profilaktik harakat”ga aylanadi.

Tadqiqotlarda aniqlangan tashkiliy-boshqaruv muammolari – profilaktika inspektorlarining boshqa vazifalarga jalb etilishi, “mahalla yettiligi”ning ayrim a’zolari hududdan tashqarida yashashi, profilaktik hisobdagi shaxslar bilan ishlashning yetarli emasligi – hamkorlikning institutsional mavjudligi uning amaliy samaradorligini avtomatik ravishda ta’minlamasligini ko‘rsatadi [4]. Shu bois yangi modelda vakolatdan tashqari “shaxsiy mas’uliyat”, “hududiy biriktirilganlik” va “natija uchun javobgarlik” tamoyillari kuchaytirilishi zarur.

Kriminologik diagnostika va boshqaruv qarorining ilmiy asosi. Adabiyotlarda ta’kidlanganidek, profilaktika samaradorligining muhim sharti – ishonchli va doimiy yangilanadigan axborot. “Mahalla yettiligi” o‘z vakolatlarini samarali amalga oshirishi uchun hududning demografik tarkibi, transport harakati, dam olish va ko‘ngilochar obyektlar, profilaktik hisobdagi shaxslar, aholini qiynayotgan muammolar, savdo va xizmat ko‘rsatish obyektlari, ularning texnik himoyasi va boshqa ma’lumotlar haqida doimiy axborotga ega bo‘lishi hamda ularni kriminologik nuqtayi nazardan tahlil qilishi kerak.

Bunda jinoyat statistikasini mexanik ravishda sanashdan ko‘ra, uning tuzilishi va sodir etilish jarayonini tahlil qilish talab etiladi. Masalan, jinoyatning oldini olish mumkin yoki mumkin emasligi, sodir etilgan joyi, vaqti, jabrlanuvchining o‘ziga xos tomonlari, jinoyatchi shaxsining hududga aloqadorligi, jinoyatga imkon bergan muhit va takrorlanish ehtimoli kabi ko‘rsatkichlar profilaktik qaror uchun muhimdir [4].

Bu yondashuvni “kriminologik diagnostika” tushunchasi bilan ifodalash mumkin. Kriminologik diagnostika – muayyan hududdagi jinoyatchilikning holati, dinamikasi, tuzilishi, sabablari, sharoitlari, xavf obyektlari va profilaktik resurslarni tizimli o‘rganish orqali boshqaruv qarori uchun zarur axborotni shakllantirish jarayoni.

Shu nuqtayi nazardan profilaktik qarorning ilmiy modeli quyidagicha ifodalanadi: “ma’lumot → tahlil → xavf prognozi → qaror → ijro → monitoring → korreksiya”. Agar tahlil bosqichi zaif bo‘lsa, keyingi bosqichlardagi qarorlar ham umumiy xarakterda qoladi. Shuning uchun 2024-yilda jamoat xavfsizligi va jinoyatchilikka qarshi kurash sohasini ilmiy tadqiq qilishni yangi bosqichga ko‘tarish maqsadida Kriminologiya tadqiqot instituti tashkil etilgani ushbu modelning ilmiy institutsional bazasini mustahkamlaydi.

Videokuzatuv: texnik vosita emas, profilaktik boshqaruv texnologiyasi. Tadqiqotlar natijasida asoslangan yondashuvga ko‘ra, videokuzatuv tizimi mahallada xavfsiz muhitni yaratishning mustaqil maqsadi emas. U kriminogen tahlil, vaziyatli profilaktika, tezkor javob va jinoyatlarni hujjatlashtirish imkoniyatlarini birlashtiruvchi texnologiyadir [5]. R. Klarkning vaziyatli jinoyat profilaktikasi konsepsiyasida ham jinoyat sodir etish imkoniyatlarini kamaytirish va xavfini oshirish, jinoiy harakatning amalga oshishini qiyinlashtirish muhim profilaktik vositalar sifatida qaraladi [8].

Shu bois kameralarni “ko‘proq o‘rnatish”ning o‘zi emas, “to‘g‘ri joyga o‘rnatish” prinsipi ustuvor bo‘lishi kerak. Kameralarni o‘rnatishdan oldin kamida 3–5 yillik jinoyatlar, ularni sodir etgan shaxslar, sabab va sharoitlar, odamlar gavjum joylar, migratsion oqim faol hududlar va nazoratsiz joylarni o‘rganish zarur. Bu talab videokuzatuvni kriminologik diagnostika bilan bevosita bog‘laydi.

Shuningdek, kameralarni mahallaga kirish-chiqish nuqtalari, ko‘p qavatli uylar hovlilari va kirish yo‘laklari, maktab va bog‘chalar, bozor va savdo nuqtalari, avtoturargohlar hamda ovloq joylarga joylashtirish, ularni situatsion markazlar va mahalla huquq-tartibot maskanlariga integratsiya qilish maqsadga muvofiq [5]. Bu yerda texnologiya profilaktika qarorining “ko‘zi” vazifasini bajaradi.

Xorijiy tadqiqotlarda CCTV tizimlarining jinoyatchilikka ta’siri turlicha baholansa-da, videokuzatuv ayrim jamoat joylarida, ayniqsa, avtoturargohlar va mulkka qarshi jinoyatlar yuqori bo‘lgan hududlarda samara berishi ko‘rsatilgan [9–11]. Biroq xorijiy tajribadan chiqariladigan asosiy xulosa kameralar soni emas, ularning kriminologik asosda joylashtirilishi, markazlashgan monitoringga integratsiya qilinishi, texnik xizmat va axborot xavfsizligining ta’minlanishidir [5].

O‘zbekiston sharoitida ham videokuzatuv tizimlarining tarqoq o‘rnatilishi, yagona tizimga integratsiya qilinmagani, texnik xizmat mas’uliyatining noaniqligi kabi muammolar mavjudligi tadqiqotda qayd etilgan [5]. Demak, yangi modelda videokuzatuvning uch bosqichi – “kriminologik asoslash → texnik integratsiya → profilaktik foydalanish” – yagona boshqaruv sikliga birlashtirilishi kerak.

Geolokatsion xarita va “xavf nuqtalari” bilan ishlash. Kriminologik tahlil va videokuzatuv texnologiyalarini birlashtirishning eng istiqbolli shakli – mahalla ijtimoiy-kriminogen vaziyatining geolokatsion xaritasini ishlab chiqish. Tadqiqotlarda bunday xarita infratuzilmaviy, texnik va kuch-vositalar taqsimoti haqidagi ma’lumotlarni birlashtirib, boshqaruv qarorlarini ilmiy asoslangan chora-tadbirlarga aylantirishga xizmat qilishi asoslangan [5].

Geolokatsion xarita faqat jinoyat sodir bo‘lgan nuqtalarni emas, balki “xavf nuqtalari”ni ham aks ettirishi kerak. Masalan, qorong‘i yo‘lak, nazoratsiz avtoturargoh, kamerasiz kirish yo‘lagi, yoshlar to‘planadigan nazoratsiz joy, alkogolizm tarqalgan muhit, takroriy nizolar kuzatiladigan xonadon yoki ijtimoiy himoyaga muhtoj shaxs yashaydigan hudud profilaktik kartada alohida belgilab borilishi mumkin.

Bu yondashuv “jinoyat xaritasi”dan “xavf xaritasi”ga o‘tishni anglatadi. Agar jinoyat xaritasi o‘tmishdagi holatni aks ettirsa, xavf xaritasi kelajakda jinoyat sodir bo‘lishi ehtimolini kamaytirishga xizmat qiladi. Shu sababli uning asosiy funksiyasi hisobot emas, profilaktik resurslarni qayerga va qanday taqsimlash bo‘yicha qaror qabul qilishdir.

“Obod va xavfsiz mahalla” – ijtimoiy va situatsion profilaktikaning uyg‘un modeli. “Obod va xavfsiz mahalla” tamoyilini faqat obodonlashtirish konsepsiyasi sifatida talqin qilish to‘g‘ri emas. Obod muhit – xavfsiz muhitning fizik asoslaridan biri. Yoritilmagan ko‘cha, tashlandiq bino, nazoratsiz yerto‘la, tartibga solinmagan savdo nuqtalari, ochiq kirish yo‘laklari va qarovsiz hududlar jinoyat sodir etish imkoniyatlarini oshirishi mumkin [5].

Shu bilan birga, obodlik ijtimoiy mazmunga ham ega. Ishsizlik, kambag‘allik, yoshlarning nazoratsizligi, oilaviy nizolar, ijtimoiy yolg‘izlik va boshqa muammolar bartaraf etilmasa, faqat fizik infratuzilmani yaxshilash barqaror xavfsizlikni ta’minlamaydi. Demak, “obod” va “xavfsiz” tushunchalari bir-birini to‘ldiruvchi ikki profilaktik blok sifatida qaralishi lozim.

O‘zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining 2025-yil 1-dekabrdagi 754-son qarori bilan tasdiqlangan “Obod va xavfsiz mahalla” tamoyili asosida mahallalarda ijtimoiy profilaktika tadbirlarini amalga oshirish tartibi to‘g‘risidagi Nizomda ijtimoiy profilaktika tadbirlarini mahalla raisi va “mahalla yettiligi” a’zolari, shuningdek davlat organlari va tashkilotlarining o‘zaro hamkorligi asosida amalga oshirish tartibi belgilangani ushbu integrativ yondashuvni normativ jihatdan mustahkamlaydi [6].

2025–2026-yillar natijalari: profilaktikadan natijadorlikka o‘tish. Mahallalarda xavfsiz muhitni yaratish tizimi joriy etilishi natijasida mamlakatdagi mahallalar kriminogen vaziyatdan kelib chiqib “yashil”, “sariq” va “qizil” toifalarga ajratildi. Tadqiqotlarda keltirilgan ma’lumotlarga ko‘ra, 9 008 ta mahallaning 4 034 tasi (44,8 foizi) “yashil”, 4 311 tasi (47,9 foizi) “sariq” va 663 tasi (7,4 foizi) “qizil” toifaga kiritilgan [5]. Bu tizim profilaktik resurslarni hududlar kesimida differensiatsiya qilish imkonini beradi.

Biroq, toifalashning o‘zi natija emas. “Qizil” mahallaning “sariq” yoki “yashil” toifaga o‘tishi, takroriy jinoyatlar kamayishi, xavfli muhitlarning bartaraf etilishi va aholining xavfsizlik hissining oshishi natijaviy mezonlar bo‘lishi kerak. Shu ma’noda profilaktika samaradorligini “qancha tadbir o‘tkazildi?” degan savoldan “qancha xavf bartaraf etildi?” degan savolga ko‘chirish maqsadga muvofiq.

2026-yilda profilaktika tizimini yanada manzilli va ilmiy asosda tashkil etish, mahallalarda og‘ir kriminogen vaziyatni bartaraf etish, raqamlashtirish va geolokatsion yondashuvlarni kuchaytirishga

JINOYATCHILIK PROFILAKTIKASIDA ZAMONAVIY YONDASHUVLAR

O‘z.KTI | Kriminologik faoliyat _ Ilmiy-amaliy jurnal | №3-2026 (8)

qaratilgan choralar ushbu tendensiyaning davomidir [7]. Shu bilan birga, 2026-yilda Toshkent shahri misolida og‘ir kriminogen mahallalar sonining qisqarishi va jinoyat sodir etilmagan yoki jinoyatchilik keskin kamaygan mahallalar ulushining oshishi kabi natijalar qayd etilgani profilaktik modelni natija nuqtayi nazaridan baholash imkonini beradi.

Muammolar va ularni bartaraf etishning ustuvor yo‘nalishlari. Tadqiqotlar natijalari tahlili profilaktika tizimida normativ asoslar va institutsional tuzilmalar shakllangan bo‘lsa-da, ularni amaliy natijaga aylantirishda bir qator muammolar saqlanayotganini ko‘rsatadi. Birinchisi – “mahalla yettiligi” a’zolarining vazifalarini bilishi va ularni kriminologik nuqtayi nazardan qo‘llash darajasi. Ikkinchisi – profilaktika inspektorlarining asosiy profilaktik vazifalaridan boshqa ishlarga jalb qilinishi. Uchinchisi – ayrim xodimlarning hudud bilan yetarlicha bog‘lanmaganligi. To‘rtinchisi – profilaktik hisobdagi va ilgari sudlangan shaxslar bilan ishning tizimli emasligi. Beshinchisi – videokuzatuv va boshqa texnik vositalarning tarqoqligi va integratsiya muammolari [4; 5].

Mazkur muammolarni bartaraf etish uchun, *birinchidan,* “mahalla yettiligi” faoliyatida “hududiy biriktirilganlik” prinsipini kuchaytirish lozim. Xodimning mahallada doimiy ishlashi uning aholi bilan ishonchli munosabatini, xavflarni tez aniqlashini va shaxslar hamda oilalar haqida kontekstual bilimga ega bo‘lishini ta’minlaydi.

Ikkinchidan, profilaktika inspektori ish vaqtining asosiy qismi profilaktikaga yo‘naltirilishi kerak. Ma’muriy va boshqa protsessual ishlar profilaktik vazifani siqib chiqarmasligi lozim.

Uchinchidan, “mahalla” yettiligi uchun kriminologik diagnostika, ijtimoiy profilaktika, viktimologik profilaktika, raqamli ma’lumotlardan foydalanish va boshqaruv qarorlarini qabul qilish bo‘yicha amaliy o‘quvlar tizimini joriy etish maqsadga muvofiq.

To‘rtinchidan, videokuzatuv tizimlarini moliyalashtirish, texnik xizmat ko‘rsatish va ma’lumotlarni saqlash bo‘yicha aniq mas’uliyatni belgilash zarur.

Beshinchidan, har bir “qizil” va “sariq” mahalla uchun ijtimoiy-kriminogen geolokatsion xarita va choraklik “yo‘l xaritasi” ishlab chiqilishi, unda har bir xavf nuqtasi bo‘yicha mas’ul subyekt, chora, muddat va natija ko‘rsatkichi belgilanishi kerak.

Yangi modelning taklif etilayotgan yaxlit algoritmi. Yuqoridagi tahlillar asosida huquqbuzarliklarni barvaqt oldini olishning Yangi O‘zbekiston modeli quyidagi o‘zaro bog‘liq bosqichlardan iborat bo‘lishi taklif etiladi:

1. Kriminologik diagnostika – mahallaning jinoyatchilik holati, dinamikasi, tuzilishi, demografiyasi, infrastrukturasi va ijtimoiy muammolarini tizimli o‘rganish.

2. Xavfni baholash – jinoyat sodir bo‘lgan nuqtalar bilan birga, jinoyat sodir bo‘lishiga sharoit yaratayotgan shaxslar, oilalar, obyektlar va joylarni aniqlash.

3. Manzilli profilaktik pasport – har bir xavf obyekti bo‘yicha muammo, sabab, mas’ul subyekt, chora va muddatni belgilash.

4. Ijtimoiy va situatsion profilaktikani birlashtirish – ijtimoiy muammoni bartaraf etish bilan bir vaqtda jinoyat sodir etish imkoniyatini cheklash.

5. Idoraviy hamkorlik – “mahalla yettiligi” va boshqa davlat organlarining bitta muammoni hal etishga qaratilgan yagona profilaktik harakatini tashkil etish.

6. Raqamli monitoring – videokuzatuv, elektron statistika va geolokatsion ma’lumotlarni profilaktik qarorlarga integratsiya qilish.

7. Natijadorlikni baholash – o‘tkazilgan tadbirlar sonini emas, bartaraf etilgan xavflar, kamaygan takroriy huquqbuzarliklar va yaxshilangan xavfsiz muhitni o‘lchash.

8. Qayta diagnostika – choralar natijasini baholab, profilaktik rejani yangilash.

Huquqbuzarliklarni barvaqt oldini olishning Yangi O‘zbekiston modeli normativ-huquqiy hujjatlarning alohida-alohida ijrosi emas, balki jamoat xavfsizligi, mahalla instituti, ijtimoiy profilaktika, kriminologik tahlil, manzilli ishlash va raqamli texnologiyalarning yagona tizimga birlashish jarayonidir. 2021-yilda qabul qilingan Jamoat xavfsizligi konsepsiyasi ushbu tizimning strategik poydevorini belgilagan bo‘lsa, keyingi yillarda qabul qilingan normativ-huquqiy hujjatlar: mahallaning birinchi bo‘g‘in sifatidagi institutsional rolini kuchaytirdi; har bir mahallada huquqbuzarliklarning barvaqt oldini olishni aniq boshqaruv vazifasiga aylantirdi; ijtimoiy profilaktikada “mahalla yettiligi” va davlat organlari o‘rtasidagi hamkorlikning amaliy tartibini belgilab berdi.

Tadqiqot natijalarini uyg‘unlashtirishdan kelib chiqadigan asosiy ilmiy xulosa shundan iboratki, kriminologik tahlilsiz manzilli profilaktika, manzilli profilaktikasiz esa idoraviy hamkorlikning natijador modeli shakllanmaydi.

Yuqoridagi tahlillardan kelib chiqib, huquqbuzarliklarni barvaqt oldini olishning yangi modelini “Xavfni aniqlash → sababni bartaraf etish → manzilli hamkorlik → xavfsiz muhit yaratish → natijani o‘lchash” formulasi asosida tashkil etish maqsadga muvofiq. Bunda mahalla huquqbuzarlik profilaktikasining eng quyi bo‘g‘ini emas, inson, oila, ijtimoiy muhit va davlat resurslarini bir nuqtada birlashtiruvchi strategik lokal markaz sifatida namoyon bo‘ladi.

Yangi modelning yakuniy mezoni “qancha tadbir o‘tkazildi?” emas, balki “qancha xavf barvaqt aniqlandi va bartaraf etildi?”, “qancha jinoyatning oldi olindi?”, “qaysi mahalla xavfsiz muhitga aylandi?” va “aholining xavfsizlik hissi qanchalik oshdi?” degan savollarga beriladigan javob bo‘lishi lozim. Ana shunda profilaktika faoliyati hisobotdan natijaga, umumiy choradan manzilli ta’sirga, idoraviy parallellikdan yagona profilaktik zanjirga aylanadi.

Foydalanilgan manbalar

1. O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining 2021-yil 29-noyabrdagi “O‘zbekiston Respublikasi jamoat xavfsizligi konsepsiyasini tasdiqlash va uni amalga oshirish chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi PF–27-son farmoni.
2. O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining 2023-yil 21-dekabrdagi “Mahalla institutining jamiyatdagi rolini tubdan oshirish va uning aholi muammolarini hal etishda birinchi bo‘g‘in sifatida ishlashini ta’minlashga qaratilgan chora-tadbirlar to‘g‘risida”gi PF–209-son farmoni. https://lex.uz/docs/6705763
3. O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining 2025-yil 3-yanvardagi “2025-yilda respublika mahallalarida xavfsiz muhitni yaratish va huquqbuzarliklarning barvaqt oldini olish tizimi samaradorligini yanada oshirish bo yicha chora-tadbirlar to‘g‘risida”gi PQ–1-son qarori. https://lex.uz/docs/7330260
4. Ismailov I., Ziyodullayev M.Z. Mahallalar jinoyatchiligining kriminologik tahlili va barvaqt oldini olish choralari. – T., 2025. – 18 b. (Mualliflar taqdim etgan maqola).
5. Ismailov I. Yangi O‘zbekiston mahallalarida videokuzatuv tizimini joriy etishning huquqiy asoslarini takomillashtirish. – T., 2026. – 8 b. (Muallif taqdim etgan maqola).
6. O‘zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining 2025-yil 1-dekabrdagi 754-son qarori // “Obod va xavfsiz mahalla” tamoyili asosida mahallalarda ijtimoiy profilaktika tadbirlarini amalga oshirish tartibi to‘g‘risida Nizom. https://lex.uz/Pages/GetPdf.aspx?file=LexUz_8090356.pdf
7. O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining 2026-yil 16-fevraldagi “Mamlakat taraqqiyotining 2030-yilgacha mo‘ljallangan ustuvor yo‘nalishlari doirasida islohotlarni izchil davom ettirish va yangi bosqichga olib chiqishning qo‘shimcha chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi PF–21-son farmoni. https://lex.uz/docs/8050769
8. Clarke R.V. Situational Crime Prevention. – New York, 2012.
9. Welsh B., Farrington D. Effects of CCTV on Crime. – Cambridge University Press, 2009.
10. Welsh B., Farrington D. CCTV and Crime Prevention. – Cambridge University Press.
11. Piza E. CCTV Surveillance and Crime Prevention Research. – New York, 2019.
12. O‘zbekiston Respublikasining 2016-yil 16-sentyabrda qabul qilingan “Ichki ishlar organlari to‘g‘risida”gi O‘RQ–407-son qonuni. https://lex.uz/docs/3027843
13. O‘zbekiston Respublikasining 2018-yil 20-noyabrdagi “O‘zbekiston Respublikasi Milliy gvardiyasi to‘g‘risida”gi O‘RQ–647-son qonuni. https://lex.uz/uz/docs/5128310
14. O‘zbekiston Respublikasining 2014-yil 14-maydagi “Huquqbuzarliklar profilaktikasi to‘g‘risida”gi O‘RQ–371-son qonuni. https://www.lex.uz/acts/2387357
15. Ismailov I. Kriminologiya va jinoyatchilik: Yangi O‘zbekiston huquqbuzarliklar profilaktika milliy tizimi // Jahon kriminologiyasining ilg‘or tajribalari: I xalqaro forum materiallari to‘plami. – T., 2024 yil 29–30-oktyabr. – B. 66–75.
16. Ziyodullayev M.Z. Militsiya tayanch punktlari negizida ichki ishlar idoralarining jamoatchilik bilan hamkorligi: tahlil, yutuq va muammolar. // O‘zbekiston Respublikasi Bosh prokuraturasining Oliy o‘quv kurslari axborotnomasi. – 2011. – №3. – B. 57–61.
17. Ziyodullayev M.Z. Militsiya tayanch punktlari negizidagi hamkorlikni muvofiqlashtirish va boshqarish: takomillashtirish yo‘nalishlari. // O‘zbekiston Respublikasi IIV Akademiyasining axborotnomasi. – 2013. – №2. – B. 48–52.
18. Profilaktika inspektorining ma’muriy hududda jamoat xavfsizligini ta minlashdagi hamkorligi: O‘quv-metodik qo‘llanma / R.A. Xatamov, M.Z. Ziyodullayev va boshq. – T.: O‘zbekiston Respublikasi IIV Akademiyasi, 2022. – 72 b.
19. Ichki ishlar organlaridagi islohotlar – tinchlik va osoyishtalik garovi: Monografiya / I.Ismailov, M.Z.Ziyodullayev va boshq. –T.: O‘zbekiston Respublikasi IIV Akademiyasi, 2014. – B.20.

JINOYATCHILIK PROFILAKTIKASIDA ZAMONAVIY YONDASHUVLAR

O‘z.KTI | Kriminologik faoliyat _ Ilmiy-amaliy jurnal | №3-2026 (8)

ОТ ЭЛЕКТРОННОГО К ЦИФРОВОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ

РАСУЛЕВ
Абдулазиз Каримович
Институт законодательства и правовой политики при Президенте Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор

Аннотация. *В статье исследуются основные этапы становления и развития электронного правительства в Республике Узбекистан и современный переход к модели цифрового правительства. На основе анализа законодательства и институциональных преобразований предложена авторская периодизация развития данной сферы, включающая четыре этапа: формирование правовых и инфраструктурных основ информатизации; развитие электронного взаимодействия и интерактивных государственных услуг; институциональное становление электронного правительства; переход к цифровому и платформенному государственному управлению. Раскрываются концептуальные различия между электронным и цифровым правительством. Обосновывается, что современный этап цифровой трансформации характеризуется переходом от оцифровки отдельных государственных услуг к изменению архитектуры публичного управления, основанному на интеграции государственных данных, межведомственном взаимодействии, проактивных услугах и автоматизации административных процедур. Особое внимание уделяется формированию Единой интегрированной цифровой платформы, правовым последствиям применения алгоритмических систем и искусственного интеллекта в государственном управлении. Сформулированы предложения по модернизации законодательства о цифровом правительстве, закреплению правовых гарантий при автоматизированном принятии административных решений и переходу от количественной к качественной оценке результатов цифровой трансформации.*
Ключевые слова: *электронное правительство, цифровое правительство, цифровое государство, государственное управление, цифровая трансформация, государственные услуги, государственные данные, цифровая платформа, автоматизированное административное решение, искусственный интеллект, алгоритмическая прозрачность.*

Abstract. *The article examines the principal stages in the formation and development of e-government in the Republic of Uzbekistan and the current transition towards a digital government model. Based on an analysis of legislation and institutional reforms, the article proposes an original four-stage periodization encompassing the establishment of the legal and infrastructural foundations of informatization; the development of electronic interaction and interactive public services; the institutional consolidation of e-government; and the transition to digital and platform-based public administration. The conceptual distinction between e-government and digital government is examined. It is argued that the current stage of digital transformation is characterized by a shift from the digitization of individual public services towards the redesign of the architecture of public administration based on government data integration, inter-agency interoperability, proactive services and automated administrative procedures. Particular attention is paid to the development of the Unified Integrated Digital Platform and to the legal implications of using algorithmic systems and artificial intelligence in public administration. The article formulates proposals for modernizing digital government legislation, establishing legal safeguards for automated administrative decision-making, and shifting from predominantly quantitative indicators towards qualitative assessment of digital transformation outcomes.*
Keywords: *e-government, digital government, digital state, public administration, digital transformation, public services, government data, digital platform, automated administrative decision-making, artificial intelligence, algorithmic transparency.*

Annotatsiya. *Maqolada O'zbekiston Respublikasida elektron hukumatning shakllanishi va rivojlanishining asosiy bosqichlari hamda raqamli hukumat modeliga zamonaviy o'tish jarayoni tadqiq etilgan. Qonunchilik va institutsional islohotlar tahlili asosida mazkur soha rivojlanishining to'rt bosqichdan iborat mualliflik davrlashtirilishi taklif etilgan: axborotlashtirishning huquqiy va infratuzilmaviy asoslarini shakllantirish; elektron hamkorlik va interaktiv davlat xizmatlarini rivojlantirish; elektron hukumatning institutsional shakllanishi; raqamli va platformaviy davlat boshqaruviga o'tish. Elektron va raqamli hukumat o'rtasidagi konseptual farqlar ochib berilgan. Raqamli transformatsiyaning zamonaviy bosqichi alohida davlat xizmatlarini raqamlashtirishdan davlat ma'lumotlari integratsiyasi, idoralararo hamkorlik, proaktiv xizmatlar va ma'muriy jarayonlarni avtomatlashtirishga asoslangan davlat boshqaruvi arxitekturasini o'zgartirishga o'tish bilan tavsiflanishi asoslab berilgan. Yagona integratsiyalashgan raqamli platformani shakllantirish, algoritmik tizimlar va sun'iy intellektni davlat boshqaruvida qo'llashning huquqiy oqibatlariga alohida e'tibor qaratilgan. Raqamli hukumat to'g'risidagi qonunchilikni modernizatsiya qilish, avtomatlashtirilgan ma'muriy qarorlarni qabul qilishda huquqiy kafolatlarni mustahkamlash hamda raqamli transformatsiya natijalarini miqdoriy baholashdan sifat jihatidan baholashga o'tish yuzasidan takliflar ishlab chiqilgan.*
Kalit so'zlar: *elektron hukumat, raqamli hukumat, raqamli davlat, davlat boshqaruvi, raqamli transformatsiya, davlat xizmatlari, davlat ma'lumotlari, raqamli platforma, avtomatlashtirilgan ma'muriy qaror, sun'iy intellekt, algoritmik shaffoflik.*

В условиях современного правового государства эффективность государственного управления определяется не только объемом предоставленных государственным органам полномочий, но прежде всего качеством их реализации. Существенное значение приобретает характер взаимодействия государства с гражданами: насколько оно является доступным, удобным, прозрачным, надежным и ориентированным на реализацию прав и законных интересов человека.

Одним из важнейших инструментов изменения данной модели взаимодействия стало электронное правительство. За сравнительно короткий исторический период оно трансформировалось из преимущественно технологического механизма информатизации государственного аппарата в институциональную систему взаимодействия государства, граждан и организаций.

На современном этапе происходит дальнейшая трансформация – переход от электронного к цифровому правительству. Различие между ними заключается не только в технологическом уровне используемых информационных систем. Электронное правительство главным образом обеспечивает возможность осуществления существующих административных процедур в электронной форме. Цифровое правительство предполагает изменение самой логики государственного управления: повторное использование имеющихся у государства данных, автоматизированный межведомственный обмен информацией, предоставление проактивных услуг, интеграцию государственных цифровых платформ и использование данных при принятии управленческих решений.

Международные подходы также демонстрируют переход от оценки простой доступности электронных услуг к анализу зрелости цифрового государства. Индекс развития электронного правительства ООН (United Nations E-Government Development Index – EGDI) оценивает развитие онлайн-услуг, телекоммуникационной инфраструктуры и человеческого капитала [1].

В свою очередь, разработанный ОЭСР Digital Government Index используется для оценки зрелости цифровой трансформации государственного сектора и таких ее характеристик, как digital by design, data-driven public sector и government as a platform [2].

Для Республики Узбекистан данный процесс имеет особое значение. Современная система электронных государственных услуг является результатом последовательного развития нормативно-правовой, институциональной и технологической основы государственного управления на протяжении всего периода независимости.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении основных закономерностей правовой эволюции электронного правительства в Узбекистане и определении содержания современного перехода к цифровой модели государственного управления.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, историко-правовой, системно-структурный и сравнительно - аналитический методы. На основе анализа законодательства, стратегических документов и международных инструментов оценки цифрового правительства предлагается выделить четыре этапа развития соответствующей системы.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении развития электронного правительства не как линейного процесса увеличения числа информационных систем и электронных услуг, а как последовательной трансформации правовой модели публичного управления: от информатизации государственных органов – к юридически значимому электронному взаимодействию, далее – к институционализированному электронному правительству и, наконец, к платформенной и основанной на данных модели цифрового государства.

1. Формирование правовых и инфраструктурных основ информатизации. Первый этап охватывает **1991–2003** годы и характеризуется формированием базовых правовых и инфраструктурных предпосылок последующего развития электронного правительства.

После обретения государственной независимости перед Узбекистаном стояла задача формирования собственной системы законодательства, регулирующей информационные отношения, телекоммуникационную инфраструктуру и государственные информационные ресурсы. Понятие «электронное правительство» на данном этапе еще не использовалось в качестве самостоятельной правовой категории. Вместе с тем создавались правовые институты, без которых последующий переход к электронному государственному управлению был бы невозможен.

Конституция Республики Узбекистан 1992 г. закрепила ряд исходных принципов, впоследствии получивших существенное значение для электронной формы взаимодействия государства и граждан: осуществление государственной власти в интересах народа, свободу поиска, получения и распространения информации, а также обязанность государственных органов и должностных лиц обеспечивать возможность ознакомления граждан с документами и решениями, затрагивающими их права и интересы [3]. Тем самым еще до формирования специального законодательства об электронном правительстве были заложены конституционные предпосылки открытости государства и доступности публичной информации.

Одним из первых специальных нормативных актов в данной сфере стал Закон Республики Узбекистан «Об информатизации» от 7 мая 1993 года [4]. Его принятие означало признание информации, информационных ресурсов и информационных процессов самостоятельной сферой правового регулирования.

Следующим значимым этапом стало принятие Закона Республики Узбекистан «О телекоммуникациях» в 1999 году, определившего правовые основы функционирования телекоммуникационных сетей и оказания соответствующих услуг.

Существенный импульс дальнейшему развитию информационно-коммуникационной инфраструктуры придал Указ Президента Республики Узбекистан от 30 мая 2002 года № УП-3080 «О дальнейшем развитии компьютеризации и внедрении информационно-коммуникационных технологий» [5]. Документ предусматривал развитие телекоммуникационной инфраструктуры, совершенствование государственной политики в сфере информационных технологий, подготовку кадров и расширение применения компьютерных технологий государственными органами.

Важным результатом первого этапа стало принятие 11 декабря 2003 года новой редакции Закона Республики Узбекистан № 560-II «Об информатизации» и Закона № 562-II «Об электронной цифровой подписи» [6].

Правовое признание электронной цифровой подписи имело принципиальное значение для последующего развития электронного взаимодействия, поскольку создало юридическую основу для идентификации участников электронных отношений, подтверждения волеизъявления и обеспечения целостности электронных документов.

Таким образом, в течение первого этапа был сформирован своего рода правовой «язык» будущего электронного правительства: законодательство закрепило категории информации, информационных ресурсов, информационных систем, телекоммуникаций и электронной цифровой подписи.

Однако цифровизация в этот период носила преимущественно инфраструктурный характер. Информационные технологии рассматривались главным образом как инструмент технической модернизации деятельности государственных органов, а не как средство трансформации административных процедур.

Следовательно, к концу 2003 года была создана правовая возможность электронного взаимодействия, однако целостная модель электронного государственного управления еще не сформировалась.

2. Формирование электронного взаимодействия и интерактивных государственных услуг. Второй этап охватывает **2004–2012** годы и характеризуется переходом от общего законодательства об информатизации к регулированию конкретных юридически значимых действий в электронной среде, а затем – к созданию электронных государственных услуг.

Ключевое значение имело принятие Закона Республики Узбекистан от 29 апреля 2004 года № 611-II «Об электронном документообороте», закрепившего юридическую категорию электронного документа, а также Закона № 613-II «Об электронной коммерции». В 2005 году нормативное регулирование было дополнено Законом Республики Узбекистан от 16 декабря 2005 года № ЗРУ-13 «Об электронных платежах» [7].

Значение этих актов выходило за пределы предпринимательской деятельности. Для перевода государственной услуги в электронный формат было необходимо обеспечить юридическую значимость всех основных элементов административной процедуры – заявления, документа, подписи и, при необходимости, платежа.

Именно формирование такого правового режима создало основу дистанционного взаимодействия граждан и организаций с государством.

Начиная с 2007 года государственная политика постепенно смещалась от регулирования отдельных электронных операций к системному предоставлению интерактивных государственных услуг.

Постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан №181 от 23 августа 2007 г. были определены организационные основы оказания интерактивных государственных услуг с применением информационно коммуникационных технологий [8].

В этот период формировались официальные веб-сайты государственных органов, электронные формы обращений, информационные сервисы и механизмы опубликования информации о деятельности государственных органов. Вместе с тем модель оставалась преимущественно ведомственной. Государственные органы создавали собственные информационные ресурсы, а электронные сервисы еще не составляли единого интегрированного пространства.

Системное значение поэтому приобрело постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 378 от 30 декабря 2012 г., предусматривающего создание Единого портала интерактивных государственных услуг [9].

Создание единой точки доступа означало постепенный отход от фрагментированной ведомственной модели электронного взаимодействия. Таким образом, второй этап можно определить как период функционального формирования электронного правительства. Государство уже создало инструменты юридически значимого электронного взаимодействия и цифровые каналы получения государственных услуг, однако электронное правительство еще не было закреплено в законодательстве как самостоятельная институциональная система публичного управления.

3. Институционализация электронного правительства. Третий этап охватывает **2013–2019** годы. Его основным содержанием стало превращение отдельных электронных сервисов в институционализированную систему электронного правительства.

Запуск Единого портала интерактивных государственных услуг – my.gov.uz – сфор-

мировал централизованный канал доступа граждан и организаций к государственным услугам. Юридическое значение этого процесса состояло не только в создании нового информационного ресурса. Постепенно менялась сама модель взаимодействия гражданина с гос.аппаратом. Пользователь уже не должен был самостоятельно определять, какое конкретное ведомство располагает требуемыми сведениями. Единый цифровой интерфейс начал выполнять роль посредника между заявителем и системой государственных органов.

Дальнейшее развитие Национальной информационно-коммуникационной системы осуществлялось, в частности, на основе постановления Президента Республики Узбекистан от 27 июня 2013 года № ПП-1989 [10].

В последующие годы формировались центральные базы данных, системы электронной идентификации и механизмы межведомственного информационного взаимодействия.

Ключевой нормативной точкой данного этапа стало принятие Закона Республики Узбекистан от 9 декабря 2015 года № ЗРУ-395 «Об электронном правительстве» [11].

Принципиальное значение Закона состояло в том, что электронное правительство впервые получило полноценное юридико-институциональное содержание.

Были объединены два направления: внешнее взаимодействие государства с гражданами и организациями посредством электронных государственных услуг и внутреннее электронное взаимодействие государственных органов.

Такой подход является принципиальным с точки зрения современной цифровизации. Электронная государственная услуга не может рассматриваться исключительно как удобный пользовательский интерфейс. Ее качество непосредственно зависит от организации внутренних административных процессов и способности государственных органов самостоятельно обмениваться необходимыми сведениями.

Особое значение получил принцип «единое окно», предполагающий, что документы и информация, уже находящиеся в распоряжении государственных органов, должны запрашиваться в рамках межведомственного взаимодействия, а не повторно истребоваться у заявителя.

Принятие специального закона означало переход от программного и фрагментарного регулирования электронных государственных услуг к закреплению единой правовой модели электронного правительства.

Существенное развитие получила также институциональная система предоставления государственных услуг. Указ Президента Республики Узбекистан от 12 декабря 2017 года № УП-5278 был направлен на коренное реформирование национальной системы оказания государственных услуг населению [12].

Создание сети центров государственных услуг позволило объединить цифровые и традиционные способы взаимодействия человека с государством. Данный подход имеет самостоятельное правовое значение. Цифровизация не должна автоматически означать исключение очного способа получения государственных услуг, поскольку различия в доступе к Интернету, цифровых навыках, состоянии здоровья и иных обстоятельствах могут приводить к фактическому цифровому неравенству.

В результате сформировалась многоканальная модель, в которой государственная услуга может быть доступна посредством единой административной системы как в цифровой, так и в непосредственной форме. Расширение электронного взаимодействия закономерно увеличивало объем персональных данных, обрабатываемых государственными информационными системами. В этой связи важным элементом развития третьего этапа стало принятие 2 июля 2019 года Закона Республики Узбекистан № ЗРУ-547 «О персональных данных» [13].

Таким образом, к концу 2019 года в Узбекистане была сформирована базовая нормативно-институциональная система электронного правительства, включающая специальное законодательство, Единый портал, центры государственных услуг, информационные системы, механизмы межведомственного обмена, электронную идентификацию и законодательные гарантии защиты персональных данных.

Вместе с тем данная модель во многом сохраняла логику переноса уже существующих административных процедур в электронную среду. Электронная услуга воспроизводила традиционную последовательность действий – заявление, проверку документов, межведомственное согласование и принятие решения.

Следовательно, следующий этап объективно потребовал перехода от электронной формы административной процедуры к ее содержательной цифровой трансформации.

4. Переход к цифровому и платформенному государственному управлению. Четвертый этап начинается с **2020** года и связан с постепенным переходом от модели электронного правительства к модели цифрового правительства.

Ключевым стратегическим документом стало утверждение Указом Президента Республики Узбекистан № УП-6079 от 5 октября 2020 года Стратегии «Цифровой Узбекистан – 2030» [14], которая определила комплексные направления цифровой трансформации государственного управления, экономики и территорий.

Содержание данного этапа принципиально отличается от предшествующего. Так, электронное правительство преимущественно отвечает на вопрос, каким образом существующую государственную услугу предоставить человеку дистанционно.

Цифровое правительство ставит другой вопрос: необходима ли существующая процедура в ее традиционном виде и каким образом она должна быть перепроектирована, если государство уже обладает большей частью необходимых данных.

Именно поэтому цифровое правительство связано с переходом к повторному использованию данных, автоматическому межведомственному обмену, проактивному предоставлению услуг, интеграции государственных информационных систем и использованию данных при принятии управленческих решений.

Существенным направлением данного этапа стала централизация цифровой инфраструктуры. Постановлением Президента Республики Узбекистан № ПП-357 от 22 августа 2022 г. «О мерах по поднятию на новый уровень сферы информационно-коммуникационных технологий в 2022–2023 годах» предусмотрено развитие единой инфраструктуры системы электронного правительства [15].

В 2022 году нормативная основа цифрового государственного управления была также дополнена Законом Республики Узбекистан № ЗРУ-764 от 15 апреля 2022 года «О кибербезопасности» и новой редакцией Закона № ЗРУ-793 от 12 октября 2022 года «Об электронной цифровой подписи» [16].

Цифровое развитие получило принципиально новое конституционное измерение после принятия новой редакции Конституции Республики Узбекистан на референдуме 30 апреля 2023 года.

Статья 31 Конституции закрепляет право каждого на защиту персональных данных, включая возможность требовать исправления недостоверных данных и уничтожения данных, собранных незаконным путем либо утративших правовые основания для обработки. Статья 33 устанавливает обязанность государства создавать условия для обеспечения доступа к всемирной информационной сети Интернет [17].

Эти нормы изменяют правовую оценку цифровизации. Государственная информационная система представляет собой не только технологический объект. Ее функционирование непосредственно связано с реализацией конституционных прав человека.

Дальнейшее развитие цифровой модели отражено в Указе Президента Республики Узбекистан № УП-76 от 24 мая 2023 года «О мерах по эффективной организации государственного управления в сфере цифровых технологий в рамках административных реформ». В предусмотренных им мероприятиях закреплена оптимизация административных процессов цифровых услуг на основе принципа Digital by Default [18].

Юридическое содержание данного принципа заключается в том, что цифровая форма перестает рассматриваться в качестве дополнительного канала предоставления услуги и становится исходной моделью проектирования административного процесса.

При этом Digital by Default не должен означать механического переноса существующей бюрократической процедуры в информационную систему. Напротив, цифровому проектированию должна предшествовать оценка необходимости каждого административного действия, документа и межведомственного согласования.

14 сентября 2023 года постановлением Президента Республики Узбекистан № ПП-308 «О дополнительных мерах по улучшению рейтинга Республики Узбекистан в отчете Организации Объединенных Наций «Исследование электронного правительства» одной из основных задач было определено вхождение страны в топ-30 государств по Индексу развития электронного правительства ООН к 2030 году [19].

Динамика международных показателей свидетельствует о заметном прогрессе. Согласно данным UN E-Government Knowledgebase, в 2022 году Узбекистан занимал 69-е место в EGDI с показателем 0,7265. В 2024 году страна заняла 63-е место с показателем 0,7999 и вошла в группу государств с очень высоким уровнем EGDI. По сравнению с 2022 годом позиция улучшилась на шесть мест [20].

Вместе с тем международный индекс не должен рассматриваться как конечная цель цифровой трансформации. Он является инструментом сравнительной оценки отдельных характеристик электронного правительства. Реальным критерием зрелости цифрового государства должно оставаться фактическое качество взаимодействия человека с публичной администрацией.

Согласно методологии Всемирного банка, GovTech рассматривается как общегосударственный подход к модернизации публичного сектора, ориентированный, в частности, на гражданоцентричные услуги, универсальную доступность и цифровую трансформацию. GovTech Maturity Index оценивает зрелость соответствующей системы по четырем основным направлениям и распределяет государства по группам зрелости A–D, а не формирует классический рейтинг государств [21].

Это методологическое уточнение имеет значение и для оценки национального прогресса: развитие цифрового государства должно измеряться не столько условным местом, сколько зрелостью институтов, государственных информационных систем, цифровых услуг, механизмов взаимодействия с гражданами и нормативной среды.

5. Переход к платформенной модели цифрового государства. Современная правовая политика Республики Узбекистан все активнее использует категорию «цифровое правительство». Вместе с тем, базовый Закон № ЗРУ-395 продолжает регулировать систему под наименованием «электронное правительство» и в значительной степени отражает модель государственного управления середины 2010-х годов.

Одновременно фактическое содержание государственной цифровой политики существенно расширилось. Речь идет уже не только об электронных государственных услугах и межведомственном обмене, но и об общих цифровых компонентах, проактивных сервисах, государственных данных, искусственном интеллекте и платформенной организации информационной инфраструктуры.

Наиболее отчетливо соответствующий переход проявился в постановлении Президента Республики Узбекистан № ПП-257 от 8 июля 2026 года «О мерах по дальнейшему развитию системы «Цифровое правительство» [22].

Постановлением предусмотрено внедрение Единой интегрированной цифровой платформы. Согласно официальному паспорту документа, Платформа является технологическим элементом системы «Цифровое правительство» и предназначена для обеспечения единой архитектуры, стандартов, технологических и организационных подходов при создании и развитии государственных информационных систем, а также использования цифровых компонентов и сервисов многократного применения. Тем самым происходит переход от относительно автономной ведомственной цифровизации к единой платформенной архитектуре.

В научном отношении данную тенденцию можно охарактеризовать как формирование элементов «государства как платформы» – модели, при которой отдельные государственные органы не создают полный набор технологических решений самостоятельно, а используют общую инфраструктуру, единые стандарты, базовые цифровые компоненты и механизмы обмена данными.

Преимущество такой модели состоит не только в потенциальном сокращении расходов на разработку многочисленных аналогичных информационных систем. Ее основное управленческое значение заключается в возможности сформировать целостную цифровую среду, в которой административные процессы различных государственных органов могут взаимодействовать друг с другом на основе единых технологических и правовых принципов.

При этом переход к цифровой платформе не означает утраты значения принципов действующего законодательства об электронном правительстве.

Равный доступ к услугам, «единое окно», открытость, прозрачность, унификация и информационная безопасность сохраняют фундаментальный характер.

Однако развитие цифрового правительства требует дополнения существующей системы такими принципами, как однократное предоставление данных, цифровое проектирование административных процедур, управление качеством государственных данных, технологическая совместимость, алгоритмическая прозрачность и обеспечение доступного альтернативного канала получения государственных услуг.

6. Перспективы совершенствования законодательства о цифровом правительстве. Сформировавшиеся тенденции позволяют выделить несколько направлений дальнейшего совершенствования правового регулирования.

6.1. Формирование современной законодательной модели цифрового правительства. Представляется целесообразным рассмотреть вопрос о подготовке новой редакции Закона Республики Узбекистан «Об электронном правительстве» либо разработке самостоятельного Закона «О цифровом правительстве».

При этом такая реформа не должна сводиться к формальной замене слова «электронное» на «цифровое». Необходимо нормативно определить новую архитектуру государственного управления.

В законодательстве целесообразно закрепить понятия «цифровое правительство», «государственная цифровая платформа», «государственные данные», «базовый реестр», «эталонный реестр», «цифровая идентичность», «проактивная государственная услуга», «жизненная ситуация», «автоматизированное административное решение» и «алгоритмическая система».

Одновременно необходимо определить принципы управления государственными данными, правовые основания межведомственного обмена, ответственность за качество и достоверность данных, порядок исправления ошибок и юридические последствия автоматизированной обработки информации.

6.2. Правовые гарантии при автоматизированном принятии решений. По мере развития цифрового правительства изменяется природа административных рисков.

В традиционной системе ошибочное решение, как правило, связано с действием либо бездействием конкретного должностного лица. В цифровой системе юридически значимый неблагоприятный результат может возникнуть вследствие ошибки в государственном реестре, некорректного алгоритма, несовместимости информационных систем или автоматического применения неверных данных.

Например, ошибка в государственном информационном ресурсе способна повлечь автоматический отказ в получении услуги, социальной выплаты, лицензии или регистрации.

Особенность такой ситуации состоит в том, что гражданин может не понимать, какие данные использовались при принятии решения, из какого государственного ресурса они были получены и какой субъект отвечает за их достоверность. Эта проблема приобретает дополнительное значение в связи с внедрением технологий искусственного интеллекта.

В этой связи законодательство должно предусматривать специальные процессуаль-

ные гарантии. Лицо должно иметь право знать, использовалась ли при принятии юридически значимого решения автоматизированная или алгоритмическая система; получать понятную информацию об основных данных и факторах, повлиявших на решение; использовать эффективный механизм исправления недостоверных государственных данных; требовать проверки результата уполномоченным должностным лицом; сохранять право административного и судебного обжалования.

Особенно строгие гарантии необходимы в отношении решений, затрагивающих существенные права и законные интересы человека: социальное обеспечение, право собственности, лицензирование, регистрацию, юридическую ответственность и иные юридически значимые последствия.

Окончательные решения такого характера не должны основываться исключительно на непрозрачной автоматизированной обработке при отсутствии возможности человеческого контроля.

Следовательно, внедрение искусственного интеллекта в государственном управлении должно сопровождаться не сокращением, а развитием процессуальных гарантий личности.

6.3. Переход от количественной к качественной оценке цифровой трансформации. Еще одной задачей является изменение критериев оценки эффективности цифровизации.

Традиционно результативность цифровой трансформации может оцениваться посредством количества созданных информационных систем, запущенных порталов или государственных услуг, переведенных в электронную форму.

Однако сам по себе количественный рост цифровых ресурсов не свидетельствует об улучшении государственного управления. Электронная услуга может сохранять сложную административную процедуру, предусматривать многочисленные действия пользователя, требовать предоставления документов, уже имеющихся у государства, либо дублировать функции других информационных систем. Таким образом, предметом оценки должен становиться не факт цифровизации, а ее результат для человека и государственного управления.

В систему показателей целесообразно включить фактическое сокращение срока получения государственной услуги; снижение прямых и косвенных расходов заявителя; сокращение количества требуемых документов и административных действий; долю услуг, оказываемых проактивно; доступность сервисов для лиц с инвалидностью и других категорий населения; уровень удовлетворенности пользователей; качество и достоверность государственных данных; устойчивость государственных информационных систем; количество технических ошибок и сроки их устранения; уровень межведомственной интеграции; долю процедур, не требующих повторного предоставления гражданином уже имеющихся у государства сведений.

Подобная система показателей способна переориентировать государственные органы с достижения формальных показателей цифровизации на получение измеримого социального и управленческого результата.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что развитие электронного правительства в Республике Узбекистан представляет собой последовательную трансформацию правовой модели государственного управления.

На первом этапе – в 1991–2003 годах – были сформированы правовые и инфраструктурные основы информатизации и юридические механизмы электронного взаимодействия.

Второй этап – 2004–2012 годы – характеризовался правовым признанием электронных документов и операций и переходом к интерактивным государственным услугам.

На третьем этапе – в 2013–2019 годах – электронное правительство получило самостоятельное институциональное и законодательное оформление, были сформированы Единый портал, механизмы межведомственного взаимодействия, система государственных услуг и правовые гарантии защиты персональных данных.

Начиная с 2020 года цифровая политика постепенно выходит за пределы классической модели электронного правительства. Предметом цифровизации становится не только государственная услуга, но и сама архитектура государственного управления.

Стратегия «Цифровой Узбекистан – 2030», конституционное закрепление цифровых прав, внедрение принципа Digital by Default и создание Единой интегрированной цифровой платформы свидетельствуют о постепенном переходе к основанной на данных и платформенной модели цифрового государства.

В этой связи дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено не столько на регулирование отдельных информационных технологий, сколько на создание целостной правовой архитектуры цифрового государственного управления.

В ее основе должны находиться качество государственных данных, совместимость информационных систем, принцип однократного предоставления информации, цифровое проектирование административных процедур, прозрачность алгоритмических решений и эффективные механизмы защиты прав граждан.

Международные рейтинги являются важным инструментом сравнительной оценки прогресса, однако не могут выступать конечной целью государственной политики.

Подлинная зрелость цифрового правительства определяется не количеством информационных систем и электронных государственных услуг, а тем, насколько технологии позволяют человеку быстрее, проще, безопаснее и с меньшими административными издержками реализовывать принадлежащие ему права и законные интересы.

Поэтому конечным ориентиром цифровой трансформации должно выступать не создание «более цифрового» государственного аппарата как такового, а формирование человекоцентричного, прозрачного, подотчетного и эффективного цифрового государства.

Использованные источники

1. United Nations Department of Economic and Social Affairs. United Nations E-Government Survey 2024: Accelerating Digital Transformation for Sustainable Development. New York: United Nations, 2024.
2. OECD. 2023 OECD Digital Government Index: Results and Key Findings. Paris: OECD Publishing, 2024.
3. Конституция Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 года (редакция, действовавшая в рассматриваемый период) // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан – LexUZ.
4. Закон Республики Узбекистан от 7 мая 1993 года «Об информатизации» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан – LexUZ.
5. Указ Президента Республики Узбекистан от 30 мая 2002 года № УП-3080 «О дальнейшем развитии компьютеризации и внедрении информационно-коммуникационных технологий» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан – LexUZ.
6. Закон Республики Узбекистан от 11 декабря 2003 года № 560-II «Об информатизации»; Закон Республики Узбекистан от 11 декабря 2003 года № 562-II «Об электронной цифровой подписи» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан – LexUZ.
7. Закон Республики Узбекистан от 29 апреля 2004 года № 611-II «Об электронном документообороте»; Закон Республики Узбекистан от 29 апреля 2004 года № 613-II «Об электронной коммерции»; Закон Республики Узбекистан от 16 декабря 2005 года № ЗРУ-13 «Об электронных платежах» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан – LexUZ.
8. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 23 августа 2007 года № 181 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан – LexUZ.
9. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 30 декабря 2012 года № 378 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан – LexUZ.
10. Постановление Президента Республики Узбекистан от 27 июня 2013 года № ПП-1989 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан – LexUZ.
11. Закон Республики Узбекистан от 9 декабря 2015 года № ЗРУ-395 «Об электронном правительстве» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан – LexUZ.
12. Указ Президента Республики Узбекистан от 12 декабря 2017 года № УП-5278 «О мерах по коренному реформированию национальной системы оказания государственных услуг населению» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан – LexUZ.
13. Закон Республики Узбекистан от 2 июля 2019 года № ЗРУ-547 «О персональных данных» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан – LexUZ.
14. Указ Президента Республики Узбекистан от 5 октября 2020 года № УП-6079 «Об утверждении Стратегии “Цифровой Узбекистан — 2030” и мерах по ее эффективной реализации» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан – LexUZ.
15. Постановление Президента Республики Узбекистан от 22 августа 2022 года № ПП-357 «О мерах по поднятию на новый уровень сферы информационно-коммуникационных технологий в 2022–2023 годах» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан – LexUZ.
16. Закон Республики Узбекистан от 15 апреля 2022 года № ЗРУ-764 «О кибербезопасности»; Закон Республики Узбекистан от 12 октября 2022 года № ЗРУ-793 «Об электронной цифровой подписи» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан – LexUZ.
17. Конституция Республики Узбекистан в новой редакции, принятая на референдуме Республики Узбекистан 30 апреля 2023 года, ст. 31, 33 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан – LexUZ.
18. Указ Президента Республики Узбекистан от 24 мая 2023 года № УП-76 «О мерах по эффективной организации государственного управления в сфере цифровых технологий в рамках административных реформ» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан – LexUZ.
19. Постановление Президента Республики Узбекистан от 14 сентября 2023 года № ПП-308 «О дополнительных мерах по улучшению рейтинга Республики Узбекистан в отчете Организации Объединенных Наций “Исследование электронного правительства”» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан – LexUZ.
20. United Nations E-Government Knowledgebase. Uzbekistan Country Data: 2022–2024; United Nations Department of Economic and Social Affairs. United Nations E-Government Survey 2024. New York: United Nations, 2024.
21. World Bank. GovTech Maturity Index 2025 Update. Washington, D.C.: World Bank, 2025.
22. Постановление Президента Республики Узбекистан от 8 июля 2026 года № ПП-257 «О мерах по дальнейшему развитию системы “Цифровое правительство”» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан – LexUZ.

KRIMINOGEN VAZIYATGA TA'SIR KO'RSATUVCHI INDIKATORLAR MASALASI VA ILMIY ASOSI

IKANOV
Azamat Agzamovich
O‘zbekiston Respublikasi Jamoat xavfsizligi universiteti
Ilmiy-amaliy tadqiqotlar markazi boshlig‘i,
yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori, professor

XOLIQOV
Shuhrat Abduhamidovich
O‘zbekiston Respublikasi Jamoat xavfsizligi universiteti
Ilmiy-amaliy tadqiqotlar markazi bosh ilmiy xodimi,
t.f.f.d.(PhD), dotsent

JUMAYEV
A‘loqul Juraqulovich
O‘zbekiston Respublikasi Jamoat xavfsizligi universiteti
mustaqil izlanuvchisi

Annotatsiya*. Maqolada AL-11325078166 “Kriminogen vaziyatning monitoringini amalga oshirish uchun Toshkent shahrining geoinformatsion xaritasining dasturiy ta'minotini yaratish” mavzusidagi amaliy tadqiqot loyihasi doirasida hududlardagi kriminogen vaziyatga ta'sir ko'rsatuvchi asosiy indikatorlar tizimi va ularni belgilashning ilmiy-nazariy asoslari tahlil qilingan. Shuningdek, indikatorlar tahlili orqali kriminogen holatni oldindan prognoz qilish, xavf-xatarlarni barvaqt aniqlash hamda huquqbuzarliklar profilaktikasi mexanizmlarini takomillashtirish bo'yicha ilmiy asoslangan taklif va tavsiyalar ilgari surilgan.*
Kalit so'zlar: *kriminogen vaziyat, jinoyat, mahalla, huquqbuzarlik, shaxs, muhit, indikator, monitoring.*

Аннотация. *В статье анализируется система основных показателей, влияющих на криминогенную ситуацию в регионах, и научно-теоретические основы их определения в рамках практического научно-исследовательского проекта АЛ-11325078166 «Создание программного обеспечения для геоинформационной карты города Ташкента для мониторинга криминогенной ситуации». Также выдвигаются научно обоснованные предложения и рекомендации по прогнозированию криминогенной ситуации, раннему выявлению рисков и совершенствованию механизмов предотвращения преступности посредством анализа показателей.*
Ключевые слова: *криминогенная ситуация, преступление, махалля, правонарушение, человек, окружающая среда, индикатор, мониторинг.*

Abstract. *This article analyzes the system of key indicators influencing the crime situation in the regions and the scientific and theoretical foundations for their determination within the framework of practical research project AL-11325078166, “Creating Software for a Geoinformation Map of Tashkent to Monitor the Crime Situation” It also offers scientifically sound proposals and recommendations for forecasting the crime situation, early risk detection, and improving crime prevention mechanisms through indicator analysis.*
Keywords: *criminogenic situation, crime, mahalla, offense, person, environment, indicator, monitoring.*

Bugungi kunda mamlakatimizda jinoyatchilikka qarshi kurashish va jinoyatlar sodir etilishining oldini olish bo‘yicha choralar kompleksi **“kriminogen vaziyat”**dan kelib chiqqan holda amalga oshirilishi amaliyoti yo‘lga qo‘yilgan. Mazkur yo‘nalishda ishlar O‘zbekiston Respublikasi Ichki ishlar vazirligi, Bosh prokuratura, Milliy gvardiya tomonidan amaliyotda kriminogen vaziyatdan kelib chiqqan holda hududlarni:

***yashil toifadagi* mahalla** – jinoyat sodir etilmagan mahalla;

***sariq toifadagi* mahalla** – jinoyatlar soni kamaygan yoki barqaror mahalla;

***qizil toifadagi* mahalla** – kriminogen vaziyati og‘ir bo‘lgan va jinoyatlar soni oshgan mahalla toifalariga bo‘lish asosida amalga oshirilmoqda.

> ***Ma’lumot uchun:*** *2026-yilning* ***to‘rt oyi yakuniga ko‘ra****, Respublika bo‘yicha* ***yashil mahallalar*** *– 6 708ta,* ***sariq mahallalar*** *– 1 967ta,* ***qizil mahallalar*** *– 317 tani tashkil qiladi.*

Mazkur faoliyat ilgari amalda jinoyat sodir etilgandan keyin tashkil qilib (postfaktum), ya’ni jinoyatlar oqibatlari bilan kurashishga aylanib qolgan edi. Demak, hududlar “kriminogen vaziyat”ga qarab emas, balki “kriminal vaziyat”ga qarab baholangan.

Vaholanki, *kriminogen vaziyat* – muayyan vaqt ichida hududda jinoyatchilik, uning alohida toifasi va turlarining holati, ularning o‘sishiga ta’sir ko‘rsatuvchi omillar (determinantlar), ya’ni ijtimoiy, iqtisodiy, demografik, geografik sabablar va shart-sharoitlar majmui.

> ***Ma’lumot uchun:*** *“kriminogen” so‘zining lug‘aviy ma’nosi jinoyatchilik sodir etilishiga olib kelishi mumkin bo‘lgan sabab va hodisalarni anglatadi.*

Kriminal vaziyat – muayyan hududda aniq davr mobaynida sodir etilgan jinoyatlarning miqdor va sifat ko‘rsatkichlari majmui, ya’ni jinoyatlar soni, turlari, jinoyat sodir etganlar shaxsi, jinoyat sodir etishga ixtisoslashuv, jinoiy uyushganlik darajasi, residiv va takroriylik, jinoyatchilarning g‘ayriqonuniy va g‘ayriijtimoiy yo‘nalganligi va jinoyatchilikning o‘zi bilan bog‘liq xususiyatlar yig‘indisi [3; 240−270-b.].

Yuqorida keltirilganlar, huquqbuzarliklarning sodir etilishiga doir sabab va shart-sharoitlarni aniqlash va ularni bartaraf etishni baholash mezoni sifatida jinoyatchilik statistikasi qo‘llanilib, huquqbuzarliklar, jumladan jinoyatlar sodir etilishiga imkon berayotgan sabab va shart-sharoitlarning mavjudligi bilan baholanmasligiga olib kelgan.

Natijada, jinoyatchilikni jilovlash bo‘yicha davlat hokimiyati organlari, huquqni muhofaza qiluvchi organlar va jamoatchilikning barcha harakatlari jinoyatning oqibati bilan kurashishga mujassamlashishiga olib kelgan va qo‘llanilayotgan barcha sa’y-harakatlarning samaradorlik darajasi pasayishiga sabab bo‘lgan.

Bu esa, hududlardagi kriminogen vaziyatni baholashning amaldagi mezonlarini tubdan qayta ko‘rib chiqishni, kriminogen vaziyatni baholashda jinoyatchilikka sabab bo‘luvchi asosiy faktorlarning tizimi, ko‘lami va jinoyat sodir etilishiga imkon beruvchi shart-sharoitlar aniqlanishiga doir yangi metodika shakllantirilishini va amaliyotga joriy etilishini taqozo etadi [4; 11−13-b.].

Kriminologiya fanida jinoyatni keltirib chiqaradigan sabablar xususida ko‘plab nazariy va ilmiy konsepsiyalar yaratilgan. Jinoyatchilik sabablari xususidagi turlicha qarashlarni ikki yo‘nalishga (maktabga yoki konsepsiyaga) bo‘lish mumkin. Bular: ijtimoiy yo‘nalish va biologik yo‘nalishlardir [3; 101−107-b.].

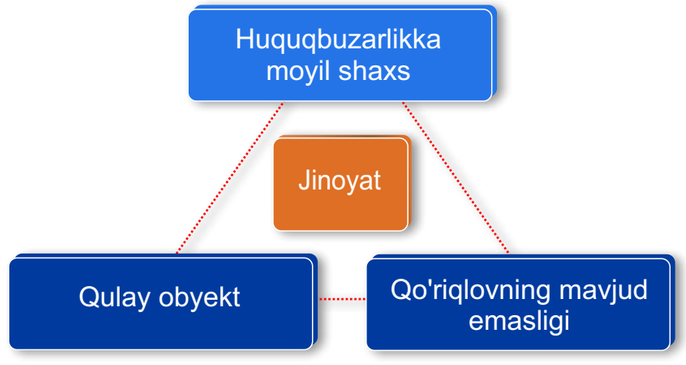
Jinoyatlarning sabablari ijtimoiy jihatlarga bog‘liq deb talqin qiladigan nazariya va qarashlarda (T. Mor, T. Kampanella, D. Veras, J. Mele, T. Sellin, U. Miller, E. Saterlend, R. Klauford, L. Oulin) jamiyatda umumqabul qilingan normalarning buzilishi, ideal tushunchalarning va madaniy qadriyatlarning yo‘qolishi, salbiy madaniy qadriyatlarning kuchayishi jinoyatlarning asosiy sababi sifatida ko‘riladi [1; 52−63-b.].

Jinoyatlarning sabablarini biologik jarayonlarga bog‘laydigan biologik nazariya va qarashlarda (Ch. Lombrozo, M.V. Duxovskaya, A.I. Dolgova va boshq.) inson genidagi xususiyatlar, tug‘ma anomaliya, insondagi ongosti va jinsiy mayllar jinoyatchi shaxsni yetishtirib chiqishi ta’kidlanadi.

Albatta, har ikki yo‘nalishga xos qarashlar, nazariyalar va konsepsiyalarning yutuqlarini e’tirof etish zarur. Biroq, “jinoyat – jinoyatchi” murakkab ijtimoiy biologik hodisa bo‘lganligi bois bir tomonlama yondashmaslik, jinoyatchilikning sabab va

shart-sharoitlarini har tomonlama tahlil qilish maqsadga muvofiq.

Jinoyatchilikning sabablari va uni jilovlash borasida bildirilgan fikrlar hamda hozirgi zamon sharoitidan kelib chiqqan holda aytish mumkinki, huquqbuzarlik uning mavjudligini ta’minlaydigan elementlar, ya’ni: *huquqbuzarlikka moyil shaxs, qulay obyekt* va *qo‘riqlov mavjud emasligi* vaqt va makonda birlashgan holatda jinoyat sodir etilishi mumkin. Ushbu elementlar birlashmasligiga to‘sqinlik qiladigan va muntazam ishlaydigan ijtimoiy, iqtisodiy va tabiiy sharoitlarning yaratilishi huquqbuzarlikning oldini olishning samarali strategiyasi hisoblanadi [5; 23−35-b.]

1-rasm. Kundalik faoliyat nazariyasi

Jinoyatchilikni oldini olishning mazkur modeli amerikalik kriminologlar Markus Felson va Lourens Koen tomonidan ishlab chiqilgan *“Kundalik faoliyat nazariyasi”* (Routine activity theory − Теория повседневной деятельности)ga asoslanadi [4; 65−74-b.].

Metodika tizimli tahlilning indikativ yondashuviga asosan tuzilgan bo‘lib, jinoyatlarning sodir etilishi sabablari, ularga imkon beradigan shart-sharoitlar va tezkor xizmatlarning jinoyat haqidagi xabarlar bo‘yicha harakatlarining tezkorligi, shuningdek, aholining ishonchi kabi yo‘nalishlarga ajratilib, tizimli tarzda ishlab chiqilgan.

> ***Indikativ yondashuv*** *tizimli tahlil usuli bo‘lib, unda murakkab ijtimoiy tizim (hodisa, vaziyat)ning muayyan formallashtirilgan ko‘rsatkichlarini belgilangan indikatorlar tizimi bilan solishtirish orqali monitoringini amalga oshirishdan iborat.*

Umume’tirof etilgan nazariyalarga ko‘ra, jinoyatchilikka qarshi kurashishda uning sabablari hamda jinoyatni sodir etishga imkon bergan shart-sharoitlarni bartaraf etish eng maqbul tashkiliy tadbir (usul) hisoblanadi. Huquqbuzarliklarga qarshi kurashish faqat jinoyatchilikka qarshi kurashish va odil sudlovni amalga oshiruvchi davlat organlari va mansabdor shaxslarning funksiyasi bo‘lmasdan, davlat va jamiyatning barcha institutlari hamda fuqarolarning mas’ulligidagi vazifadir. Bu vazifa huquqbuzarliklarning sabablari va ularning sodir etilishiga imkon bergan shart-sharoitlarni bartaraf etish, sodir etilishidagi ta’sirini kamaytirish orqali bajarilishi mumkin [5; 202−205-b.].

Jinoyat uchun javobgarlikning muqarrarligini ta’minlash, shuningdek huquqni muhofaza qiluvchi organlarning faoliyati huquqbuzarliklarga qarshi kurashishda o‘ziga xos ahamiyat kasb etsa-da, ba’zan huquqbuzarlikdan kelib chiqadigan tanglik holatini bartaraf etishga qodir bo‘lavermaydi. Aksincha, keyingi ko‘ngilsiz holatlarga va davlat organlariga ishonchsizlikni keltirib chiqarishga sabab bo‘lishi mumkin.

Huquqbuzarliklarning sabablari va ularni sodir etishga imkon bergan shart-sharoitlar ta’sirini kamaytirish esa hali jinoyat sodir etilishiga olib kelmagan salbiy ijtimoiy holatni bartaraf etadi hamda jamiyatning huquqbuzarlikka qarshi immunitetini kuchaytiradi.

Metodikaning mohiyati. Huquqbuzarliklarning sabablari va ularni sodir etilishiga imkon bergan shart-sharoitlarni bartaraf etish jinoyatni sodir etishning keng qo‘llaniladigan usullariga, jinoyatchi shaxsiga va jinoiy muhitga qarshi aniq choralar orqali ta’sir etish hamda jinoyat sodir etishga moyil shaxslarga jinoiy maqsadiga erishishga imkon qoldirmaslikni nazarda tutadi. Shu bois metodikaga alohida urg‘u beriladi.

Metodikaning ijobiy jihatlari:

✓ jinoyatchilikning sabablari va ularning sodir etilishiga imkon beruvchi shart-sharoitlarni aniqlab olishga imkon beradi;

✓ aniq sabab va shart-sharoitlarni bartaraf etish bo‘yicha manzilli chora-tadbirlar qo‘llanilishini ta’minlaydi, jinoyat sodir etilishida imkoniyatlarni cheklaydi;

✓ jinoyatchilikni jilovlash bo‘yicha mas’ul sohaviy va hududiy idoralar va xizmatlarning joylardagi faoliyati natijadorligini shaffoflik asosida monitoring qilish imkoniyati yaratiladi;

✓ jinoyatchilikka qarshi kurashish va huquqbuzarliklar profilaktikasini amalga oshirishning aniq yo‘naltirilgan chora-tadbirlar kompleksini yaratish va amalga oshirish yo‘lga qo‘yiladi;

✓ jinoyatchilikni jilovlash bo‘yicha “mahallabay” va “fuqarobay” ishlash mexanizmi samaradorligi va manzilliligi oshadi.

Indikatorlarni hisoblash metodikasi. Monitoring natijalariga ko‘ra, mahalladagi tegishli holatning ko‘rsatkichi tegishli ustunga joylashtirilib, har bir ustundagi ko‘rsatkichga ball beriladi:

Bunda N1–9, N2–8, N3–7, IO1–6, IO2–5, IO3–4, I1–3, I2–2, I3–1.

Jami natijalar: barcha ustundagi ko‘rsatkichlar jamlanib integral natija jadvaliga quyish bilan hududning kriminogen vaziyati tegishli rang bilan baholanadi.

Mazkur indikatorlar bo‘yicha tadqiqotlar Huquqbuzarliklar profilaktikasi va jinoyatchilikka qarshi kurashish bo‘yicha idoralararo komissiya tomonidan tashkil etiladi.

Komissiya tomonidan huquqbuzarliklar sodir etilishining ijtimoiy-iqtisodiy omillari bo‘yicha ma’lumotlar tegishli statistika qo‘mitasidan olinadi, huquqbuzarliklar sodir etilishining psixologik omillari ichki ishlar organlarining psixologlari tomonidan har yili bir marta tegishli hududdagi yosh, jins, kasb kesimida tanlangan shaxslar guruhi o‘rtasida o‘tkaziladigan psixologik so‘rovnoma natijalariga ko‘ra aniqlanadi, huquqbuzarliklar sodir etilishiga imkon berayotgan (yaratayotgan) shart-sharoitlar esa tasdiqlanadigan shakldagi savolnomaning joylardagi profilaktika inspektorlari tomonidan to‘ldirish orqali amalga oshiriladi.

Tezkor xizmatlarning ta’sir ko‘rsatish imkoniyatlari esa noyabr oyi davomida belgilanadigan tartibda sinov tariqasidagi chaqiruvlarni tegishli xizmatlar navbatchilik-dispetcherlik xizmatlariga yuborish orqali amalga oshiriladi.

Hudud aholisining davlat va o‘zini o‘zi boshqarish organlariga munosabati indikatorlari esa “Ijtimoiy fikr” jamoatchilik markazi tomonidan o‘tkaziladigan ijtimoiy so‘rovlar natijasida olinadigan ma’lumotlar asosida to‘ldiriladi.

Mahallalarning kriminogen vaziyat indikatorlari bo‘yicha baholashga qaratilgan tadqiqotlar respublika huquqbuzarliklar profilaktikasi yillik dasturi va byudjet parametrlari ishlab chiqilishidan oldin o‘tkaziladi.

Kriminogen vaziyatga ta’sir ko‘rsatuvchi indikatorlar xilma-xil bo‘lib, ularni ilmiy jihatdan quyidagi yirik guruhlarga ajratish mumkin

Ijtimoiy-iqtisodiy indikatorlar. Bu guruh jinoyatchilikning fundamental sabablarini o‘zida namoyon etadi.

Ishsizlik darajasi. Aholining, ayniqsa yoshlarning bandligi ta’minlanmaganligi mulkiy jinoyatlar (o‘g‘rilik, firibgarlik) o‘sishiga bevosita ta’sir qiladi.

Aholi daromadlarining keskin tabaqalanishi. Kambag‘allik va boylik o‘rtasidagi farqning kattalashishi jamiyatda ijtimoiy norozilik va marginallashuvni keltirib chiqaradi.

Inflyatsiya va yashash minimumi ko‘rsatkichlari. Iqtisodiy inqirozlar va narxlarning oshishi moddiy ehtiyojlarni g‘ayriqonuniy yo‘l bilan qondirishga urinishlarni ko‘paytiradi.

Demografik va migratsion indikatorlar. Aholi tarkibidagi o‘zgarishlar ham kriminogen holatning o‘zgarishiga olib keladi.

Aholi zichligi va urbanizatsiya. Yirik shaharlarda aholi zichligining yuqoriligi ijtimoiy nazoratning susayishiga (anonimlik ta’siriga) va jinoyatchilikning ortishiga sabab bo‘ladi.

Ichki va tashqi migratsiya. Doimiy yashash joyi va daromad manbaiga ega bo‘lmagan migrantlar

ko‘pincha ham jinoyat subyektiga, ham uning qurboniga (viktimizatsiya) aylanishi ehtimoli yuqori.

Yosh tarkibi. Statistika shuni ko‘rsatadiki, jinoyatlarning aksariyat qismi 18-35 yoshlilar tomonidan sodir etiladi. Bu qatlam ulushining ortishi kriminogen xavfni oshirishi mumkin.

Ijtimoiy-psixologik va madaniy indikatorlar:

Oila instituti inqirozi. Ajrimlar sonining ortishi, to‘liqsiz oilalarda tarbiyalanayotgan voyaga yetmaganlar o‘rtasida nazoratsizlikning kelib chiqishi.

Alkogolizm va giyohvandlik darajasi. Zo‘ravonlik va bezorilik jinoyatlarining katta qismi aynan mastlik yoki qaramlik holatida sodir etiladi.

Huquqiy nigilizm. Aholi o‘rtasida qonunlarga hurmatsizlik va ularni chetlab o‘tishga moyillikning mavjudligi.

Institutsional-huquqiy indikatorlar:

Huquqni muhofaza qiluvchi organlar faoliyatining samaradorligi va tezkorligi.

Jinoyat uchun jazo muqarrarligi prinsipining amalda ta’minlanishi.

Korrupsiya darajasi va aholining davlat organlariga bo‘lgan ishonchi.

Kriminogen indikatorlarni tahlil qilish o‘ziga xos ilmiy metodologiyaga tayanadi. Uning asosi quyidagi omillarni matematik, statistik va sotsiologik tahlil qilishdan iborat:

Kvantitativ (miqdoriy) tahlil. Jinoyatchilik koeffitsiyentini hisoblash (har 10 000 yoki 100 000 aholiga nisbatan sodir etilgan jinoyatlar soni). Shuningdek, turli jinoyat turlarining umumiy jinoyatchilik tarkibidagi salmog‘ini (masalan, kiberjinoyatlarning ulushi ortishi) o‘lchash.

Spatio-temporal (hududiy-vaqt) tahlil. Geografik axborot tizimlari (GIS) yordamida jinoyat o‘choqlarini xaritaga tushirish va vaqt kesimida (mavsumiy, kunlik) tahlil qilish.

Korrelyatsion tahlil. Iqtisodiy ko‘rsatkichlar (masalan, ishsizlik) va jinoyatchilik ko‘rsatkichlari o‘rtasidagi bog‘liqlikni empirik va ekonometrik modellar yordamida isbotlash.

Kriminogen vaziyatni nazorat qilishda geoinformatsion tizimlardan (GIT) foydalanish bo‘yicha olib borilgan mahalliy va xalqaro ilmiy adabiyotlar tahlili shuni ko‘rsatadiki, GIT bugungi kunda jinoyatchilikni faqat qayd etish vositasi emas, balki uni tahlil qilish, prognoz qilish va boshqarish uchun muhim ilmiy-amaliy platformaga aylangan.

Xalqaro tajriba, xususan Arthur Getis va J. Keith Ord ishlab chiqqan Getis-Ord Gi* kabi metodlar, shuningdek, Michael F. Goodchild tomonidan rivojlantirilgan GISciyence yondashuvlari jinoyatchilikning fazoviy-vaqtinchalik tarqalishini aniqlashda ilmiy asos bo‘lib xizmat qilmoqda. Bu yondashuvlar jinoyatlarning “hot spots” (jinoyat o‘choqlari) hududlarini aniqlash va resurslarni optimal taqsimlash imkonini beradi.

Mahalliy ilmiy adabiyotlar tahlili esa GIS texnologiyalarining huquqni muhofaza qilish tizimida bosqichma-bosqich joriy etilayotganini, ammo fazoviy statistika va prognoz modellaridan foydalanish darajasi hali to‘liq rivojlanmaganini ko‘rsatadi. Ko‘plab tadqiqotlar asosan tavsifiy xaritalash darajasida qolib, ilg‘or tahliliy va prognozli (predictive) yondashuvlar yetarlicha qo‘llanilmayotgani ma’lum bo‘ladi.

Umuman olganda, GIT asosidagi kriminogen vaziyatni tahlil qilish tizimlari quyidagi yo‘nalishlarda katta ilmiy va amaliy ahamiyatga ega:

- jinoyatchilikning fazoviy qonuniyatlarini aniqlash;
- xavf yuqori hududlarni prognoz qilish;
- huquqni muhofaza qilish resurslarini samarali boshqarish;
- oldini olish (preventiv) choralarini kuchaytirish.

Shu bilan birga, kelajakda ilmiy tadqiqotlar uchun quyidagi yo‘nalishlar dolzarb bo‘lib qoladi: mashinaviy o‘rganish algoritmlarini GIT bilan integratsiya qilish, real vaqt ma’lumotlari asosida ishlaydigan tizimlarni rivojlantirish hamda ijtimoiy-iqtisodiy omillarni fazoviy modellashtirishga kengroq jalb etish.

Xulosa qilib aytganda, GIT texnologiyalari kriminologiyada tahliliy va prognoz yondashuvni shakllantiruvchi asosiy vositalardan biri bo‘lib, ularning ilmiy-metodik asoslarini rivojlantirish huquqni muhofaza qilish samaradorligini sezilarli darajada oshiradi.

Kriminogen vaziyatni nazorat qilishda geoinformatsion tizimlardan foydalanishning nazariy asoslarini takomillashtirish maqsadida quyidagi chora-tadbirlarni amalga oshirish maqsadga muvofiq:

1. Kriminogen vaziyatning monitoringini amalga oshirishda geoinformatsion tizimlardan foyda-

lanish bo‘yicha ichki ishlar organlari xodimlari va Milliy gvardiya harbiy xizmatchi (xodim)larini o‘qitish bo‘yicha maxsus o‘quv kursi dasturi loyihasini tayyorlash.

2. O‘quv kursi dasturiga asoslangan “Kriminogen vaziyatning monitoringini amalga oshirishda geoinformatsion tizimlardan foydalanish” o‘quv qo‘llanma loyihasini ishlab chiqish.

3. Oliy ta’lim muassasalari o‘quv rejalariga kiritilgan “Kriminologiya” fani darsligiga kriminologiya fani predmeti sifatida “Fazoviy kriminologiya” (“Qaynoq nuqtalar nazariyasi”ga asosangan holda) yo‘nalishida alohida bob kiritish, shuningdek mazkur sohada falsafa doktori va fan doktori dissertatsiya tadqiqotlarini olib borish.

4. Jinoyatlarning lokalizatsiyasi (joyi), vaqti va ularni sodir etish ehtimoli mavjud bo‘lgan subyektlarni ma’lumotlar va algoritmlar asosida oldindan aniqlash imkonini beruvchi “Jinoyatlar prognozi” (Predictive Policing) konsepsiyasini ishlab chiqish va amaliyotga joriy etish.

5. Ichki ishlar vazirligi tomonidan joylarda kriminogen vaziyatni baholash va shundan kelib chiqib kuch-vositalarni boshqarish amaliyotida geoinformasion tizimlardan foydalanish. Bunda:

– jamoat joylari va aholi turar joylarda jinoyatchilik holatini kriminologik geoaxborot tahlili (Crime map) uslubida o‘rganish;

– “jinoyat o‘choqlari”ni aniqlashda atrof-muhit auditini (CPTED) amalga oshirib borish.

Foydalanilgan manbalar

1. Ломброзо Ч. Преступный человек (L'Uomo Delinquente). — М.: Инфра-М, 2005;
2. Cohen L.E., Felson M. Social Change and Crime Rate Trends: A Routine Activity Approach // American Sociological Review. – 1979. – Vol. 44. – No. 4. – P. 588–608.
3. Долгова А.И. Криминология. — М.: Норма, 2010;, 1008 b.
4. Духовская М.В. Криминология и предупреждение преступности. — М.: Юристъ, 2008.
5. Perry W.L., McInnis B., Price C.C., Smith S.C., Hollywood J.S., Bashoratli politsiya faoliyati: Huquqni muhofaza qilish operatsiyalarida jinoyatlarni prognoz qilishning o'rni (Predictive Policing), Santa Monika, “RAND Corporation” nashriyoti, 2013, 174 b.
6. Felson M., Boba R., Jinoyatchilik va kundalik hayot (Crime and Everyday Life), Los Anjeles, “SAGE” nashriyoti, 2010, 296 b.
7. Chainey S., Ratcliffe J., GIS va jinoyatlar xaritasini tuzish (GIS and Crime Mapping), London, “John Wiley & Sons” nashriyoti, 2013, 442 b.
8. Chainey S., Tompson L., Uhlig S., Jinoyatlarning fazoviy qonuniyatlarini bashorat qilishda qaynoq nuqtalar (hot spots) xaritasining foydaliligi, “Security Journal” jurnali, 2008, 21-son, 4-28 b.
9. Goodchild M.F., Fuqarolar sensor sifatida: ixtiyoriy geografiya olami (Citizens as sensors: the world of volunteered geography), “GeoJournal” jurnali, 2007, 69-son, 211-221 b.
10. Mohler G.O., Short M.B., Brantingham P.J., Schoenberg F.C., Tita G.E., Bashoratli politsiya faoliyatining tasodifiy nazorat qilinadigan dala sinovlari (Randomized Controlled Field Trials of Predictive Policing), “Journal of the American Statistical Association” jurnali, 2015, 110-son, 1399-1411 b.
11. Anselin L., Rey S.J., Fazoviy tahlil va geoinformatsion tizimlar (Spatial Analysis and GIS), “Geographical Analysis” jurnali, 2010, 42-son, 276-292 b.

AYOLLAR VA BOLALARGA NISBATAN RAQAMLI ZO‘RAVONLIKKA QARSHI KURASHISH MILLIY MEXANIZMLARINI TAKOMILLASHTIRISHNING AYRIM JIHATLARI: AQSH TAJRIBASI MISOLIDA

ASQAROV
Mirzoxid Mirjalol o‘g‘li
O‘zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti bosh ilmiy xodimi, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

VALIJONOVA
Gulyuz Muzaffar qizi
Amerika Qo‘shma Shtatlari Kolorado shtati universiteti, mustaqil tadqiqotchi

Annotatsiya*. Maqolada ayollar va bolalarga nisbatan raqamli zo‘ravonlikka qarshi kurashishda AQSHda qo‘llanilayotgan huquqiy, institutsional va profilaktik mexanizmlarni O‘zbekiston sharoitida qo‘llash masalalari tahlil qilingan. Tahlil natijasida xorijiy tajribani to‘g‘ridan-to‘g‘ri ko‘chirish emas, balki uni milliy qonunchilik, mavjud institutlar va huquqni qo‘llash amaliyotiga funksional moslashtirish zarurati asoslantirilgan. O‘zbekistonda raqamli platformalar majburiyatlarini belgilash, raqamli dalillarni saqlash, idoralararo hamkorlikni kuchaytirish va yangi mexanizmlar natijadorligini mustaqil baholashga doir takliflar ishlab chiqilgan.*
Kalit so‘zlar: *raqamli zo‘ravonlik, roziliksiz intim tasvir, raqamli platforma, bolalarning onlayn jinsiy ekspluatatsiyasi, himoya orderi, elektron monitoring, idoralararo hamkorlik, faol guvoh aralashuvi.*

Аннотация*. В статье анализируются вопросы адаптации к условиям Узбекистана правовых, институциональных и профилактических механизмов противодействия цифровому насилию в отношении женщин и детей, применяемых в Соединённых Штатах Америки. Обоснована необходимость не прямого заимствования зарубежного опыта, а его функциональной адаптации к национальному законодательству, действующим институтам и правоприменительной практике. Разработаны предложения по определению обязанностей цифровых платформ, сохранению цифровых доказательств, усилению межведомственного взаимодействия и независимой оценке эффективности внедряемых механизмов.*
Ключевые слова: *цифровое насилие, интимные изображения без согласия, цифровая платформа, онлайн-сексуальная эксплуатация детей, защитный ордер, электронный мониторинг, межведомственное взаимодействие, вмешательство активных свидетелей.*

Abstract. *The article examines the adaptation to the legal and institutional system of Uzbekistan of selected legal, institutional and preventive mechanisms used in the United States to combat digital violence against women and children. The study argues that foreign mechanisms should not be directly transplanted but functionally adapted to national legislation, existing institutions and law-enforcement practice. Proposals are developed concerning the legal duties of digital platforms, preservation of digital evidence, stronger interagency coordination and independent evaluation of the effectiveness of newly introduced measures.*
Keywords: *digital violence, non-consensual intimate imagery, digital platform, online child sexual exploitation, protection order, electronic monitoring, interagency cooperation, active bystander intervention.*

Insonning sha'ni va qadr-qimmati, shaxsiy hayoti, jinsiy daxlsizligi hamda xavfsizligi raqamli muhitda ham to'liq huquqiy muhofaza qilinishi lozim. O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi inson sha'ni va qadr-qimmatini daxlsiz deb e'tirof etadi, oila, xotin-qizlar va bolalar huquqlarini davlat o'z muhofazasiga oladi [1]. Mazkur konstitutsiyaviy talablar zo'ravonlikka qarshi kurashishni faqat sodir etilgan qilmish uchun javobgarlik belgilash bilan cheklamasdan, jabrlanuvchini tezkor himoya qilish, takroriy xavfni barvaqt aniqlash va buzilgan huquqlarni tiklashni ham nazarda tutadi.

So'nggi yillarda mamlakatimizda xotin-qizlar va bolalarni tazyiq hamda zo'ravonlikdan himoya qilishning huquqiy asoslari sezilarli darajada takomillashtirildi. O'zbekiston Respublikasining "Xotin-qizlarni tazyiq va zo'ravonlikdan himoya qilish to'g'risida"gi qonunida ta'qib etish, himoya orderi, yakka tartibdagi profilaktika va jabrlanuvchiga yordam ko'rsatish mexanizmlari mustahkamlangan [2]. 2023-yilda oilaviy (maishiy) zo'ravonlik uchun ma'muriy va jinoiy javobgarlik kuchaytirildi [3]. "Bolalarni zo'ravonlikning barcha shakllaridan himoya qilish to'g'risida"gi qonun Internet va telekommunikatsiya tarmoqlari orqali sodir etiladigan zo'ravonlikni ham huquqiy muhofaza doirasiga kiritdi [4]. 2026–2030-yillarga mo'ljallangan strategiyada esa bolalarga nisbatan zo'ravonlik holatlarini raqamli hisobga olish, monitoring qilish va idoralararo muvofiqlashtirishni kuchaytirish vazifalari belgilandi [5].

Shu bilan birga, texnologiyalar vositasida sodir etiladigan zo'ravonlikning tez tarqalishi, materiallarning cheksiz nusxalanishi, huquqbuzarning masofadan turib nazorat va tahdid o'tkazish imkoniyati an'anaviy huquqiy choralarning tezkorligini qayta ko'rib chiqishni taqozo etmoqda. BMTning tegishli tuzilmalari raqamli zo'ravonlikka qarshi kurashishda huquqiy javobgarlik, platformalar mas'uliyati, jabrlanuvchiga yo'naltirilgan xizmatlar va ishonchli ma'lumotlar tizimi birgalikda ishlashi lozimligini ta'kidlaydi [6].

Mavzuga oid adabiyotlar tahlili. Mamlakatimizda ilmiy nuqtayi nazardan viktimologik profilaktika jabrlanuvchining xavfsizligini ta'minlash, uning takroriy jabrlanish ehtimolini kamaytirish va buzilgan huquqlarini tiklashga qaratilgan kompleks faoliyat sifatida o'rganilgan. S.S. Niyozova zo'rlik ishlatib sodir etiladigan jinoyatlar profilaktikasini huquqiy, tashkiliy va ijtimoiy choralar uyg'unligida takomillashtirish zaruratini asoslaydi [7]. M.X. Rustambayev va S.S. Niyozova viktimologik choralar jabrlanuvchining o'ziga xos xususiyatlari, xavf darajasi va individual ehtiyojlariga muvofiqlashtirilishi kerakligini qayd etadi [8]. A.A. Olimov esa kiberjinoyatchilikka qarshi kurashishda elektron dalillarning yaxlitligini ta'minlash, maxsus tuzilmalar va idoralararo hamkorlikni rivojlantirishni ustuvor vazifa sifatida ko'rsatgan [9].

Mavzu bo'yicha xorijiy tajribaga murojaat qilinganda ayrim mexanizmlarning tashqi ko'rinishi emas, balki ularning ishlash sharti, huquqiy kafolatlari, ilmiy dalillar bazasi va milliy tizimga mosligi baholanishi kerak. Masalan, intim tasvirlarni 48 soat ichida kontentni olib tashlash tartibi faqat muddat emas, balki murojaatni qabul qilish, tasdiqlash, dalilni saqlash, nusxalarni aniqlash va shikoyat qilishdan iborat protsessual zanjirdir. Elektron monitoring xavfni baholash, sud nazorati va murojaatga tezkor javob tizimi bilan birgalikda samara beradi.

Tadqiqotning maqsadi. AQSHda raqamli va oilaviy zo'ravonlikning oldini olish va unga qarshi kurashda qo'llanilayotgan asosiy mexanizmlarning huquqiy mazmuni va ilmiy samaradorligini tahlil qilish, cheklovlarini aniqlash hamda O'zbekiston uchun huquqiy jihatdan mutanosib, institutsional jihatdan amalga oshiriladigan va natijasi o'lchanadigan milliy model yuzasidan taklif va tavsiyalarni ishlab chiqishdan iborat.

Tadqiqot materiallarini 2019–2026-yillarda qabul qilingan O'zbekiston Respublikasining xotin-qizlar va bolalarni zo'ravonlikdan himoya qilish, axborotlashtirish, shaxsga doir ma'lumotlarni muhofaza qilish va ijtimoiy xizmatlar ko'rsatishga oid normativ-huquqiy hujjatlar; AQSHning TAKE IT DOWN Act, REPORT Act va VAWA doirasidagi rasmiy materiallari; NCMEC, Federal savdo komissiyasi va AQSH Adliya vazirligining ochiq ma'lumotlari; elektron monitoring va faol guvoh aralashuviga oid empirik tadqiqotlar tashkil etdi.

Tadqiqot metodologiyasi. Tadqiqotda formal-yuridik usul orqali huquqiy normalarning mazmuni, qiyosiy-huquqiy usul orqali AQSH va

O'zbekiston mexanizmlarining funksional o'xshash va farqli jihatlari, tizimli tahlil orqali huquqiy, ijtimoiy va texnologik choralarning o'zaro bog'liqligi o'rganildi. Tanqidiy manba tahlili har bir empirik natijaning tadqiqot obyekti, hajmi va xulosa chiqarish imkoniyatini tekshirish uchun qo'llanildi.

Xorijiy mexanizmni milliy tizimga moslashtirish quyidagi besh mezon asosida baholandi:

birinchidan, amaldagi milliy qonunchilik bilan muvofiqligi;

ikkinchidan, jabrlanuvchining huquqlari va shaxsiy hayot daxlsizligiga rioya qilinishi;

uchinchidan, mas'ul subyekt va ijro tartibining aniqligi;

to'rtinchidan, texnik va moliyaviy amalga oshirish imkoniyati;

beshinchidan, natijani ishonchli ko'rsatkichlar orqali baholash mumkinligi.

Maqolaning "natijalar" qismida xorijiy mexanizmlarning aniq mazmuni va ilmiy dalillari, "muhokama" qismida esa ularni O'zbekiston huquqiy maktabi, milliy institutlar va huquqni qo'llash amaliyotiga moslashtirish yo'llari bayon etildi.

1. Shaxsning roziligisiz intim tasvirlarni tezkor olib tashlash mexanizmi. O'zbekiston Respublikasining "Axborotlashtirish to'g'risida"gi qonuni axborot resurslari egalari va veb-saytlar faoliyatiga oid umumiy majburiyatlarni belgilaydi, shuningdek qonunga xilof axborotdan foydalanishga yo'l qo'ymaslikni talab qiladi [10]. "Shaxsga doir ma'lumotlar to'g'risida"gi qonun shaxsga doir ma'lumotlarni roziliksiz tarqatmaslik, ishlov berish maqsadiga rioya qilish va muayyan hollarda ma'lumotlarni yo'q qilish majburiyatlarini nazarda tutadi [11]. Biroq, ushbu umumiy normalar shaxsning roziligisiz intim tasvirlarni, jumladan sun'iy intellekt vositasida yaratilgan soxta tasvirlarni tezkor olib tashlashning maxsus protsessual tartibini belgilamaydi.

AQSHda 2025-yil 19-mayda qabul qilingan TAKE IT DOWN qonuni shaxsning roziligisiz haqiqiy yoki sun'iy yaratilgan intim vizual tasvirlarni qasddan tarqatganlik uchun jinoiy javobgarlik belgiladi. Qonunning platformalar uchun murojaat qilish va kontentni olib tashlash mexanizmiga oid talabi 2026-yil 19-maydan kuchga kirdi. Unga ko'ra, qamrab olingan raqamli platformalar haqiqiy murojaat olinganidan keyin tasvirni hamda ma'lum bo'lgan bir xil nusxalarini 48 soat ichida olib tashlashi shart [12].

Mazkur mexanizmning ahamiyati, jinoiy javobgarlikdan tashqari, aniq ijro zanjiri yaratilganidadir. Unda jabrlanuvchining murojaat qilish imkoniyati, materialni aniq ko'rsatish, platformaning qaror qabul qilish muddati, bir xil nusxalarni topish, murojaat holatini kuzatish va nazorat organiga shikoyat qilish kabi elementlar birlashtirilgan.

Shu bilan birga, bunday mexanizmni milliy qonunchilikka kiritishda yolg'on murojaat, qonuniy jurnalistik yoki sud materiallarining asossiz o'chirilishi, kontent egasining e'tiroz bildirish huquqi va dalillarning yo'qolib ketishi kabi xavflar hisobga olinishi lozim. Shu sababli "o'chirish"dan oldin raqamli dalilning xavfsiz nusxasini saqlash va qaror ustidan mustaqil shikoyat qilish imkoniyati nazarda tutilishi shart.

2. Bolalarning onlayn jinsiy ekspluatatsiyasi to'g'risida majburiy xabar berish. AQSHning REPORT qonuni elektron xizmat ko'rsatuvchilarning NCMEC (National Center for Missing & Exploited Children) CyberTipline tizimiga xabar berish majburiyatini bolani onlayn jinsiy maqsadda jalb qilish va bolalar jinsiy savdosi kabi qilmishlargacha kengaytirdi, xabarni avtomat tarzda saqlash muddatini bir yilga uzaytirdi va platforma egalari tomonidan qasddan xabar bermaganlik uchun javobgarlikni kuchaytirdi [13]. Natijada, NCMECning hisobotiga ko'ra, bolalar jinsiy savdosi bilan bog'liq CyberTipline xabarlari 2024-yildagi 26 823 tadan 2025-yilda 113 530 taga yetgan, ya'ni 323 foizga oshgan [14]. Mazkur o'sishni jinoyatning shunchaga ko'payishi sifatida bir yoqlama talqin qilish kerak emas. U majburiy xabar berish doirasining kengayishi, platformalarning muvofiqligi va ilgari yashirin qolgan holatlarning rasmiy tizimga kirishi bilan ham izohlanadi.

O'zbekiston Respublikasining O'RQ-996-son qonuni va O'zbekiston Respublikasi Prezidentining PF-256-son farmoni bilan bolalarga nisbatan zo'ravonlik holatlari haqida xabar berish, raqamli hisob va idoralararo hamkorlik uchun umumiy asoslar yaratilgan [4; 5]. Tahlil va natijalar yangi parallel portal tuzishdan ko'ra, mavjud milliy raqamli tizimga bolalarning jinsiy ekspluatatsiyasiga oid materiallar (CSAM), onlayn ishonchga kirish, jinsiy tovlamachilik va bolalar savdosi

bo‘yicha maxsus modul qo‘shish maqsadga muvofiqligini ko‘rsatdi.

Yana bir muhim masala, bizningcha, platformaga tergov funksiyasi yuklanmasligi kerak. U aniqlangan fayl, akkaunt, vaqt, IP manzil, raqamli identifikator va mavjud xavf belgilarini xavfsiz kanal orqali taqdim etadi. Materialni huquqiy kvalifikatsiya qilish, bolaning bevosita xavf ostida ekanini baholash va ishni tegishli organga yo‘naltirish vakolatli davlat organining vazifasi bo‘lib qoladi.

3. Muvofiqlashtirilgan jamoaviy munosabat va jabrlanuvchiga hamrohlik. O‘zbekistonda tazyiq va zo‘ravonlikdan jabrlangan xotin-qizlar hamda ularning farzandlariga “Inson” ijtimoiy xizmatlar markazlari orqali ijtimoiy, psixologik va huquqiy xizmatlar ko‘rsatish tartibi shakllangan [15]. Biroq, raqamli zo‘ravonlik holatida jabrlanuvchi ichki ishlar organi, ijtimoiy xizmat, raqamli platforma, advokat va sud bilan alohida-alohida muloqot qilishiga to‘g‘ri kelishi mumkin.

AQSHda VAWA (Violence Against Women Act) modeli politsiya, prokuratura, sud, tibbiyot, boshpana markazlari, jabrlanuvchiga yordam ko‘rsatuvchi tashkilotlar va boshqa subyektlarni muvofiqlashtirilgan jamoaviy munosabatga birlashtiradi [16]. Bu modeldagi “victim advocate” bizning tizimdagi advokat emas; u jabrlanuvchiga jarayonni tushuntiradi, xavfsizlik rejasini tuzishga ko‘maklashadi, idoralar o‘rtasida ishning uzilib qolmasligini nazorat qiladi va zarur xizmatlarga yo‘naltiradi.

Tahlil va natijalar O‘zbekiston uchun yangi parallel kasb yoki organ yaratishdan ko‘ra, yuqori xavfli ishlar bo‘yicha “Inson” markazi tizimida ishni muvofiqlashtiruvchi mutaxassis – keys-menejerni belgilash maqsadga muvofiqligini ko‘rsatdi. U birinchi murojaatni qabul qilgan organ xodimidan tashkiliy jihatdan mustaqil bo‘lishi, jabrlanuvchining roziligi asosida huquqiy, ijtimoiy, psixologik va raqamli xavfsizlik choralarini bir rejaga birlashtirishi lozim.

4. Himoya orderi ijrosini elektron monitoring orqali ta’minlash. Elektron monitoringda huquqbuzarning harakati GPS qurilmasi orqali kuzatiladi va jabrlanuvchining uyi, ish joyi, ta’lim muassasasi yoki boshqa xavfsiz hududlar atrofida taqiqlangan zona belgilanadi. Nazorat ostidagi shaxs mazkur hududga yaqinlashganda monitoring markaziga va zarur holda jabrlanuvchiga ogohlantirish yuboriladi.

Padgett, Bales va Blomberg Floridada uy qamog‘i va nazorat ostida bo‘lgan 75 661 nafar shaxs ma’lumotlarini tahlil qilib, elektron monitoring ayrim nazorat buzilishlari, yangi jinoyat va nazoratdan qochish ehtimolini kamaytirish bilan bog‘liq ekanini ko‘rsatgan [17]. Biroq, ushbu tadqiqot faqat oilaviy zo‘ravonlik sodir etgan shaxslarga nisbatan amalga oshirilmagan. Shu bois uning natijasini oilaviy zo‘ravonlik bilan bog‘liq aniq foizli samara sifatida ko‘rsatish ilmiy jihatdan to‘g‘ri emas.

Elektron monitoring bo‘yicha sharhlar natijalarning huquqbuzar toifasi, nazorat sifati, qurilmaning ishonchliligi, signalga javob tezligi va boshqalar bilan bog‘liqligini ko‘rsatadi [18]. Demak, GPS qurilmasi mustaqil himoya vositasi emas, balki xavfni erta aniqlash va tezkor harakat qilish tizimining texnik qismi hisoblanadi.

O‘zbekistonda himoya orderi doirasida jabrlanuvchi bilan aloqani va muayyan joylarga yaqinlashishni cheklash imkoniyati mavjud [2]. Elektron monitoring ushbu mavjud huquqiy cheklovni texnik ta’minlash vositasi sifatida, faqat sud qarori, tasdiqlangan xavfni baholash, aniq muddat va ma’lumotlar xavfsizligi kafolatlari bilan qo‘llanilishi mumkin.

5. Faol guvoh aralashuvi modeli. AQSHda Green Dot dasturida zo‘ravonlikning oldini olish faqat jabrlanuvchi va huquqbuzar o‘rtasidagi munosabat sifatida emas, balki atrofdagi uchinchi shaxslarning xavfsiz aralashuvi orqali ijtimoiy normalarni o‘zgartirish jarayoni sifatida keltiriladi. Dasturda bevosita aralashish, mas’ul shaxsni jalb qilish, vaziyatni chalg‘itish va hodisadan keyin yordam berish usullari o‘rgatiladi.

Coker boshchiligidagi hammualliflar o‘tkazgan tadqiqotda 2 504 nafar talaba ishtirok etgan. Green Dot ta’siriga duch kelgan talabalar faol guvoh harakatlarini ko‘proq qayd etgan va zo‘ravonlikni oqlovchi qarashlarni kamroq qabul qilgan [19].

Keyingi 26 ta maktabda besh yil davomida o‘tkazilgan klaster randomizatsiyalangan tadqiqot ham faol guvoh aralashuvining munosabatlar doirasidagi zo‘ravonlikni kamaytirish imkoniyatini kuchliroq asosladi [20; 21].

Bizningcha, O‘zbekistonda mazkur dasturni aynan nomi va shakli bilan ko‘chirish emas, balki uning tamoyillarini mahalla va oliy ta’lim jarayoniga moslashtirish lozim. Milliy modelda ustuvor yo‘nalishlar sifatida oliy ta’lim muassasalari talabalari ishtirokida ijtimoiy tarmoqlardagi kamsitish, intim tasvir talab qilish, soxta akkaunt orqali ta’qib qilish, majburan uchrashuvga chaqirish, jabrlanuvchini ayblash va vakolatli shaxsga xabar berish holatlarini qamrab olishi mumkin.

1. Xorijiy tajribani ko‘chirish emas, funksional moslashtirish zarurati. AQSH mexanizmlarining har biri alohida muammoni hal qilishga qaratilgan. TAKE IT DOWN Act kontentni platformadan tezkor olib tashlashga, REPORT Act platforma egalarining vakolatli organlarga tezkor xabar berish majburiyatiga, VAWA idoralararo hamkorlikka, GPS xavfni texnik nazorat qilishga, Green Dot esa ijtimoiy normalarni o‘zgartirishga xizmat qiladi. Ularga bir-birining o‘rnini bosuvchi choralar emas, balki turli bosqichlarda ishlaydigan o‘zaro bog‘liq vositalar sifatida qarash kerak.

Mamlakatimiz olimlari ham o‘z tadqiqotlarida yuqoridagi kabi kompleks yondashuvga zarurat mavjudligini tasdiqlaydilar.

Jumladan, Z.Ibroximova oilaviy zo‘ravonlik uchun javobgarlikni takomillashtirishda himoya orderi, jabrlanuvchilar doirasi va zo‘ravonlik usullarini huquqiy jihatdan aniqlashtirish zarur, degan fikrni ilgari suradi [22]. V.T. Turabov zo‘ravonlik holatlarida dalillarni to‘plash, jabrlanuvchi bilan muloqot qilish ko‘nikmalari va huquqni muhofaza qiluvchi organlar hamkorligini kuchaytirishni muhim deb hisoblaydi [23]. O.A. Xamidov milliy qonunchilikdagi himoya orderi va gender tengligi mexanizmlarini kompleks ravishda qo‘llash kerakligiga urg‘u beradi [24].

Shu nuqtayi nazardan, xorijiy normani so‘zma-so‘z ko‘chirish milliy tizimda huquqiy kolliziya, funksiyalarning takrorlanishi yoki ijro mexanizmining ishlamasligiga olib kelishi mumkin. Funksional moslashtirish esa avval milliy tizimda mavjud institutni aniqlanib, xorijiy tajriba qaysi yetishmayotgan elementni to‘ldirishini belgilashdan boshlanadi.

2. O‘zbekiston uchun “tezkor himoya” modelining mohiyati. Tadqiqot natijalari asosida “tezkor himoya” modeli taklif etiladi. Model jabrlanuvchining birinchi murojaatidan boshlab platformadan kontentni, ya’ni intim tasvirni olib tashlash, dalillarni saqlash, xavfni baholash, idoralararo yordam va natijani baholashgacha bo‘lgan uzluksiz zanjirni qamrab oladi. Bunda mazkur jarayon quyidagicha tashkil etilishi mumkin.

Birinchi yo‘nalish – huquqiy aniqlik. Jinoyat qonunchiligida shaxsning roziligisiz haqiqiy yoki sun’iy yaratilgan intim tasvirni tarqatish, boshqa shaxsga berish yoxud tarqatish bilan tahdid qilganlik uchun javobgarlik belgilash maqsadga muvofiq. Qonunchilikda tasvirni yaratish, saqlash va tarqatishga roziliknig har biri alohida ekanligi, bir shaxsga yuborilgan materialni boshqalarga berishga roziliknі anglatmasligi mustahkamlanishi lozim.

Ikkinchi yo‘nalish – platformaga tezkor murojaat. “Axborotlashtirish to‘g‘risida”gi qonunda qamrab olingan raqamli platformalar uchun elektron murojaat qilish shakli, materialdan foydalanishni vaqtincha cheklash tartibi, 48 soat ichida qaror qabul qilish, ma’lum bir xil nusxalarni aniqlash, raqamli dalilni saqlash, murojaatchiga natija haqida xabar berish va qaror ustidan shikoyat qilish tartibi belgilanishi mumkin.

Uchinchi yo‘nalish – bolalarni onlayn himoya qilish. O‘zbekiston Respublikasining O‘RQ-996-son qonuni va O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining PF-256-son farmoni doirasida shakllanayotgan raqamli tizimga platforma egalari tomonidan vakolatli idoralarga CSAM, jinsiy tovlamachilik va bolalar savdosi to‘g‘risida xabar berishga oid modul qo‘shilishi lozim. Xabarga kiritiladigan texnik ma’lumotlar, taqdim etish muddati, dalilni saqlash va shoshilinch xavfni saralash mezonlari alohida nizom bilan belgilanishi kerak.

To‘rtinchi yo‘nalish – yuqori xavfni boshqarish. Himoya orderi talablarini takroran buzgan, o‘ldirish yoki og‘ir shikast yetkazish bilan tahdid qilgan, qurol bilan qo‘rqitish yoxud jabrlanuvchini uzoq vaqt ta’qib qilgan shaxslarga nisbatan sud qarori bilan muayyan muddatga elektron monitoring piloti o‘tkazilishi mumkin. Jabrlanuvchining geolokatsiyasi maxfiy saqlanishi, signalga javob berish vaqti va texnik xatolarni ko‘rib chiqish tartibi oldindan belgilanishi shart.

Beshinchi yo‘nalish – jabrlanuvchiga hamrohlik. “Inson” markazida yuqori xavfga ega zo‘ravonlik holatlari uchun keys-menejer belgilanib, u ichki ishlar organi, tibbiyot, psixologik xizmat, advokat va raqamli platforma bilan aloqani muvofiqlashtirishi kerak. Birinchi murojaatni qabul qilish protokoli xodimning jabrlanuvchini ayblamasligi, shoshilinch xavfni baholashi, skrinshot, havola, akkaunt identifikatori va boshqa elektron dalillarni saqlashni tushuntirishini nazarda tutishi lozim.

Oltinchi yo‘nalish – profilaktik muhit. Ta’lim muassasalari va mahallalar uchun faol guvoh aralashuvi moduli ishlab chiqilib, u raqamli ta’qib, ijtimoiy tarmoqlardagi kamsitish, intim tasvir talab qilish kabi holatlarga mos ssenariylarni qamrab olishi kerak.

Yettinchi yo‘nalish – ma’lumot va mustaqil baholash. Mavjud elektron hisob tizimlariga doksing, onlayn ta’qib, shaxsning roziligisiz intim tasvir tarqatish, sun’iy intellekt asosida yaratilgan intim tasvir, jinsiy tovlamachilik va raqamli majburiy nazorat uchun alohida klassifikatorlar kiritilishi lozim. Har bir chora boshlanishidan avval bazaviy ko‘rsatkichlar belgilanib, keyin pilot va qiyosiy hududlarda takroriy zo‘ravonlik, javob vaqti, himoya orderi buzilishi, jabrlanuvchining xavfsizlik hissi va davlat organlariga nisbatan ishonchi bo‘yicha “oldin va keyin” metodi bo‘yicha baholash o‘tkazilishi kerak.

Tadqiqot AQSH tajribasida raqamli va oilaviy zo‘ravonlikka qarshi yagona universal vosita mavjud emasligini, samarali yechim huquqiy javobgarlikni takomillashtirish, platformalar uchun muayyan majburiyatlarni yuklash, idoralararo hamkorlikni to‘g‘ri tashkil etish, xavfni texnik nazorat qilish, jamoatchilik profilaktikasi va mustaqil baholashning birgalikda ishlashiga bog‘liqligini ko‘rsatdi.

O‘zbekistonda xotin-qizlar va bolalarni zo‘ravonlikdan himoya qilish, himoya orderi, raqamli hisob, shaxsga doir ma’lumotlarni muhofaza qilish va ijtimoiy xizmatlar ko‘rsatish bo‘yicha zarur bazaviy institutlar mavjud. Shu sababli asosiy vazifa xorijiy modellarni ko‘chirish emas, balki mavjud institutlarga yetishmayotgan protsessual, texnologik va baholash elementlarini qo‘shishdan iborat.

Yuqoridagilar asosida quyidagi takliflar ilgari suriladi:

1) jinoyat qonunchiligida shaxsning roziligisiz haqiqiy yoki sun’iy intellekt vositasida yaratilgan intim tasvirni tarqatish, boshqa shaxsga berish va tarqatish bilan tahdid qilish uchun javobgarlik belgilash;

2) qonunchilikda tasvirni yaratish, saqlash va tarqatishga rozilikning har biri mustaqil ekanligi hamda muayyan shaxsga yuborish uni uchinchi shaxslarga tarqatishga rozilikni anglatmasligi mustahkamlanishi;

3) “Axborotlashtirish to‘g‘risida”gi qonunda raqamli platformalarga murojaat qilish mexanizmi, 48 soat ichida tasvirni o‘chirish yoki o‘chirmaslik to‘g‘risida qaror qabul qilish, ma’lum bir xil nusxalarni olib tashlash, dalillarni xavfsiz saqlash va shikoyat qilish tartibini belgilash;

4) bolalarni himoya qilish bo‘yicha mavjud raqamli tizimda CSAM, jinsiy tovlamachilik va bolalar savdosi haqida platformalarning majburiy xabar berish modulini yaratish;

5) himoya orderining huquqbuzarning jabrlanuvchiga yaqinlashishini taqiqlovchi talabini sud qarori asosida elektron monitoring orqali nazorat qilish bo‘yicha pilot loyiha o‘tkazish;

6) “Inson” markazlarida tashkiliy jihatdan mustaqil keys-menejer lavozimini joriy etish va “Raqamli tazyiq haqida birinchi murojaatni qabul qilish protokoli”ni ishlab chiqish;

7) oliy ta’lim muassasalari, texnikumlar va mahallalar uchun milliy muayyan ssenariylarga asoslangan zo‘ravonlik holatlarida faol guvoh aralashuvi profilaktik dasturini sinovdan o‘tkazish;

Faol guvoh aralashuvi *– zo‘ravonlik yoki tazyiq holatini kuzatgan shaxsning jabrlanuvchi xavfsizligini ta’minlash va huquqbuzarlik oqibatlarini kamaytirishga qaratilgan harakatlarini anglatadi. U, odatda, quyidagi to‘rt usulda amalga oshiriladi:*

1. Bevosita aralashish – vaziyat xavfsiz bo‘lgan taqdirda huquqbuzarga harakatini to‘xtatishni aytish, jabrlanuvchidan yordamga muhtoj yoki muhtoj emasligini so‘rash yoxud tazyiqqa nisbatan ochiq munosabat bildirish.

2. Boshqa shaxsni jalb qilish – guvohning o‘zi aralasha olmagan holda o‘qituvchi, qo‘riqchi, psixolog, rahbar, ichki ishlar xodimi yoki boshqa vakolatli shaxsga xabar berishi.

3. Chalg‘itish – huquqbuzar bilan to‘g‘ridan-to‘g‘ri qarama-qarshilikka kirishmasdan, suhbat mavzusini o‘zgartirish, jabrlanuvchini boshqa bahona bilan vaziyatdan olib chiqish yoki hodisaning davom etishiga to‘sqinlik qilish.

4. Keyingi yordam – hodisa vaqtida aralashish imkoni bo‘lmagan taqdirda, keyinchalik jabrlanuvchini qo‘llab-quvvatlash, dalillarni saqlashga yordam berish, murojaat qilish tartibini tushuntirish va tegishli xizmatlarga hamrohlik qilish.

Mazkur usullar guvohdan xavfli to‘qnashuvga kirishishni emas, vaziyatga mos va xavfsiz chorani tanlashni talab qiladi.

8) yagona elektron hisob tizimiga raqamli zo‘ravonlikning alohida klassifikatorlarini kiritish hamda har ikki yoki uch yilda milliy reprezentativ viktimologik so‘rov o‘tkazish.

Biz tomonimizdan taklif etilayotgan model qonun matnining mukammalligini emas, jabrlanuvchining birinchi murojaatidan boshlab uning xavfsizligi to‘liq ta’minlanguniga qadar tizimning qanchalik tez, muvofiqlashgan va natijador ishlashini asosiy mezon sifatida belgilaydi.

Foydalanilgan manbalar

1. O‘zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi. https://lex.uz/docs/6445145. (murojaat qilingan sana: 13.07.2026-yil).
2. O‘zbekiston Respublikasining 2019-yil 2-sentyabrdagi “Xotin-qizlarni tazyiq va zo‘ravonlikdan himoya qilish to‘g‘risida”gi O‘RQ-561-son qonuni. https://lex.uz/docs/4494709. (Elektron manbaga murojaat qilingan sana: 13.07.2026-yil).
3. O‘zbekiston Respublikasining 2023-yil 11-apreldagi “Xotin-qizlar va bolalar huquqlari, erkinliklari hamda qonuniy manfaatlarini ishonchli himoya qilish tizimi yanada takomillashtirilishi munosabati bilan O‘zbekiston Respublikasining ayrim qonun hujjatlariga o‘zgartish va qo‘shimchalar kiritish to‘g‘risida”gi O‘RQ-829-son qonuni. https://lex.uz/docs/6430272. (murojaat qilingan sana: 14.07.2026-yil).
4. O‘zbekiston Respublikasining 2024-yil 14-noyabrdagi “Bolalarni zo‘ravonlikning barcha shakllaridan himoya qilish to‘g‘risida”gi O‘RQ-996-son qonuni. https://lex.uz/docs/7219502. (murojaat qilingan sana: 15.07.2026-yil).
5. O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining 2025-yil 24-dekabrdagi “2026–2030-yillarga mo‘ljallangan Bolalarni zo‘ravonlikning barcha shakllaridan himoya qilish strategiyasini tasdiqlash to‘g‘risida”gi PF-256-son farmoni. https://lex.uz/docs/7938806. (murojaat qilingan sana: 15.07.2026-yil).
6. UN Women. Accelerating efforts to tackle online and technology-facilitated violence against women and girls. – New York, 2022. https://www.unwomen. org/en/digital-library/publications/2022/10/accelerating-efforts-to-tackle-online-and-technology-facilitated-violence-against-women-and-girls (murojaat qilingan sana: 15.07.2026-yil).
7. Niyozova S.S. Shaxsga qarshi zo‘rlik ishlatib sodir etiladigan jinoyatlarning viktimologik profilaktikasi: Yurid. fan. d-ri ... dis. avtoref. – Toshkent, 2020. – 72 b. https://tsul.uz/files/avtoreferat/niyozova_s.pdf. (murojaat qilingan sana: 15.07.2026-yil).
8. Rustambayev M.X., Niyozova S.S. Viktimologiya. Umumiy qism: Darslik. – Toshkent: O‘zbekiston Respublikasi Jamoat xavfsizligi universiteti, 2021. – 239 b.
9. Olimov A.A. Kiberjinoyatchilikka qarshi kurashishning tashkiliy-huquqiy asoslari va ularni takomillashtirish masalalari: milliy va xorijiy tajriba. Magistrlik dissertatsiyasi. – Toshkent: O‘zbekiston Respublikasi Bosh prokuraturasi Akademiyasi, 2020. – 102 b. (Elektron manbaga murojaat qilingan sana: 15.07.2026-yil).
10. O‘zbekiston Respublikasining 2003-yil 11-dekabrda qabul qilingan “Axborotlashtirish to‘g‘risida”gi 560-II-son qonuni. https://lex.uz/docs/83472. (murojaat qilingan sana: 21.07.2026-yil).
11. O‘zbekiston Respublikasining “Shaxsga doir ma’lumotlar to‘g‘risida” 2019-yil 2-iyuldagi O‘RQ-547-son qonuni. https://lex.uz/docs/4396419. (murojaat qilingan sana: 22.07.2026-yil).
12. Tools to Address Known Exploitation by Immobilizing Technological Deepfakes on Websites and Networks Act (TAKE IT DOWN Act), Public Law 119–12, 19 May 2025; Federal Trade Commission. Complying With the Take It Down Act. https://www.ftc.gov/business-guidance/resources/complying-take-it-down-act. (murojaat qilingan sana: 22.07.2026-yil).
13. Revising Existing Procedures On Reporting via Technology Act (REPORT Act), Public Law 118–59, 7 May 2024. https://www.govinfo.gov/app/details/PLAW-118publ59. (murojaat qilingan sana: 22.07.2026-y).
14. National Center for Missing & Exploited Children. CyberTipline Data, 2025. https://ncmec.org/cybertiplinedata. (murojaat qilingan sana: 23.07.2026-yil).

15. O‘zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining “Tazyiq va zo‘ravonlikka uchragan xotin-qizlar va ularning voyaga yetmagan farzandlariga ijtimoiy xizmat ko‘rsatishning ma’muriy reglamentini tasdiqlash to‘g‘risida” 2024-yil 25-iyundagi 354-son qarori. https://lex.uz/docs /6982043. (murojaat qilingan sana: 24.07.2026-yil).
16. U.S. Department of Justice, Office on Violence Against Women. Office on Violence Against Women: Mission and coordinated community response. https://www.justice.gov/ovw. (murojaat qilingan sana: 24.07.2026 yil).
17. Padgett K.G., Bales W.D., Blomberg T.G. Under Surveillance: An Empirical Test of the Effectiveness and Consequences of Electronic Monitoring // Criminology & Public Policy. – 2006. – Vol. 5, No. 1. – P. 61–91. (murojaat qilingan sana: 24.07.2026-yil).
18. Belur J., Thornton A., Tompson L., Manning M., Sidebottom A., Bowers K. A systematic review of the effectiveness of the electronic monitoring of offenders // Journal of Criminal Justice. – 2020. – Vol. 68. – Article 101686. (murojaat qilingan sana: 24.07.2026-yil).
19. Coker A.L., Cook-Craig P.G., Williams C.M., Fisher B.S., Clear E.R., Garcia L.S., Hegge L.M. Evaluation of Green Dot: An active bystander intervention to reduce sexual violence on college campuses // Violence Against Women. – 2011. – Vol. 17, No. 6. – P. 777–796. DOI: 10.1177/1077801211410264. (murojaat qilingan sana: 24.07.2026-yil).
20. Coker A.L., Bush H.M., Fisher B.S., Swan S.C., Williams C.M., Clear E.R., DeGue S. Multi-College Bystander Intervention Evaluation for Violence Prevention // American Journal of Preventive Medicine. – 2016. – Vol. 50, No. 3. – P. 295–302. (lektron manbaga murojaat qilingan sana: 24.07.2026-yil).
21. Coker A.L., Bush H.M., Cook-Craig P.G., DeGue S.A., Clear E.R., Brancato C.J., Fisher B.S., Recktenwald E.A. RCT Testing Bystander Effectiveness to Reduce Violence // American Journal of Preventive Medicine. – 2017. – Vol. 52, No. 5. – P. 566–578. DOI: 10.1016/j.amepre.2017.01.020. (murojaat qilingan sana: 24.07.2026-yil).
22. Ibroximova Z. Oilaviy (maishiy) zo‘ravonlik uchun jinoiy javobgarlik va uni takomillashtirishning ayrim masalalari // Jamiyat va innovatsiyalar. – 2024. – J. 5. – № 4. – B. 155–160. DOI: 10.47689/2181-1415-vol5-iss4-pp155-160. (murojaat qilingan sana: 24.07.2026-yil).
23. Turabov V.T. Oilaviy zo‘ravonlikka qarshi kurash – dolzarb muammolardan biri sifatida // Innovative Development in Educational Activities. – 2023. – Vol. 2, No. 18. – B. 110–114. DOI: 10.5281/zenodo.8394514. (murojaat qilingan sana: 25.07.2026-yil).
24. Xamidov O.A. O‘zbekistonda oilaviy (maishiy) zo‘ravonlikka qarshi kurashishning huquqiy holati // Eurasian Journal of Law, Finance and Applied Sciences. – 2023. – Vol. 3. – No.8. – B. 38–42. DOI: 10.5281/zenodo.8227731. (murojaat qilingan sana: 25.07.2026-yil).

ИНТЕРНЕТ ВЕЩЕЙ (INTERNET OF THINGS): КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ, АРХИТЕКТУРНЫЕ МОДЕЛИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ГАЛЛЯМОВ
Марсель Габтулхаевич
Правоохранительная академия Республики Узбекистан,
НИИ цифровой криминалистики,
старший прокурор-криминалист

Аннотация. *Настоящая статья посвящена комплексному анализу концепции Интернета вещей (IoT) как одного из ключевых направлений цифровой трансформации современного общества. В работе рассматриваются теоретические основы IoT, его архитектурные модели, сферы применения, а также социальные, технологические и правовые вызовы, связанные с масштабным внедрением данной технологии. На основе проведённого анализа установлено, что IoT представляет собой не просто технологическую платформу, но и системообразующий фактор интеграции физической, цифровой и виртуальной среды. Выявлены ключевые проблемы стандартизации, безопасности данных и социальной адаптации, требующие системного решения на уровне научного сообщества и государственных институтов.*
Ключевые слова: *Интернет вещей, IoT, цифровая трансформация, умные устройства, архитектура IoT, безопасность данных, стандартизация, промышленная автоматизация, умный город.*

Annotatsiya. *Ushbu maqola zamonaviy jamiyatning raqamli transformatsiyasidagi eng muhim yo'nalishlardan biri sifatida Narsalar interneti (IoT) konsepsiyasini kompleks tahlil qilishga bag'ishlangan. Maqolada IoT ning nazariy asoslari, uning arxitektura modellari, qo'llanilish sohalari, shuningdek ushbu texnologiyani keng miqyosda joriy etish bilan bog'liq ijtimoiy, texnologik va huquqiy muammolar ko'rib chiqiladi. O'tkazilgan tahlil asosida IoT nafaqat texnologik platforma, balki fizik, raqamli va virtual muhitni integratsiya qiluvchi tizim hosil etuvchi omil ekanligi aniqlandi. Standartlashtirish, ma'lumotlar xavfsizligi va ijtimoiy moslashuv sohasidagi asosiy muammolar aniqlanib, ular ilmiy hamjamiyat va davlat institutlari darajasida tizimli yechimni talab etadi.*
Kalit so'zlar: *Narsalar interneti, IoT, raqamli transformatsiya, aqlli qurilmalar, IoT arxitekturasi, ma'lumotlar xavfsizligi, standartlashtirish, sanoat avtomatizatsiyasi, aqlli shahar.*

Abstract. *This article is devoted to a comprehensive analysis of the Internet of Things (IoT) concept as one of the key directions of digital transformation in modern society. The paper examines the theoretical foundations of IoT, its architectural models, areas of application, as well as the social, technological and legal challenges associated with the large-scale implementation of this technology. Based on the analysis conducted, it has been established that IoT represents not merely a technological platform, but also a system-forming factor in the integration of physical, digital and virtual environments. Key problems of standardization, data security and social adaptation have been identified, requiring systemic solutions at the level of the scientific community and state institutions.*
Keywords: *Internet of Things, IoT, digital transformation, smart devices, IoT architecture, data security, standardization, industrial automation, smart city.*

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий в XXI в. обусловило формирование принципиально новой технологической парадигмы, в рамках которой физические объекты окружающего мира приобретают способность взаимодействовать между собой и с человеком посредством глобальных сетей передачи данных. Данная концепция, получившая название «Интернет вещей» (Internet of Things, IoT), сегодня является одним из наиболее динамично развивающихся направлений в сфере

информационных технологий и цифровой экономики. Термин «Internet of Things» был введён в научный оборот Кевином Эштоном в 1999 году в контексте разработок в области радиочастотной идентификации (RFID), однако широкое концептуальное и практическое распространение данная идея получила значительно позже с развитием беспроводных сенсорных сетей, облачных вычислений и технологий обработки больших данных [12]. По своей сути IoT представляет собой экосистему взаимосвязанных физических устройств, транспортных средств, бытовых приборов и иных объектов, оснащённых встроенными датчиками, программным обеспечением и средствами связи, обеспечивающими сбор и обмен данными в режиме реального времени [12].

Масштаб данного явления сложно переоценить: по прогнозам исследовательских организаций, количество подключённых к сети устройств в мире в ближайшее десятилетие исчислялось и будет исчисляться десятками миллиардов единиц, что кардинально меняет облик современного производства, городской среды, медицины, сельского хозяйства и повседневной жизни человека. В условиях активной цифровизации экономики Республики Узбекистан, осуществляемой в рамках стратегических программ развития цифровой инфраструктуры, IoT приобретает особое значение как инструмент повышения эффективности производственных процессов, оптимизации ресурсопотребления и создания «умных» систем управления [1]. Именно поэтому научное осмысление концептуальных основ, архитектурных моделей и социально-технологических последствий внедрения Интернета вещей представляется актуальной и практически значимой задачей. Целью настоящей статьи является систематизация и критический анализ существующих подходов к определению, классификации и оценке IoT-технологий в контексте глобальных тенденций цифровой трансформации.

Методологическую основу настоящего исследования составляет системный анализ научных публикаций, посвящённых теоретическим и прикладным аспектам Интернета вещей. Среди фундаментальных зарубежных работ особое место занимает исследование Бандьопадхьяя и Сена, рассматривающее IoT как совокупность технологий, обеспечивающих уникальную идентификацию и связь физических объектов, и систематизирующее вызовы стандартизации в данной области [9]. Кумар, Тивари и Зымблер в своём обзорном исследовании указывают на революционный характер IoT для будущего технологического развития и классифицируют ключевые области применения данной технологии, выделяя умные города, здравоохранение, логистику и промышленность в качестве приоритетных сфер [7]. Зигфрид и Амангельдиев анализируют концептуальный аппарат IoT и выявляют основные практические барьеры для его масштабного внедрения, среди которых особую роль играют проблемы энергопотребления встроенных устройств, ограниченности вычислительных ресурсов и гетерогенности используемых стандартов [8]. Ходадади, Дастджерди и Байя рассматривают IoT как интегрированную архитектурную систему, охватывающую уровни восприятия, передачи и обработки данных, и формируют его обобщённую понятийную модель [13]. Элхудр, Шахрестани и Чёнг акцентируют внимание на проблемах интероперабельности, управления и безопасности, которые приобретают критическое значение по мере роста числа подключённых устройств и расширения спектра обрабатываемых персональных данных [11].

В русскоязычной научной литературе значительный вклад в разработку архитектурной проблематики IoT внесли Росляков и Кирьяков, предложившие систематизированный обзор эталонных архитектурных моделей и обосновавшие необходимость их унификации на международном уровне [6]. Юдина рассматривает социальное измерение IoT, указывая на необходимость социальной экспертизы внедряемых технологий с учётом их воздействия на приватность граждан, трудовые отношения и характер социальных взаимодействий [5]. Ходенкова концептуализирует Интернет вещей как системный фактор интеграции физической, цифровой и виртуальной среды обитания человека, подчёркивая его онтологическое значение для трансформации пространства жизнедеятельности [4].

В узбекоязычном и отечественном научном дискурсе А. Кудратов исследует IoT как инструмент оптимизации сельскохозяйственного производства и приходит к выводу о значительном потенциале данной технологии для повышения урожайности и рационального использования водных ресурсов в условиях Центральной Азии [1]. Карабаев, Маматкулов и Якубов систематизируют технологические компоненты IoT и анализируют их применение в производственных процессах, указывая на необходимость интеграции IoT-решений с существующими автоматизированными системами управления [2]. Сабирова рассматривает роль IoT в процессах цифровой трансформации отечественных предприятий с позиций маркетинга и управления, выявляя прямую зависимость конкурентоспособности организаций от степени их технологической готовности к работе в условиях подключённой экономики [3]. Наконец, в исследовании по безопасности баз данных рассматриваются механизмы защиты информационных систем, в том числе применительно к IoT-инфраструктуре, что представляет особую ценность в контексте угроз несанкционированного доступа к данным, генерируемым подключёнными устройствами [10]. Проведённый анализ литературы позволяет констатировать, что современное исследовательское поле IoT характеризуется как активным технологическим поиском, так и нарастающим вниманием к социальным, правовым и экономическим аспектам данного явления.

На основе проведённого анализа научной литературы представляется возможным сформулировать ряд ключевых выводов относительно природы, архитектуры и перспектив Интернета вещей. Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что IoT не является монолитной технологией: это сложная многоуровневая экосистема, объединяющая аппаратные компоненты (сенсоры, актуаторы, микроконтроллеры), программное обеспечение промежуточного слоя, коммуникационные протоколы и прикладные платформы [13]. Архитектурные исследования, проведённые Росляковым и Кирьяковым, убедительно демонстрируют, что на сегодняшний день в научном сообществе и в индустрии не выработано единой эталонной архитектурной модели IoT [6]. Существуют различные подходы трёхуровневые, пятиуровневые и туманные вычислительные архитектуры (fog computing), каждый из которых имеет свои преимущества и ограничения в зависимости от конкретного контекста применения. Данное разнообразие является одновременно и свидетельством динамизма технологического развития, и источником серьёзных проблем для практической реализации IoT-проектов.

Сфера применения IoT охватывает сегодня практически все отрасли человеческой деятельности. В сельском хозяйстве, как показывает Кудратов, внедрение IoT-решений позволяет осуществлять точное земледелие мониторинг влажности почвы, автоматическое управление ирригационными системами, дистанционный контроль состояния посевов что ведёт к существенному снижению ресурсных затрат при сохранении или повышении уровня урожайности [1]. В промышленности IoT формирует основу четвёртой промышленной революции (Industry 4.0), обеспечивая непрерывный мониторинг производственного оборудования, предиктивное техническое обслуживание и интеграцию производственных цепочек в единое информационное пространство [2]. В медицине IoT открывает возможности для удалённого мониторинга пациентов, автоматизированного сбора и анализа физиологических данных, управления медикаментозным лечением и создания «умных» больниц. В концепции умного города IoT обеспечивает интеграцию систем освещения, транспорта, водоснабжения, управления отходами и общественной безопасности в единую управляемую платформу [7]. Cabirova, рассматривая IoT через призму маркетинга и бизнес-трансформации, убедительно показывает, что компании, инвестирующие в IoT-инфраструктуру, получают значимые конкурентные преимущества благодаря способности принимать управленческие решения на основе данных в режиме реального времени [3].

Вместе с тем масштабное внедрение IoT порождает комплекс серьёзных вызовов, игнорирование которых может дискредитировать саму идею «связанного мира». Проблема безопасности данных занимает центральное место в данном ряду. Элхудр и соавторы убедительно обосновывают, что рост числа подключённых устройств экспоненциально расширяет поверхность атаки для злоумышленников, тогда как ограниченность вычислительных ресурсов большинства IoT-устройств существенно затрудняет применение полноценных криптографических механизмов защиты [11]. Исследование по безопасности баз данных дополнительно акцентирует внимание на уязвимостях, возникающих при хранении и обработке массивов данных, генерируемых IoT-устройствами [10]. Социальное измерение проблематики IoT исследуется Юдиной, которая обращает внимание на то, что повсеместное распространение «умных» устройств, способных непрерывно собирать данные о поведении, перемещении и физиологическом состоянии людей, создаёт принципиально новые риски для приватности и информационного суверенитета личности [5].

Ходенкова, в свою очередь, рассматривает более глубокое измерение данной проблемы: IoT не просто собирает данные о человеке, но и трансформирует само пространство его существования, стирая границы между физическим и цифровым мирами, что влечёт за собой необходимость переосмысления фундаментальных правовых и этических категорий [4]. Отдельного внимания заслуживает проблема стандартизации. Бандьопадхьяй и Сен в своей ранней, но не утратившей актуальности работе указывают на отсутствие универсальных стандартов идентификации, коммуникационных протоколов и форматов данных в экосистеме IoT как на ключевое препятствие для его гармоничного развития [9]. Данная проблема актуальна и для Узбекистана, где нормативно-правовая база в сфере IoT находится в стадии формирования. Зигфрид и Амангельдиев в своём исследовании, примечательном уже самим фактом участия исследователя с центральноазиатской фамилией в международной публикации, фиксируют, что проблема фрагментации стандартов и протоколов остаётся одним из наиболее острых вызовов для глобального рынка IoT [8].

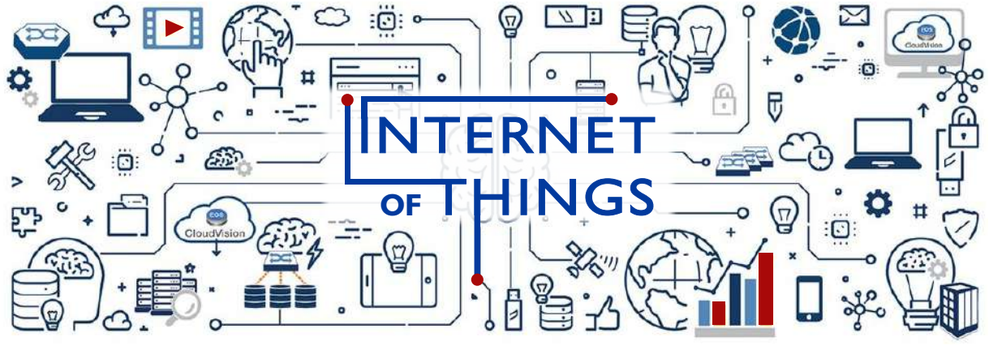
Анализируя перспективы развития IoT, необходимо отметить конвергентный характер данной технологии: её дальнейшее развитие органично связано с прогрессом в области искусственного интеллекта, больших данных, 5G/6G-коммуникаций и квантовых вычислений. Именно синергия этих технологий создаёт основу для следующего поколения IoT-систем, способных не просто собирать и передавать данные, но и осуществлять их интеллектуальную обработку непосредственно на уровне устройств (edge computing) [7]. Для Узбекистана и в целом для стран Центральной Азии развитие IoT-технологий является стратегическим приоритетом, который должен реализовываться с учётом как технологических возможностей, так и специфики правовой среды, уровня цифровой грамотности населения и особенностей национальной инфраструктуры.

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов. Интернет вещей представляет собой комплексную технологическую парадигму, кардинально трансформирующую взаимодействие человека с окружающей средой путём наделения физических объектов способностью к коммуникации и обмену данными. Анализ научной литературы демонстрирует, что IoT обладает значительным потенциалом для оптимизации производственных процессов, повышения качества жизни и создания новых форм социально-экономической организации. Вместе с тем масштабное внедрение данной технологии сопряжено с серьёзными вызовами в сфере безопасности данных, стандартизации протоколов, защиты приватности и обеспечения социальной справедливости в условиях цифрового неравенства. Архитектурное разнообразие IoT-решений, с одной стороны, обеспечивает гибкость их применения, с другой затрудняет системную интеграцию и создаёт предпосылки для появления изолированных технологических «островов». Для преодоления данных противоречий необходима координированная

работа научного сообщества, государственных органов и бизнес-структур по выработке единых стандартов, правовых норм и механизмов контроля за IoT-инфраструктурой. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется изучение специфики адаптации IoT-решений к условиям развивающихся экономик, в частности к реалиям цифровой трансформации Узбекистана, а также разработка методических основ социальной экспертизы IoT-проектов с целью минимизации рисков их негативного воздействия на права и свободы граждан.

Использованные источники

1. Kudratov A. Internet of Things as a Tool for Optimizing Processes in Agriculture // Modern Science and Research. – 2023. – № 6. – P. 306–311. – URL: https://inlibrary.uz/index.php/science-research/article/view/21273
2. Karabayev I.T., Mamatkulov T.Ch., Yakubov B.M. IoT (Internet of Things) texnologiyalari va ularning ishlab chiqarish jarayonlarida qo'llanilishi // Muhandislik va iqtisodiyot. – 2025. – № 6. – P. 74–79. – DOI: 10.5281/zenodo.15635049. – URL: https://muhandislik-iqtisodiyot.uz/index.php/journal/article/view/699
3. Sabirova D.A. Internet of Things (IoT) texnologiyalarining raqamli transformatsiya jarayonlaridagi ahamiyati // Marketing Journal. – 2026. – Vol. 5. – P. 102–108. – URL: https://marketingjournal.uz/index.php/mj/article/view/1006
4. Ходенкова Е.В. Internet of Things as a Systemic Factor of Integration of Physical, Digital and Virtual Human Environment // Манускрипт. – 2018. – № 10. – С. 84–89. – DOI: 10.30853/manuscript.2018-10.18. – URL: https://www.gramota.net/en/article/mns20180918/fulltext
5. Юдина М.В. Интернет вещей: проблемы социальной экспертизы // Цифровая социология. – 2017. – Т. 5, № 2. – С. 50–67. – DOI: 10.21453/2311-3065-2017-5-2-50-67. –URL:https://www.researchgate.net/publication/332901506
6. Росляков А.В., Кирьяков А.А. Интернет вещей: обзор эталонных архитектурных моделей // Инфокоммуникационные технологии. – 2021. – Т. 19, № 4. – С. 382–395. –DOI:10.18469/ikt.2021.19.4.01. – URL: https://journals.eco-vector.com/2073-3909/article/view/112232
7. Kumar S., Tiwari P., Zymbler M. Internet of Things is a Revolutionary Approach for Future Technology Enhancement: A Review // Journal of Big Data. – 2019. – Vol. 6. – Article 111. – P. 1–21. – DOI: 10.1186/s40537-019-0268-2. – URL: https://journalofbigdata.springeropen.com/articles/10.1186/s40537-019-0268-2
8. Siegfried P., Amangeldiyev N. The Concepts, Applications, and Challenges of the Internet of Things // IT Journal Research and Development. – 2022. – Vol. 6, No. 2. – P. 95–108. – DOI: 10.25299/itjrd.2022.9110. – URL: https://journal.uir.ac.id/index.php/ITJRD/article/view/9110
9. Bandyopadhyay D., Sen J. Internet of Things: Applications and Challenges in Technology and Standardization // Wireless Personal Communications. – 2011. – Vol. 58, No. 1. – P. 49–69. – URL: https://arxiv.org/abs/1105.1693
10. Маълумотлар базасида хавфсизлик ва химоя механизмлари // Замонавий илм-фан ва тадқиқотлар: муаммо ва ечимлар. – 2025. – Т. 2, № 5. – С. 134–136. – URL: https://innoworld.net/index.php/ziftmy/article/view/1524
11. Elkhodr M., Shahrestani S., Cheung H. The Internet of Things: New Interoperability, Management and Security Challenges // International Journal of Network Security & Its Applications. – 2016. – Vol. 8, No. 2. – P. 85–102. – URL: https://arxiv.org/abs/1604.04824
12. Khodadadi F., Dastjerdi A.V., Buyya R. Internet of Things: An Overview // Internet of Things: Principles and Paradigms. – Amsterdam: Elsevier, 2017. – P. 3–27. – URL: https://arxiv.org/abs/1703.06409

KIBERFIRIBGARLIK: ZAMONAVIY SHAKLLARI, IJTIMOIY-MUHANDISLIK MEXANIZMLARI VA UNGA QARSHI KURASHISHNING KRIMINOLOGIK CHORALARI

XAMIDOV
Asilbek Alisher o‘g‘li
Kriminologiya tadqiqot instituti
ilmiy xodim-tadqiqotchisi

Annotatsiya. *Maqolada raqamli iqtisodiyot va axborot-kommunikatsiya texnologiyalarining jadal rivojlanishi sharoitida kiberfiribgarlikning zamonaviy kriminologik xususiyatlari, uning ijtimoiy, iqtisodiy va huquqiy oqibatlari hamda transmilliy jinoyatchilik tizimidagi o'rni kompleks tahlil qilinadi. Kiberfiribgarlikning an’anaviy firibgarlikdan farqli jihatlari, uning anonimlik, masofaviylik, transchegaraviylik, yuqori latentlik, masshtablilik va raqamli izlarga asoslangan xususiyatlari yoritiladi.*
Kalit so'zlar: *kiberfiribgarlik, kiberjinoyatchilik, raqamli jinoyatchilik, ijtimoiy muhandislik, fishing, spear-phishing, smishing, vishing, Business Email Compromise, karding, kriptofiribgarlik, sun’iy intellekt, deepfake, QR-kod firibgarligi, raqamli kriminalistika, kiberxavfsizlik, moliyaviy firibgarlik, transmilliy jinoyatchilik, raqamli gigiyena, kiberprofilaktika.*

Аннотация. *В статье проводится комплексный анализ современных криминологических особенностей кибермошенничества, его социальных, экономических и правовых последствий, а также его роли в системе транснациональной преступности в условиях стремительного развития цифровой экономики и информационно-коммуникационных технологий. Раскрываются отличительные черты кибермошенничества от традиционного мошенничества, освещаются его особенности, такие как анонимность, дистанционность, трансграничность, высокая латентность, масштабируемость и опора на цифровые следы.*
Ключевые слова: *кибермошенничество, киберпреступность, цифровая преступность, социальная инженерия, фишинг, spear-phishing, smishing, vishing, Business Email Compromise, кардинг, криптомошенничество, искусственный интеллект, deepfake, мошенничество с QR-кодами, цифровая криминалистика, кибербезопасность, финансовое мошенничество, транснациональная преступность, цифровая гигиена, киберпрофилактика.*

Abstract. *The article provides a comprehensive analysis of the modern criminological characteristics of cyber fraud, its social, economic, and legal consequences, as well as its role in the transnational criminal system amidst the rapid development of the digital economy and information and communication technologies. It highlights the differences between cyber fraud and traditional fraud, its features based on anonymity, remoteness, cross-border nature, high latency, scale, and digital traces.*
Keywords: *cyber fraud, cybercrime, digital crime, social engineering, phishing, spear-phishing, smishing, vishing, Business Email Compromise, carding, crypto fraud, artificial intelligence, deepfake, QR code fraud, digital forensics, cybersecurity, financial fraud, transnational crime, digital hygiene, cyber prevention.*

XXI asrning ikkinchi choragida insoniyat raqamli sivilizatsiyaning sifat jihatidan yangi bosqichiga kirib bormoqda. Sun’iy intellekt, bulutli hisoblash texnologiyalari, raqamli bank xizmatlari, elektron to‘lov tizimlari, elektron tijorat, masofaviy xizmat ko‘rsatish, elektron hukumat va kripto-aktivlar bilan bog‘liq infratuzilmaning rivojlanishi iqtisodiy va ijtimoiy munosabatlarning shakli, mazmuni hamda tezligini sezilarli darajada o‘zgartirmoqda. Raqamlashtirish iqtisodiy samaradorlik, tranzaksiya xarajatlarini qisqartirish, xizmatlarni ommalashtirish va aholining moliyaviy xizmatlardan foydalanish imkoniyatlarini kengaytirish bilan bir qatorda, yangi kriminogen muhitni

ham shakllantirmoqda. Ayniqsa, mulkiy manfaatga ega bo‘lish maqsadida axborot texnologiyalari, telekommunikatsiya tarmoqlari va raqamli moliyaviy vositalardan foydalanishga asoslangan kiberfiribgarlik zamonaviy jinoyatchilikning eng dinamik shakllaridan biriga aylanmoqda.

Kiberfiribgarlikni, kriminologik nuqtayi nazardan, an’anaviy firibgarlikning raqamli muhitga transformatsiyalangan shakli sifatida baholash mumkin. Biroq uni faqat “onlayn firibgarlik” sifatida talqin qilish ushbu hodisaning murakkab tabiatini to‘liq ifodalamaydi.

Bizningcha, *kiberfiribgarlik* — axborot-kommunikatsiya texnologiyalari, raqamli identifikatsiya, elektron to‘lov vositalari, ijtimoiy tarmoqlar, sun’iy intellekt va global kommunikatsiya infratuzilmalaridan foydalangan holda shaxsni aldash, uning ishonchini suiiste’mol qilish yoki uning qaror qabul qilish jarayonini manipulyatsiya qilish orqali mulk, pul mablag‘lari, mulkiy huquqlar, autentifikatsiya ma’lumotlari yoki iqtisodiy ahamiyatga ega boshqa raqamli aktivlarni qo‘lga kiritishga qaratilgan kommunikatsiyalashgan jinoiy faoliyat. Shu jihatdan, uning obyekti faqat mulkiy munosabatlar bilan cheklanmay, shaxsiy ma’lumotlar, raqamli identiklik, axborot xavfsizligi, moliyaviy barqarorlik va raqamli ishonch munosabatlarini ham qamrab oladi. Kiberfiribgarlikning kriminologik tabiati uning bir vaqtning o‘zida texnologik, psixologik, iqtisodiy va tashkiliy mexanizmlarni birlashtirishida namoyon bo‘ladi.

An’anaviy firibgarlikda jinoyatchi va jabrlanuvchi o‘rtasida ko‘pincha bevosita yoki jismoniy muloqot mavjud bo‘lsa, kiberfiribgarlikda ushbu aloqa virtual muhitga ko‘chadi. Natijada jinoyatchining anonimligi va masofaviyligi kuchayadi, jinoyatning transchegaraviy xususiyati ortadi, bir xil jinoiy ssenariyni qisqa vaqt ichida minglab jabrlanuvchilarga nisbatan qo‘llash imkoniyati paydo bo‘ladi. Shuningdek, raqamli muhitda jinoyat izlari an’anaviy moddiy izlardan farqli ravishda elektron shaklda shakllanadi, turli qurilmalar, serverlar, akkauntlar, elektron hamyonlar va tranzaksiyalar o‘rtasida tarqalishi mumkin. Bu holat jinoyatni tergov qilishda raqamli kriminalistika, ma’lumotlarni tezkor saqlab qolish, elektron dalillarni yig‘ish va transchegaraviy axborot almashinuvining ahamiyatini keskin oshiradi.

Kiberfiribgarlikning yana bir muhim kriminologik xususiyati — uning yuqori latentligi. Jabrlanuvchilarning ma’lum qismi voqeani huquqni muhofaza qiluvchi organlarga xabar qilmasligi, yetkazilgan zararni kichik deb baholashi, o‘zining aldanganidan uyalishi yoki jinoyatchini aniqlash imkoniyatiga ishonmasligi natijasida rasmiy statistikada aks etmagan holatlar yuzaga keladi. Bundan tashqari, bir qator holatlarda jinoyat natijasida yetkazilgan zarar shaxsning o‘ziga emas, balki tashkilot, bank, elektron savdo platformasi yoki boshqa vositachi subyektlarga tarqaladi. Shu sababli kiberfiribgarlik statistikasini baholashda faqat qayd etilgan jinoyatlar soni emas, balki latentlik koeffitsiyenti, jabrlanuvchilarning murojaat qilish darajasi, iqtisodiy zarar miqdori, tranzaksiyalarning qaytarilishi va jinoiy mablag‘larning harakat trayektoriyasi kabi ko‘rsatkichlarni ham hisobga olish maqsadga muvofiq.

Kiberfiribgarlikni ilmiy tadqiq etishda uni bir nechta mezonlar asosida tasniflash mumkin. Jumladan:

jinoyat sodir etish mexanizmiga ko‘ra, u texnik vositalarga asoslangan firibgarlik, ijtimoiy muhandislikka asoslangan firibgarlik va aralash, ya’ni texnik-psixologik usullarning kombinatsiyasiga asoslangan firibgarlik shakllariga ajratilishi mumkin;

hujum obyektiga ko‘ra, shaxslarga qarshi, tashkilotlarga qarshi, moliyaviy institutlarga qarshi hamda davlat va muhim raqamli infratuzilmalarga bilvosita ta’sir qiluvchi firibgarlik turlarini farqlash mumkin;

transmilliylik darajasiga ko‘ra, milliy, transchegaraviy va transmilliy uyushgan shakllar ajratiladi. Mazkur tasnif kiberfiribgarlikni faqat axborot texnologiyalari nuqtayi nazaridan emas, balki kriminologiya, jinoyat huquqi, psixologiya, iqtisodiyot, kiberxavfsizlik va raqamli kriminalistika kesishmasida o‘rganish zarurligini ko‘rsatadi.

Kiberfiribgarlikning zamonaviy shakllari ichida *ijtimoiy muhandislik* alohida o‘rin egallaydi. Ijtimoiy muhandislik texnik tizimning zaifligidan ko‘ra insonning kognitiv va emotsional xususiyatlaridan foydalanishga asoslangan manipulyativ ta’sir usulidir. Bunda jinoyatchi kompyuter tizimini emas, avvalo, insonning qaror qabul qilish mexanizmini “buzish”ga harakat qiladi. Ishonch, qo‘rquv,

qiziqish, hamdardlik, avtoritetga bo‘ysunish, shoshilinchlik, mukofot kutish va ijtimoiy tasdiqqa ehtiyoj kabi psixologik omillar jinoyatchining asosiy ta’sir vositalariga aylanadi. Shu nuqtayi nazardan, kiberfiribgarlikni “texnologiyadan foydalanuvchi jinoyat”dan tashqari “qaror qabul qilish jarayonini manipulyatsiya qiluvchi jinoyat” sifatida ham baholash ilmiy jihatdan asoslidir. Shu o‘rinda, kiberjinoyatchilik sohasidagi ekspert, xaker Kevin Mitnikning “Eng mukammal xavfsizlik tizimi ham inson omili oldida ojiz qolishi mumkin” degan so‘zlari naqadar asosli ekanligi namoyon bo‘ladi.

Ijtimoiy muhandislikning samaradorligi ko‘pincha insonning xavfni tez baholash qobiliyati cheklangan vaziyatlarda yuqori bo‘ladi. Masalan, “hisobingizdan shubhali operatsiya amalga oshirilmoqda”, “kartangiz bloklanadi”, “hisobingizni tasdiqlashingiz zarur” yoki “zudlik bilan to‘lovni amalga oshiring” kabi xabarlar shaxsda shoshilinchlik va xavotir holatini yuzaga keltirib, mustaqil tekshirishga ajratiladigan vaqtni qisqartiradi. Shuningdek, jinoyatchi o‘zini bank xodimi, davlat organi vakili, rahbar, huquqni muhofaza qiluvchi organ xodimi yoki texnik mutaxassis sifatida tanishtirib, *avtoritet effektidan* foydalanishi mumkin. Bunday holatlarda jabrlanuvchi mantiqiy tahlildan ko‘ra, vaziyatni tezda “bartaraf etish”ga intiladi va natijada maxfiy ma’lumot, tasdiqlash kodi yoki pul mablag‘larini jinoyatchiga ixtiyoriy ravishda taqdim qilib qo‘yadi.

Shundan kelib chiqib, “*avtoritet effekti”* tushunchasini “shaxsning o‘zidan yuqori ijtimoiy mavqega, rasmiy maqomga, kasbiy vakolatga yoki ijtimoiy nufuzga ega deb qabul qilingan shaxsning ko‘rsatma, talabi yoki axborotiga tanqidiy baholashni yetarlicha amalga oshirmasdan, yuqori darajada ishonish va unga muvofiq harakat qilishga moyilligini ifodalovchi psixologik-kriminologik holat”, deb ta’riflash mumkin.

- Ijtimoiy muhandislik hujumi, odatda, bir necha o‘zaro bog‘liq quyidagi bosqichlardan iborat bo‘ladi:
- potensial jabrlanuvchi haqida ochiq manbalardan ma’lumot to‘plash;
- ishonchli ssenariy va shaxsiyatni shakllantirish;
- psixologik ta’sirni boshlash;
- maxfiy ma’lumot yoki moliyaviy harakatni amalga oshirishga undash;
- jinoyat izlarini yashirish.

Bunda ijtimoiy tarmoqlar jinoyatchilar uchun muhim razvedka (qidiruv) manbasiga aylanadi. Shaxsning ish joyi, lavozimi, oilaviy munosabatlari, qiziqishlari, safarlari va ijtimoiy aloqalari haqida ochiq qoldirilgan ma’lumotlar keyinchalik individuallashtirilgan firibgarlik ssenariysini yaratish uchun qo‘llanishi mumkin. *Yevropol* (*YEI* politsiya xizmati) ma’lumotlarida ham o‘g‘irlangan va buzib kirilgan ma’lumotlar zamonaviy kiberjinoyat iqtisodiyotining muhim resursiga aylanayotgani qayd etilgan.

Kiberfiribgarlikning eng keng tarqalgan shakllaridan yana biri *fishingdir.* Fishing — elektron pochta, SMS, ijtimoiy tarmoqlar, messenjerlar yoki soxta veb-saytlar orqali foydalanuvchini aldash va uning login-paroli, bank rekvizitlari, tasdiqlash kodlari yoki boshqa autentifikatsiya ma’lumotlarini qo‘lga kiritishga qaratilgan firibgarlik usuli. Uning xavfliligi texnik va psixologik mexanizmlarni birlashtirishida namoyon bo‘ladi: avval ishonchli manba imitatsiya qilinadi, keyin jabrlanuvchiga psixologik turtki beriladi, shundan so‘ng u soxta veb-sahifa, zararli ilova yoki boshqa raqamli obyektga yo‘naltiriladi.

Fishingning ommaviy shaklidan farqli ravishda *“spear-phishing”* muayyan shaxs yoki tashkilotga moslashtiriladi. Unda oldindan to‘plangan ma’lumotlardan foydalanilgani sababli xabar oddiy fishingga qaraganda ishonchliroq ko‘rinadi. *“Whale phishing”* esa yuqori lavozimdagi shaxslar, rahbarlar yoki katta moliyaviy vakolatga ega xodimlarga qaratilgan maqsadli firibgarlik shaklidir. *“Smishing”* SMS yoki boshqa qisqa xabarlar orqali, *“vishing”* esa telefon qo‘ng‘iroqlari orqali amalga oshiriladi. *“Business Email Compromise”* esa korporativ muhitda rahbar, hamkor yoki moliyaviy mas’ul shaxs nomidan soxta elektron xabar yuborib, mablag‘ni boshqa hisob raqamiga o‘tkazishga undashga asoslanadi. Bu shakllar o‘rtasidagi umumiy jihat – jabrlanuvchida ishonchli manba bilan muloqot qilayotganlik tasavvurini hosil qilish va uning moliyaviy yoki axborot xavfsizligiga daxl qiluvchi harakatni mustaqil ravishda amalga oshirishi.

Fishing texnologiyalarining rivojlanish dinamikasi ushbu tahdidning global miqyosda yuqori ekanini ko‘rsatmoqda. *Anti-Phishing Working Group* ma’lumotlariga ko‘ra, 2026-yilning birinchi choragida fishing hujumlari 13,8 foizga o‘sib, 2025-yilning 4-choragidagi 853 244 tadan 971 181 taga yetdi. Qolaversa, joriy yilning 1-choragi davomida bunday hujumlar soni barcha ijtimoiy media platformalarida oshgan [1].

Shu bilan birga, zamonaviy fishingda QR-kodlardan foydalanishning ko‘payishi, telefon qo‘ng‘iroqlari va xabarlarning ommaviylashishi hujumlarni elektron pochta bilan cheklab bo‘lmasligini ko‘rsatmoqda.

Fishingning yana bir xavfli jihati vizual imitatsiyaning takomillashib borayotganidir. Soxta veb-saytlar rasmiy platformalar interfeysiga juda yaqinlashgan, domen nomlarida vizual jihatdan o‘xshash belgilardan foydalanish, soxta brendlar va ishonchli dizayn elementlarini qo‘llash orqali foydalanuvchida haqiqiy resurs bilan muloqot qilayotganlik tasavvuri shakllantiriladi. Biroq, sayt sertifikati yoki saytning tashqi ko‘rinishi uning ishonchliligini avtomatik ravishda kafolatlamaydi. Shu sababli zamonaviy raqamli xavfsizlik madaniyati *“raqamli skeptitsizm”*, ya’ni har qanday kutilmagan xabar, havola yoki to‘lov talabini mustaqil manba orqali qayta tekshirish tamoyiliga asoslanishi lozim. Shundan kelib chiqib ushbu tushunchani *“shaxsning raqamli muhitda qabul qilayotgan axborot, elektron xabar, havola, veb-sayt, akkaunt, raqamli identifikatsiya, moliyaviy talab yoki muloqot subyektining haqiqiyligi va ishonchliligini avtomatik ravishda qabul qilmasdan, uning manbasi, mazmuni, maqsadi va xavfsizligini tanqidiy tahlil qilish, mustaqil tekshirish hamda shundan keyingina muayyan raqamli harakatni amalga oshirishga asoslangan kognitiv-profilaktik xulq-atvor modeli”*, deb ta’riflash taklif etiladi.

Kiberfiribgarlikning yana bir muhim yo‘nalishi to‘lov kartalari va elektron moliyaviy hisoblarga qarshi qaratilgan jinoyatlardir. *“Karding”* deb ataladigan mazkur yo‘nalishda karta rekvizitlarini qo‘lga kiritish, ularni tekshirish, noqonuniy operatsiyalarni amalga oshirish, mablag‘ni turli hisoblarga tarqatish va uning manbasini yashirishga qaratilgan harakatlar o‘zaro bog‘liq jinoiy zanjirni tashkil etadi. Bunda “phishing”, “malware”, “keylogger”, soxta to‘lov sahifalari, soxta mobil ilovalar, QR-kodlar va bank troyanlari kabi vositalar qo‘llanishi mumkin. Shu bilan birga, texnik himoya vositalari kuchaygani sari jinoyatchilarning inson omiliga tayanish tendensiyasi ham kuchaymoqda.

Ayniqsa, bank xodimi sifatida qo‘ng‘iroq qilish, hisobda shubhali operatsiya borligi haqida xabar berish va bir martalik tasdiqlash kodini so‘rash kabi ssenariylar ijtimoiy muhandislikning moliyaviy firibgarlik bilan uyg‘unlashgan shaklini tashkil etadi. Bunday holatda jabrlanuvchiga texnik jihatdan hech qanday hujum qilinmasligi mumkin, aksincha, u jinoyatchi tomonidan ishontirilib, tasdiqlash jarayonini o‘zi amalga oshiradi. Demak, kiberfiribgarlikning zamonaviy modelida “texnik hujum” va “fuqaroning o‘z qo‘li bilan amalga oshirgan xavfli harakati” o‘rtasidagi farq tobora muhim kriminologik masalaga aylanmoqda.

Shu o‘rinda, kiberfiribgarlikning moliyaviy mexanizmida *“drop”*lardan foydalanish ham alohida ahamiyatga ega. Drop – o‘z bank kartasi, hisob raqami yoki boshqa moliyaviy vositalaridan uchinchi shaxslarning pul mablag‘larini qabul qilish va keyin ularni boshqa manzilga o‘tkazish uchun foydalanishga rozi bo‘lgan shaxs. Bunday shaxslar ba’zan jinoiy sxemaning to‘liq mohiyatini anglamasligi, ba’zan esa moddiy manfaat evaziga unda ishtirok etishi mumkin. Draplardan foydalanish jinoiy mablag‘lar harakatini murakkablashtirib, asosiy tashkilotchilarni aniqlashni qiyinlashtiradi. Shu nuqtayi nazardan, kiberfiribgarlikni samarali tergov qilishda faqat birinchi tranzaksiyani emas, balki mablag‘ning keyingi harakatlar zanjirini ham tahlil qilish zarur.

Kripto-aktivlar va raqamli moliyaviy vositalarning rivojlanishi ham firibgarlikning yangi modellarini yuzaga keltirmoqda. “Crypto investment scam”, “rug pull”, “pump-and-dump” kabi sxemalarda investorlarga *asossiz yuqori daromad va’da qilinib*, soxta loyihalar, soxta statistikalar, ijtimoiy tarmoqlarda sun’iy obro‘ va soxta ekspertlar orqali ishonch shakllantiriladi. Bu yerda ham texnik mexanizmdan ko‘ra insonning tez boyish istagi, yuqori daromad kutishi va ijtimoiy ta’sirga moyilligi muhim rol o‘ynaydi.

So‘nggi yillarda kiberfiribgarlikning kriminogen salohiyatini sezilarli darajada oshirayotgan omillardan biri sun’iy intellektning rivojlanishidir. *Generativ sun’iy intellekt* jinoyatchilarga matnlarni grammatik jihatdan sifatli tayyorlash, jabrlanuvchi haqida ochiq manbalardan ma’lumotlarni tizim-

JINOYATCHILIK PROFILAKTIKASIDA ZAMONAVIY YONDASHUVLAR

O‘z.KTI | Kriminologik faoliyat _ Ilmiy-amaliy jurnal | №3-2026 (8)

lashtirish, individuallashtirilgan xabarlar yaratish, ovoz va tasvirlarni sintetik tarzda shakllantirish imkonini bermoqda. “Deepfake” texnologiyalari orqali tanish shaxsning ovozi yoki videotasviriga o‘xshash kontent yaratilib, qarindoshlar, hamkasblar yoki rahbarlar nomidan pul talab qilish holatlari paydo bo‘lmoqda. Interpol (Xalqaro politsiya tashkiloti)ning 2026-yilgi “Global Financial Fraud Threat Assessment” hisobotida sun’iy intellekt yordamida kuchaytirilgan firibgarlikning tez rivojlanayotgani va moliyaviy firibgarlikning uyushgan jinoyatchilik bilan tobora chuqurroq integratsiyalashayotgani qayd etilgan [2].

Bu tendensiya kiberfiribgarlikni shartli ravishda “neyrotexnologik bosqich”ga olib kelmoqda. Ushbu atama yuridik kategoriya emas, balki ilmiy-tahliliy tushuncha sifatida qo‘llanilib, insonning kognitiv va emotsional xususiyatlariga ta’sir qilishda sun’iy intellekt, ovoz sintezi, generativ modellar va personallashtirilgan kontentdan foydalanish jarayonini ifodalaydi. Bunday sharoitda “ovozni eshitish” yoki “videoni ko‘rish”ning o‘zi shaxsning haqiqiyligini tasdiqlovchi dalil bo‘la olmay qoladi. Demak, raqamli identifikatsiya tizimlarida biometrik belgilarning o‘ziga emas, balki bir nechta mustaqil tasdiqlash kanallarining uyg‘unligiga asoslangan yondashuv tobora muhim ahamiyat kasb etadi.

Kiberfiribgarlikning transmilliy xususiyati ham uning ijtimoiy xavfliligini oshiradi. Jinoyatchi bir davlatda, server boshqa davlatda, jabrlanuvchi uchinchi davlatda, pul mablag‘lari esa to‘rtinchi yurisdiksiyada joylashgan hisob raqami yoki kriptohamyon orqali harakatlanishi mumkin. Shu boisdan ham Interpolning 2025-yilgi “HAECHI VI” – kiber moliyaviy jinoyatlarga qarshi global operatsiyasi [3] 40 ta davlat va hududda o‘tkazilganligi bejizga emas.

O‘z navbatida, bu holat kiberfiribgarlikka qarshi kurashishda milliy huquqni muhofaza qiluvchi organlarning alohida harakati yetarli emasligini, tezkor xalqaro axborot almashinuvi va aktivlarni izlash hamda muzlatish mexanizmlarini takomillashtirish zarurligini ko‘rsatadi.

Shu o‘rinda ta’kidlash kerakki O‘zbekiston uchun mazkur masala raqamli iqtisodiyotning kengayishi bilan yanada dolzarb ahamiyat kasb etmoqda. **“***Raqamli O‘zbekiston — 2030”* strategiyasi [4]. iqtisodiyot, ijtimoiy soha va davlat boshqaruvini raqamli transformatsiya qilishga qaratilgan kompleks vazifalarni belgilagan bo‘lib, raqamli xizmatlar ko‘lamining kengayishi kiberxavfsizlik talablarini ham mutanosib ravishda kuchaytirishni talab etadi.

Bundan tashqari, 2026-yil 10-martda qabul qilingan PF–38-son farmon bilan O‘zbekistonning 2026–2030-yillarga mo‘ljallangan Kiberxavfsizlik strategiyasi tasdiqlangan bo‘lib [5], unda kibertahdidlarni aniqlash va oldini olish, raqamli kriminalistikani keng qo‘llash, muhim axborot infratuzilmasini himoya qilish, ko‘p faktorli autentifikatsiyani rivojlantirish, xalqaro hamkorlikni kuchaytirish va xususiy sektorni kiberxavfsizlik jarayonlariga jalb qilish kabi yo‘nalishlar belgilangan.

Mazkur strategik yondashuv kiberfiribgarlikka qarshi kurashishda profilaktika va raqamli kriminalistika integratsiyasini kuchaytirish uchun muhim huquqiy-institutsional asos yaratadi. Zero, kiberfiribgarlikka qarshi kurashishni faqat sodir etilgan jinoyatni tergov qilish bilan cheklash samarali natija bermaydi. Ushbu sohada “jinoyat sodir bo‘lgandan keyin reaksiya qilish” modelidan “jinoyat sodir bo‘lish ehtimolini oldindan aniqlash va minimallashtirish” modeliga o‘tish zarur. Buning uchun banklar, to‘lov tashkilotlari, telekommunikatsiya operatorlari, internet-platformalar, huquqni muhofaza qiluvchi organlar va kiberxavfsizlik subyektlari o‘rtasida tezkor axborot almashinuvi mexanizmini rivojlantirish maqsadga muvofiq.

Shunga ko‘ra, kiberfiribgarlikning kriminologik profilaktikasi, avvalo, *xavfni erta aniqlashga qaratilishi* kerak. Bunda tranzaksion antifrod tizimlarini rivojlantirish, shubhali operatsiyalarni real vaqt rejimida baholash, noodatiy qurilma yoki geolokatsiyadan kirish holatlarini aniqlash, yuqori xavfli tranzaksiyalar uchun qo‘shimcha tasdiqlash mexanizmlarini joriy etish va shubhali mablag‘lar harakatini tezkor bloklash imkoniyatini kengaytirish muhimdir. Ayniqsa, katta miqdordagi operatsiyalar, yangi qurilmadan kirish, yangi benefitsiarga to‘lov yuborish yoki foydalanuvchining odatiy xulq-atvoridan keskin farq qiluvchi harakatlar risk-indikator sifatida baholanishi mumkin.

Biroq, texnik himoyaning o‘zi yetarli emas. “Verizon” kompaniyasining so‘nggi “Data Breach Investigations Report” tahliliy materiallari ham

inson omili kiberxavfsizlikda muhim risk manbai bo‘lib qolayotganini, shu bilan birga, jinoyatchilar an’anaviy elektron pochta fishingidan tashqari mobil qurilmalar, SMS va ovozli muloqotlarga ko‘proq murojaat qilayotganini ko‘rsatadi [6]. Shu bois aholi va tashkilotlarda raqamli gigiyena madaniyatini shakllantirish kiberfiribgarlik profilaktikasining mustaqil va strategik yo‘nalishi sifatida qaralishi lozim.

Raqamli gigiyena deganda, bizningcha, kuchli va unikal parollardan foydalanish, ko‘p faktorli autentifikatsiyani yoqish, tasdiqlash kodlarini uchinchi shaxslarga bermaslik, shubhali havolalarni ochmaslik, dasturlarni faqat ishonchli manbalardan yuklash, bank operatsiyalarini mustaqil ravishda rasmiy ilova yoki rasmiy telefon raqami orqali tekshirish, ijtimoiy tarmoqlarda ortiqcha shaxsiy ma’lumot qoldirmaslik va shubhali holatlarni zudlik bilan xabar qilish kabi odatlar majmui tushuniladi. Biroq profilaktik siyosat faqat “foydalanuvchi ehtiyot bo‘lsin” degan yondashuv bilan cheklanmasligi kerak. Aks holda, jinoyatning butun mas’uliyati jabrlanuvchiga yuklanib qolishi mumkin. Aslida esa xavfsizlik “inson–texnologiya–institut” uchligi asosida qurilishi lozim.

Shu munosabat bilan, kiberfiribgarlikka qarshi kurashishning ilmiy asoslangan modeli sifatida *uch darajali profilaktika tizimi* taklif qilinadi.

Birinchi daraja – universal profilaktika bo‘lib, aholi, ta’lim muassasalari va tashkilotlar xodimlarining raqamli savodxonligini oshirishga qaratiladi.

Ikkinchi daraja – selektiv profilaktika bo‘lib, kiberfiribgarlik qurboni bo‘lish xavfi yuqori bo‘lgan shaxslar, masalan, raqamli moliyaviy xizmatlardan faol foydalanuvchilar yoki axborot xavfsizligi bo‘yicha yetarli ko‘nikmaga ega bo‘lmagan guruhlarga mo‘ljallanadi.

Uchinchi daraja – individual profilaktika, u avval firibgarlikka duch kelgan shaxslar, drop sifatida jalb etilish xavfi bo‘lganlar yoki kiberjinoyatchilik muhiti bilan aloqasi aniqlangan shaxslarga nisbatan huquqiy va profilaktik ta’sir choralarini nazarda tutadi.

Kiberfiribgarlikka qarshi kurashishning yana bir muhim yo‘nalishi — jabrlanuvchini ayblash emas, balki uni qo‘llab-quvvatlash tamoyili. Qo‘rquv, uyat va ijtimoiy stigma sababli murojaat qilmaslik latentlikni kuchaytiradi. Shu sababli banklar va huquqni muhofaza qiluvchi organlar o‘rtasida firibgarlik holatini xabar qilishning sodda, tezkor va foydalanuvchiga qulay mexanizmlarini yaratish maqsadga muvofiq. Chunki, hodisa sodir bo‘lganidan keyin dastlabki daqiqalarda mablag‘ni bloklash yoki tranzaksiyani to‘xtatish imkoniyati ba’zan jinoyatni tergov qilishdan ham kattaroq amaliy natija berishi mumkin.

Kiberfiribgarlikka qarshi kurashishda *huquqiy mexanizmlarni ham raqamli muhit xususiyatlariga moslashtirish* talab etiladi. Elektron dalillarning maqbulligi, raqamli izlarni saqlash, kripto-aktivlarni identifikatsiya qilish, virtual aktivlar bilan bog‘liq moliyaviy harakatlarni kuzatish, xorijiy provayderlardan ma’lumot olish, transchegaraviy tergov harakatlarini tezlashtirish va raqamli kriminalistika mutaxassislarining protsessual imkoniyatlarini kuchaytirish dolzarb masalalardan hisoblanadi. O‘zbekistonning 2026–2030-yillarga mo‘ljallangan Kiberxavfsizlik strategiyasida ham raqamli kriminalistikani keng qo‘llash va transchegaraviy kibertahdidlarga qarshi xalqaro hamkorlikni kuchaytirish vazifalarining belgilangani ushbu yo‘nalishning strategik ahamiyatini tasdiqlaydi.

Kiberfiribgarlikning kelgusi rivojlanishini prognoz qilish shuni ko‘rsatadiki, 2030-yilga qadar, jinoiy sxemalarning ommaviyligi bilan bir qatorda, ularning individuallashuvi ham kuchayadi.

Birinchidan, sun’iy intellekt asosidagi generativ vositalar fishing matnlari, ovozli qo‘ng‘iroqlar va videokontentlarni shaxsga moslashtirishni arzonlashtiradi.

Ikkinchidan, kiberfiribgarlik elektron pochtadan mobil messenjerlar, ijtimoiy tarmoqlar va ovozli kommunikatsiyalarga yanada ko‘proq ko‘chishi mumkin.

Uchinchidan, jinoiy xizmatlarning ixtisoslashuvi natijasida ma’lumot to‘plash, akkaunt buzish, ijtimoiy muhandislik, pullarni harakatlantirish va legallashtirish kabi jarayonlar turli jinoiy subyektlar o‘rtasida taqsimlanishi ehtimoli yuqori.

To‘rtinchidan, kripto-aktivlar bilan bog‘liq firibgarlik sxemalari yanada murakkablashishi hamda blokcheyn tahlili va aktivlarni muzlatish texnologiyalarining rivojlanishi jinoyatchilar uchun yangi qarshi choralarni ham yuzaga keltirishi mumkin.

Beshinchidan, kiberfiribgarlikda “ishonch infratuzilmasi” uchun raqobat kuchayadi. Jinoyat-

chilar soxta brendlar, soxta akkauntlar, sun'iy intellekt yaratgan ovoz va tasvirlardan foydalanib, raqamli muhitda ishonchni imitatsiya qiladi.

Bu esa ushbu jarayonlarga monand ravishda va ularga javoban banklar, davlat organlari va platformalar foydalanuvchiga ma'lumotning haqiqiy manbasini tekshirish imkonini beruvchi ko'p bosqichli identifikatsiya va tasdiqlash mexanizmlarini rivojlantirishi zarur bo'ladi. Shu nuqtayi nazardan, kelajakda raqamli xavfsizlikning asosiy vazifasi "hujumni to'sish"dan tashqari "ishonchli kommunikatsiyani tasdiqlash"ga ham ko'chishi mumkin.

Mazkur prognozlar asosida O'zbekistonda kiberfiribgarlikka qarshi kurashish samaradorligini oshirish uchun bir qator ilmiy-amaliy takliflarni ilgari surish mumkin.

Avvalo, kiberfiribgarlikning yagona milliy statistik modelini shakllantirish va unda jinoyat turi, hujum kanali, jabrlanuvchi profili, zarar miqdori, tranzaksiya turi, jinoyatning transmilliylik darajasi va jinoiy mablag'larning harakat yo'nalishlarini aks ettirish, shuningdek:

– banklar, to'lov tashkilotlari, telekommunikatsiya operatorlari va huquqni muhofaza qiluvchi organlar o'rtasida firibgarlik indikatorlari bo'yicha *avtomatlashtirilgan axborot almashinuvi* mexanizmlarini rivojlantirish;

– aholi uchun *yagona va oson esda qoladigan* kiberfiribgarlik haqida xabar berish tizimini takomillashtirish;

– davlat xizmatlari va moliyaviy platformalarda ko'p faktorli autentifikatsiyani kengaytirish, yuqori xavfli operatsiyalar uchun dinamik risk baholash tizimlarini joriy etish;

– ta'lim tizimida raqamli xavfsizlik va media savodxonlik elementlarini nafaqat IT mutaxassislari, balki barcha foydalanuvchilar uchun majburiy kompetensiya sifatida shakllantirish;

– kiberfiribgarlikning ruhiy mexanizmlarini o'rganishga qaratilgan kriminologik va psixologik tadqiqotlarni ko'paytirish;

– sun'iy intellekt asosidagi "deepfake" va ovozli firibgarliklarni aniqlash texnologiyalarini milliy kiberxavfsizlik tizimiga integratsiya qilish maqsadga muvofiq sanaladi.

Shunday qilib, kiberfiribgarlikni faqat axborot texnologiyalari sohasidagi jinoyat sifatida baholash uning haqiqiy ijtimoiy xavfliligini to'liq ochib bermaydi. U moliyaviy jinoyatchilik, uyushgan transmilliy jinoyatchilik, psixologik manipulyatsiya, raqamli identiklikka tajovuz, ma'lumotlar iqtisodiyoti va kiberxavfsizlik muammolarining kesishgan nuqtasida shakllanayotgan kompleks kriminologik hodisadir. Uning asosiy evolyutsion xususiyati shundaki, jinoyatchi tobora ko'proq texnik tizimni emas, insonning qaror qabul qilish jarayonini nishonga olmoqda, texnik vositalar esa ushbu psixologik ta'sirni masshtablashtirish vositasiga aylanmoqda. Shu sababli kiberfiribgarlikka qarshi kurashishning eng samarali modeli texnik, huquqiy, iqtisodiy, tashkiliy, psixologik va profilaktik mexanizmlarni yagona tizimga birlashtirishdan iborat bo'lishi lozim.

Umuman olganda, raqamli transformatsiya qanchalik tezlashsa, kiberfiribgarlikning jinoiy imkoniyatlari ham shunchalik kengayishi mumkin. Biroq bu raqamlashtirishning o'zi xavf manbai degani emas. Asosiy muammo raqamli texnologiyalar rivoji bilan xavfsizlik madaniyati, huquqiy mexanizmlar va institutsional himoya tizimlari o'rtasidagi nomutanosiblikda namoyon bo'ladi. Shu bois raqamli iqtisodiyotning barqaror rivojlanishi "raqamlashtirish + kiberxavfsizlik + raqamli savodxonlik + samarali huquqiy himoya + tezkor xalqaro hamkorlik" tamoyillarining birligiga asoslanishi kerak.

Foydalanilgan manbalar

1. Fishing faoliyati tendensiyalar hisoboti. 2026-yil. https://apwg.org/trendreports.
2. Interpolning 2026-yilgi "Global moliyaviy firibgarlik xavfini baholash" hisoboti. https://www.interpol.int/News-and-Events/ News/2026/INTERPOL-report-warns-of-increasingly-sophisticated-global-financial-fraud-threat.
3. Global moliyaviy jinoyatlar bo yicha operatsiyalardan 439 million dollar undirildi. 24.09.2025-y. https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2025/USD-439-million-recovered-in-global-financial-crime-operation
4. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining "Raqamli O'zbekiston — 2030" strategiyasini tasdiqlash va uni samarali amalga oshirish chora-tadbirlari to'g'risida" PF-6079-sonli Farmoni. 05.10.2020-y. https://lex.uz/docs/5030957.
5. O'zbekiston Respublikasining 2026 — 2030-yillarga mo ljallangan kiberxavfsizlik strategiyasi. https://lex.uz/docs/8079286.
6. 2026-yilgi ma'lumotlar buzilishi bo'yicha tergov hisoboti. https://www.verizon.com/business/resources/reports/dbir/.

GIYOHVANDLIK VOSITALARI VA PSIXOTROP MODDALAR QONUNGA XILOF MUOMALASINING OLDINI OLISHDA JAHON KRIMINOLOGIYASI NAZARIYALARINING QIYOSIY-TANQIDIY TAHLILI

KUTBITDINOV
G'iyosiddin Xusnidinovich
O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Administratsiyasi huzuridagi Narkotiklar va o'qotar qurollarni nazorat qilish agentligi mas'ul xodimi, mustaqil izlanuvchi

Annotatsiya. *Ushbu maqolada giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalarning qonunga xilof muomalasini oldini olishning nazariy-huquqiy va kriminologik asoslari tadqiq etilgan. Ishda jahon kriminologiya fanida shakllangan fundamental konsepsiyalar, jumladan, anomiya, ijtimoiy nazorat, differensial assotsiatsiya, yorliqlashtirish, kundalik faoliyat, iqtisodiy-ratsional tanlov va viktimologiya nazariyalarining ijobiy jihatlari hamda kamchiliklari qiyosiy-tanqidiy tahlil qilingan. Tadqiqot natijasida narkojinoyatchilikdek ko'p omilli illatga qarshi kurashishda yakkalik yondashuvlarining samarasizligi isbotlangan hamda makroijtimoiy, mikroijtimoiy va individual-psixologik determinantlar sintezini nazarda tutuvchi kompleks (integrativ) preventiv siyosatni shakllantirish zarurligi asoslantirilgan.*

Kalit so'zlar: *giyohvandlik vositalari, psixotrop moddalar, narkotiklar, qonunga xilof muomala, kriminologiya, jinoyatchilik determinantlari, anomiya nazariyasi, ijtimoiy nazorat, differensial assotsiatsiya, kundalik faoliyat nazariyasi, ratsional tanlov, viktimologiya, yorliqlashtirish nazariyasi, integrativ yondashuv.*

Аннотация. *В данной статье исследуются теоретико-правовые и криминологические основы предупреждения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. В работе проведен сравнительно-критический анализ положительных аспектов и недостатков фундаментальных концепций, сформировавшихся в мировой криминологической науке, включая теории аномии, социального контроля, дифференциальной ассоциации, наклеивания ярлыков, повседневной деятельности, экономического рационального выбора и виктимологии. В результате исследования доказана ограниченность изолированных (единоличных) подходов в борьбе с таким многофакторным злом, как наркопреступность, и обоснована необходимость формирования комплексной (интегративной) превентивной политики, предусматривающей синтез макросоциальных, микросоциальных и индивидуально-психологических детерминант.*

Ключевые слова: *наркотические средства, психотропные вещества, наркотики, незаконный оборот, криминология, детерминанты преступности, теория аномии, социальный контроль, дифференциальная ассоциация, теория повседневной деятельности, рациональный выбор, виктимология, теория наклеивания ярлыков, интегративный подход.*

Abstract. *This article examines the theoretical, legal, and criminological foundations of preventing the illicit traffic in narcotic drugs and psychotropic substances. The paper provides a comparative-critical analysis of the merits and limitations of fundamental concepts established in world criminology, including the theories of anomie, social control, differential association, labeling, routine activity, economic rational choice, and victimology. The study demonstrates the limitations of isolated approaches in combating multi-faceted drug-related crime and substantiates the necessity of establishing a comprehensive (integrative) preventive policy based on the synthesis of macro-social, micro-social, and individual-psychological determinants.*

Keywords: *narcotic drugs, psychotropic substances, drugs, illicit traffic, criminology, determinants of crime, anomie theory, social control, differential association, routine activity theory, rational choice, victimology, labeling theory, integrative approach.*

Giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalarning qonunga xilof muomalasini oldini olishning nazariy-huquqiy asoslarini tadqiq etish borasida jahon kriminologiyada juda boy konseptual maktablar shakllangan. Ushbu jinoyatchilikning oldini olish tizimini tubdan takomillashtirish yo‘nalishida asoslantirilgan taklif, tavsiya va xulosalarni ishlab chiqishdan avval, ushbu salbiy hodisaning asl sabablarini ochib beruvchi fundamental nazariyalarning ijobiy jihatlari va kamchiliklarini sinchiklab o‘rganish maqsadga muvofiq.

XX asr o‘rtalarida amerikalik sotsiolog va kriminolog Robert Merton tomonidan ilgari surilgan ***“anomiya nazariyasi”*** jinoyatchilikning ijtimoiy-strukturaviy omillarini tushuntirishda inqilobiy qadam bo‘lgan edi. Merton o‘z tadqiqotlarida jinoyatchilikni insonning biologik nuqsonlari emas, balki jamiyatning ichki tuzilishidagi ziddiyatlar keltirib chiqarishini nazariy jihatdan isbotlab bergan [1]. Ushbu nazariyaning bosh mazmuni shundan iboratki, u jamiyat a’zolari uchun yagona madaniy maqsadlarni (moddiy boylik, muvaffaqiyat, yuqori ijtimoiy mavqe) singdiradi, biroq ushbu maqsadlarga qonuniy yo‘l bilan erishishning institutsional imkoniyatlari (sifatli ta’lim, daromadli ish o‘rinlari)ni hamma qatlamga birdek kafolatlamaydi.

Merton ushbu ijtimoiy bosim va notenglik sharoitida inson xulq-atvorining 5 ta asosiy moslashuv strategiyasini ajratadi. Biz o‘rganayotgan giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalarning qonunga xilof muomalasini oldini olish muammosi uchun ushbu tasnif ichidagi “chekinish” (retreatism) strategiyasi nazariy jihatdan markaziy ahamiyatga ega. Chekinish strategiyasini tanlagan subyektlar jamiyat tomonidan singdirilgan maqsadlarni ham (moddiy farovonlikka intilishni), ularga erishishning qonuniy vositalarini ham rad etadilar va ijtimoiy tizimdan butunlay chiqib ketishga harakat qiladilar. Nazariy jihatdan aynan mana shu nuqta surunkali giyohvandlikning, toksikomaniyaning va jamiyatdan uzilishning asl ijtimoiy ildizini ifodalaydi. Shaxs ruhiy tushkunlik va ijtimoiy muvaffaqiyatsizlik oqibatida giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasi muhitida “qo‘nim topadi” va ushbu yashirin dunyoning a’zosiga aylanadi.

Anomiya nazariyasi kriminologiya fanini giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasiga sof maishiy yoki biologik (irsiy moyillik) yondashuvlardan qutqarib, unga birinchi marta chuqur makro-ijtimoiy mazmun berdi. U davlatga jinoyatchilikning oldini olish uchun faqat qamoqxonalar qurish emas, balki marginal qatlamlarni kamaytirish, ijtimoiy tengsizlikni yo‘qotish va yoshlar uchun institutsional imkoniyatlarni yaratish zarurligini nazariy jihatdan isbotladi. Mahalliy olimlarimizdan Q.R. Abdurasulova ham o‘z ishlarida jamiyatdagi iqtisodiy notenglik va marginal qatlamlarning paydo bo‘lishi giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasining bosh determinanti ekanligini bayon qilishda aynan ushbu nazariya yondashuvlariga tayanadi [2].

Chuqurroq mulohaza qiladigan bo‘lsak, Mertonning anomiya nazariyasi giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasining faqatgina bitta tomonini – narkotik moddalarni notibbiy iste’mol qiluvchi oddiy qaram shaxslar (iste’molchilar)ning xulq-atvorini tushuntira oladi, xolos. Biroq, ushbu nazariya giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasi zanjirining eng xavfli bo‘g‘ini bo‘lgan – transmilliy narkosindikatlar rahbarlari, yirik kontrabandachilar va g‘ariqonuniy narkolaboratoriya tashkilotchilari (narkobaronlar)ning motivatsiyasini umuman tushuntirib bera olmaydi. Chunki bu shaxslar jamiyatdan “chekingan” yoki uning maqsadlarini rad etgan shaxslar emas. Aksincha, ular moddiy farovonlik maqsadiga o‘ta qattiq intiluvchi, lekin unga erishishda qonunga xilof vositalardan foydalanuvchi ortiqcha agressiv subyektlardir. Demak, giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasining tashkiliy va uyushgan shakllarining oldini olishda anomiya nazariyasining nazariy salohiyati cheklangan va sayozdir.

Agar Merton e’tiborni “insonni nima jinoyat sodir etishga undaydi?” degan savolga qaratgan bo‘lsa, amerikalik taniqli kriminolog Trevis Xirshi o‘zining ***“ijtimoiy nazorat (bog‘lanish) nazariyasi”***da [3] mutlaqo teskari yondashuvni ilgari surdi, ya’ni “nima uchun ko‘pchilik insonlar jinoyat sodir etmaydi va ularni qonunga bo‘ysunishga nima majbur qiladi?”. Xirshining fikricha, har bir inson tabiatan qonunni buzishga yoki o‘z ehtiyojlarini oson yo‘l bilan qondirishga (jumladan, narkotik moddalar orqali ruhiy lazzat olishga) moyil bo‘lishi mumkin. Ammo insonni bu qilmishdan to‘xtatib turuvchi yagona kuch – bu uning jamiyat va uning sog‘lom institutlari bilan bo‘lgan ijtimoiy bog‘lanishlaridir.

Xirshi shaxsni giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasi kabi illatlardan asrovchi 4 ta asosiy ijtimoiy bog‘lanish unsurini nazariy asoslab beradi:

1. Mehr-muhabbat va bog‘liqlik (attachment). Shaxsning ota-onasi, oilasi, ustozlari va yaqinlari bilan ma’naviy bog‘liqligi. Agar shaxs ularning fikrini, hurmatini yo‘qotishdan qo‘rqsa, u giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasi kabi jinoiy muhitga kirmaydi.

2. Majburiyat va istiqbol (commitment). Insonning qonuniy hayotda erishgan yutuqlari (o‘qishi, ishi, obro‘si). Shaxs giyohvandlik tufayli ushbu kelajagini boy berishdan qo‘rqishi nazariy preventiv to‘siqdir.

3. Jalb etilganlik (involvement). Inson vaqtining foydali ishlarga (sport, ilm, kasb) sarflanishi. Bo‘sh vaqtning bo‘lmasligi shaxsni jinoiy takliflardan asraydi.

4. Ishonch (belief). Jamiyatning huquqiy va ma’naviy normalari muqaddasligiga bo‘lgan ichki iymon.

Xirshi nazariyasi kriminologiyada institutsional profilaktika konsepsiyasiga asos bo‘ldi. U giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasining oldini olish faqat huquqni muhofaza qiluvchi organlarning jazo choralari bilan emas, balki, birinchi navbatda, oila, mahalla va ta’lim muassasalari darajasida shaxsning ijtimoiy bog‘lanishlarini mustahkamlash orqali samara berishini isbotladi. Bu yondashuv bugungi kunda O‘zbekistonda olib borilayotgan “mahallabay” va “xonadonbay” huquqbuzarliklar profilaktikasi tizimining eng mustahkam nazariy tayanchi hisoblanadi. MDH olimlaridan K.A. Krasnova ham narkojinoyatchilikning oldini olish tizimini yaratishda ushbu institutsional bog‘lanish omili birinchi qatorga chiqishi kerakligini alohida bayon qilgan [4].

Ushbu nazariyaning zaif tomoni shundaki, u insonning ichki ruhiy-psixologik deformatsiyalarini, addiktiv xulq-atvorini (qaramlikka patologik moyilligini) va iroda zaifligini umuman hisobga olmaydi. Amaliyot shuni ko‘rsatadiki, ba’zan juda sog‘lom, ziyoli va ma’naviy bog‘lanishlari kuchli bo‘lgan oilalarning farzandlari ham qiziquvchanlik, ruhiy inqiroz yoki zamonaviy “sintetik” dori vositalarining o‘ta kuchli kimyoviy ta’siri tufayli giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasi zanjiriga tushib qolmoqda. Ya’ni, tashqi ijtimoiy bog‘lanishlar kuchli bo‘lsa-da, ichki psixologik omil ustun kelishi mumkin. Xirshi maktabi bu nozik holatni nazariy izohlashda ojizlik qiladi.

Giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasining, ayniqsa yoshlar va voyaga yetmaganlar o‘rtasida tarqalishi, “yuqishi” va ijtimoiy transformatsiya jarayonlarini mikro ijtimoiy muhit darajasida tushuntirishda amerikalik taniqli kriminolog Edvin Sazerlend tomonidan ilgari surilgan ***“differensial assotsiatsiya (ijtimoiy o‘rganish) nazariyasi”*** fundamental ahamiyat kasb etadi. Sazerlend o‘z konsepsiyasida jinoyatchilikni tug‘ma illat yoki ruhiy kasallik emas, balki insonning kundalik ijtimoiy muloqoti jarayonida o‘zlashtiradigan oddiy xulq-atvor shakli ekanligini nazariy jihatdan isbotladi [5]. Ushbu nazariyaning bosh qoidasiga ko‘ra, inson atrofidagi shaxslardan nafaqat jinoyat sodir etish usullarini (masalan, giyohvandlik moddasini qanday iste’mol qilish yoki yashirin joylarga qanday qo‘yishni (“zakladka”), balki qonunni buzishga nisbatan ijobiy psixologik munosabatni, motivlar va oqlovchi argumentlarni ham o‘rganadi

Giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalarning qonunga xilof muomalasi kontekstida ushbu nazariya juda hayotiy mazmun kasb etadi. Shaxs agar qonunga bo‘ysunuvchi guruhlarga qaraganda, giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalarning qonunga xilof muomalasi muhitiga ijobiy baho beruvchi salbiy kichik guruhlar (do‘stlar, tengdoshlar) davrasida ko‘proq vaqt o‘tkazsa va ushbu aloqalarning tezligi, davomliligi hamda shaxs uchun qadrliligi yuqori bo‘lsa, unda jinoiy xulq-atvor modeli muqarrar ravishda shakllanadi.

Sazerlend nazariyasi kriminologiya fanida “kichik guruhlar” va mikromuhit profilaktikasiga asos soldi. U davlatga giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasining oldini olish uchun faqatgina umumiy ma’ruzalar o‘qish emas, balki yoshlarning kundalik do‘st-

lashish muhitini sog‘lomlashtirish, destruktiv guruhlar paydo bo‘lishining oldini olish va ularni sog‘lom ijtimoiy faoliyatga (sport, madaniy to‘garaklar) yo‘naltirish zarurligini ilmiy isbotlab berdi. Mahalliy olimlardan M.K. Uteniyazov voyaga yetmaganlar o‘rtasida giyohvandlikning oldini olish muammolarini tadqiq etar ekan, yoshlarning jinoiy guruhlarga kirib qolishi va qonunga xilof muomala zanjiriga ilashishi aynan mana shunday salbiy mikro ijtimoiy muhitdagi “o‘rganish” jarayoni oqibati ekanligini bayon qilishda ushbu nazariyaning qoidalaridan muvaffaqiyatli foydalangan [6].

Biroq, ushbu nazariyani giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasining bugungi rivojlanish tendensiyalari nuqtayi nazaridan chuqur tahlil qilsak, uning nazariy modelida jiddiy bo‘shliq borligi ko‘rinadi. Differensial assotsiatsiya nazariyasi birinchi bo‘lib ushbu guruhga giyohvandlik vositasini olib kirgan, jinoiy harakatni ilk bor boshlagan yoki tashkil qilgan “yetakchi” (lider) shaxsning jinoiy motivatsiyasi qanday shakllanganini tushuntira olmaydi. Chunki o‘sha birinchi shaxs bu illatni atrofidagilardan o‘rganmagan, balki o‘zi tashabbus ko‘rsatgan. Bundan tashqari, Sazerlend nazariyasi insonning shaxsiy irodasi, tanlov erkinligi va salbiy ta’sirlarga qarshi tura olish qobiliyatini (psixologik bardoshlilik) inobatga olmaydi, insonni go‘yoki atrof-muhitning ko‘r-ko‘rona qurboni sifatida tasvirlaydi.

Giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalarning qonunga xilof muomalasi sohasida davlatning repressiv (jazolovchi) siyosati bilan ijtimoiy-reabilitatsion choralari o‘rtasidagi nozik muvozanatni ilmiy baholashda amerikalik sotsiolog Xovard Beker tomonidan ishlab chiqilgan ***“yorliqlashtirish nazariyasi”*** konseptual ahamiyat kasb etadi. Klassik kriminologiyadan farqli o‘laroq, Beker diqqatni jinoyatchining o‘ziga emas, balki davlat va jamiyatning jinoyatga bo‘lgan reaksiyasiga qaratadi. Ushbu nazariyaga ko‘ra, “og‘ish (deviant) xulq-atvor” shunchaki obyektiv jinoiy harakat emas, balki qonun chiqaruvchilar va huquqni muhofaza qiluvchi organlar tomonidan muayyan shaxslarga nisbatan qo‘llaniladigan ijtimoiy bahoning – “jinoyatchi” degan yorliqning natijasi [7].

Beker jinoyatchilik rivojlanishini ikki bosqichga ajratadi: bir martalik adashish bo‘lgan “birlamchi deviatsiya” va davlat tomonidan qo‘llanilgan jinoiy jazodan keyin shakllanuvchi “ikkilamchi deviatsiya”. Agar giyohvandlik zanjiriga adashib kirib qolgan yoki faqat iste’molchi bo‘lgan shaxs davlat tomonidan qattiq jazolansa va unga jamiyatda “giyohvand”, “mahkum” degan rasmiy yorliq yopishtirilsa, insonning normal ijtimoiy hayotga qaytish yo‘llari (ishga kirish, obro‘ga erishish) butunlay yopiladi. Natijada, shaxs ushbu yorliqni ichki psixologik omil sifatida qabul qiladi va jinoiy submadaniyatga yanada chuqurroq singib ketadi.

Yorliqlashtirish nazariyasi zamonaviy kriminologiyada giyohvandlikka qaram shaxslarni faqatgina qamoqqa tiqilishi kerak bo‘lgan jinoyatchi emas, balki tibbiy-ijtimoiy davolanishga va reabilitatsiyaga muhtoj subyekt sifatida ko‘rish tizimining nazariy asosi bo‘lib xizmat qildi. U davlatni haddan tashqari repressiv siyosatdan va ortiqcha kriminalizatsiyadan tiyib turuvchi, jinoiy jazo o‘rniga tibbiy-ijtimoiy ta’sir choralarini qo‘llash zarurligini ko‘rsatuvchi kuchli ilmiy vositadir. MDH olimlaridan Ye.V. Leonova ham giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasining oldini olishda jazolashdan ko‘ra shaxsni qayta ijtimoiylashtirish dasturlari samaraliroq ekanligini nazariy asoslashda ushbu konsepsiya prinsiplariga tayanadi [8].

Ushbu nazariyaning katta kamchiligi va nazariy zaifligi shundaki, u davlatning qonuniy jinoiy jazo tizimini go‘yoki jinoyatchilikni bartaraf etuvchi emas, balki uni ko‘paytiruvchi salbiy omil sifatida ko‘rsatadi. Nazariya jinoiy jazoning umumiy va xususiy prevensiya (ya’ni potensial jinoyatchilarni qo‘rqitib, to‘xtatib turish) funksiyasini butunlay inkor etadi. Agar biz giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalarning qonunga xilof muomalasi sohasida yorliqlashtirish nazariyasiga ko‘r-ko‘rona ergashib, jazo choralarini butunlay susaytirsak yoki jinoiy javobgarlikdan voz kechsak, bu ushbu jinoyatchilik tashkilotchilarining mutlaqo jazosiz qolishiga va jamiyatda giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasi bilan bog‘liq vaziyatining keskin portlashiga olib kelishi muqarrar. Demak, bu yondashuv ham muammoni hal etishda bir tomonlama va muvozanatsizdir.

Giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasining muayyan hududlarda va makonlarda (masalan, ma’lum bir tumanlarda, ko‘ngilochar maskanlar atrofida yoki ta’lim muassasalari yaqinida) to‘planishi va rivojlanishini sof kriminologik omillar asosida tushuntirishda L. Koen va M. Felson tomonidan ilgari surilgan ***“kundalik faoliyat nazariyasi”*** muhim o‘rin tutadi [9]. Bu nazariya jinoyatning kelib chiqishini insonning ichki ijtimoiy deformatsiyalari bilan emas, balki kundalik hayotdagi qulay vaziyatlar bilan bog‘laydi. Nazariyaga ko‘ra, har qanday jinoiy qilmish, jumladan giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasi sodir bo‘lishi uchun vaqt va makon kesimida uchta majburiy unsurning bir vaqtda uchrashishi talab etiladi: motivatsiyalashgan huquqbuzar, munosib nishon va yetarli himoya yoki nazoratning yo‘qligi.

Giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasi kontekstida ushbu nazariya jinoiy vaziyatni juda aniq ochib beradi. “Motivatsiyalashgan huquqbuzar” – bu narkotiklarni tarqatuvchi yoki yashirin joylarga qo‘yuvchi shaxs; “munosib nishon” – bu giyohvandlikka moyil bo‘lgan yoshlar yoki himoyalanmagan hudud; “yetarli nazoratning yo‘qligi” esa – huquq-tartibot tizimi yo‘nalishlarining sustligi, hududlarning tunda yoritilmaganligi yoki kuzatuv kameralarining mavjud emasligidir.

Koen va Felson nazariyasi kriminologiya fanida “situatsion profilaktika” konsepsiyasi shakllanishiga olib keldi. U huquqni muhofaza qiluvchi organlarga jinoyatchining shaxsini o‘zgartirishga urinishdan ko‘ra, jinoyat sodir etiladigan makonni – tashqi sharoitni o‘zgartirishni, ya’ni jinoyat sodir etishni texnik jihatdan qiyinlashtirishni nazariy asoslab berdi. Bu nazariya bugungi kunda ichki ishlar organlari tomonidan “Xavfsiz hudud”, “Xavfsiz mahalla” dasturlari doirasida kuzatuv kameralarini o‘rnatish, ichki ishlar va Milliy gvardiyaning jamoat tartibini saqlash bo‘linmalarini “issiq nuqtalar”ga yo‘naltirish faoliyatining ilmiy asosidir. MDH olimlaridan I.A. Tarasov ham giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasining oldini olishda zamonaviy raqamli texnik-kuzatuv metodlarining ustuvor bo‘lishi lozimligini bayon qilishda aynan mana shu situatsion yondashuvga tayanadi [10].

Biroq, ushbu nazariya giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasining tub ijtimoiy va kriminologik sabablarini butunlay inkor etadi, ularni o‘rganishni rad etadi. Nazariya jinoyat sodir etilishining faqatgina tashqi sharoitlariga e’tibor qaratadi. Kamchiligi shundaki, agar davlat faqatgina tashqi nazoratni kuchaytirsa (kameralar qo‘ysa, to‘siqlar o‘rnatsa), bu jinoyatchilikning ildizini yo‘qotmaydi, balki uni boshqa – nazorat sust bo‘lgan hududlarga yoki shifrlangan virtual makonga (ijtimoiy tarmoqlar, darknetga) ko‘chishiga olib keladi, xolos. Ya’ni, jinoyatning ichki motivatsiyasi baribir saqlanib qolaveradi.

Giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasi zanjirining eng xavfli qismi bo‘lgan narkotiklarni ulgurji yetkazib beruvchilar, sotuvchilar va yashirin tarmoq tashkilotchilarining xulq-atvorini tushuntirishda ***“iqtisodiy-ratsional tanlov nazariyasi”*** eng kuchli ilmiy vosita hisoblanadi. Nobel mukofoti laureati Geri Bekker va kriminolog Derek Kornish tomonidan rivojlantirilgan ushbu yondashuv jinoyat sodir etishni insonning ruhiy kasalligi emas, balki uning iqtisodiy jihatdan qilgan ongli, ratsional tanlovi deb hisoblaydi [11]. Nazariyaga ko‘ra, jinoyatchi qilmishga qo‘l urishdan avval “xavf va foyda” nisbatini taroziga qo‘yib baholaydi. Agar jinoyatdan keladigan moliyaviy daromad davlat tomonidan belgilangan jazoning og‘irligi va qo‘lga tushish xavfidan ancha ustun bo‘lsa, shaxs ongli ravishda jinoyat sodir etishni tanlaydi.

Giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasi sohasida bu nazariya yaqqol namoyon bo‘ladi. Sababi, giyohvandlik vositalarining noqonuniy savdosi dunyodagi eng serdaromad yashirin “biznes” turlaridan biridir. Jinoyatchilar xavf-xatar yuqori bo‘lishiga qaramay, yuqori foyda uchun bu yo‘lni ongli ravishda tanlaydilar.

Ratsional tanlov nazariyasi davlatning jinoiy-huquqiy siyosatini to‘g‘ri belgilashga yordam beradi. U nazariy jihatdan giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasining oldini olish uchun jinoyat sodir etish “xavfi”ni keskin oshirish, ya’ni jazoning muqarrarligini ta’minlash va jinoiy daromadlarni musodara qilish mexanizmlarini qat’iylashtirishi shart. Bu yondashuv xorijlik olimlar P. Ryoyter va J. Kalkins ishlarida ham o‘z aksini topgan bo‘lib, ular “narkobozor”ning iqtisodiy jozibadorligini sindirish ustuvor preventiv chora ekanligini ko‘rsatib berganlar [12].

Ushbu nazariyaning kamchiligi shundaki, u giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalarning

O‘z.KTI | Kriminologik faoliyat _ Ilmiy-amaliy jurnal | №3-2026 (8)

qonunga xilof muomalasi zanjiridagi barcha subyektlarni birdek “aqlli va ratsional hisob-kitob qiluvchi shaxslar” deb xato baholaydi. Vaholanki, amaliyotda surunkali giyohvandlikka qaram bo‘lgan shaxslarning xulq-atvori hech qanday ratsional mantiqqa bo‘ysunmaydi. Ular navbatdagi dozani topish yoki pul topish uchun jinoyatga qo‘l urayotganda jazoning muddati yoki qo‘lga tushish xavfi haqida umuman o‘ylamaydilar. Ularning harakatlarini iqtisodiy hisob-kitob emas, balki jismoniy-biologik qaramlik va ruhiy deformatsiya boshqaradi. Shu sababli, ratsional tanlov nazariyasi giyohvand jinoyatchilar xususiyatini ochib berishda sayozdir.

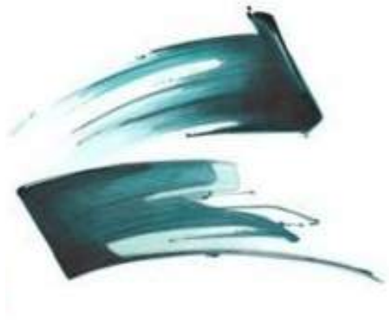
Giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalarning qonunga xilof muomalasi muammosini nazariy tadqiq etishda kriminologiyaning maxsus tarmog‘i bo‘lgan ***“viktimologiya nazariyasi”***ni ham chetda qoldirib bo‘lmaydi. Bu yondashuv diqqatni jinoyatchiga emas, balki jabrlanuvchining shaxsi va xulq-atvoriga qaratadi. Giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalarning qonunga xilof muomalasi tarkibida jabrlanuvchi roli juda o‘ziga xos fenomen hisoblanadi, chunki bu jinoyatchilikda ko‘pincha an’anaviy ma’nodagi (masalan, o‘g‘rilik yoki qotillikdagi kabi) tashqi aniq jabrlanuvchi mavjud bo‘lmaydi.

Viktimologik nazariya asoschilaridan biri Benjamin Mendelson konsepsiyasiga ko‘ra, narkotiklarni sotib oluvchi va iste’mol qiluvchi shaxsning o‘zi bir vaqtning o‘zida ham huquqbuzar, ham “o‘z-o‘zini jabrlantiruvchi” subyekt (qurbon) sifatida baholanadi [13]. Bu yerda shaxsning viktimligi uning psixologik zaifligi, ijtimoiy deformatsiyasi yoki atrof-muhitning salbiy ta’siri natijasida yuzaga keladi va u jinoiy tarmoqlarning qurboniga aylanadi.

Viktimologik nazariyaga ko‘ra, narkotiklarni sotib oluvchi va iste’mol qiluvchi shaxsning o‘zi bir vaqtning o‘zida ham huquqbuzar, ham “o‘z-o‘zini jabrlantiruvchi” subyekt hisoblanadi. Bu yerda shaxsning viktimligi uning psixologik zaifligi, ijtimoiy deformatsiyasi yoki atrof-muhitning salbiy ta’siri natijasida yuzaga keladi va u jinoiy tarmoqlarning qurboniga aylanadi. Mahalliy olimlardan J.S. Anvarov ham giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasining profilaktikasida viktimologik usullarini qo‘llash, ya’ni potensial iste’molchilarning viktimlik darajasini kamaytirish orqali narkobozordagi “talab”ni so‘ndirish mumkinligini aynan ushbu nazariya asosida bayon qilgan [14].

Ushbu yondashuvning zaif tomoni shundaki, u jinoyatchi bilan jabrlanuvchi o‘rtasidagi huquqiy chegarani xiralashtirib yuboradi. Narkotik modda iste’mol qiluvchi shaxsni haddan tashqari “qurbon” sifatida ko‘rsatish va uni ayash, jamiyatda ushbu qilmish uchun shaxsiy javobgarlik hissini susaytirib yuborishi mumkin. Fransuz kriminologi R. Kassan o‘z tadqiqotlarida ta’kidlaganidek, viktimlikka ortiqcha urg‘u berish jinoyatning obyektiv ijtimoiy xavflilik darajasini soyada qoldiradi [15]. Vaholanki, har bir shaxs o‘z qilmishi uchun qonun oldida ongli ravishda javob berishi shart. Bu nazariya huquqiy javobgarlik prinsipini zaiflashtirish xavfini tug‘diradi.

Yuqorida qayd etilgan jahon kriminologiyasining fundamental nazariyalari (anomiya, ijtimoiy nazorat (bog‘lanish), differensial assotsiatsiya (ijtimoiy o‘rganish), yorliqlashtirish, kundalik faoliyat, ratsional tanlov, viktimologiya) giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasi muammosini ma’lum bir yondashuv orqali muvaffaqiyatli yoritib bersa-da, ularning hech biri ushbu transmilliy va ko‘p omilli illatni yakka o‘zi to‘liq izohlashga qodir emas. Shu sababli, zamonaviy preventiv siyosatda kompleks (integrativ) yondashuv ustuvor ahamiyat kasb etmoqda. Unga ko‘ra, giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar qonunga xilof muomalasining oldini olish bir vaqtning o‘zida uchta darajadagi omillar – makroijtimoiy (iqtisodiy notenglik, qonunchilik bo‘shliqlari), mikroijtimoiy (oila, mahalla, do‘stlar davrasi) va individual-psixologik (shaxsning addiktiv xulq-atvori, viktimligi) determinantlarning o‘zaro sintezi asosida tashkil etilishi shart.

Foydalanilgan manbalar

1. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, 2006. – С.142–145.
2. Абдурасулова Қ.Р. Криминология: Дарслик. – Тошкент: ТДЮУ, 2021. – С.115
3. Hirschi T. Causes of Delinquency. – Berkeley: University of California Press, 1969. – Pp. 68.
4. Краснова К. А. Криминологическая система предупреждения преступности несовершеннолетних в сфере незаконного оборота наркотиков: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2016. – С. 215.
5. Sutherland E. H. Principles of Criminology. – Philadelphia: Lippincott, 1947. – Pp. 89.
6. Утениязов М.К. Вояга етмаганлар гиёҳвандлигининг олдини олиш муаммолари: Юрид. фан. ном ... дис. автореф. – Тошкент, 2004. – 22 б.
7. Becker H. S. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. – New York: Free Press, 1963. – P. 53.
8. Леонова Е. В. Предупреждение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: Дис. ... канд. юрид. наук. – Пермь, 2014. – С. 92.
9. Cohen L.E., Felson M. Social Change and Crime Rate Trends: A Routine Activity Approach // American Sociological Review. – 1979. – Vol. 44. – No. 4. – Pp. 588.
10. Тарасов И.А. Особенности расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотивов: дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2022. – С. 105.
11. Корниш Д., Кларк Р. Рациональный выбор и ситуативная профилактика преступлений // Криминология и общество. – М., 2004. – С. 24.
12. Reuter P., Caulkins J.P. The analytical foundations of drug policy // Journal of Policy Analysis and Management. – 2011. – Vol. 30. – No. 1. – Pp. 120.
13. Mendelsohn B. La victimologie: Une nouvelle branche de la science bio-psycho-sociale // Revue Internationale de Criminologie et de Police Technique. – Genève, 1956. – Vol. 10. – No. 2. – Pp. 40.
14. Анваров Ж.С. Гиёҳвандлик воситаларининг қонунга хилоф муомаласи билан боғлиқ жиноятчиликнинг виктимологик профилактикасини такомиллаштириш: Юрид. фан. бўйича фалсафа д-ри (PhD) ... дис. автореф. – Тошкент: ИИВ Академияси, 2022. – С.78.
15. Cassagne R. Les paradoxes de la victimologie moderne и dans la criminalité liée aux stupéfiants // Revue de science criminelle et de droit pénal comparé. – Paris, 2018. – No. 3. – Pp.112.

JINOYATCHILIKNING OLDINI OLISH VA UNGA QARSHI KURASHISH MEXANIZMLARINI TAKOMILLASHTIRISH

BOLIYEV
Umar Usmonovich
Kriminologiya tadqiqot instituti
mustaqil izlanuvchisi

Annotatsiya. *Maqolada jinoyatchilikning oldini olishning mazmun-mohiyati, profilaktikaning asosiy yo‘nalishlari va O‘zbekistonda shakllanayotgan milliy yondashuv tahlil qilingan. Jinoyatchilikka qarshi kurashishning eng samarali yo‘li jinoyat sodir etilgandan keyin chora ko‘rish emas, balki uni keltirib chiqaruvchi sabab va shart-sharoitlarni oldindan aniqlab, bartaraf etishdan iboratdir. Shu nuqtayi nazardan, mahalla tizimi, aholi bilan manzilli ishlash va jamoatchilik ishtirokini kuchaytirish profilaktikaning muhim omili sifatida baholangan. Ayni paytda, idoralararo axborot almashinuvi, raqamli jinoyatchilikka qarshi kurashish va jabrlanuvchilar bilan ishlashda mavjud kamchiliklar ko‘rsatib o‘tilgan. Maqolada ushbu muammolarni bartaraf etish uchun huquqiy mexanizmlarni takomillashtirish, raqamli texnologiyalardan samarali foydalanish, idoralararo hamkorlikni kuchaytirish va jamoatchilikning profilaktikadagi rolini oshirish bo‘yicha amaliy takliflar ilgari surilgan.*
Kalit so‘zlar: *jinoyatchilik, jinoyatchilikning oldini olish, profilaktika, huquqbuzarlik, jamoat xavfsizligi, mahalla tizimi, huquqni muhofaza qilish organlari, raqamli jinoyatchilik, jabrlanuvchi, kriminologiya*

Аннотация. *В статье анализируются сущность профилактики преступности, основные направления предупредительной деятельности и формирующийся в Узбекистане natsіональный подход к решению этой задачи. Наиболее эффективный способ борьбы с преступностью заключается не в принятии мер после совершения правонарушения, а в заблаговременном выявлении и устранении причин и условий, способствующих его возникновению. С этой точки зрения важными факторами профилактики считаются система махалли, адресная работа с населением и расширение участия общественности. В то же время отмечаются недостатки в межведомственном informatsіonном обмене, борьбе с киберпреступностью и работе с потерпевшими. Для решения этих проблем в статье выдвигаются практические предложения по совершенствованию правовых механизмов, эффективному использованию цифровых технологий, укреплению межведомственного взаимодействия и повышению роли общественности в профилактической деятельности.*
Ключевые слова: *преступность, предупреждение преступности, профилактика, правонарушение, общественная безопасность, институт махалли, правоохранительные органы, цифровая преступность, потерпевший, криминология.*

Abstract. *This article analyzes the essence of crime prevention, the main directions of preventive activities, and the national approach to addressing this task currently emerging in Uzbekistan. The most effective way to combat crime lies not in taking measures after an offense has been committed, but in proactively identifying and eliminating the causes and conditions that contribute to its occurrence. From this perspective, the «mahalla» system, targeted engagement with the population, and expanded public participation are considered key factors in prevention. At the same time, shortcomings are noted in interagency information sharing, the fight against cybercrime, and support for victims. To address these issues, the article puts forward practical proposals for improving legal mechanisms, effectively utilizing digital technologies, strengthening interagency cooperation, and enhancing the role of the public in prevention efforts.*
Keywords: *Crime, crime prevention, prophylaxis, offense, public safety, mahalla system, law enforcement agencies, digital crime, victim, criminology.*

Jinoyatchilikka qarshi kurashish davlatning faqat repressiv (jazolash) funksiyasi emas, balki shaxs, jamiyat va davlat xavfsizligini ta’minlashga qaratilgan kompleks ijtimoiy-huquqiy faoliyatidir. Zamonaviy kriminologiyada “jinoyat sodir bo‘lgandan keyin javob berish” modeli tobora ko‘proq “xavfni oldindan aniqlash – sabab va shart-sharoitlarni bartaraf etish – jabrlanuvchini himoya qilish – natijani o‘lchash” zanjiri bilan to‘ldirilmoqda. O‘zbekiston Respublikasining “Huquqbuzarliklar profilaktikasi to‘g‘risida”gi qonunida profilaktika huquq-tartibotni saqlash va mustahkamlash, huquqbuzarliklarni aniqlash va ularga barham berish, shuningdek, ularning sodir etilishi sabablarini hamda ularga imkon berayotgan shart-sharoitlarni aniqlash va bartaraf etishga qaratilgan umumiy, maxsus, yakka tartibdagi va viktimologik choralar tizimi sifatida mustahkamlangan [1].

Jamiyatning barqaror rivojlanishi, avvalo, unda tinchlik, osoyishtalik va huquqiy tartibning mustahkam bo‘lishiga bog‘liq. Fuqarolar o‘z uylarida, ko‘chada, ishxonasida o‘zini xavfsiz his qilgan jamiyatda insonlar farovon yashaydi, jamiyatda iqtisodiyot rivojlanadi. Shu bois jinoyatchilikka qarshi kurashish va uning oldini olish masalasi barcha davlatlardagi kabi O‘zbekistonda ham doimiy dolzarb mavzulardan hisoblanadi. Ko‘pchilik *"jinoyatchilikka qarshi kurashish"* deganda faqat ichki ishlar organlarining jinoyat sodir etgan shaxslarni qidirib topishi va jazolashini tushunadi. Aslida esa, jinoyatchilikning oldini olish masalasi bu bilan cheklanmaydi.

Bugungi kunda jinoyatchilikka qarshi kurashishda eng to‘g‘ri yondashuv – jinoyat sodir etilgandan keyin chora ko‘rish emas, balki uning oldini olishdir. Buning uchun jinoyatga olib kelishi mumkin bo‘lgan sabab va sharoitlarni oldindan aniqlash va bartaraf etish lozim. Oddiy qilib aytganda, kasallikni davolashdan ko‘ra, uning oldini olgan ma’qul. Jinoyatchilikka ham shu tamoyil asosida yondashish lozim.

Milliy statistika qo‘mitasi ma’lumotiga ko‘ra, O‘zbekistonda ro‘yxatga olingan jinoyatlar soni 2020-yildagi 62 081 tadan 2025-yilda 155 002 taga yetgan [2]. Biroq bu o‘sishni avtomatik ravishda “jinoyatchilik ikki yarim baravar yomonlashdi” deb talqin qilish ilmiy jihatdan to‘g‘ri emas. Birinchidan, ro‘yxatga olish va aniqlash amaliyotidagi o‘zgarishlar statistikaga ta’sir qiladi. Ikkinchidan, 2025-yil yakunida jami jinoyatlarning 49,6 foizi kiberjinoyatlar hissasiga to‘g‘ri kelgan, oldi olinishi lozim bo‘lgan jinoyatlar esa 4,6 foizga kamaygan [3]. Demak, jinoyatchilikka qarshi kurashish siyosatni baholashda jinoyatlarning tuzilishi, latentlik, aniqlanish, hududiy va viktimologik xususiyatlar va profilaktika natijalarini birgalikda tahlil qilish talab etiladi.

Q.R.Abdurasulova kriminologiyaning hozirgi vazifalarini jinoyatchilik, uning sabab va shart-sharoitlari, jinoyatchi shaxsi, jabrlanuvchi va profilaktika qonuniyatlarini o‘rganish, kriminologik prognozlash hamda amaliyotni ilmiy taklif va tavsiyalar bilan ta’minlash bilan bog‘laydi [4]. N.S. Salayev penitensiar tizim misolida profilaktika faqat jazoni ijro etish jarayoni emas, balki mahkumni qayta ijtimoiylashtirish, psixologik qo‘llab-quvvatlash, jamoatchilik ishtirokini kuchaytirish va yangi jinoyat sodir etilishining oldini olishga qaratilgan kompleks funksiya[5] ekanini ta’kidlaydi.

Nazarimizda, ilmiy nazariy jihatdan jinoyat va jinoyatchilik bir-biridan farq qilishini aniq va tushunarli tushunchalar bilan quyidagicha farqlash maqsadga muvofiq:

Ya’ni, ***jinoyat*** – bu muayyan bir shaxs tomonidan sodir etilgan, jinoyat qonuni bilan taqiqlangan va jazo belgilangan aniq qilmish. Masalan, o‘g‘rilik, firibgarlik, tan jarohati yetkazish yoki pora olish alohida jinoyat hisoblanadi. Demak, jinoyat deganda bitta aniq voqea yoki qilmish tushuniladi. ***Jinoyatchilik*** esa – muayyan hududda va ma’lum vaqt davomida sodir etilgan barcha jinoyatlarning umumiy holatini ifodalovchi ijtimoiy hodisa. Masalan, bir yil davomida Toshkent shahrida sodir etilgan barcha o‘g‘rilik, firibgarlik, bezorilik va boshqa jinoyatlar yig‘indisi jinoyatchilik holatini ko‘rsatadi.

O‘z o‘rnida, “jinoyatchilikning oldini olish” jumlasining ham aniq ma’nosini ifodalash lozim. Xususan, *jinoyatchilikning oldini olish* jinoyat sodir etilgandan keyin unga munosabat bildirish emas, balki jinoiy xavfni oldindan ko‘ra bilish, uni yuzaga keltiruvchi omillarga maqsadli ta’sir ko‘rsatish va jamiyatda xavfsiz huquqiy muhitni shakllantirishga qaratilgan uzluksiz kriminologik faoliyatdir.

Milliy kriminologik maktabda jinoyatchilikning sabablari va shart-sharoitlarini aniqlash, shaxsning g‘ayriijtimoiy xulqini tuzatish, jabrlanuvchining

xavfsizligini ta’minlash, prognozlash va profilaktik tavsiyalar ishlab chiqish bir-biri bilan uzviy bog‘liq jarayon sifatida talqin qilinadi.

Q.R. Abdurasulovaning talqiniga ko‘ra, kriminologiya amaliyotdan ajralgan nazariy fan emas, balki huquqbuzarliklar profilaktikasi samaradorligini oshirish uchun ilmiy tavsiyalar beruvchi ijtimoiy-huquqiy fan hisoblanadi. Bu fikr profilaktika qarorlarini «tajribada shunday» degan idoraviy odatga emas, balki tahliliy dalillarga asoslash kerakligini anglatadi.

N.S. Salayevning penitensiar profilaktikaga doir tadqiqotlari esa jinoyatchilikka qarshi kurashishda jazoni ijro etishdan keyingi bosqichning ahamiyatini ko‘rsatadi. Muallif qayta ijtimoiylashtirish, psixologik yordam va jamoatchilik ishtirokini kuchaytirish retsidivning oldini olishga xizmat qilishini asoslaydi. Shundan kelib chiqib, probatsiya nazorati faqat cheklov va tekshiruvlar majmui sifatida emas, bandlik, hujjatlashtirish, kasbiy ko‘nikma, oilaviy muhit va ijtimoiy xizmatlar bilan bog‘langan «qayta integratsiya yo‘nalishi» sifatida tashkil etilishi maqsadga muvofiq.

Amaliyotda ijtimoiy profilaktika va manzilli ishlash elementlari kengaymoqda. Ichki ishlar vazirligi ma’lumotiga ko‘ra, 2025-yilning birinchi olti oyida oldini olish mumkin bo‘lgan jinoyatlar 2 011 taga kamaygan va mahallalarning 55 foizida jinoyat sodir etilishiga yo‘l qo‘yilmagan [6]. Shuningdek, 2025-yilda besh viloyatdagi kriminogen vaziyati og‘ir 419 ta mahallaga xizmat qiluvchi mahalla huquq-tartibot maskanlari tashkil etilib, profilaktika, tezkor-qidiruv, patrul-post, yo‘l-patrul, xotin-qizlar va probatsiya yo‘nalishlari bir nuqtada integratsiya qilingan [7]. Mazkur modelning kuchli jihati muammoni faqat profilaktika inspektoriga yuklamasdan, funksional guruh asosida hal etishdan iborat.

Raqamli va texnik vositalardan ham keng foydalanilmoqda. Masalan, birgina Yakkabog‘ tumanida 2025-yil davomida mahallalarning kirish-chiqish joylari, ko‘p qavatli uylar, savdo markazlari, bozorlar va maktablarga 1 054 ta videokuzatuv kamerasi, 104 ta domofon majmuasi va 63 ta tashvish tugmasi o‘rnatilgani qayd etilgan [7]. Bunday infratuzilma jinoyatning fosh etilishi va tezkor javob choralariga yordam berishi mumkin, biroq uning real profilaktik ta’siri jinoyatlar soni, takroriy chaqiriqlar, fosh etish vaqti va fuqarolarning xavfsizlik hissi kabi indikatorlar bilan alohida baholanishi zarur.

E’tiborli tomoni bugungi kunda O‘zbekistonda jinoyatchilikning oldini olishda mahallaning o‘rni juda muhim. Mahalla aholi bilan yaqin hamkorlikda ishlaydi va hududdagi muammolarni tezda aniqlash imkoniyatiga ega. Shu sababli mahalla tizimi orqali jinoyatlarning oldini olish tajribasi o‘ziga xos “o‘zbek modeli” sifatida qaraladi [8]. Bu tizimda mahalla faollari, profilaktika inspektorlari va jamoat tashkilotlari birgalikda ishlaydi. Ular muammoli oilalarni o‘z vaqtida aniqlaydi, ular bilan ishlaydi va oiladagi kelishmovchiliklarni bartaraf etishga yordam beradi. Shuningdek, yoshlar va boshqa nazoratga muhtoj fuqarolar bilan profilaktik ishlar olib boriladi. Bunday hamkorlik jinoyat sodir bo‘lgandan keyin chora ko‘rishdan ko‘ra, uning oldini olishga ko‘proq yordam beradi. Eng muhimi, mahalladagi muammolar qancha erta aniqlansa, ularni hal qilish va jinoyat sodir bo‘lishining oldini olish imkoniyati shuncha yuqori bo‘ladi.

2025-yil 3-yanvarda qabul qilingan Prezident qarorida mahallalarda jinoyatlarning oldini olishga alohida e’tibor qaratilgan. Unda har bir mahallada jinoyat sodir etilishiga sabab bo‘layotgan muammolarni erta aniqlash va ularni bartaraf etish vazifasi belgilangan. Ayniqsa, oilaviy nizolar va oila-turmush munosabatlari bilan bog‘liq jinoyatlarning oldini olishda ilmiy yondashuvdan foydalanish, ya’ni avval muammoni o‘rganish, keyin amaliy tavsiya berish va uning natijasini tekshirish tartibi joriy etilgan [9].

2026-yil 5-yanvarda qabul qilingan Prezident qarori bilan bu ishlar yanada kuchaytirildi. Unda kriminogen vaziyati murakkab, ya’ni “qizil” toifaga kiritilgan mahallalarda jinoyatlarning oldini olish va xavfsiz muhit yaratish bo‘yicha manzilli choralar belgilab berildi. Shuningdek, hokimlar va huquq-tartibot idoralari rahbarlarining bu yo‘nalishdagi mas’uliyati kuchaytirildi [10].

Bu o‘zgarishlardan ko‘rinib turibdiki, jinoyatchilikning oldini olish faqat ichki ishlar organlarining vazifasi emas. Bu ishda mahalliy hokimliklar, prokuratura, mahalla faollari, jamoatchilik va ilmiy muassasalar ham birgalikda ishtirok etishi kerak. Asosiy maqsad – jinoyat sodir bo‘lgandan keyin chora ko‘rish emas, balki uning sababini oldindan aniqlab, muammoni o‘z vaqtida hal qilishdir.

Bu borada ayrim xorijiy mamlakatlarda jinoyatchilikning oldini olishda politsiya va aholi hamkorligiga katta ahamiyat beriladi. Bunday yondashuvda politsiya faqat jinoyat sodir bo‘lgandan keyin chora ko‘rmaydi, balki mahalliy aholi bilan birga muammolarni aniqlab, ularning oldini olishga harakat qiladi. BMTning jinoyatchilikning oldini olish bo‘yicha materiallarida ham jamoatchilik ishtirokini kuchaytirish va aholi bilan hamkorlikda ishlash samarali usullardan biri sifatida ko‘rsatilgan [10].

Shuningdek, ko‘plab davlatlarda jinoyat sodir etgan shaxslarni jazoni o‘tab bo‘lgandan keyin jamiyatga qayta moslashtirishga e’tibor qaratiladi. Bunda ularga ish topish, kasb o‘rgatish, psixologik va ijtimoiy yordam ko‘rsatish kabi choralar qo‘llaniladi. UNODC (***BMTning Giyohvandlik vositalari va jinoyatchilik bo‘yicha boshqarmasi*** (*United Nations Office on Drugs and Crime*) ma’lumotlariga ko‘ra, bunday reabilitatsiya va ijtimoiy moslashuv dasturlari qayta jinoyat sodir etish xavfini kamaytirishga yordam beradi [11].

Erishilgan yutuqlarga qaramasdan, jinoyatchilikning oldini olish yo‘nalishida hali ham ***ayrim muammolar*** mavjud.

Birinchidan, axborot almashinuvi yetarli darajada yo‘lga qo‘yilmagan. Huquqni muhofaza qiluvchi organlar, mahalliy hokimiyat, ta’lim va sog‘liqni saqlash muassasalari o‘rtasida xavfli holatlar haqidagi ma’lumotlar har doim ham o‘z vaqtida almashilmaydi. Masalan, oiladagi zo‘ravonlik yoki voyaga yetmaganlarning nazoratsiz qolishi kabi holatlar haqida ma’lumot kech yetkazilsa, muammoni o‘z vaqtida bartaraf etish yoki huquqbuzarlikning oldini olish qiyinlashadi.

Ikkinchidan, profilaktika ishlari ayrim hollarda tizimli olib borilmaydi. Oiladagi muammolarni aniqlash va jinoyatlarning oldini olish bo‘yicha ishlar ba’zan vaqtinchalik tadbirlar bilan cheklanib qoladi. Aslida profilaktika doimiy ravishda, muammoning sabablarini o‘rgangan holda olib borilishi kerak .

Uchinchidan, raqamli jinoyatchilikka qarshi kurashishda ayrim kamchiliklar mavjud. Internet orqali sodir etiladigan firibgarlik, kiberhujum va boshqa huquqbuzarliklar yangi usullarda sodir etilmoqda. Shu sababli ularni aniqlash va oldini olish uchun zamonaviy texnik vositalardan foydalanish hamda mutaxassislarning bilim va ko‘nikmalarini oshirish zarur.

To‘rtinchidan, jabrlanuvchilar bilan ishlashni yanada kuchaytirish lozim. Jinoyatdan jabrlangan shaxslarga psixologik va ijtimoiy yordam ko‘rsatish muhim ahamiyatga ega. Bunday yordamning yetarli bo‘lmasligi ayrim hollarda jabrlanuvchilarning huquqni muhofaza qiluvchi organlarga murojaat qilishdan tortinishiga sabab bo‘lishi mumkin.

Beshinchidan, profilaktika ishlarining natijalarini baholash masalasi dolzarb bo‘lib qolmoqda. Amalga oshirilgan profilaktika tadbirlari haqiqatan ham jinoyatchilikni kamaytirishga qanchalik ta’sir qilayotganini aniqlash uchun aniq statistik va ilmiy mezonlardan foydalanish kerak. Bunday baholash kelgusida qaysi usullar samarali, qaysi yo‘nalishlarda esa qo‘shimcha choralar zarurligini belgilash imkonini beradi.

Yuqoridagi muammolarni bartaraf etish uchun quyidagi ishlarga e’tibor berish zarur:

Birinchisi, huquqni muhofaza qiluvchi organlar, mahalliy hokimliklar, mahalla va boshqa tegishli tashkilotlar o‘rtasida axborot almashish tizimini takomillashtirish zarur. Bunda jinoyatchilik holati, huquqbuzarlikka moyil shaxslar, xavf omillari va jinoyatchilik darajasi yuqori hududlar to‘g‘risidagi ma’lumotlarni yagona elektron tizim orqali o‘z vaqtida almashish muhimdir. Bu esa xavflarni barvaqt aniqlash, muammoli hudud va shaxslarni belgilash hamda manzilli profilaktik choralarni samarali tashkil etish imkonini beradi.

Ikkinchisi, profilaktika ishlarini kuchaytirish lozim. Bunda jinoyatchilikning holati va dinamikasi, uning sabab va shart-sharoitlari hamda xavf guruhidagi shaxslarni tahlil qilish asosida xavflarni oldindan aniqlash va manzilli profilaktik choralarni o‘z vaqtida amalga oshirish zarur.

Uchinchisi, jinoyatlarning oldini olish va ularni tezkor aniqlashda raqamli texnologiyalardan samarali foydalanish zarur. Xususan, videokuzatuv tizimlari, sun’iy intellekt, geoinformatsion tizimlar (GIS), raqamli ma’lumotlar bazalari va analitik platformalardan foydalanish jinoyatchilikning hududiy va vaqt bo‘yicha tarqalishini tahlil qilish, xavfli hududlarni aniqlash hamda profilaktik choralarni manzilli tashkil etish imkonini beradi. Shu bilan birga, kiberjinoyatlarni aniqlash, raqamli izlarni tahlil qilish va kiberxavflarga tezkor javob qaytarish mexanizmlarini takomillashtirish jinoyatchilikka qarshi kurashish samaradorligini oshiradi.

To‘rtinchisi, jinoyatchilikning oldini olishda mahalla va jamoatchilik ishtirokini kuchaytirish zarur. Xususan, huquqbuzarliklarning sabab va shart-sharoitlarini aniqlash, xavf guruhidagi shaxslar bilan profilaktik ishlarni olib borish, voyaga yetmaganlar va yoshlar o‘rtasida huquqbuzarliklarning oldini olish hamda muammoli holatlar haqida mas’ul tashkilotlarni o‘z vaqtida xabardor qilishda mahalla faollari va jamoatchilik rolini oshirish muhimdir. Bunday hamkorlik xavflarni barvaqt aniqlash, manzilli profilaktik choralarni amalga oshirish va xavfsiz ijtimoiy muhitni shakllantirish imkonini beradi.

Beshinchisi, jinoyat qurbonlariga ko‘rsatiladigan yordam samaradorligini oshirish zarur. Amaldagi tizimda ayollar va voyaga yetmagan jabrlanuvchilarga yordam ko‘rsatish mexanizmlari mavjudligini inobatga olib, xizmatlarning tezkorligi va o‘zaro muvofiqligini ta’minlash, shuningdek, barcha toifadagi jabrlanuvchilarning zarur yordamdan foydalanish imkoniyatlarini kengaytirish muhimdir. Jabrlanuvchilarni zarur xizmatlarga tezkor yo‘naltirish, individual ehtiyojlarini hisobga olish va takroriy jabrlanishning oldini olish bo‘yicha idoralararo hamkorlikni kuchaytirish ularning xavfsizligini ta’minlashga xizmat qiladi.

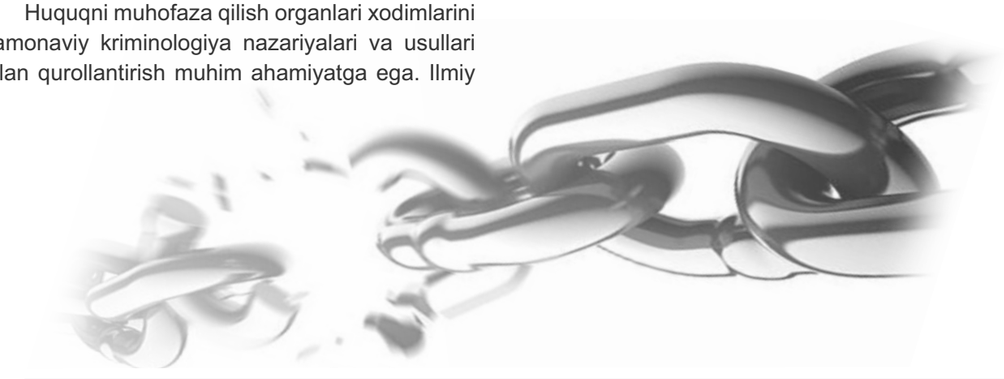
Oltinchisi, profilaktika ishlari samaradorligini muntazam baholab borish zarur. Bunda huquqni muhofaza qiluvchi organlar, mahalliy hokimliklar va boshqa mas’ul tashkilotlar jinoyatchilik va huquqbuzarliklar dinamikasi, profilaktik chora-tadbirlar natijadorligi hamda hududdagi xavf omillarining o‘zgarishini aniq mezonlar asosida tahlil qilishi lozim. Bu samarasiz choralarni aniqlash, resurslardan oqilona foydalanish va keyingi profilaktik tadbirlarni real natijalarga asoslangan holda belgilash imkonini beradi.

Huquqni muhofaza qilish organlari xodimlarini zamonaviy kriminologiya nazariyalari va usullari bilan qurollantirish muhim ahamiyatga ega. Ilmiy tadqiqotlarda ta’kidlanganidek, zamonaviy kriminologiya, viktimologiya va sotsiologiya fanlari jinoyatchilikning oldini olishga qaratilgan turli nazariya va konsepsiyalarni ishlab chiqqan bo‘lib, ularni amaliyotga to‘g‘ri tatbiq etish profilaktika samaradorligini oshiradi [12].

Demak, *xulosa sifatida* shuni ta’kidlash kerakki, jinoyatchilikning oldini olish faqat huquqni muhofaza qiluvchi organlarning vazifasi emas. Bu ishda davlat tashkilotlari, mahalla, jamoatchilik va oila hamkorlikda ishlashi kerak. Eng muhimi, jinoyat sodir bo‘lgandan keyin chora ko‘rish emas, balki uning sabablarini oldindan aniqlash va bartaraf etishdir.

Yuqorida ta’kidlanganidek, O‘zbekistonda jinoyatchilikning oldini olish bo‘yicha mahalla tizimiga tayangan yondashuv tobora kuchayib bormoqda. Mahalladagi muammolarni aniqlash, aholi bilan ishlash va profilaktika choralarini belgilashga alohida e’tibor qaratilmoqda. Bu jarayonda mas’ul tashkilotlar va mahalla o‘rtasidagi hamkorlik muhim ahamiyatga ega. Shu bilan birga, axborot almashinuvini yaxshilash, kiberjinoyatlarga qarshi kurashish, jabrlangan shaxslarga yordam ko‘rsatish va profilaktika ishlarining natijalarini baholashni yanada kuchaytirish zarur.

Buning uchun zamonaviy texnologiyalardan foydalanish, idoralar o‘rtasida hamkorlikni kuchaytirish va profilaktika ishlariga ilmiy yondashuvni kengaytirish maqsadga muvofiq. Umuman olganda, jinoyatchilikning oldini olishda eng samarali yo‘l – muammoni oldindan ko‘rish, uning sababini aniqlash va o‘z vaqtida chora ko‘rish. Bu kabi yondashuvlar faqat jinoyatlar sonini kamaytirishga emas, balki mamlakatda fuqarolar o‘zini xotirjam va xavfsiz his qiladigan muhitni shakllantirishga ham yordam beradi.

Foydalanilgan manbalar

1. O'zbekiston Respublikasining 2014-yil 14-maydagi O'RQ-371-son “Huquqbuzarliklar profilaktikasi to'g'risida”gi qonuni. URL: https://lex.uz/docs/2387357
2. O'zbekiston Respublikasi Milliy statistika qo'mitasi. Ro'yxatga olingan jinoyatlar soni (hududlar bo'yicha), indikator 2.04.09.0001. Yangilangan: 22.04.2026. URL: https://siat.stat.uz/data/800/?lang=uz.
3. O 'zbekiston Respublikasi Ichki ishlar vazirligi. 2025-yil 12 oyi yakunlari bo'yicha axborot-tahliliy ma'lumot // Rasmiy portal materiali, 2026.
4. Abdurasulova Q.R. Kriminologiya fanining vujudga kelishi, dolzarb vazifalari va rivojlanish istiqbollari // Yurisprudensiya, 2026. – 4(4). – B. 77–88. URL: https://yurisprudensiya.tsul.uz/index.php/yurisprudensiya/article/view/634
5. Salayev N.S. Penitensiar tizimda profilaktik funksiyaning ahamiyati va uning samaradorligini ta'minlash masalalari // Yurisprudensiya, 2026. URL: https://yurisprudensiya.tsul.uz/index
6. O'zbekiston Respublikasi IIVda 2025-yil 6 oyi davomida huquqbuzarliklar profilaktikasi va probatsiya yo'nalishida amalga oshirilgan ishlar yuzasidan videoselektor yig'ilishi, 13.07.2025. URL: https://gov.uz/iiv/news/view/68142.
7. O'zbekiston Respublikasi IIV “Mahallaga xavfsizlik, fuqaroga xotirjamlik – Davlat rahbarining qaror va topshiriqlari ijroda”, 2025. URL: https://gov.uz/oz/iiv/news/view/81428.
8. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2026-yil 5-yanvardagi PQ-2-son “2026-yilda respublika mahallalarida jinoyatchilikning barvaqt profilaktikasi samaradorligini yanada oshirish bo'yicha tashkiliy chora-tadbirlar to'g'risida”gi qarori. Rasmiy ijro materiallari: https://gov.uz/oz/zomin/news/view/128463.
9. Маҳаллаларда жиноятчиликнинг олдини олишда илмий ёндашув жорий этилмоқда. NORMA.UZ. Манба: https://www.norma.
10. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining «Respublika mahallalarida xavfsiz muhitni yaratish yo'nalishida yaxlit manzilli ishlash tizimini joriy etishga qaratilgan qo'shimcha chora-tadbirlar to'g'risida» 2026-yil 5-yanvardagi PQ-1-son qarori. – Toshkent, 2026.
11. Ilmiy tadqiqotlarni rivojlantirish istiqbollari: muammo va yechimlar. Ilmiy maqola (kriminologiya nazariyalari bo'yicha). Manba: https://proacademy. uz/postfiles/ sets/l5/-9/L5- 9b0QfV26NAIJH4 AUgHydSV6htFVW6.pdf.
12. Kriminologiyaning dolzarb masalalari: "Xavfsiz oila" (oilada profilaktika muammolari bo'yicha). Manba: https://kti.iiv.uz/storage/journal/files/ btMMwxA6STWbnVWwpfsh2CvheKkFeO.

HUQUQBUZARLIKLAR VA JINOYATCHILIKKA QARSHI KURASHISHDA IJTIMOIY TARMOQLAR HAMDA JAMOATCHILIK FIKRIDAN FOYDALANISH SAMARADORLIGINI OSHIRISH

MURZAJANOV
Shavkatbek Gafurovich
Kriminologiya tadqiqot instituti ilmiy xodimi

Annotatsiya. *Maqolada huquqbuzarliklar va jinoyatchilikka qarshi kurashishda fuqarolar murojaatlari bilan ishlash mexanizmini takomillashtirish masalalari kriminologik jihatdan tahlil qilingan. An'anaviy murojaat shakllaridan raqamli platformalarga o'tish, ijtimoiy tarmoqlardagi ijtimoiy fikr va aholi kayfiyatini monitoring qilishning ahamiyati ochib berilgan. Sun'iy intellekt va katta ma'lumotlar (Big Data) texnologiyalari yordamida latent jinoyatchilikni aniqlash hamda viktimologik profilaktika samaradorligini oshirish yo'llari ko'rib chiqilgan. Ijtimoiy mediada sun'iy intellektdan foydalanish va huquqni muhofaza qiluvchi organlar bilan jamiyat o'rtasida raqamli dialog modelini shakllantirish bo'yicha amaliy takliflar ilgari surilgan.*
Kalit so'zlar: *kriminologiya, murojaatlar mexanizmi, ijtimoiy tarmoqlar, jamoatchilik fikri, huquqbuzarliklar profilaktikasi, raqamli politsiya faoliyati, sun'iy intellekt, latent jinoyatchilik.*

Аннотация. *В исследовании с криминологической точки зрения анализируются вопросы совершенствования механизма работы с обращениями граждан в сфере борьбы с правонарушениями и преступностью. Раскрывается значимость перехода от традиционных форм обращений к цифровым платформам, а также мониторинга общественного мнения и настроений населения в социальных сетях. Рассмотрены способы выявления латентной преступности и повышения эффективности виктимологической профилактики с помощью технологий искусственного интеллекта и больших данных (Big Data). Выдвинуты практические предложения по внедрению искусственного интеллекта в социальные медиа и формированию модели цифрового диалога между правоохранительными органами и обществом.*
Ключевые слова: *криминология, механизм обращений, социальные сети, общественное мнение, профилактика правонарушений, цифровая полицейская деятельность, искусственный интеллект, латентная преступность.*

Abstract. *This study provides a criminological analysis of improving the mechanism for handling citizens' appeals in the field of combating offenses and crime. The article highlights the significance of transitioning from traditional forms of appeals to digital platforms, as well as monitoring public opinion and attitudes on social networks. It explores ways to detect latent crime and increase the effectiveness of victimological prevention using artificial intelligence and Big Data technologies. In conclusion, practical proposals are put forward for the integration of artificial intelligence in social media and the creation of a digital dialogue model between law enforcement agencies and society.*
Keywords: *criminology, mechanisms of appeals, social networks, public opinion, crime prevention, digital policing, artificial intelligence, latent crime.*

Mamlakatimizda amalga oshirilayotgan keng ko'lamli sud-huquq islohotlarining bosh mezonlaridan biri – fuqarolarning huquq va erkinliklarini ishonchli himoya qilish, ularning qonuniy manfaatlarini ta'minlash hamda davlat organlari faoliyatining ochiqligi va shaffofligiga erishishdan iborat. Xususan, huquqbuzarliklar va jinoyatchilikka qarshi kurashish, uning oldini olish borasidagi davlat siyosati endilikda faqatgina idoraviy yondashuvlar bilan cheklanib qolmasdan, balki keng jamoatchilik va fuqarolik institutlari bilan yaqin hamkorlikka asoslanmoqda.

Hozirgi shiddatli raqamli taraqqiyot davrida axborot almashish tezligining ortishi, xususan, ijtimoiy tarmoqlarning kundalik hayotimizga chuqur kirib borishi fuqarolarning murojaatlari bilan ishlash mexanizmlarini tubdan qayta ko'rib chiqishni taqozo etmoqda. An'anaviy murojaatlar bilan ishlash shakllari bilan bir qatorda, virtual fazodagi jamoatchilik fikri, Internet foydalanuvchilarining munosabati va ijtimoiy tarmoqlardagi muammoli xabarlar huquqbuzarliklarning latent (yashirin) shakllarini o'z vaqtida aniqlash va ularning barvaqt oldini olishda muhim signal vazifasini o'tamoqda.

Huquqbuzarliklar va jinoyatchilikka qarshi kurashishda ijtimoiy tarmoqlar hamda jamoatchilik fikridan foydalanish mexanizmlarining ilmiy-nazariy va amaliy jihatlari nisbatan yangi yo'nalish bo'lganligi bois hozirgi kunda yetarlicha tadqiq etilmagan sohalardan biridir.

Mazkur yo'nalishda olib borilgan izlanishlar davomida Internet va ijtimoiy tarmoqlar imkoniyatlaridan kriminologik profilaktika jarayonida foydalanishning o'ziga xos xususiyatlari ochib berishga, aholi murojaatlariga tezkor munosabat bildirish orqali huquqni muhofaza qiluvchi organlar faoliyati samaradorligini oshirishga qaratilgan ilmiy asoslangan taklif va amaliy tavsiyalar ishlab chiqishga harakat qildik.

Ushbu mavzuda olimlarning jinoyatchilikka qarshi kurashda jamoatchilik fikri va murojaatlar bilan ishlashga oid qarashlariga to'xtaladigan bo'lsak, O'zbekistonda kriminologiya va huquqbuzarliklar profilaktikasi sohasini rivojlantirishda mahalliy olimlar jamoatchilik bilan hamkorlik va aholi fikrini o'rganish masalasiga alohida e'tibor qaratib kelmoqdalar. Zero, ichki ishlar organlarining faoliyatiga faqatgina yuqoridan beriladigan baho emas, balki oddiy fuqarolarning tizimga bo'lgan ishonchi birlamchi mezon hisoblanadi.

Taniqli kriminolog olim I.Ismailov o'z tadqiqotlarida huquqbuzarliklarning oldini olishda mahalla va jamoatchilikning rolini tizimli tahlil qilgan. Uning fikricha, jinoyatchilikka qarshi kurashishda huquqni muhofaza qiluvchi organlar aholi bilan doimiy muloqotda bo'lishi, fuqarolardan kelib tushayotgan har bir murojaatni chuqur tahlil qilishi shart. Olim jamoatchilik fikrini o'rganish orqali hududlardagi real kriminogen vaziyatni to'g'ri baholash mumkinligini asoslab bergan [1].

Q.Rasulev esa jinoyatchilikning oldini olishda zamonaviy axborot texnologiyalari va Internet imkoniyatlaridan foydalanish masalasiga to'xtalib o'tadi. Uning qarashlariga ko'ra, bugungi kunda virtual makonda sodir etilayotgan kiberjinoyatlar va firibgarliklarning oldini olish uchun aholining ijtimoiy tarmoqlardagi faolligi hamda ular tomonidan qoldirilayotgan xabarlarni tezkorlik bilan o'rganish zarur. Bu esa latent, ya'ni yashirin jinoyatlarni erta aniqlashga yordam beradi [2] .

Jamoatchilik fikri va fuqarolarning murojaatlari bilan ishlash tizimini huquqiy jihatdan takomillashtirish haqida gap ketganda, yuridik fanlar doktori M. Rustambayevning fikrlari muhim ahamiyatga ega. Olim davlat organlariga kelib tushayotgan murojaatlarning sifatli hal etilishi jamiyatda adolat va qonun ustuvorligini ta'minlashning bosh omili ekanligini ta'kidlaydi. Uning fikricha, ijtimoiy tarmoqlar orqali bildirilayotgan xalq noroziligi yoki takliflari qonuniy tartibda o'rganilishi va jinoyatchilikka qarshi kurash strategiyasini belgilashda inobatga olinishi lozim [3].

Shuningdek, kriminolog Z.Illarionova o'z ishlarida viktimologik profilaktika, ya'ni fuqarolarning jinoyat qurboniga aylanib qolishining oldini olish masalalarini tadqiq etgan. Olimaning fikricha, ijtimoiy tarmoqlarda aholi o'rtasida so'rovnomalar o'tkazish va ularning xavotirlarini o'rganish orqali qaysi hududlarda qanday jinoyatlar xavfi borligini oldindan prognoz qilish mumkin [4].

Yuqorida keltirilgan ilmiy qarashlarini umumlashtirgan holda aytish mumkinki, jinoyatchilikka qarshi kurashda ijtimoiy tarmoqlar va jamoatchilik fikridan foydalanish nafaqat davlat organlari ishini yengillashtiradi, balki "xalq manfaatlariga xizmat qiluvchi" zamonaviy raqamli tizimni yaratishga xizmat qiladi.

Shu o'rinda rossiyalik olimlar ham huquqbuzarliklarning oldini olishda raqamli texnologiyalar, xususan, ijtimoiy tarmoqlardagi murojaatlar va jamoatchilik fikrini o'rganish muhimligini faol tadqiq etib kelmoqdalar. Bu yo'nalish zamonaviy kriminologiyada "raqamli kriminologiya" (digital criminology) va "virtual kriminogen muhit" tushunchalari bilan uzviy bog'liqdir.

Taniqli rus kriminologi, professor Ya.Gilinskiy jamiyatdagi jinoyatchilik darajasini faqat rasmiy statistika emas, balki aholining real xavotirlari

(страх перед преступностью) belgilashini ta’kidlaydi. Uning fikricha, ijtimoiy tarmoqlarda fuqarolar tomonidan qoldirilayotgan shikoyat va xabarlar jamiyatdagi deviant (og‘uvchi) xulq-atvorning asl holatini ko‘rsatuvchi eng ishonchli manbadir. Olim jamoatchilik fikrini raqamli platformalar orqali doimiy monitoring qilishni kriminologik prognozlashning ajralmas qismi deb hisoblaydi [5].

Kriminolog olim V. Ovchinskiy esa huquqni muhofaza qiluvchi organlar faoliyatida katta ma’lumotlar (Big Data) va ijtimoiy tarmoqlardagi murojaatlarni qayta ishlash tizimini takomillashtirish zarurligini ilgari suradi. Uning qarashlariga ko‘ra, zamonaviy politsiya/ichki ishlar tizimi ijtimoiy mediada aks etayotgan qonunbuzarliklar haqidagi xabarlarni tezkor algoritmlar yordamida saralab olishi shart. Bu yondashuv huquqbuzarliklar erta aniqlanishi va murojaatlar yechimida shaffoflikni ta’minlashga xizmat qiladi [6].

Jamoatchilik fikri va murojaatlar bilan ishlashda Internet makonining ta’sirini huquqiy jihatdan tadqiq etgan olim S. Ivansovning fikricha, ijtimoiy tarmoqlar aholi va davlat organlari o‘rtasidagi an’anaviy byurokratik to‘siqlarni yo‘qotadi. Muallif ijtimoiy tarmoqlardagi ommaviy muhokamalar va fuqarolarning shikoyatlari asosida jinoyatchilikka qarshi kurashish strategiyalariga tezkor o‘zgartirishlar kiritish zarurligini asoslab beradi. Ushbu mexanizm latent (yashirin) jinoyatlarning oldini olishda yuqori samara beradi [7].

Shuningdek, raqamli profilaktika masalalarini o‘rgangan olimlar A. Suxodolov va A. Bichkova ijtimoiy tarmoqlardagi murojaatlarni kriminologik jihatdan tahlil qilishning metodologik asoslarini ishlab chiqqanlar. Ularning fikricha, virtual makondagi postlar, videomurojaatlar va hattoki izohlarni (kommentariylarni) semantik tahlil qilish orqali muayyan hududlardagi ijtimoiy zo‘riqish va jinoyat sodir etilish xavfini oldindan aniqlash mumkin [8] .

Ushbu qarashlarini umumlashtirgan holda xulosa qilish mumkinki, ijtimoiy tarmoqlar va jamoatchilik fikri jinoyatchilikka qarshi kurashda nafaqat axborot manbai, balki profilaktika tizimini mutlaqo yangi, raqamli bosqichga olib chiquvchi strategik vosita hisoblanadi.

Bugungi globallashuv va raqamli transformatsiya davrida aholining huquqbuzarliklar va jinoyatchilikka qarshi kurashish sohasidagi murojaatlari bilan ishlash tizimi an’anaviy qoliplardan chiqib, yangicha mazmun kasb etmoqda. Xususan, ijtimoiy tarmoqlar nafaqat axborot almashinuvi maydoniga, balki real vaqt rejimida (real-time) kriminogen vaziyatni monitoring qilish va jamoatchilik fikrini o‘rganishning eng tezkor vositasiga aylandi. Jamoatchilik fikri va ijtimoiy tarmoqlardagi kayfiyatni tahlil qilish huquqni muhofaza qiluvchi organlarga latent (yashirin) jinoyatchilikni aniqlash va viktimologik profilaktikani to‘g‘ri tashkil etish imkonini beradi.

Ilmiy tadqiqotlar shuni ko‘rsatadiki, jinoyatchilikka qarshi kurashda faqatgina rasmiy statistikaga tayanish kriminogen vaziyatni to‘liq aks ettirmaydi. Jinoyat huquqi va kriminologiya sohasi olimlarining ta’kidlashicha, aholining huquqni muhofaza qiluvchi organlarga bo‘lgan ishonchi va jamoatchilik fikri jinoyatchilik darajasini belgilovchi muhim indikatorlardan biridir.

Zamonaviy xorijiy tadqiqotlarda ijtimoiy tarmoqlardagi murojaatlar va postlarni tahlil qilish orqali jinoyatchilikning oldini olish konsepsiyasi faol rivojlanmoqda. Masalan, kriminolog olimlar M. Smit va J. Braun (Smith & Brown, 2021) o‘zlarining raqamli politsiya faoliyatiga bag‘ishlangan ishlarida shunday yozadilar:

“Ijtimoiy tarmoqlar – bu jamiyatdagi kriminogen «og‘riqli nuqtalar”ni ko‘rsatuvchi ijtimoiy barometr. Foydalanuvchilarning shikoyatlari va muhokamalari zamirida rasmiy ro‘yxatga tushmagan yuzlab huquqbuzarliklar yashiringan bo‘ladi» [9].

Shu o‘rinda ijtimoiy tarmoqlardagi murojaatlar bilan ishlashning bugungi holati va muammolariga to‘xtalamiz.

Hozirgi kunda Facebook, Telegram, Instagram kabi platformalarda fuqarolar tomonidan qoldirilayotgan xabarlar, videomurojaatlar va sharhlar huquqbuzarliklarni fosh etishda muhim ahamiyatga ega. Biroq, ushbu ma’lumotlar bilan ishlashda quyidagi tizimli muammolar ko‘zga tashlanadi:

Avtomatlashtirilgan tahlil tizimining yo‘qligi. Huquqbuzarliklar profilaktikasida ijtimoiy tarmoqlardan foydalanishning bugungi kundagi eng zaif nuqtasi – axborotlarni qayta ishlashda raqamli algoritmlarning joriy etilmagani va haligacha “qo‘l mehnati” (manual tahlil) ustuvorlik qilayotgani.

Virtual makonda aholi tomonidan qoldirilayotgan son-sanoqsiz murojaatlar, videosignallar va izohlar soha xodimlari tomonidan oddiy monitoring usulida qidirib topiladi. Bu esa kriminologik ahamiyatga ega bo‘lgan tezkor ma’lumotlarni o‘z vaqtida payqamaslik, jinoyatga nisbatan kechikib munosabat bildirish xavfini tug‘diradi.

Profilaktikaning asosiy qoidasi – tezkorlik bo‘lgan bir davrda, tizimli ravishda katta ma’lumotlarni (Big Data) semantik skrining qiluvchi avtomatlashtirilgan dasturlarning yo‘qligi latent jinoyatchilikning o‘sishiga va ijtimoiy tarmoq orqali yordam so‘ragan fuqaroning ichki ishlar organlariga bo‘lgan ishonchi pasayishiga sabab bo‘lmoqda.

Ushbu muammoning yechimi sifatida Ichki ishlar vazirligining tezkor-qidiruv va huquqbuzarliklar profilaktikasi xizmatlari amaliyotiga sun’iy intellekt texnologiyasiga asoslangan “E-kriminolog” (yoki “Raqamli patrul”) avtomatlashtirilgan monitoring dasturini joriy etish kerak. Ushbu tizim inson omili ishtirokisiz, milliy segmentda (o‘zbek va rus tillarida)gi ijtimoiy tarmoqlarda “urdi”, “so‘kdi”, “firibgar”, “qo‘rqyapman”, “pichoq” kabi kalit so‘zlar ishlatilgan post va izohlarni soniyalar ichida skrining qilib, xaritada kriminogen nuqta sifatida operator ekraniga chiqarib berishi lozim. Bu manual mehnatga barham berib, murojaatlar yechimida 100 foizlik tezkorlikni ta’minlaydi. Ijtimoiy tarmoqlardagi minglab ma’lumotlar qo‘lda (manual) qayta ishlanadi, bu esa tezkorlikni kamaytiradi.

Fake (yolg‘on) axborotlarni saralash muammosi. Ijtimoiy tarmoqlar orqali kelib tushayotgan kriminogen signallar bilan ishlashda yuzaga kelayotgan yana bir tizimli muammo – bu dezinformatsiya va manipulyativ (feyk) xabarlarni birlamchi bosqichda saralash mexanizmining mukammal emasligi. Virtual makonda axborot tarqatishning osonligi huquqni muhofaza qiluvchi organlarni chalg‘ituvchi, asossiz va sun’iy shov-shuvga asoslangan murojaatlar oqimini ko‘paytirib yubordi.

Huquqbuzarliklar profilaktikasi organlari har bir virtual signalga qonuniy munosabat bildirish majburiyatiga ega bo‘lganligi sababli, soxta xabarlarni tekshirishga juda katta tezkor kuch va vositalar safarbar etilmoqda. Natijada, davlat resurslarining noto‘g‘ri yo‘naltirilishi (misdireksiya) kuzatilib, bu real vaqt rejimida haqiqiy jinoyat qurbonlariga tezkor yordam ko‘rsatish imkoniyatini cheklaydi hamda jamiyatda sun’iy vahima tug‘ilishiga zamin yaratadi.

Ushbu muammoni hal qilish uchun huquqni muhofaza qiluvchi organlarning axborot-tahlil bo‘linmalari tarkibida maxsus “Feyk-analitika va faktcheking (faktlarni tekshirish)” guruhlarini tashkil etish hamda raqamli verifikatsiya (haqiqiylikni tekshirish) dasturlarini joriy etish kerak. Bu tizim ijtimoiy tarmoqdagi xabarning tarqalish geolokatsiyasi, profilning soxtaligi (bot yoki emasligi) va foto/video kontentning muqaddam Internetda ishlatilganlik darajasini (Ochiq axborotlarni yig‘ish va tahlil qilish usullari bilan) voqea joyiga guruh jo‘natishdan oldin – bir necha daqiqa ichida tekshirib berishi lozim. Bu, o‘z navbatida, resurslarning behuda sarflanishini oldini oladi va murojaatlar bilan ishlashning xolisligini ta’minlaydi. Ijtimoiy mediada tarqaladigan manipulyativ yoki soxta xabarlar huquqni muhofaza qiluvchi organlarning resurslarini noto‘g‘ri yo‘naltirilishiga sabab bo‘ladi.

Huquqiy maqomning mukammal emasligi. Ijtimoiy tarmoqlar orqali jinoyatchilikka qarshi kurashish samaradorligini cheklayotgan eng asosiy omillardan biri virtual makondagi axborotlarning huquqiy maqomi qonunchilikda mukammal tartibga solinmaganidir.

Ijtimoiy tarmoqlardagi postlar, videomurojaatlar yoki fuqarolarning xavotirlari aks etgan sharhlar qonunan rasmiy murojaat (ariza) sifatida tan olinmaydi, bu esa ularga nisbatan qat’iy ijro intizomini belgilash imkonini bermaydi. Vaholanki, xorijiy ilg‘or tajriba, xususan, AQSH va Buyuk Britaniya amaliyoti shuni ko‘rsatadiki, ijtimoiy media ma’lumotlari jinoyatchilikni prognoz qilishning muhim poydevori hisoblanadi. Ushbu davlatlarda qo‘llaniladigan “Predictive Policing” (Prognozlashtiriluvchi politsiya) konsepsiyasi Big Data va sun’iy intellekt yordamida Internetdagi matnlarni tahlil qilib, kriminogen xavflarni barvaqt aniqlash va viktimologik profilaktikani masofadan turib tashkil etish imkonini bermoqda [10].

Bizning fikrimizcha, milliy qonunchilikda ham ijtimoiy tarmoqlardagi asosli kriminogen signallarni tekshirishning majburiy huquqiy mexanizmlarini yaratish davr talabidir.

Ushbu muammoga nisbatan amaliy taklif sifatida Jinoyat-protsessual kodeksi va tegishli qonunni takomillashtirishga oid quyidagilarni amalga oshirish maqsadga muvofiq, ya’ni jinoyat-

O‘z.KTI | Kriminologik faoliyat _ Ilmiy-amaliy jurnal | №3-2026 (8)

protsessual qonunchiligiga “Ijtimoiy tarmoqlardagi ishonchli raqamli ma’lumotlar jinoyat ishini qo‘zg‘atishga asos bo‘lishi” haqidagi normativ qoidani kiritish. Bunda, agar jinoyat haqidagi xabar ommaviy makonda foto/video dalillar bilan asoslangan bo‘lsa, jabrlanuvchining rasmiy arizasi mavjud emasligi yoki profilning anonimligidan qat’i nazar, huquqni muhofaza qiluvchi organlar tomonidan majburiy tartibda surishtiruvga qadar tekshiruv harakatlarini boshlash tartibini mustahkamlash lozim. Bu chora rivojlangan davlatlarning "Predictive Policing" tizimi kabi latentlikni kamaytirishga xizmat qiladi.

Ijtimoiy tarmoqlardagi post yoki sharh rasmiy murojaat (ariza) sifatida qay darajada tan olinishi va unga nisbatan ijro intizomi qanday bo‘lishi yuzasidan qonunchilikda ayrim bo‘shliqlar mavjud.

AQSH va Buyuk Britaniya tajribasida qo‘llaniladigan katta hajmdagi raqamli ma’lumotlarni qayta ishlash orqali jinoyatchilikning oldini olish modeli – "Predictive Policing" milliy olimlarimiz tomonidan mahalliy qonunchilik va amaliyotga moslashtirilgan holda taklif etilgan. Xususan, professor X. Odilkoriyev va Sh. G‘oyibnazarov huquqni muhofaza qiluvchi organlar faoliyatiga zamonaviy axborot-kommunikatsiya texnologiyalarini joriy etish muammolariga to‘xtalib, quyidagi fikrlarini ilgari surganlar: “Raqamlashtirish asrida jinoyatchilikka qarshi kurash strategiyasi “aniqlash va jazolash” modelidan “oldindan aytib berish va barvaqt oldini olish” (prognozlashtirish) modeliga o‘tishi shart. Bugungi kunda ijtimoiy tarmoqlar va elektron platformalarda shakllanayotgan ulkan ma’lumotlar bazasini (Big Data) sun’iy intellekt algoritmlari orqali kriminologik skrining qilish zarur. Bunday raqamli tahlil hududlardagi ijtimoiy zo‘riqish nuqtalarini aniqlash, jinoyat sodir etilishi mumkin bo‘lgan vaqt va joyni oldindan prognoz qilish hamda profilaktika kuchlarini maqsadli yo‘naltirish imkonini beradi” [11].

Mualliflarning ushbu fikrlari xorijlik olim K. Jonson (Johnson, 2023) tomonidan bayon etilgan “Predictive Policing” tizimining texnik va uslubiy mohiyatiga to‘liq hamohangdir. O‘zbek olimlari ushbu tizimni O‘zbekistondagi “Xavfsiz shahar”, “Aqlli mahalla” loyihalari va ichki ishlar organlarining raqamli tizimlari bilan integratsiya qilish zarurligini ilmiy asoslab berganlar.

Murojaatlar yechimida jamoatchilik fikridan foydalanish samaradorligini oshirish yo‘llari borasida ham o‘z fikrimizni bildirib o‘tamiz. Ijtimoiy tarmoqlar orqali kelib tushayotgan murojaatlarni kriminologik jihatdan samarali boshqarish va tizimlashtirish uchun quyidagi tashkiliy-huquqiy mexanizmlarni joriy etish taklif etiladi:

Sun’iy intellekt va semantik tahlil tizimini joriy etish. Ijtimoiy tarmoqlardan kelib tushayotgan va tarqalayotgan ulkan hajmdagi axborotlar oqimini kriminologik jihatdan nazorat qilish va ulardan huquqbuzarliklar profilaktikasida samarali foydalanish uchun sun’iy intellekt hamda semantik tahlil texnologiyalarini joriy etish zarur deb hisoblaymiz. Bu tizim huquqni muhofaza qiluvchi organlarning matbuot xizmatlari va tahliliy markazlariga virtual makondagi millionlab ma’lumotlarni inson omilisiz, avtomatik ravishda skrining qilish imkonini beradi. Dasturiy algoritmlar tarmoqlardagi “o‘g‘rilik”, “firibgarlik”, “zo‘ravonlik”, “tan jarohati” kabi kriminogen kalit so‘zlarni va ularning semantik ma’nodoshlarini real vaqt rejimida qidirib topishga ixtisoslashadi. Natijada, fuqarolar rasmiy tarzda ariza bilan murojaat qilmagan taqdirda ham, ularning ijtimoiy tarmoqlarda qoldirgan viktimologik signallari tizim tomonidan barvaqt aniqlanadi va bu latent jinoyatchilikka qarshi tezkor kurashishda raqamli barometr vazifasini o‘taydi.

Huquqni muhofaza qiluvchi organlarning matbuot xizmatlari va kriminologik markazlari ijtimoiy tarmoqlardagi “o‘g‘rilik”, “firibgarlik”, “zo‘ravonlik”, “tan jarohati” kabi kalit so‘zlarni (keywords) avtomatik tarzda skrining qiluvchi dasturlarni ishga tushirishlari lozim. Ushbu yo‘nalish bo‘yicha ***takliflar:***

Kriminologiya tadqiqot instituti hamda Raqamli texnologiyalar vazirligi hamkorligida “Matnli skrining va profilaktika” (E-Semantic Preventive) milliy dastur platformasini ishlab chiqish. Ushbu dasturga o‘zbek tilining mahalliy shevalari va Internetda ko‘p qo‘llaniladigan sleng (jargon) so‘zlar lug‘atini kiritish orqali ijtimoiy tarmoqlardagi yashirin tahdidlarni aniqlashning huquqiy-texnik mexanizmini yaratish. Bu chora murojaatlar yechimini tubdan tezlashtiradi va profilaktika faoliyatini raqamli formatga o‘tkazadi.

“Jamoatchilik nazorati — kriminologiya” integratsiyasi. Har bir tuman (shahar) ichki ishlar organlari huzurida ijtimoiy tarmoqlardagi faol blogerlar, mahalla faollari va huquqshunoslardan iborat “Jamoatchilik maslahat kengashlari”ni tuzish. Bu murojaatlarning xolis va shaffof ko‘rib chiqilishini ta’minlaydi.

Viktimologik so‘rovlarni raqamlashtirish. Fuqarolar o‘rtasida anonim raqamli so‘rovnomalar (masalan, Telegram-botlar yoki Yagona interaktiv davlat xizmatlari portali orqali) o‘tkazish. Bu aholining qaysi turdagi jinoyatlardan eng ko‘p xavotirda ekanligini (Fear of Crime) aniqlashga yordam beradi.

G‘arb kriminologiyasidagi raqamli makonda jamoatchilik fikrini o‘rganish konsepsiyasi milliy ilmiy maktab vakillarining qarashlarida ham o‘z aksini topgan. Xususan, o‘zbekistonlik olimlar M. Mamasiddiqov va A. Abdurasulov huquqni muhofaza qiluvchi organlarning aholi bilan raqamli muloqotini rivojlantirish masalalariga to‘xtalib, shunday fikrni ilgari suradilar: “Bugungi axborotlashgan jamiyatda ichki ishlar organlarining faoliyati faqatgina jinoyat sodir bo‘lgandan keyin munosabat bildirish bilan cheklanmasligi lozim. Zamonaviy patrul va profilaktika faoliyati virtual makonga ko‘chishi shart. Agar davlat organlari Internet tarmog‘i va ijtimoiy mediada fuqarolar tomonidan bildirilayotgan ijtimoiy fikrni tizimli o‘rganib, undagi muammolarga tezkor yechim topsa, jamiyatda huquq-tartibot tizimiga nisbatan yuksak ishonch muhiti shakllanadi. Natijada, aholi jinoyatchilikka qarshi kurashda huquqni muhofaza qiluvchi organlarning asosiy ko‘makchisiga va “virtual yordamchisiga” aylanadi” [12].

Olimlarning bu qarashlari xorijlik tadqiqotchilar Teylor va hammualliflarining (2022) ilgari surgan qarashlari bilan to‘liq mos keladi [13]. Farqi shundaki, o‘zbek olimlari ushbu raqamli hamkorlikni milliy mentalitet, mahalla instituti va O‘zbekistondagi raqamli islohotlar kontekstida amaliyotga tatbiq etish zarurligini asoslab berganlar.

Xulosa o‘rnida aytish mumkinki, huquqbuzarliklar va jinoyatchilikka qarshi kurashishda ijtimoiy tarmoqlar hamda jamoatchilik fikridan foydalanish samaradorligini oshirish – bu shunchaki murojaatlarga javob qaytarish emas, balki “Ijtimoiy hamkorlik va kriminologik dialog” modeliga o‘tish demakdir. Bu mexanizmning takomillashtirilishi fuqarolarning davlat organlariga bo‘lgan ishonchini mustahkamlash bilan bir qatorda, kriminologik prognozlash va profilaktika sifatini yangi bosqichga olib chiqadi.

Foydalanilgan manbalar

1. Ismailov I. Huquqbuzarliklar profilaktikasi va kriminologiya. – Toshkent: O‘zbekiston Respublikasi IIV Akademiyasi, 2018.
2. Rasulev Q.A. Axborot texnologiyalari davrida kiberkriminologiya muammolari // Jurnal. Huquq va burch. – 2021. – №4. – B. 22–26.
3. Rustambayev M.H. O‘zbekiston Respublikasining Jinoyat siyosati va jamiyatda huquqiy ong muammolari. – Toshkent: TDYUU, 2020. – B. 112–115.
4. Illarionova Z.S. Viktimologik profilaktika va jamoatchilik fikrini o‘rganish usullari // Kriminologik tadqiqotlar axborotnomasi. – Toshkent, 2022. – №2. – B. 78-81.
5. Гилинский Я.И. Криминология: Учебник для вузов. – Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2019. – С. 142–145.
6. Овчинский В.С. Криминология цифрового мира. Анализ и прогнозы. – Москва: Норма, 2021. – С. 88–93.
7. Иванцов С.В. Влияние общественного мнения на предупреждение преступности в условиях цифровизации // Вестник криминологической ассоциации. – Москва, 2022. – №3. – С. 34–39.
8. Суходолов А.П., Бычкова А.М. Искусственный интеллект в противодействии преступности: криминологические аспекты // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 4. – С. 517.
9. Smith M., Brown J. (2021). XXI asrda raqamli politsiya faoliyati va jinoyatchilikning oldini olish. London: Academic Press. – 112–115-b.
10. Jonson K. (2023). “Prognostik politsiya faoliyati va katta ma’lumotlar tahlili: muammolar va yechimlar”. Nyu-York: Science Media. – R 45–51.
11. Adilkariyev X.T., G‘oyibnazarov Sh.A. Raqamli kriminologiya: Innovatsion texnologiyalar yordamida huquqbuzarliklarni prognoz qilish va profilaktika tizimini takomillashtirish // Jurnal. Jamiyat va boshqaruv. – Toshkent, 2024. – №1. – B. 42–49.
12. Mamasiddiqov M.M., Abdurasulov A.A. (2023). Huquqbuzarliklar profilaktikasida raqamli texnologiyalar va jamoatchilik bilan hamkorlikning yangi bosqichi // Jurnal. Odil sudlov – Pravosudiye. – Toshkent, 2023. – №4. – B. 56-62.
13. Taylor, R., Davies, L. va Shon, P. (2022). Kriminologik tadqiqotlarda jamoatchilik fikri va virtual makonlar // Jurnal. Zamonaviy jinoiy odil sudlov. 38(3). – B. 234–249.

EKSTRADITSIYA JARAYONIDA INTERPOL MILLIY MARKAZIY BYUROSINING ROLI VA HUQUQIY ASOSLARI

NASRULLAYEV
Firdavs Suxrobovich
Kriminologiya tadqiqot instituti
ilmiy xodim tadqiqotchisi

Annotatsiya. *Maqolada ekstraditsiya jarayonida Interpol milliy markaziy byurosining huquqiy maqomi, institutsional o‘rni va amaliy funksiyalari tahlil qilingan. O‘zbekiston qonunchiligi va xalqaro huquq normalari asosida MMBning ekstraditsiya mexanizmidagi roli ochib berilgan. Axborot almashuvi, identifikatsiya va inson huquqlarini himoya qilish masalalariga alohida e’tibor qaratilgan. Tadqiqot natijalari ekstraditsiya instituti samaradorligini oshirishga xizmat qiladi.*
Kalit so‘zlar: *ekstraditsiya, Interpol, Milliy markaziy byuro, xalqaro qidiruv, axborot almashinuvi, identifikatsiya, protsessual muvofiqlashtirish, huquqiy filtr, idoralararo hamkorlik, inson huquqlari.*

Аннотация. *В статье анализируются правовой статус, институциональная роль и практические функции Национального центрального бюро Интерпола в экстрадиционном процессе. На основе законодательства Республики Узбекистан и норм международного права раскрывается значение НЦБ в механизме экстрадиции. Особое внимание уделено вопросам информационного обмена, идентификации и обеспечения прав человека. Полученные выводы направлены на повышение эффективности института экстрадиции.*
Ключевые слова: *экстрадиция, Интерпол, Национальное центральное бюро, международный розыск, обмен информацией, идентификация, процессуальная координация, правовой фильтр, межведомственное взаимодействие, права человека.*

Abstract. *The article examines the legal status, institutional role, and practical functions of the National Central Bureau of INTERPOL in the extradition process. Based on the legislation of the Republic of Uzbekistan and international legal norms, the role of the NCB in the extradition mechanism is analyzed. Special attention is paid to information exchange, identification procedures, and the protection of human rights. The findings contribute to improving the effectiveness of the extradition institution.*
Keywords: *extradition, INTERPOL, National Central Bureau, international search, information exchange, identification, procedural coordination, legal filter, interagency cooperation, human rights.*

Globallashuv jarayonlari shiddat bilan kechayotgan hozirgi sharoitda transmilliy jinoyatchilikning ko‘lami va dinamikasi sezilarli darajada kengaymoqda. Jinoyat turlarining ko‘payishi, davlat chegaralari orqali erkin va tez harakatlanish imkoniyatlarining oshib borishi huquqni muhofaza qiluvchi organlar oldiga yangidan-yangi vazifalarni qo‘ymoqda.

Bunday sharoitda ekstraditsiya instituti xalqaro jinoyatchilikka qarshi kurashishda eng muhim huquqiy mexanizmlardan biri sifatida alohida ahamiyat kasb etadi.

Ekstraditsiya jarayonining samaradorligi, avvalo, axborot almashinuvining tezkorligi, ishonchliligi va aniqligi bilan belgilanadi. Ana shu jarayonda Interpolning Milliy markaziy byurosi (keyingi o‘rinlarda – MMB) markaziy idoraviy bug‘ini sifatida namoyon bo‘lib, xalqaro hamkorlik borasida tashkilotlar o‘rtasida ma’lumot almashish va protsessual muvofiqlashtirish vazifalarini amalga oshiradi.

O‘zbekistonda Interpol MMBning huquqiy maqomi va uning ekstraditsiya jarayonidagi o‘rnini o‘rganish dolzarbligi bir qator omillar bilan izohlanadi.

Birinchidan, transmilliy jinoyatchilikning o‘sishi tizimlarni xalqaro huquqiy mexanizmlar bilan muvofiqlashtirish zaruratini kuchaytirmoqda.

Ikkinchidan, amaliyotda Interpol axborotlaridan foydalanish, ularni tekshirish va davlatlar o‘rtasidagi ma’lumot almashuvi jarayonlarini huquqiy jihatdan tartibga solish masalalari yetarlicha o‘rganilmagan.

Uchinchidan, huquq sohasida MMBning huquqiy tabiati, uning protsessual funksiyalari va ekstraditsiya jarayonidagi tashkiliy-huquqiy asoslariga ilmiy-nazariy yondashuvlar bir xil emas, bu esa amaliyotda qator talqinlar xilma-xilligiga sabab bo‘lmoqda.

Ushbu maqolada Interpol MMBning ekstraditsiya instituti doirasidagi huquqiy maqomi va amaliy vazifalarini ilmiy asosda yoritish, amaliyotdagi mavjud muammolarni tahlil qilish hamda ularni bartaraf etish uchun zarur nazariyani shakllantirish maqsad qilib olingan.

Maqolaning ilmiy yangiligi shundan iboratki, unda Interpolning MMB ekstraditsiya jarayonida faqat axborot almashuvini ta’minlovchi texnik bo‘g‘in sifatida emas, balki mustaqil tashkiliy-huquqiy ahamiyatga ega institutsional subyekt sifatida asoslanadi.

O‘zbekistonning Interpol tizimiga kirishi mamlakat huquqni muhofaza qilish idoralar uchun xalqaro hamkorlikni tashkiliy-huquqiy darajada yo‘lga qo‘yishda muhim bosqich bo‘ldi. Vazirlar Mahkamasining 1994-yil 5-martdagi 118-son qarori bilan O‘zbekistonning Jinoyat politsiyasi xalqaro tashkiloti – Interpolga a’zo sifatida qabul qilinishi huquqni muhofaza qilish tizimida xalqaro huquqiy mexanizmlardan foydalanishning zamonaviy usullarini shakllantirdi[1].

Keyinchalik, 2017-yil 2-iyundagi 343-son qaror Interpolning O‘zbekistondagi Milliy markaziy byurosining (MMB) huquqiy maqomini aniq belgilab, uning vazifa va vakolatlarini tuzilmaviy jihatdan takomillashtirdi [2].

MMBning Ichki ishlar vazirligi tuzilmasida mustaqil boshqarma sifatida faoliyat yuritishi uni xalqaro miqyosda huquqni muhofaza qiluvchi tashkilotlar o‘rtasidagi o‘zaro hamkorlikni muvofiqlashtiruvchi markaziy idora sifatida namoyon qiladi [3].

Uning faoliyati Interpol Ustavi, xalqaro shartnomalar va qonunchilik normalari bilan tartibga solinib, u faqat ma’muriy vazifalarni bajarish bilan cheklanmaydi. Aksincha, MMB huquqiy-axborot almashuvi, identifikatsiya, qidiruv va haqqoniylikni baholash kabi maxsus vazifalarni amalga oshiruvchi idora sifatida ishlaydi.

Interpolning xalqaro jinoyatchilikka qarshi kurashishdagi o‘rni uning faqat texnik yoki axborot almashinuvi funksiyalari bilan cheklanib qolmasligini ko‘rsatadi.

Ilmiy adabiyotlarda Interpol davlatlar o‘rtasida jinoyatchilikka qarshi kurashish strategiyasi va taktikasini muvofiqlashtiruvchi markaziy tuzilma sifatida baholanadi.

Xususan, V.A. Kolesnikov Interpolni “jinoyatchilikka qarshi kurash sohasida qo‘shma strategiya va taktikani ishlab chiquvchi jahon markazi” sifatida tavsiflaydi [4].

Mazkur yondashuvdan kelib chiqqan holda ta’kidlash joizki, Interpol Milliy markazi byurolari, jumladan O‘zbekiston Respublikasidagi MMB, mazkur strategik va muvofiqlashtiruvchi funksiyalarni milliy darajada amalga oshiruvchi asosiy institutsional vosita hisoblanadi.

Aynan shu nuqtayi nazardan, Interpol MMBning ekstraditsiya jarayonidagi vazifalari quyidagi yo‘nalishlarda namoyon bo‘ladi.

Birinchidan, davlatlarning huquqni muhofaza qiluvchi idoralar o‘rtasida tezkor va xavfsiz axborot almashuvini ta’minlash hamda xalqaro hamkorlikni muvofiqlashtirish Interpol vakolatlarining asosiy tarkibiy qismi hisoblanadi.

Ikkinchidan, ekstraditsiya, xalqaro qidiruv va huquqiy yordam masalalari bo‘yicha kelib tushgan so‘rovlarni qabul qilish, ularning Interpol qoidalari va xalqaro standartlarga muvofiq rasmiylashtirilganligini tekshirish hamda tegishli davlatlarning Milliy markaziy byurolariga yetkazish MMB zimmasiga yuklatilgan muhim protsessual vazifadir.

Uchinchidan, Interpol Bosh kotibiyati va a’zo davlatlar o‘rtasida identifikatsiya, qidiruv va tahlil uchun zarur bo‘lgan axborot bazalari orqali doimiy ma’lumot almashuvi amalga oshiriladi.

To‘rtinchidan, MMB milliy vakolatli organlarning Interpol axborot tizimlaridan samarali foydalanishini ta’minlash maqsadida tegishli texnik va huquqiy shart-sharoitlarni yaratishda ishtirok etadi.

Tahlillar shuni ko‘rsatadiki, Interpolning MMB faqat axborot almashinuvini ta’minlovchi texnik

bo‘g‘in sifatida emas, balki ekstraditsiya, xalqaro qidiruv va huquqiy yordam mexanizmlarining uzluksiz hamda barqaror amal qilishini ta’minlovchi strategik institutsional subyekt sifatida faoliyat yuritadi [5].

Shu munosabat bilan MMBning vazifalari, huquqiy maqomi hamda idoralararo hamkorlik tizimidagi o‘rni ekstraditsiya institutining samaradorligi va huquqiy barqarorligiga bevosita ta’sir ko‘rsatuvchi omillar sifatida namoyon bo‘ladi.

Ekstraditsiya institutining huquqiy tartibga solinishi O‘zbekiston Respublikasi Jinoyat-protsessual kodeksining 65-bobi 592 va 599-moddalarida [6] mustahkamlangan bo‘lib, shaxsni jinoiy javobgarlikka tortish yoki hukmni ijro etish uchun topshirish xalqaro shartnomalar yoxud o‘zarolik tamoyili asosida amalga oshirilishi nazarda tutilgan.

O‘rganishlar shuni ko‘rsatadiki, mazkur jarayonning barqaror va samarali amal qilishi, avvalo, davlatlar o‘rtasidagi axborot almashuvining tezkorligi, shaxsni aniq identifikatsiya qilish hamda protsessual hujjatlarning belgilangan talablarga muvofiq rasmiylashtirilishi kabi bosqichlarning tizimli tashkil etilishiga bog‘liq. Shu ma’noda, Interpolning MMB ekstraditsiya jarayonining samaradorligini ta’minlovchi idoraviy institut hisoblanadi.

Milliy markaziy byuroning ekstraditsiyada ishtiroki mazmunan hamda vazifalar jihatdan ikki asosiy bosqichda namoyon bo‘ladi. Birinchi bosqichda MMB ekstraditsiyaga oid so‘rovlarni qabul qiladi hamda ularning Interpol qoidalari va talablariga muvofiq rasmiylashtirilganligini kompleks tekshiradi.

Mazkur bosqichda jinoyatni huquqiy malakalanishi, protsessual hujjatlarning to‘liqligi va qonuniyligi, shuningdek, Interpol Ustaviga muvofiq ravishda siyosiy, harbiy yoki diniy motivlarning mavjud emasligi alohida ahamiyat kasb etadi. Aynan shu nazorat mexanizmi MMBning “huquqiy filtr” funksiyasini ifodalab, ekstraditsiya jarayonida qonuniylik va huquqiy barqarorlikni ta’minlovchi asosiy kafolat sifatida namoyon bo‘ladi [7].

Ikkinchi bosqichda ekstraditsiya so‘rovi Interpolning global axborot-kommunikatsiya tarmoqlari, xususan I-24/7 tizimi orqali tegishli xorijiy davlatga yuboriladi hamda uning ko‘rib chiqilishi va ijrosi monitoring qilinadi [8].

O‘rganishlar shuni ko‘rsatadiki, mazkur axborot tizimidan foydalanish davlatlar o‘rtasidagi hamkorlikni tezkor, ishonchli va barqaror mexanizmga aylantirib, ekstraditsiya jarayonida ortiqcha ovoragarchiliklarni oldini oladi.

MMBning ishtiroki belgilangan yo‘nalishlar bo‘yicha tizimli tarzda shakllangan bo‘lib, ular qatoriga xalqaro qidiruvdagi shaxsga oid ma’lumotlarni Interpolning maxsus axborot bazalari orqali aniqlash, identifikatsiya va tahlil qilish, O‘zbekiston Respublikasidan chiqadigan ekstraditsiya so‘rovlarining ijrosini nazorat qilish, xorijiy vakolatli organlardan kelib tushgan javob va ma’lumotlarni idoralarga o‘z vaqtida yetkazish, shuningdek, barcha hujjatlarni xalqaro huquq normalariga muvofiqligini ta’minlash kiradi.

Mazkur vazifalar majmui MMBni ekstraditsiya jarayonining markaziy tashkiliy-huquqiy instituti sifatida tavsiflash imkonini beradi.

MMB faoliyatining eng muhim jihatlaridan biri ekstraditsiya jarayonida yuzaga kelishi mumkin bo‘lgan xatolar ehtimolini kamaytirishdan iborat. Xususan, shaxsni noto‘g‘ri identifikatsiya qilish, asossiz xalqaro qidiruv e’lon qilinishi yoki ma’lumotlarning bir-biriga mos kelmasligi inson huquqlari uchun jiddiy xavf tug‘dirishi mumkin.

Shu ma’noda, MMB tomonidan amalga oshiriladigan axborotni tekshirish va qayta tekshirish mexanizmlari ushbu xavflarning oldini oluvchi muhim kafolat vazifasini bajaradi.

Ekstraditsiya jarayonida idoralararo hamkorlikning huquqiy asoslari alohida ahamiyat kasb etadi. Xususan, 2020-yilda qabul qilingan Idoralararo yo‘riqnoma MMBning Bosh prokuratura, Davlat xavfsizlik xizmati, Milliy Gvardiya, Bojxona qo‘mitasi, Davlat soliq qo‘mitasi, Tashqi ishlar hamda Adliya vazirliklari bilan o‘zaro hamkorligini huquqiy jihatdan tartibga soldi.

Ushbu hujjatda ekstraditsiyaga oid so‘rovlarni “o‘ta shoshilinch”, “shoshilinch” va “odatiy” toifalarga ajratish, har bir toifa uchun aniq protsessual tartib va vaqt me’yorlarini belgilash orqali tezkorlik hamda huquqiy aniqlikni ta’minlash mexanizmi joriy etildi [9].

Shuningdek, Interpol kanallari orqali olinadigan ma’lumotlarni uchinchi shaxslarga faqat axborotni yuborgan davlatning yozma roziligi asosida taqdim etish, shaxsiy ma’lumotlarni himoya qilish va axborot xavfsizligi talablariga qat’iy rioya etish tartiblari xalqaro huquq normalari, jumladan, Yevropa Kengashining 108-konvensiyasi talablari bilan to‘liq uyg‘unlikda ekanini ko‘rsatadi[10].

Ekstraditsiya jarayonining umumiy samaradorligi, avvalo, shaxsni identifikatsiya qilishning aniqligi va ma’lumotlarning ishonchliligi bilan belgilanadi. Bu borada Interpol axborot tizimlari ekstraditsiya mexanizmining zamonaviy texnologik poydevorini tashkil etadi.

Interpol ma’lumotlar bazalari orqali shaxsning harakatlanish yo‘nalishlari, xalqaro qidiruv maqomi va jinoyatga aloqadorlik darajasi aniqlanib, prokuratura va tergov organlariga protsessual qarorlarni asoslash uchun zarur axborot taqdim etiladi.

Ayni paytda, ekstraditsiya jarayoni inson huquqlarini himoya qilish majburiyati bilan uzviy bog‘liq bo‘lib, shaxsni boshqa davlatga topshirish uning erkinligi, xavfsizligi va huquqiy maqomiga jiddiy ta’sir ko‘rsatadi. Shu sababli ekstraditsiya faqat protsessual qoidalar bilan cheklanmay, insonparvarlik tamoyillari bilan ham belgilanadi.

Interpol Ustavida siyosiy, irqiy yoki diniy motivli ta’qib holatlarida Interpol kanallaridan foydalanishni taqiqlovchi qoidalar, shuningdek, Inson huquqlari umumjahon deklaratsiyasi, Fuqarolik va siyosiy huquqlar to‘g‘risidagi xalqaro pakt, Yevropa ekstraditsiya konvensiyasi va Qiynoqlarga qarshi konvensiyada [11] mustahkamlangan kafolatlar MMBning axborot bilan ishlash va tekshirish mexanizmlarida o‘z ifodasini topadi.

Shu bilan birga, amalda ekstraditsiya so‘rovlarini Interpol kanallari orqali amalga oshirish jarayonida milliy qonunchilik va xalqaro standartlar o‘rtasida muayyan huquqiy tortishuvlar va talqinlar mavjudligi kuzatiladi. Bu esa Interpol Milliy markaziy byurosi faoliyatining aniq protsessual chegaralarini belgilash hamda uning ekstraditsiya jarayonidagi huquqiy maqomini yanada aniqlashtirish zarurati yuzaga keltiradi.

Xulosa sifatida shuni alohida ta’kidlash joizki, Interpolning O‘zbekiston Respublikasidagi Milliy markaziy byurosi ekstraditsiya institutining huquqiy va amaliy mexanizmlarini ta’minlashda hal qiluvchi o‘rin tutishini tahlil natijalari yaqqol ko‘rsatadi. MMBning belgilangan vakolatlari, uning idoralararo hamkorlik sohasida idoraviy o‘rni hamda xalqaro huquqni muhofaza qiluvchi organlar o‘rtasida axborot almashinishini tashkil etishdagi vazifalari transmilliy jinoyatchilikka qarshi kurash samaradorligini belgilaydigan asosiy omillardan biri hisoblanadi.

Me’yoriy-huquqiy hujjatlar MMB faoliyatining huquqiy asosini mustahkamlab, O‘zbekiston huquqni muhofaza qiluvchi organlarini xalqaro darajada muvofiqlashtiruvchi barqaror subyekt sifatida shakllantirdi.

Ushbu huquqiy baza Interpol mexanizmlaridan foydalanish imkoniyatlarini kengaytirish bilan bir qatorda, davlatning transmilliy jinoyatchilikka qarshi kurash sohasidagi amaliy salohiyatini sezilarli darajada oshirdi.

Ekstraditsiya jarayonida MMBning ishtiroki axborot almashuvini ta’minlash, shaxsni aniq identifikatsiya qilish, so‘rovlarning huquqiy asoslanganligini tekshirish va ijrosini tahlil qilish kabi o‘zaro bog‘liq yo‘nalishlarda namoyon bo‘ladi.

Mazkur vazifalar ekstraditsiya institutining barqaror, standartlashgan va huquqiy jihatdan aniq mexanizm sifatida amal qilishini ta’minlaydi. Interpol axborot bazalaridan foydalanish qaror qabul qilishda aniqlik va ishonchlilikni oshirib, noto‘g‘ri identifikatsiya, asossiz xalqaro qidiruv e’lon qilinishi yoki huquqiy talablarga javob bermaydigan ekstraditsiya so‘rovlarini yuborish xavfini minimal darajaga tushiradi.

Shu ma’noda, Interpol axborot infratuzilmasi ekstraditsiya jarayonining huquqiy kafolatlari bilan uzviy bog‘langan tashkiliy-huquqiy poydevor sifatida namoyon bo‘ladi.

Inson huquqlarini ta’minlash MMB faoliyatining ajralmas tarkibiy qismi hisoblanadi. Interpol Ustavida mustahkamlangan siyosiy, irqiy yoki diniy motivli ta’qibni taqiqlovchi qoidalar, ma’lumotlarni saqlash va tarqatishdagi cheklovlar hamda xalqaro inson huquqlari standartlariga qat’iy rioya etish talabi ekstraditsiya jarayonining insonparvar va qonuniy xarakterini ta’minlaydi.

Bu jihatdan MMB tomonidan amalga oshiriladigan axborotni tekshirish mexanizmlari noqonuniy so‘rovlar va inson huquqlari buzilishi xavfini sezilarli darajada kamaytirishga xizmat qiladi.

Umuman olganda, Interpol MMBning huquqiy va idoraviy faoliyati O‘zbekistonda ekstraditsiya institutining izchil takomillashuviga xizmat qilmoqda.

O‘z.KTI | Kriminologik faoliyat _ Ilmiy-amaliy jurnal | №3-2026 (8)

Fikrimizcha, ekstraditsiya jarayonida Interpol MMBning protsessual maqomini Jinoyat-protsessual kodeksi darajasida aniq belgilash, shuningdek, axborot almashuvi va so‘rovlarni tekshirish mexanizmlarini yagona standartlar asosida normativ jihatdan mustahkamlash maqsadga muvofiqdir.

Tadqiqot natijalari quyidagilardan iborat:

Ekstraditsiya jarayonida Interpol MMB axborot almashuvi bilan cheklanmagan holda, huquqiy filtr va protsessual muvofiqlashtirish funksiyalarini bajaruvchi institutsional subyekt sifatida namoyon bo‘lishi asoslandi.

O‘zbekiston qonunchiligida MMBning ekstraditsiya jarayonidagi o‘rni asosan idoralararo hujjatlar orqali tartibga solingani, bu esa uning protsessual maqomini aniqlashtirish zaruratini keltirib chiqarishi ko‘rsatildi.

Interpol axborot tizimlaridan foydalanish ekstraditsiya qarorlarining huquqiy asoslanganligi va inson huquqlari kafolatlarini ta’minlashda hal qiluvchi ahamiyatga ega ekani ilmiy jihatdan asoslandi.

Ekstraditsiya jarayonida MMB faoliyatini milliy protsessual qonunchilik darajasida aniq belgilash xalqaro standartlar bilan uyg‘unlikni ta’minlashi isbotlandi.

Foydalanilgan manbalar

1. O‘zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining “O‘zbekiston Respublikasining Jinoyat politsiyasining xalqaro tashkiloti (Interpol)ga kirishi to‘g‘risida”gi qarori // O‘zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasi. – 05.03.1994. – № 118.
2. O‘zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining “O‘zbekiston Respublikasida Interpolning Milliy markaziy byurosi faoliyatini takomillashtirish chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi qarori // O‘zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasi. – 02.06.2017. – № 343.
3. O‘zbekiston Respublikasi Ichki ishlar vazirligining “O‘zbekiston Respublikasi ichki ishlar organlarida Interpol milliy markaziy byurosining faoliyatini tartibga solish to‘g‘risida”gi buyrug‘i // O‘zbekiston Respublikasi Ichki ishlar vazirligi. – Toshkent shahri, 26.11.2022. – № 515.
4. Колесников В.А. Международно-правовые основы сотрудничества по линии Интерпола // Вестник Воронежского института МВД России. – 2014. – № 2. – [с.32].
5. O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining “O‘zbekiston Respublikasida Interpol Milliy markaziy byurosi faoliyatini takomillashtirish chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi farmoni // «Lex – O‘zbekiston» rasmiy huquqiy axborot tizimi. – 09.02.2024. – URL: https://lex.uz/docs/818372?twolang=1. – Murojaat sanasi: 05.12.2025.
6. O‘zbekiston Respublikasining Jinoyat-protsessual kodeksi // «Lex – O‘zbekiston» rasmiy huquqiy axborot tizimi. – 22.09.1994. – URL: https://lex.uz/docs/111460. – Murojaat sanasi: 05.12.2025.
7. Constitution of the International Criminal Police Organization – INTERPOL (ICPO-INTERPOL). – Adopted by the General Assembly, Vienna, 1956 (with amendments up to 2023). – Lyon: ICPO-INTERPOL, 2023.
8. INTERPOL. I-24/7 Global Police Communications System. – URL: https://www.interpol.int/How-we-work/INTERPOL-Global-Complex-for-Innovation/I-24-7. – Murojaat sanasi: 05.12.2025.
9. Interpolning O‘zbekiston Respublikasidagi Milliy markaziy byurosining O‘zbekiston Respublikasining huquqni muhofaza qiluvchi organlari va boshqa vakolatli idoralari bilan hamkorlik qilish tartibi to‘g‘risidagi Yo‘riqnomasi
10. Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data (ETS No.108). – Strasbourg: Council of Europe, 1981 (as amended). – URL: https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/108
11. Constitution of the International Criminal Police Organization – INTERPOL, art. 3; Universal Declaration of Human Rights, 1948, arts. 5, 9, 10; International Covenant on Civil and Political Rights, 1966, arts. 7, 9, 14; European Convention on Extradition, 1957, arts. 3, 11; Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment, 1984, art. 3; INTERPOL Rules on the Processing of Data.

XORIJIY DAVLATLARDA HUQUQBUZARLIKLAR PROFILAKTIKASINI TASHKIL ETISHNING QIYOSIY-HUQUQIY ASOSLARI VA RIVOJLANISH TENDENSIYALARI

KUTLIMURATOV
Maxmudjon Sharipbayevich
Kriminologiya tadqiqot instituti ilmiy xodimi

Annotatsiya. *Mazkur maqolada ayrim rivojlangan xorijiy davlatlarda huquqbuzarliklar profilaktikasini tashkil etishning huquqiy va institutsional asoslari qiyosiy-huquqiy jihatdan tahlil qilingan. Xususan, Rossiya Federatsiyasi, Belarus Respublikasi, Germaniya, Buyuk Britaniya hamda Amerika Qo‘shma Shtatlarida huquqbuzarliklarning oldini olish tizimi, subyektlari, profilaktik choralarning turlari va zamonaviy mexanizmlari o‘rganilgan. Shuningdek, ushbu davlatlarda jamoatchilik bilan hamkorlik, huquqiy ma’rifat, raqamli texnologiyalar, videokuzatuv tizimlari, “Community policing” modeli hamda individual profilaktika institutlarining samaradorligi yoritilgan.*

Kalit so‘zlar: *huquqbuzarliklar profilaktikasi, jamoat xavfsizligi, qiyosiy-huquqiy tahlil, profilaktika subyektlari, individual profilaktika, viktimologiya, huquq-tartibot organlari, jinoyatchilikning oldini olish.*

Аннотация. *В данной статье представлен сравнительно-правовой анализ правовых и институциональных основ организации профилактики преступности в ряде развитых зарубежных стран. В частности, рассматриваются система профилактики преступности, субъекты, виды профилактических мер и современные механизмы в Российской Федерации, Республике Беларусь, Германии, Великобритании и Соединенных Штатах Америки. Также рассматриваются вопросы общественного сотрудничества, правового просвещения, цифровых технологий, систем видеонаблюдения, модели «общественной полиции» и эффективности отдельных профилактических институтов в этих странах.*

Ключевые слова: *профилактика правонарушений, общественная безопасность, сравнительно-правовой анализ, субъекты профилактики, индивидуальная профилактика, виктимология, правоохранительные органы, предупреждение преступности.*

Abstract. *This article presents a comparative legal analysis of the legal and institutional frameworks for organizing crime prevention in certain developed foreign countries. Specifically, it examines the crime prevention systems, participating entities, types of preventive measures, and modern mechanisms employed in the Russian Federation, the Republic of Belarus, Germany, Great Britain, and the United States. Furthermore, the article highlights the effectiveness of public cooperation, legal education, digital technologies, video surveillance systems, the "community policing" model, and mechanisms for individual prevention in these countries.*

Keywords: *crime prevention, public safety, comparative legal analysis, crime prevention entities, individual prevention, victimology, law enforcement agencies, crime prevention.*

Har qanday jamiyatda amalga oshirilayotgan islohotlar, qabul qilinayotgan normativ hujjatlar, avvalambor, ushbu jamiyatda yashayotgan aholining yashash tarzi, mentaliteti, urf-odatlarini, hattoki, oiladagi tarbiya, odob-axloq qoidalarini hisobga olgan holda amalga oshirilishi zarur. Chunki qabul qilinayotgan har qanday qonun kelajakda kutilgan natijani berishi uchun jamiyatdagi ijtimoiy omillar ulkan ahamiyat kasb etadi.

Barcha davlatlarda huquqbuzarliklar profilaktikasi va xavfsizligini ta’minlash faoliyati turli yo‘llar, usullar bilan ta’minlanadi [1]. Ushbu sohada har bir davlat o‘ziga xos tajribaga ega bo‘lib, ilg‘or

tajribalarni o‘rganish hamda ularni yurtimiz jamoat tartibi va xavfsizligini ta’minlash tizimiga tatbiq etish bugunning dolzarb talablaridan biridir.

D.V.Vasilevning fikricha, huquqbuzarliklar profilaktikasi va jinoyatchilikka qarshi kurashishda xorij tajribasini o‘rganish jamiyatni rivojlantirishning muhim yo‘nalishlari va yo‘llarini belgilab olish, bashariyatning uzoq tarixiy taraqqiyoti jarayonidagi yanglishuvlar va xato yondashuvlarga qayta yo‘l qo‘yilishining oldini olish imkonini beradi [2].

Tadqiqotlar shuni ko‘rsatmoqdaki, huquqni muhofaza qilish faoliyatini huquqiy tartibga solish masalalarini tadqiq etish barcha davrlarda, ayniqsa, qonun ustuvorligini, inson huquqlari, erkinliklari va qonuniy manfaatlarini ta’minlash, muammolarni hal etish jamiyatning asosiy ehtiyoji va talabiga aylanib ulgurgan bugungi kunda ham huquqshunoslar oldida turgan eng dolzarb vazifalardan biri bo‘lib qolmoqda.

Rivojlangan mamlakatlar olimlari o‘zlarining ilmiy izlanishlari natijasida erishgan yutuqlarini qonunchilikka tatbiq etish yo‘li bilan ushbu muammoni bartaraf etish, aholi o‘rtasida huquqbuzarliklarning oldini olish borasida ko‘plab chora-tadbirlarni amalga oshirmoqdalar. Jumladan, **Rossiya Federatsiyasi** qonunchiligida huquqbuzarliklarning umumiy profilaktikasi ularni keltirib chiqaruvchi sabablar va sodir etilishiga imkon bergan yoki osonlashtirgan sharoitlarni aniqlash va bartaraf etishga, shuningdek, fuqarolarning huquqiy ongini rivojlantirish va huquqiy bilimini oshirishga yo‘naltirilgan [3].

Rossiya Federatsiyasi Konstitutsiyasining 72-moddasiga muvofiq, qonuniylik, huquq-tartibot, jamoat xavfsizligini ta’minlash, shuningdek huquqbuzarliklar profilaktikasi Rossiya Federatsiyasi va subyektlarining birgalikdagi boshqaruvida amalga oshiriladi. Ijroiya hokimiyatiga rahbarlikni amalga oshirish asosida Prezident va hukumat qonuniylik, fuqarolarning huquq va erkinliklarini ta’minlash, mulkchilik va jamoat tartibini qo‘riqlash bo‘yicha tashkiliy-boshqaruv chora-tadbirlarini amalga oshiradi, shuningdek jinoiy-huquqiy siyosatning asosiy yo‘nalishlari, resurslarini belgilaydi [4].

Rossiya Federatsiyasi IIV Federatsiya tarkibiga kiruvchi respublikalar IIVlari, o‘lkalar, viloyatlar va federal darajadagi shaharlar ichki ishlar bosh boshqarmalari, boshqarmalari va bo‘limlari, avtonom viloyatlar va okruglar, tuman va shahar ichki ishlar organlari, temiryo‘l, havo va suv transporti tarmoq ichki ishlar organlari, ta’lim muassasalari va ilmiy-tadqiqot markazlari, ichki qo‘shinlar hamda tizimga kiruvchi boshqa tarkibiy tuzilmalarning faoliyatiga rahbarlik qiladi [5].

Rossiya Federatsiyasining 2011-yil 7-fevralda qabul qilgan “Politsiya to‘g‘risida”gi qonunida belgilanganidek, politsiya ijroiya hokimiyati federal organining ichki ishlar sohasidagi yagona markazlashgan tizimi tarkibiy qismi hisoblanib, faoliyatining asosiy yo‘nalishlari quyidagilardan iborat:

– shaxs, jamiyat va davlatni huquqqa xilof tajovuzlardan himoya qilish;

– jinoyat va ma’muriy huquqbuzarliklarning barvaqt oldini olish va fosh etish;

– jinoyatlarni aniqlash va ochish, jinoyat ishlari bo‘yicha surishtiruvni amalga oshirish;

– qidiruvni tashkil etish;

– ma’muriy huquqbuzarliklar to‘g‘risidagi ishlarni yuritish va ma’muriy jazolarni ijro etish;

– jamoat joylarida huquq-tartibotni ta’minlash;

– yo‘l harakati xavfsizligini ta’minlash;

– qurol savdosi sohasidagi Rossiya Federatsiyasi qonunchiligiga rioya etilishi ustidan nazoratni amalga oshirish;

– xususiy detektivlik va qo‘riqlash faoliyati sohasidagi Rossiya Federatsiyasi qonunchiligiga rioya etilishi ustidan nazoratni amalga oshirish;

– mulk va obyektlarni qo‘riqlash;

– jabrlanuvchilar, guvohlar va jinoyatga oid sud ishi yurituvidagi boshqa ishtirokchilar, sudyalar, prokurorlar, tergovchilar va huquqni muhofaza qiluvchi va nazorat organlarining boshqa mansabdor shaxslari hamda qo‘riqlanishi talab etiladigan boshqa shaxslarni davlat himoyasi bilan ta’minlash;

– ekspert-kriminalistik faoliyatni amalga oshirish [6].

Buyuk Britaniyada patrullik naryadlari xizmat faoliyati mobaynida huquqbuzarliklarning barvaqt oldini olish maqsadida yo‘l harakatini tartibga soladilar va nazorat qiladilar, yashiringan jinoyatchilarni qidirib topishda ishtirok etadilar, boshqa tarmoq xizmatlari uchun kerakli ma’lumotlarni to‘playdilar hamda turli favqulodda vaziyatlarda fuqarolarga yordam ko‘rsatadilar. Rivojlangan mamlakatlar politsiyasining patrullik xizmatlariga zamonaviy texnik ta’minot xos bo‘lib, bu naryadlarning yuqori safarbarligiga erishish imkonini beradi. Masalan, Londonning eng chekka provinsiyasidan jinoyat haqida xabar tushgach, patrul bo‘linmasi dispetcherlik punktidan o‘rtacha 2,5–3 minut ichida voqea joyiga yetib borishga qodir.

Patrul naryadlari axborot ta’minotiga ham katta e’tibor qaratilgan. Ular aloqa vositalari va kompyuter texnikasi bilan yaxshi qurollangani bois kerakli ma’lumotni axborot markazi ma’lumotlar bazasidan tezda olish imkoniyatiga ega. Keyingi yillarda rivojlangan mamlakatlarda politsiyaning jinoyatchilikka qarshi kurashish, huquqbuzarliklarning barvaqt oldini olishni amalga oshirish, jamoat tartibi va xavfsizligini ta’minlash faoliyatini yengillashtirish maqsadida katta ko‘chalar va posyolkalarda videokuzatuv uskunalari o‘rnatila boshlandi. Mazkur kameralarda olingan huquqbuzarlik yoki jinoyatga oid rasmlar orqali ish olib borish politsiyaga katta qulaylik yaratadi.

Xorijiy davlatlarda huquqbuzarliklarning barvaqt oldini olishni amalga oshirish, jamoat tartibi va xavfsizligini ta’minlashda keng qo‘llaniladigan usullardan yana biri – huquqbuzarliklarning sabab va shart-sharoitlarini aniqlash, “muammoni hal qilish” bo‘lib, u politsiya tomonidan qo‘llaniladigan zamonaviy usullarni o‘z ichiga olgan yangi ish usuli hisoblanadi [7].

Belarus Respublikasi qonunchiligida “huquqbuzarliklar profilaktikasi huquqbuzarliklar profilaktikasi subyektlarining “Huquqbuzarliklar profilaktikasi bo‘yicha faoliyatning asoslari to‘g‘risida”gi qonun va boshqa qonun hujjatlarga muvofiq fuqarolarning huquqqa xilof harakatlarni sodir etishiga yo‘l qo‘ymaslik maqsadida ijtimoiy jarayon va ularning sodir etilishiga imkon bergan sharoitlarni aniqlash va ularni bartaraf etish bo‘yicha chora-tadbirlarni ishlab chiqish va amalga oshirish faoliyati”[8].

Har bitta davlatning ushbu sohadagi qonun hujjatlarini va huquqshunos olimlarining fikrlarini tahlil qiladigan bo‘lsak, barchasida huquqbuzarliklar profilaktikasiga umumiy ta’rif berilganligiga guvoh bo‘lamiz. Ya’ni ushbu huquqbuzarliklar profilaktikasining qanday amalga oshirilishi, oldiga qo‘ygan maqsadlari, vazifalari, shuningdek, huquqbuzarliklar profilaktikasi yuzasidan qabul qilingan normativ-huquqiy hujjatlarning protsessual huquqda o‘z aksini qay tarzda topishi va kelajakda qanday natijalarga erishishi ko‘rsatilgan.

Qiyosiy-huquqiy tahlil shundan dalolat beradiki, o‘rganilgan xorijiy davlatlar qonunchiligida “huquqbuzarliklar” tushunchasiga berilgan ta’riflar milliy qonunchilikdagi ta’rif bilan mazmunan mos keladi. Jumladan:

Rossiya Federatsiyasining 2016-yil 23-iyunda qabul qilingan *“Rossiya Federatsiyasida huquqbuzarliklar profilaktikasi tizimining asoslari to‘g‘risida”*gi Federal qonunida “ma’muriy yoki jinoiy javobgarlikka tortishga asos bo‘luvchi g‘ayrihuquqiy qilmish *(harakat, harakatsizlik)* ma’muriy huquqbuzarlik yoki jinoyat”;

Belarus Respublikasining 2014-yil 4-yanvarda qabul qilingan *“Huquqbuzarliklar profilaktikasi bo‘yicha faoliyatning asoslari to‘g‘risida”*gi qonunida “sodir etilganligi uchun ma’muriy yoki jinoiy javobgarlik nazarda tutilgan, aybli, g‘ayrihuquqiy harakat *(harakatsizlik)*” sifatida ta’riflangan.

Ahamiyat berilsa, “huquqbuzarlik; tushunchasini ta’riflashda O‘zbekiston va Rossiya Federatsiyasi qonunlarida g‘ayrihuquqiy qilmish *(harakat yoki harakatsizlik)* tushunchasi, Belarus Respublikasi qonunida g‘ayrihuquqiy harakat *(harakatsizlik)* tushunchasi qo‘llanilgan.

Fikrimizcha, Belarus Respublikasi qonunidagi ushbu yondashuv qo‘llab-quvvatlanishga loyiqdir. Darhaqiqat, O‘zbek tilining izohli lug‘atida “qilmish” tushunchasi “qilingan ish”, “nojo‘ya ish”, “harakat”, “faoliyat” ma’nolarini anglatadi. Shunga asoslangan holda aytish mumkinki, qilmish faqat mexanik harakatda ifodalanadi. Harakatsizlikni qilmish sifatida baholash munozaralidir.

O‘tkazilgan tahlillarni umumlashtirib, shunday xulosaga kelish mumkin: *huquqbuzarlik – sodir etilganligi uchun ma’muriy yoki jinoiy javobgarlik nazarda tutilgan, aybli, g‘ayrihuquqiy harakat yoki harakatsizlik*.

Tadqiqot jarayonida O‘zbekiston Respublikasining “Huquqbuzarliklar profilaktikasi to‘g‘risida”gi qonuni va mazkur qonun bilan tartibga solinadigan munosabatlar tahlili bilan bir qatorda, ayrim xorijiy davlatlarning huquqbuzarliklar profilaktikasi faoliyati tizimini tartibga soluvchi normativ-huquqiy hujjatlar ham tahlil qilindi.

Xususan, Rossiya Federatsiyasining 2016-yil 23-iyunda qabul qilingan “Rossiya Federatsiyasida

huquqbuzarliklarning oldini olish tizimining asoslari to‘g‘risida”gi [9] Federal qonunining 2-moddasida *huquqbuzarliklar profilaktikasi – huquqbuzarliklar sodir etilishiga imkon berayotgan sabablar va shart-sharoitlarni aniqlash hamda bartaraf etishga, shuningdek, huquqbuzarliklar yoki jamiyatga zid xatti-harakatlarning oldini olish maqsadida shaxslarga tarbiyaviy ta’sir ko‘rsatishga qaratilgan ijtimoiy, huquqiy, tashkiliy, axborot va boshqa xususiyatdagi chora-tadbirlar majmuasi* sifatida belgilangan.

Rossiya Federatsiyasida huquqbuzarliklarning oldini olish tizimi sohasidagi davlat siyosatining asosiy yo‘nalishlari Prezident tomonidan belgilanadi. Rossiya Federatsiyasida huquqbuzarliklarning oldini olish tizimining huquqiy asoslari mamlakat Konstitutsiyasi va xalqaro huquqning umume’tirof etilgan prinsiplari va normalari, xalqaro shartnomalar, federal konstitutsiyaviy qonunlar, 2016-yil 23-iyunda qabul qilingan “Rossiya Federatsiyasida huquqbuzarliklarning oldini olish tizimining asoslari to‘g‘risida” qonun va boshqalar, Prezidentning normativ-huquqiy hujjatlari, Rossiya Federatsiyasi hukumati, federal ijro etuvchi hokimiyat organlarining normativ-huquqiy hujjatlari, shuningdek Rossiya Federatsiyasi subyektlarining normativ-huquqiy hujjatlari va jinoyatchilik sohasidagi masalalarni tartibga soluvchi mahalliy davlat hokimiyati organlarining normativ-huquqiy hujjatlari bilan tartibga solinadi [10].

“Rossiya Federatsiyasida huquqbuzarliklarning oldini olish tizimining asoslari to‘g‘risida”gi qonunga muvofiq huquqbuzarliklarning oldini olishning maqsadi shaxs, jamiyat va davlatni noqonuniy tajovuzlardan himoya qilishdir. Mazkur qonunga asosan profilaktik tadbirlarning turlari (umumiy va yakka tartibdagi):

1) huquqbuzarliklarni keltirib chiqaradigan ijtimoiy-iqtisodiy, huquqiy va boshqa sabablarni va shart-sharoitlarni aniqlash, o‘rganish, yo‘q qilish (minimallashtirish, zararsizlantirish)ga qaratilgan huquqbuzarliklarning umumiy oldini olish yoki federal, mintaqaviy, mahalliy va idoraviy darajalar, shuningdek fuqarolarning huquqiy ongi darajasini oshirish;

2) shaxslarning xatti-harakatlarini ijobiy tuzatish, kriminogen faktlarni yo‘q qilish yoki zararsizlantirish maqsadida huquqbuzarliklarning oldini olish tizimining subyektlari tomonidan shaxsning jinoyatgacha bo‘lgan xatti-harakatlari faktlari asosida amalga oshiriladigan huquqbuzarliklarning individual profilaktikasi.

Qonunga ko‘ra profilaktik ta’sir ko‘rsatish shakllari quyidagilar:

– huquqiy ma’rifat va huquqiy axborot berish – fuqarolarga qonunlar, huquq va majburiyatlar haqida ma’lumot berish;

– profilaktik suhbat – shaxs bilan huquqbuzarliklarning oldini olishga qaratilgan shaxsiy muloqot;

– rasmiy ogohlantirish – huquqbuzarlik yoki jamiyatga zid xatti-harakatlarni davom ettirishga yo‘l qo‘yib bo‘lmasligi to‘g‘risida e’lon;

– profilaktik hisobga olish – huquqbuzarlikka moyil shaxslarni ro‘yxatga olish va kuzatib borish;

– taqdimnoma kiritish – huquqbuzarlikka olib keladigan sabab va shart-sharoitlarni bartaraf etish bo‘yicha takliflar;

– profilaktik nazorat – shaxslarning xatti-harakatlarini kuzatib, huquqbuzarliklar sodir bo‘lishining oldini olish;

– ijtimoiy moslashuv – shaxslarni jamiyatga qo‘shib, ijtimoiy muhitga moslashtirish;

– qayta ijtimoiylashuv (resotsializatsiya) – huquqbuzarlikka moyil shaxslarning ijtimoiy faoliyatini tiklash;

– ijtimoiy reabilitatsiya – huquqbuzarlikdan jabr ko‘rgan shaxslarning jamiyatdagi faoliyatini tiklash va qo‘llab-quvvatlash;

– yordam ko‘rsatish – huquqbuzarlikdan jabr ko‘rgan yoki shunday xavf ostida bo‘lgan shaxslarga yordam berish [11].

Qonun hujjatlarida belgilangan tartibda profilaktika tizimi subyektlari tomonidan qo‘llaniladigan huquqbuzarliklarning individual profilaktikasining boshqa choralari ham kiradi.

Belarus Respublikasida huquqbuzarliklarning oldini olish 2014-yil 4-yanvarda qabul qilingan “Huquqbuzarliklar profilaktikasi bo‘yicha faoliyatning asoslari to‘g‘risida”gi qonun bilan tartibga solinadi [11].

Mazkur qonunning 6-moddasiga asosan huquqbuzarliklar profilaktikasi subyektlari: ichki ishlar organlari; prokuratura organlari; davlat xavfsizlik organlari; chegara xizmati organlari; bojxona organlari; davlat muhofazasi organi; Davlat nazorat qo‘mitasi; favqulodda vaziyatlar bo‘yicha organlari va bo‘limlari; Qurolli Kuchlar, Ichki ishlar vazirligining ichki qo‘shinlari, boshqa davlat harbiy tuzilmalari va harbiylashtirilgan tashkilotlar; mahalliy ijro etuvchi va ma’muriy organlar; Sog‘liqni saqlash vazirligi, viloyat ijroiya qo‘mitalarining tarkibiy bo‘linmalari; Ta’lim vazirligi; Mehnat va aholini ijtimoiy muhofaza qilish vazirligi, ijtimoiy xizmat ko‘rsatish muassasalari; Adliya vazirligi, viloyat ijroiya qo‘mitalarining tarkibiy bo‘linmalari, Minsk shahar Ijroiya qo‘mitasi, odil sudlov sohasida davlat va hokimiyat vakolatlarini amalga oshiradi; Prezident huzuridagi Hayvonot dunyosi va florani muhofaza qilish davlat inspeksiyasi; davlat ommaviy axborot vositalari tahririyatlari vazifalari yuklatilgan yuridik shaxslar; huquqni muhofaza qilish jamoat punktlari kengashlari; ixtiyoriy otryadlar; jamoat birlashmalari va boshqa tashkilotlar.

Huquqbuzarliklarning oldini olish bo‘yicha tadbirlarni muvofiqlashtirish Belarus Respublikasi Bosh prokurori hamda hududiy va transport prokuraturalarining bo‘ysunuvchi prokurorlari tomonidan, shu jumladan jinoyatchilik va korrupsiyaga qarshi kurashish bo‘yicha muvofiqlashtiruvchi kengashlar tomonidan olib boriladi [12].

Germaniyada huquqbuzarliklarning oldini olish *birlamchi, ikkilamchi* va *uchinchi* darajali profilaktikaga ajratiladi [13]. Birlamchi omil huquqbuzarliklarning oldini olishda ijtimoiylik adolat tuyg‘usini shakllantirishga muhim ahamiyat kasb etadi. Ikkilamchi omil politsiya tomonidan amalga oshiriladi va huquqbuzarliklardan saqlanishning qonuniy vositalari bilan bog‘liq. Uchinchi darajali profilaktika – bu huquqbuzarlarni jazolash va qayta ijtimoiy hayotga moslashtirish jarayonida qo‘llaniladigan profilaktika choralar va vositalar yig‘indisidan iborat.

Germaniya politsiya amaliyotida huquqbuzarliklar ko‘pincha himoyasiz jabrlanuvchi yoki obyekt bilan uchrashganda sodir etiladi degan qarash keng targ‘ib qilinadi. Shuning uchun profilaktika choralari huquqbuzarga yoki xavfsizlik tizimiga yoki potensial jabrlanuvchiga (individual, umumiy va jabrlanuvchining profilaktikasi) qaratilgan bo‘lishi kerak. Ushbu uchlikda himoya profilaktikasi va uning o‘zini o‘zi himoya qilishga qaratilgan aholi bilan maqsadli ishlashga alohida e’tibor qaratilmoqda. Xuddi shu maqsadda hozirgi kunda ham huquqbuzarliklarning oldini olish bo‘yicha maslahatlarni bepul tarqatish, radioeshittirishlar va televizion dasturlarda namoyish etish amaliyoti keng tarqalgan.

Xususan, politsiya tomonidan “Politsiya maslahat beradi” nomli huquqbuzarliklarning oldini olish bo‘yicha maxsus dastur mavjud bo‘lib, uning asosiy g‘oyasi politsiya xodimining jamoatchilik bilan keng aloqasini ta’minlash hisoblanadi [14].

Buyuk Britaniyada huquqbuzarliklarning oldini olish uchun minimal standartlar ishlab chiqilgan bo‘lib, aholining politsiya bilan hamkorligini oshirish uchun keng ko‘lamli maxsus chora-tadbirlar amalga oshirib kelinmoqda. Xususan, fuqarolarning patrul xizmatida hamda huquqbuzarliklar sodir etilgan joylarda maxsus navbatchilik qilish amaliyoti yo‘lga qo‘yilgan. Hatto, politsiya ishida ishtirok etish fikrini bildirgan faol aholi vakillari uchun politsiya transport vositalarida harakatlanish, politsiya kiyimlarida bo‘lish (nishonlar va xizmat lavozimlarisiz), radioaloqa vositalaridan foydalanish, tayoqchalar, kishan va hatto qurollarni olib yurish huquqlariga ega bo‘lish amaliyoti ham yo‘lga qo‘yilgan. Mazkur huquqlarning berilishi ortida politsiya ishida ishtirok etuvchi fuqarolar tomonidan huquqbuzarliklarning oldini olishda xavfsizligini ta’minlash bilan bir qatorda, ularni maxsus organlar zimmasidagi mas’uliyat hissini uyg‘otishga xizmat qiladi deb baholanib, hukumat tomonidan bunday chora-tadbirlarning barchasi jamiyat va davlat tomonidan qo‘llab-quvvatlanib kelinmoqda [15].

Amerika Qo‘shma Shtatlarida huquqbuzarliklarni profilaktika qilish choralarining uchta modeli mavjud: *davlat muassasasi modeli, individual xavfsizlik modeli va atrof muhitga ta’sir qilish modeli*.

Masalan, ba’zi shtatlarda fuqarolarning huquqni muhofaza qilish organlarida ishtirok etishi orqali o‘g‘rilik jinoyatlarining sodir etilishi 30 foizga kamayishiga erishilgan [16]. AQSH politsiya departamentlari faoliyatini tekshirgan ko‘plab komissiyalar ushbu tuzilmalar aholidan ajratilgan va mamlakatda huquqbuzarliklar holatining rivojlanishini nazorat qila olmaydilar, degan xulosaga kelishdi. Yangi strategiya jamoatchilik politsiyasi deb ataladi. Unga ko‘ra, politsiyaning asosiy

TADQIQOTCHI MINBARI
O‘z.KTI | Kriminologik faoliyat _ Ilmiy-amaliy jurnal | №3-2026 (8)

vazifasi huquqbuzarliklar profilaktikasida faol bo‘lish, hodisalar haqidagi xabarlarga javob bermaslikdir. Asosiy urg‘u aholi yashaydigan joylarda politsiyachilar mavjudligini namoyish etishga qaratilgan.

AQSHda jinoyatchilikning oldini olishda politsiya va jamoat hamkorligi zamonaviy texnologiyalar yordamida amalga oshiriladi.

“Community Policing” dasturi – politsiyaning mahalliy aholi bilan yaqin hamkorligi, bu huquqbuzarliklarning oldini olishda jamoatchilik ishtirokini oshiradi.

Smart texnologiyalar – yuqori aniqlikdagi videokameralar, sun’iy intellekt yordamida jinoyatni bashorat qilish tizimlari, politsiya patrul mashinalarida real vaqtda ma’lumotlarni qayta ishlash imkoniyati [17].

Xorijiy mamlakatlar tajribasida huquqbuzarlik profilaktikasini amalga oshirish faoliyatida huquq-tartibot idoralarini emas, balki huquqbuzarliklarning bartaraf etilishidan ko‘proq manfaatdor bo‘lgan ijtimoiy muhit va aholining ahamiyati muhim ekanligiga e’tibor qaratiladi. Politsiyaning asosiy maqsadi aholini jinoyatchilikdan ogohlantirishga qaratilgan. Buni Amerika ko‘chalarda patrul politsiyasining muntazamligi, fuqarolar orasida jamoat joylarda huquqbuzarlikka yo‘l qo‘ymaslik to‘g‘risida faol tushuntirish ishlarining olib borilishi, huquqbuzarlar va jinoyatchilarning ma’lumot olish vositalari to‘g‘risida aholi bilan birga harakat olib borishlarida kuzatish mumkin.

AQSH politsiya organlarining yetarli moliyalashtirilishi ularni aholini huquqni himoya qilish ishlariga jalb qilishlariga imkon beradi. Politsiya organlari bilan jinoyatchilarni qidirishga faol qatnashgan fuqarolar va ko‘ngilli jamoatchilik klublari a’zolariga pul mukofotlari, faxriy yorliqlar, sovg‘alar, esdalik nishonlarining berilishi va boshqalar shular jumlasidandir.

Barcha o‘quv muassasalarida – boshlang‘ich maktabdan oliy o‘quv yurtlarigacha – amaliy viktimologiya mashg‘ulotlari o‘tkaziladi. Xohlovchilar faqatgina ma’ruza tinglamasdan, maxsus treninglarda qatnashib o‘zini o‘z himoya qilish, ekstremal vaziyatlarda o‘zini tutish malakalarini o‘zlashtirishlari mumkin [18].

Amerika olimlarining viktimologiya bo‘yicha ishlanmalari fuqarolarda katta qiziqish uyg‘otmoqda. Ular fuqarolarga turli vaziyatlarda o‘zini tutish to‘g‘risida qulay tavsiyalar beradi. Xususan, “Siz birinchi marta begona shahardasiz”, “Kechki sayr” metodlari shular jumlasidandir.

Shu bilan birga, politsiya odamlarga yaqinroq bo‘lish uchun avtoulovlardan foydalanishni deyarli tark etdi. Xuddi shu maqsadda ular velosipedlardan yoki piyoda patruldan foydalanishni boshladilar. Bu esa, o‘z navbatida, davlat tomonidan mazkur sohaga katta xarajat ajratmasdan sohani rivojlantirishga xizmat qilmoqda.

Fikrimizcha, rivojlangan mamlakatlar tajribasidan foydalangan holda, O‘zbekistonda ham huquqbuzarliklarning oldini olishga **xususiy sektor**ni jalb etish va xususiy amaliyot bilan shug‘ullanuvchi **izquvarlar** faoliyatini qo‘llab-quvvatlash orqali huquqbuzarlik va jinoyatchilikning sezilarli darajada kamayishiga erishish mumkin.

Xulosa qilib aytganda, xorijiy davlatlarning huquqbuzarliklar profilaktikasi sohasidagi tajribasi ushbu faoliyatni samarali tashkil etishda faqat huquqni muhofaza qiluvchi organlar emas, balki jamiyat, fuqarolik institutlari va aholining faol ishtiroki ham muhim ahamiyat kasb etishini ko‘rsatadi. Rivojlangan davlatlar amaliyoti shuni tasdiqlaydiki, huquqbuzarliklarning oldini olishga kompleks yondashuvni qo‘llash, ya’ni huquqiy, ijtimoiy, tashkiliy, axborot va psixologik choralarni uyg‘unlashtirish orqali jinoyatchilik darajasini sezilarli kamaytirishga erishish mumkin.

Qiyosiy-huquqiy tahlil natijasida Rossiya Federatsiyasi, Belarus Respublikasi, Germaniya, Buyuk Britaniya va Amerika Qo‘shma Shtatlarida huquqbuzarliklar profilaktikasining o‘ziga xos modellari shakllanganligi aniqlandi. Xususan, Rossiya Federatsiyasida profilaktika faoliyati markazlashgan davlat boshqaruvi asosida tashkil etilgan bo‘lsa, Germaniyada birlamchi, ikkilamchi va uchinchi darajali profilaktika tizimi samarali qo‘llaniladi. Buyuk Britaniya hamda AQSHda esa jamoatchilik bilan hamkorlikka asoslangan “Community policing” modeli va zamonaviy texnologiyalar yordamida profilaktika faoliyatini amalga oshirish ustuvor yo‘nalish sifatida namoyon bo‘lmoqda.

Tahlillar shuni ko‘rsatdiki, xorijiy davlatlar qonunchiligida huquqbuzarliklarning oldini olishning asosiy maqsadi shaxs, jamiyat va davlatni g‘ayrihuquqiy tajovuzlardan himoya qilish, huquqbuzarliklarning sabab va shart-sharoitlarini aniqlash hamda ularni bartaraf etishdan iboratdir. Shu bilan birga, ushbu davlatlarda huquqiy ma’rifatni oshirish, aholining huquqiy ongini shakllantirish, profilaktik hisob, profilaktik nazorat, ijtimoiy moslashtirish va reabilitatsiya kabi choratadbirlarga alohida e’tibor qaratilgan.

Maqolada o‘rganilgan xorijiy tajribalar asosida O‘zbekiston Respublikasida ham jamoatchilik ishtirokini kengaytirish, profilaktik faoliyatga zamonaviy axborot-kommunikatsiya texnologiyalarini joriy etish, sun’iy intellekt va videokuzatuv tizimlaridan foydalanish, fuqarolarning huquqiy madaniyatini oshirish hamda xususiy sektor va nodavlat tashkilotlarning ishtirokini kuchaytirish muhim ahamiyatga ega.

Bundan tashqari, “huquqbuzarlik” tushunchasini qonunchilikda “g‘ayrihuquqiy harakat yoki harakatsizlik” sifatida ifodalash nazariy va amaliy jihatdan maqsadga muvofiq ekanligi asoslandi. Chunki “qilmish” tushunchasi ayrim hollarda faqat faol harakatni anglatishi mumkin bo‘lib, harakatsizlikni qamrab olishda munozarali holatlarni yuzaga keltiradi.

Foydalanilgan manbalar

1. Ziyodullayev M.Z. Ichki ishlar organlari tayanch punktlarini boshqarishni takomillashtirish: Yurid. fan. d-ri. ... dis. – T., 2019. – 294 b.
2. Васильев В.Д. Концепции организации деятельности полиции и возможности их использования в отечественной практике: По материалам США и некоторых стран Зап. Европы: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – М., 2005.
3. Федеральный Закон Российской Федерации от 23 июня 2016 года №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» http://mvd.ru/document.
4. Криминология / Под ред. проф. Н. Ф. Кузнецевой, проф. В. В. Лунеева. – М., 2004. – С. 204.
5. Указ Президента Российской Федерации от 18.07.1996 г. № 1039 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации». http://kremlin.ru/ acts/ bank/9733. (мурожаат вақти: 17.07.2026 й).
6. Федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» (редакция от 13.07.2015) / http://sudact.ru/law. (мурожаат вақти: 17.07.2026 й.
7. Работа полиции в обществе: Пособие для преподавателей / Ин-т. «Открытое общества». – М. 2021. – С. 12.
8. Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г №122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» // www.pravo.by.
9. O‘zbek tilining izohli lug‘ati / A. Madvaliyev tahriri ostida. Beshinchi jild. – T., 2018. – 291-b.
10. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ “Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации”. Электрон манбаа: https://ivo.garant.ru/#/document/71428030/paragraph/1:0.
11. Rossiya Federatsiyasining 2016-yil 23-iyunda qabul qilgan “Rossiya Federatsiyasida jinoyatchilikning oldini olish tizimining asoslari to‘g‘risida”gi qonuni. http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=64951.
12. Belarus Respublikasining 2014-yil 4-yanvardagi “Huquqbuzarliklari profilaktikasi asoslari to‘g‘risida”gi qonuni. https://pravo.by/upload/docs/op/H11400122.
13. Криминология: Учебник для вузов / под ред. В. Д. Малькова. Москва. Юстицинформ. 2006 г.
14. Криминология: Учебник для академического бакалавриата / В.И. Авдийский [и др.]; под редакцией В.И. Авдийского. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2018. – С. 301.
15. Криминология: Учебник для вузов / под ред. В.Д. Малькова. Москва. Юстицинформ. 2006 г. С 232.
16. Криминология: Учебник для вузов / под ред. В.Д. Малькова. Москва. Юстицинформ. 2006 г. С 125.
17. Майоров А.В. Международный опыт защиты жертв преступлений (Научная статья) // Материалы 66-научной конференции Южно-Уральского государственного университета (апрель 2014 года): веб-сайт – http://www.susu.ac.ru.
18. Babaxanov H.Q. Huquqbuzarliklarning oldini olishda xorijiy tajribaning ahamiyati va uning samaradorligini oshirish bo‘yicha chora-tadbirlar. https://zenodo.org/records/14938657.

OILAVIY (MAISHIY) ZO‘RAVONLIKNING KRIMINOLOGIK-VIKTIMOLOGIK MOHIYATI VA JABRLANUVCHILARNI TASNIFLASHNING PROFILAKTIK AHAMIYATI

AXMEDOVA
Muxabbat Abdujalalovna
Kriminologiya tadqiqot instituti
mustaqil izlanuvchisi

Annotatsiya. *Maqolada oilaviy (maishiy) zo‘ravonlikning huquqiy, kriminologik va viktimologik xususiyatlari kompleks tahlil qilingan. Uning bir martalik nizodan farqli ravishda hukmronlik, majburlovchi nazorat va takroriy ta’sirga asoslangan xulq-atvor tizimi ekani asoslangan. Jabrlangan shaxslarni nafaqat jinsi yoki zo‘ravonlik shakli bo‘yicha, balki oilaviy maqomi, qaramlik darajasi, takroriy viktimlashuv xavfi, himoya resurslari va yordamga murojaat qilish modeli bo‘yicha ham, ya’ni ko‘p mezonli tasniflash taklif etilgan. Milliy qonunchilik va Oliy sud Plenumining amaldagi tushuntirishlari tahlil qilinib, oilaviy zo‘ravonlikni faqat alohida epizod yoki qonuniy kuchga kirgan sud hujjati orqali tasdiqlashga asoslangan yondashuvning profilaktik cheklovlari ko‘rsatilgan. Klassik viktimologiyadagi “jabrlanuvchining aybi” kategoriyasini qo‘llashning metodologik xavflari ochib berilgan. Muallif tomonidan viktimlik, viktimizatsiya, reviktimizatsiya va viktimologik profilaktikaga o‘zaro bog‘liq ta’riflar berilgan hamda standartlashtirilgan dinamik xavf bahosi, individual xavfsizlik va tiklanish rejasi, differensial himoya va idoralararo keys-menejment bo‘yicha takliflar ishlab chiqilgan.*
Kalit so‘zlar: *oilaviy zo‘ravonlik, maishiy zo‘ravonlik, viktimologiya, jabrlanuvchi, viktimlik, viktimlashuv, qayta viktimlashuv, latentlik, majburlovchi nazorat, himoya orderi, xavfni baholash, viktimologik profilaktika.*

Аннотация. *В статье комплексно исследованы правовые, криминологические и виктимологические особенности семейного (бытового) насилия. Обосновано, что оно представляет собой не единичный конфликт, а систему поведения, основанную на доминировании, принудительном контроле и повторяющемся воздействии. Проанализированы законодательство Узбекистана и действующие разъяснения Пленума Верховного суда; выявлены профилактические ограничения подхода, при котором насилие подтверждается преимущественно вступившим в силу судебным актом. Предложена многокритериальная классификация потерпевших с учетом семейно-ролевого статуса, зависимости, риска повторной виктимизации, ресурсов защиты и модели обращения за помощью. Сформулированы авторские определения виктимности, виктимизации, ревиктимизации и виктимологической профилактики, а также предложения по внедрению стандартизированной динамической оценки риска, индивидуального плана безопасности и восстановления, дифференцированной защиты и меж-ведомственного кейс-менеджмента.*
Ключевые слова: *семейное насилие, бытовое насилие, виктимология, потерпевший, виктимность, виктимизация, ревиктимизация, латентность, принудительный контроль, защитный ордер, оценка риска, виктимологическая профилактика.*

Abstract. *The article provides an integrated legal, criminological and victimological analysis of domestic violence. It examines Uzbek legislation and current Supreme Court guidance and identifies the preventive limitations of an approach that relies primarily on a final judicial decision to establish domestic violence. Domestic violence is conceptualized not as an isolated conflict but as a pattern of domination, coercive control and repeated harmful conduct. A multi-criteria classification of victims is proposed, covering family role, dependency, repeat-victimization risk, protective resources and help-seeking patterns. Interrelated definitions of vulnerability to victimization, victimization, revictimization and victimological prevention are formulated. The article proposes standardized dynamic risk assessment, an individual safety and recovery plan, differentiated protection and inter-agency case management.*
Keywords: *domestic violence, victimology, victim, victimization, repeat victimization, latency, coercive control, protection order, risk assessment, victimological prevention.*

Oilaviy (maishiy) zo‘ravonlik insonning hayoti, sog‘lig‘i, erkinligi, shaxsiy daxlsizligi, sha’ni va qadr-qimmatiga daxl qiluvchi murakkab ijtimoiy-huquqiy hodisa. O‘zbekiston Respublikasining Konstitutsiyasida insonning sha’ni va qadr-qimmati daxlsizligi, hech kim zo‘ravonlikka yoki inson qadr-qimmatini kamsituvchi muomalaga duchor etilishi mumkin emasligi, shuningdek oila jamiyat va davlat muhofazasida ekani muhrlab qo‘yilgan [1]. Binobarin, oila doirasidagi zo‘ravonlikni “xususiy kelishmovchilik” sifatida qabul qilish inson huquqlarini himoya qilishga oid konstitutsiyaviy talablar va davlat majburiyatlariga to‘g‘ri kelmaydi.

Muammoning dolzarbligi uning keng tarqalgani bilangina emas, balki latentligi, takroriyligi va oqibatlarining kompleks xususiyati bilan belgilanadi. Jahon sog‘liqni saqlash tashkilotining 2026-yil 18-iyunda yangilangan ma’lumotiga ko‘ra, dunyoda ayollar va qizlarning 31,6 foizi, ya’ni taxminan 840 millioni hayoti davomida intim sherigi tomonidan jismoniy va (yoki) jinsiy zo‘ravonlikka yoxud boshqa shaxs tomonidan jinsiy zo‘ravonlikka duch kelgan [2]. Ushbu raqamlar barcha oila a’zolarining viktimlashuvini to‘liq qamrab olmasa-da, yaqin munosabatlar doirasidagi zo‘ravonlik jamoat salomatligi, inson huquqlari va jinoyatchilik profilaktikasiga daxldor global muammo ekanini ko‘rsatadi.

O‘zbekistonda 2019-yildan boshlab mazkur mavzuga oid maxsus huquqiy mexanizmlar izchil shakllantirildi. “Xotin-qizlarni tazyiq va zo‘ravonlikdan himoya qilish to‘g‘risida”gi qonunda zo‘ravonlik shakllari, himoya orderi va vakolatli subyektlarning vazifalari belgilandi [3]. 2023-yilgi islohotlar natijasida oilaviy (maishiy) zo‘ravonlik uchun ma’muriy va jinoiy javobgarlik joriy etildi, himoya orderini sud tartibida uzaytirish imkoniyati kengaytirildi [4]. 2024-yilda bolalarni zo‘ravonlikning barcha shakllaridan himoya qilishga qaratilgan maxsus qonunning qabul qilinishi esa ularning mustaqil himoya ehtiyojlarini huquqiy jihatdan e’tirof etdi [5].

Shu bilan birga, huquqbuzarlikni kvalifikatsiya qilish va aybdorga ta’sir chorasi qo‘llashning o‘zi takroriy viktimlashuvni bartaraf etmaydi. Jabrlangan shaxs xavfli muhitda qolishi, huquqbuzarga moddiy yoki ruhiy qaram bo‘lishi, himoya resurslaridan foydalana olmasligi mumkin. Demak, profilaktika markaziga faqat huquqbuzar emas, balki jabrlangan shaxsning real xavfsizligi, ehtiyojlari va qayta viktimlashuv xavfi ham qo‘yilishi lozim.

Oilaviy zo‘ravonlik latent hodisa bo‘lgani sababli rasmiy hisobga olingan holatlar uning haqiqiy ko‘lamini to‘liq aks ettirmaydi. Shuning uchun maqolada statistik umumlashtirishdan ko‘ra, huquqiy va viktimologik mexanizmlarning sifat tahliliga ustuvor ahamiyat berildi.

Oilaviy zo‘ravonlikni jabrlanuvchi nuqtayi nazaridan o‘rganish umumiy viktimologiyaning shakllanishi bilan bog‘liq. G. fon Gentig jinoyatchi va jabrlanuvchi munosabatini harakatchan tizim sifatida tadqiq etgan, B. Mendelson esa jabrlanuvchi haqidagi mustaqil ta’limotning rivojiga asos solgan. D.V. Rivman ishlarida viktimlik, viktimologik vaziyat va profilaktika tushunchalari tizimlashtirilgan [6]. Mazkur klassik yondashuvlar jabrlanuvchi shaxsi va vaziyatni ilmiy tahlil qilish imkonini bersa-da, ulardagi “jabrlanuvchining aybi”ga urg‘u zamonaviy inson huquqlari standartlari asosida qayta ko‘rib chiqilishi lozim.

Zamonaviy adabiyotlarda oilaviy zo‘ravonlik alohida epizodlar emas, balki nazorat va qaramlikni ta’minlovchi davomiy xulq-atvor sifatida tadqiq etiladi. E. Stark ishlab chiqqan majburlovchi nazorat konsepsiyasi jismoniy ta’sirdan tashqari izolyatsiya, iqtisodiy cheklov va mustaqil qaror qabul qilish imkoniyatini yo‘qotishni yagona tizimda tushuntiradi [7]. A. Mayxill va K. Holning empirik tadqiqoti majburlovchi nazoratni xavfni aniqlash va baholashda turli epizodlarni bog‘lovchi markaziy belgi sifatida ko‘rsatadi [8].

Bolalar viktimologiyasida D. Finkelxor, R. Ormrod va H. Tyorner tomonidan ishlab chiqilgan poliviktimlashuv konsepsiyasi muhim hisoblanadi. U alohida zo‘ravonlik turini hisoblashdan ko‘ra, bola duch kelgan turli salbiy ta’sirlarning umumiy yig‘indisini baholash zarurligini asoslaydi [9]. K. Krenshouning interseksionallik nazariyasi esa jins, yosh, nogironlik, iqtisodiy holat yoki migratsiya maqomi kabi omillar kesishganda zaiflik kuchayishi mumkinligini tushuntirishga xizmat qiladi [10].

So‘nggi tadqiqotlarda raqamli texnologiyalar zo‘ravonlikni masofa va vaqt bilan cheklanmaydigan nazorat vositasiga aylantirishi

ko‘rsatilmoqda. B. Xarris va D. Vudlok raqamli majburlovchi nazoratni oflayn zo‘ravonlikdan uzilgan mustaqil hodisa emas, balki uni davom ettiruvchi va kuchaytiruvchi usul sifatida asoslaydi [11]. R. Veyrning 14 519 nafar jabrlanuvchiga oid politsiya ma’lumotlari asosidagi tadqiqoti munosabat turi, jismoniy ta’sir va majburlovchi xulq takroriy viktimlashuv xavfini turlicha belgilashini ko‘rsatadi [12].

Ushbu ishlar salmoqli nazariy va empirik asos yaratgan bo‘lsa-da, O‘zbekiston sharoitida oilaviy munosabat, himoya orderi, ijtimoiy xizmat, dinamik xavf bahosi va qayta viktimlashuv profilaktikasini yagona mexanizmda bog‘lash masalasi maxsus tadqiqotni talab qiladi. Maqolaning ilmiy yo‘nalishi aynan shu bo‘shliqni to‘ldirishga qaratilgan.

Oilaviy zo‘ravonlikning boshqa huquqbuzarliklardan asosiy farqi huquqbuzar va jabrlanuvchi o‘rtasida yaqin oilaviy, nikoh, sobiq nikoh, qarindoshlik yoki umumiy maishiy munosabat mavjudligidir. Bunday munosabatlar bir tomondan, o‘zaro ishonch va ruhiy bog‘liqlikni, ikkinchi tomondan esa qaramlik, nazorat va xavfli muhitdan chiqish imkoniyati cheklanishini yuzaga keltirishi mumkin. Shu sababli huquqbuzarlikdan keyin ham taraflarning birga yashashi, umumiy farzandlari yoki mulkiy manfaatlari mavjudligi takroriy viktimlashuv xavfini saqlab qoladi.

Oilaviy (maishiy) zo‘ravonlikni, bizningcha, *oilaviy, nikoh, sobiq nikoh, qarindoshlik yoki umumiy maishiy munosabatlar sharoitida bir shaxsning boshqasi ustidan hukmronlik, nazorat yoxud majburlash o‘rnatishiga qaratilgan, jismoniy, ruhiy, iqtisodiy, jinsiy yoki boshqa zarar yetkazadigan, shuningdek bunday zararning real xavfini yuzaga keltiradigan ijtimoiy salbiy xulq-atvor tizimi* sifatida ta’riflash mumkin. Mazkur ta’rifda zo‘ravonlik nafaqat tugallangan oqibat yoki alohida jinoyat tarkibini, balki takroriylik, nazorat, tahdid va zarar xavfini ham qamrab oladi.

Zo‘ravonlikning kriminologik mohiyati uchta o‘zaro bog‘liq belgidan iborat. Birinchisi – *hukmronlik va majburlovchi nazorat.* Huquqbuzar jabrlanuvchining mulki, harakati, ijtimoiy aloqalari, ta’lim olishi, mehnat qilishi yoki mustaqil qaror qabul qilishi ustidan nazorat o‘rnatishga intiladi. Ikkinchisi – *davomiylik va takroriylik.* Ayrim holatlarda huquqiy bahoga sabab bo‘lgan epizod uzoq vaqt davom etgan tazyiqlar tizimining faqat ko‘rinadigan qismi bo‘ladi. Uchinchisi – *shakllarning o‘zaro qo‘shilishi.* Ruhiy bosim iqtisodiy cheklov bilan, iqtisodiy qaramlik esa jismoniy yoki boshqa zo‘ravonlik xavfi bilan birga namoyon bo‘lishi mumkin.

Milliy qonunchilik jismoniy, ruhiy, iqtisodiy va jinsiy zo‘ravonlikni farqlaydi [13]. Ushbu tasnif huquqiy kvalifikatsiya uchun zarur, biroq viktimologik profilaktikada har bir shaklni alohida emas, ularning o‘zaro ta’sirida o‘rganish lozim. Masalan, iqtisodiy nazorat jabrlanuvchining xavfli munosabatni tark etish imkoniyatini kamaytirsa, ruhiy bosim yordam so‘rash va o‘z huquqlarini anglashga salbiy ta’sir qilishi mumkin.

Latentlik ham mazkur hodisaning tarkibiy belgisi hisoblanadi. Jabrlanuvchi oilaning buzilishidan xavotirlanishi, huquqbuzardan qo‘rqishi, iqtisodiy ta’minotdan mahrum bo‘lish, bolalar taqdiri yoki jamoatchilik munosabatidan xavfsirashi mumkin. Ba’zan u sodir bo‘layotgan harakatlarni zo‘ravonlik deb qabul qilmasligi yoki vakolatli organga murojaat natija berishiga ishonmasligi ham mumkin. Bu omillar rasmiy ma’lumotlar bilan real holat o‘rtasidagi farqni yuzaga keltiradi.

Raqamli muhit latentlik va nazoratning yangi ko‘rinishlarini yuzaga keltiradi. Doimiy elektron aloqa talab qilish, akkauntlar yoki geolokatsiya orqali kuzatish, raqamli mablag‘lardan foydalanishni cheklash, onlayn tahdid yoki obro‘sizlantirish kabi harakatlar ruhiy va iqtisodiy zo‘ravonlik bilan qo‘shilishi mumkin. Ularning o‘ziga xosligi – huquqbuzar jabrlanuvchi bilan bir joyda bo‘lmasa ham nazoratni davom ettira olishi. Shu sababli, raqamli xavfsizlikni himoya rejasining qo‘shimcha emas, majburiy bloki sifatida belgilash zarur.

Xalqaro standartlarda profilaktika, himoya, tergov, javobgarlik va zararni bartaraf etish bo‘yicha davlatlardan lozim darajadagi sa’y-harakatlar talab qilinadi [14]. Inson huquqlari bo‘yicha Yevropa sudining *Opuz v. Turkey* ishi milliy sud uchun majburiy pretsedent bo‘lmasa-da, davlat organlari ma’lum va real xavfga nisbatan passiv qolmasligi kerakligini ko‘rsatuvchi muhim qiyosiy manbadir [15]. Bu yondashuv viktimologik xavfni erta aniqlash va himoya choralarini voqealar og‘irlashishidan oldin qo‘llash zaruratini asoslaydi.

2019-yilda qabul qilingan O‘RQ-561-son qonun xotin-qizlarni tazyiq va zo‘ravonlikdan himoya qilishning maxsus huquqiy asosini yaratdi. Qonunning kuchli jihati zo‘ravonlik shakllarini huquqiy ta’riflash, himoya orderi, maxsus markazlar va vakolatli subyektlar tizimini belgilashda namoyon bo‘ladi. 2023-yilda qabul qilingan O‘RQ-829-son qonun bilan Ma’muriy javobgarlik to‘g‘risidagi kodeksga 59²-modda, Jinoyat kodeksiga 126¹-modda kiritilishi oila doirasidagi qilmishlarning ijtimoiy xavfini mustaqil huquqiy baholash imkonini berdi.

Shuni ham alohida ta’kidlash joizki, moddiy-huquqiy javobgarlik va viktimologik profilaktikaning vazifalari bir xil emas. Ma’muriy yoki jinoiy norma sodir bo‘lgan qilmishni kvalifikatsiya qiladi, xavf bahosi esa kelgusidagi takroriy zo‘ravonlik ehtimoli va jabrlanuvchining himoya ehtiyojlarini aniqlaydi. Shu sababli jinoyat tarkibi isbotlanmagan yoki ish yakuniy qarorga yetmagan holatda ham real xavf bo‘lishi mumkin. Himoya mexanizmini faqat protsessual natijaga bog‘lash profilaktik choralarni kechiktiradi.

Bu muammo nikohni bekor qilish ishlariga oid amaldagi sud tushuntirishlarida yaqqol ko‘rinadi. Oliy sud Plenumining 2011-yil 20-iyuldagi 6-son qaroriga 2025-yilda kiritilgan o‘zgartirishga ko‘ra, sud jabrlangan shaxs talab qilsa, yarashish uchun muhlat tayinlamaydi. Oilaviy (maishiy) zo‘ravonlik er yoki xotin tomonidan sodir etilgan bo‘lishi va jabrlanganlik ma’muriy yoki jinoyat ishi bo‘yicha qonuniy kuchga kirgan sud hujjati bilan tasdiqlanishi talab etiladi, himoya orderining o‘zi yetarli asos hisoblanmaydi [17].

Mazkur tushuntirish huquqiy aniqlikka xizmat qilsa-da, viktimologik nuqtayi nazardan uchta cheklovga ega. *Birinchidan,* oiladagi boshqa shaxsning zo‘ravonligi ham er-xotindan birining xavfsizligiga jiddiy ta’sir qilishi mumkin. *Ikkinchidan,* qonuniy kuchga kirgan sud hujjatini kutish davrida xavf davom etishi ehtimoli mavjud. *Uchinchidan,* himoya orderi zo‘ravonlik to‘g‘risidagi yakuniy ayblov xulosasi bo‘lmasa ham, vakolatli organ tomonidan xavf belgilari aniqlanganini ko‘rsatadi.

Shu sababli nikohni bekor qilishda yarashish muddatini tayinlamaslik masalasini faqat oldingi sud hujjatiga emas, ***dalillar majmui va joriy xavfning sud tomonidan baholanishiga*** bog‘lash maqsadga muvofiq. Bunda himoya orderi, avvalgi murojaatlar, tibbiy yoki psixologik ma’lumotlar, raqamli xabarlar, guvohlarning ko‘rsatmalari va boshqa qonuniy dalillar birgalikda baholanishi mumkin. Bu taklif aybsizlik prezumpsiyasini buzmaydi, chunki gap shaxsni jinoyatda aybdor deb topish haqida emas, balki fuqarolik ishida majburiy yarashtirishning jabrlanuvchi xavfsizligiga ta’siri haqida bormoqda.

O‘zbekiston Respublikasining «Bolalarni zo‘ravonlikning barcha shakllaridan himoya qilish to‘g‘risida»gi qonuni bolaga nisbatan zo‘ravonlik tushunchasini, himoya subyektlari va maxsus choralarni belgiladi [18]. Endi xotin-qizlar va bolalarga oid ikki maxsus tizim o‘rtasida yagona xavf bahosi, o‘zaro axborot almashish va bir oila bo‘yicha muvofiqlashtirilgan reja zarur. Aks holda, ona va bolaning ehtiyojlari turli idoralarda bir-biridan ajratilgan holda baholanishi mumkin.

Oliy sud Plenumining 2023-yil 20-noyabrdagi 30-son qarori oilaviy (maishiy) zo‘ravonlik bilan bog‘liq jinoyatlarni boshqa tan jarohati yetkazish holatlaridan farqlash, ruhiy, iqtisodiy va boshqa shakllarni to‘g‘ri tushunish bo‘yicha muhim yo‘nalish beradi [19]. Biroq sud amaliyoti uchun epizodga emas, xulq-atvor namunasiga qarash, avvalgi murojaatlar va majburlovchi nazorat belgilarini dalillar tizimida baholash bo‘yicha qo‘shimcha metodik tushuntirishlar muhim.

Viktimologiya jabrlanuvchi shaxsi, uning viktimlashuv jarayoni, jinoiy vaziyatdagi o‘rni, himoya ehtiyojlari va qayta viktimlashuvning oldini olish mexanizmlarini o‘rganadi. Jinoyat qurbonlariga oid BMT deklaratsiyasida jabrlanuvchi maqomi jismoniy yoki ruhiy zarar, ruhiy azob, iqtisodiy yo‘qotish yoxud asosiy huquqlarning jiddiy buzilishi bilan bog‘lanadi [20]. Oilaviy zo‘ravonlikda esa ushbu umumiy belgilar yaqin munosabat, qaramlik va takroriy xavf bilan murakkablashadi.

Shundan kelib chiqib, oilaviy (maishiy) zo‘ravonlikdan jabrlangan shaxsning viktimologik tavsifi deganda uning zo‘ravonlikka duchor bo‘lishi, himoyadan foydalanishi va qayta viktimlashuv xavfiga ta’sir ko‘rsatuvchi ijtimoiy-demografik, oilaviy, iqtisodiy, psixologik, huquqiy va vaziyatga oid belgilarining o‘zaro bog‘liq tizimi tushuniladi.

Tushunchalarning ichki izchilligini ta’minlash uchun quyidagi mualliflik yondashuvlari taklif etiladi. ***Viktimlik*** – shaxsning aybi yoki o‘zgarmas xususiyati emas, balki individual, oilaviy va ijtimoiy omillar hamda himoya resurslari ta’sirida jabrlanish xavfini ifodalovchi dinamik ijtimoiy-viktimologik holat. ***Viktimizatsiya*** – viktimogen omillar va muayyan vaziyat ta’sirida shaxsning amalda zo‘ravonlikdan jabrlangan shaxsga aylanish jarayoni. ***Reviktimizatsiya*** – avval jabrlangan shaxsning aynan shu yoki boshqa huquqbuzar tomonidan keyingi davrda takroran zo‘ravonlikka duchor bo‘lish jarayoni. ***Viktimologik profilaktika*** esa viktimogen omillarni erta aniqlash, jabrlanish va reviktimizatsiya xavfini individual va dinamik baholash, xavfni boshqarish hamda shaxsning xavfsizligi, huquqlari va ijtimoiy tiklanishini ta’minlovchi kompleks choralar tizimidir.

Ushbu ta’riflar profilaktika obyektini aniqlashda juda muhim. Agar viktimlik o‘zgarmas «shaxsiy moyillik» sifatida talqin qilinsa, mas’uliyatni jabrlanuvchiga yuklash xavfi paydo bo‘ladi. Dinamik yondashuvda esa xavfni oshiruvchi va kamaytiruvchi omillar farqlanadi: huquqbuzarning harakatlari, munosabatni tugatish bosqichi, uy-joy va iqtisodiy qaramlik xavfni oshirishi; himoya orderining samarali nazorati, xavfsiz joy, mustaqil mablag‘ va professional yordam uni kamaytirishi mumkin.

Bu tavsif kamida quyidagi elementlarni qamrab olishi lozim:

Ijtimoiy-demografik belgilar – yosh, jins, ta’lim, bandlik, sog‘liq holati, nogironlik va boshqa obyektiv xususiyatlar.

Oilaviy maqomi – er yoki xotin, sobiq er yoki xotin, farzand, ota-ona, keksa qarindosh, vasiylik yoki qaramoqdagi shaxs.

Qaramlik xususiyati – iqtisodiy, uy-joy, parvarish, ruhiy, huquqiy yoki axborotga oid qaramlik.

Zo‘ravonlik tarixi – avvalgi epizodlar, tahdidlar, ta’qib, himoya orderi yoki boshqa murojaatlar mavjudligi.

Himoya resurslari – xavfsiz joy, mustaqil daromad, hujjatlar, ishonchli shaxslar, huquqiy va ijtimoiy yordamdan foydalanish imkoniyati.

Viktimologik vaziyatdagi xulq-atvor modeli – yordam so‘rash, sukut saqlash, xavfli muhitni tark etishga urinish, murojaatni qaytarib olish kabi harakatlar va ularga ta’sir etgan omillar.

Mazkur tasnifda “viktimlik” shaxsning zo‘ravonlik uchun aybdorligi emas, u muayyan vaziyatda viktimlashuv xavfini oshirishi mumkin bo‘lgan obyektiv va subyektiv omillar yig‘indisini anglatadi. Huquqiy va axloqiy javobgarlik har doim zo‘ravonlik sodir etgan shaxs zimmasida qoladi. Jabrlanuvchining harakatlarini o‘rganishdan maqsad uni ayblash emas, balki xavfni to‘g‘ri baholash va samarali himoya chorasini tanlashdir.

Klassik viktimologiyada jabrlanuvchining vaziyatdagi faolligi yoki “provokatsiyasi”ga asoslangan tasniflar uchraydi [21]. Biroq oilaviy zo‘ravonlik sharoitida bunday yondashuvni mexanik qo‘llash jabrlanuvchini ayblashga olib kelishi mumkin. Munosabatni tugatish istagi, organlarga murojaat qilish yoki tortishuvda qatnashish zo‘ravonlikni oqlamaydi. Shu sababli “aybdor jabrlanuvchi” atamasi o‘rniga neytral va profilaktikaga yo‘naltirilgan “viktimologik vaziyatdagi xulq-atvor modeli” kategoriyasidan foydalanish maqsadga muvofiq.

Jabrlanuvchilarni yagona belgi asosida tasniflash amaliyot uchun yetarli axborotni bermaydi. Masalan, bir xil zo‘ravonlik shakliga duch kelgan ikki shaxsning iqtisodiy qaramligi, farzandlari, xavfsiz turar joyi va avvalgi murojaatlari turlicha bo‘lishi mumkin. Shuning uchun tasnif ko‘p mezonli va dinamik bo‘lishi kerak.

Birinchidan, ***oilaviy maqomi bo‘yicha*** er yoki xotin, sobiq er yoki xotin, voyaga yetmagan yoki voyaga yetgan farzand, ota-ona, keksa oila a’zosi, boshqa qarindosh va birgalikda yashovchi shaxslar farqlanadi. Bu mezon huquqbuzar bilan aloqani aniqlashga yordam beradi.

Ikkinchidan, ***zo‘ravonlik shakli bo‘yicha*** jismoniy, ruhiy, iqtisodiy, jinsiy zo‘ravonlikdan jabrlanganlar hamda bir vaqtning o‘zida bir necha shakl ta’siriga duch kelgan poliviktimlashgan shaxslar ajratiladi. Poliviktimlashuv konsepsiyasi, ayniqsa, bolalar xavfsizligini baholashda muhim: bola bevosita zo‘ravonlikdan jabrlanishi bilan birga, oiladagi doimiy tazyiq muhiti ta’siriga ham duchor bo‘lishi mumkin [22].

Uchinchidan, ***takroriylik bo‘yicha*** birlamchi, takroriy va ko‘p marotaba viktimlashgan shaxslar farqlanadi. Birinchi qayd etilgan murojaat har doim birinchi voqea degani emas. Shu bois xavfni baholashda faqat rasmiy materiallar emas, balki jabrlanuvchining shaxsi, avvalgi tahdidlar va norasmiy yordam so‘rash holatlari ham hisobga olinishi lozim.

To‘rtinchidan, ***xavf darajasi bo‘yicha*** umumiy, oshirilgan, yuqori va o‘ta yuqori xavf guruhlarini ajratish mumkin. Bu guruhlar doimiy emas: yangi tahdid, munosabatni tugatish, huquqbuzarning cheklovga rioya qilmasligi, turar joy yoki daromaddan mahrum bo‘lish xavfni oshirishi; xavfsiz joy, huquqiy himoya va ijtimoiy yordam esa uni kamaytirishi mumkin.

Beshinchidan, ***qaramlik turi bo‘yicha*** iqtisodiy, ruhiy, uy-joy, parvarish, huquqiy va aralash qaramlikdagi shaxslar ajratiladi. Qaramlikka faqat shaxsiy xususiyat sifatida emas, huquqbuzar tomonidan yaratilgan yoki kuchaytirilgan nazorat mexanizmi sifatida ham qarash kerak.

Oltinchidan, ***yordamga murojaat qilish modeli bo‘yicha*** faol murojaat qilgan, vositachi orqali murojaat qilgan, murojaatdan voz kechgan, takroriy murojaat qilgan va hali rasmiy yordam so‘ramagan shaxslar farqlanishi mumkin. Murojaatni qaytarib olish xavf yo‘qolganini anglatmaydi, aksincha, qo‘rqitish yoki qaramlik kuchaygan bo‘lishi mumkin.

Yettinchidan, ***himoya resurslari bo‘yicha*** yetarli, cheklangan va o‘ta cheklangan himoya imkoniyatiga ega shaxslar ajratiladi. Bunda xavfsiz turar joy, mustaqil mablag‘, shaxsni tasdiqlovchi hujjatlar, transport, telefon, ishonchli ijtimoiy aloqalar va professional yordamdan foydalanish imkoniyati baholanadi.

Alohida guruhlar o‘ziga xos himoya ehtiyojlariga ega. Ayollar uchun gender, iqtisodiy holat, nogironlik, migratsiya yoki boshqa omillar kesishuvini hisobga oluvchi interseksional yondashuv zarur [23]. Bolalarning obyektiv qaramligi va o‘z huquqlarini mustaqil himoya qilish imkoniyati cheklangan. Keksa shaxslarda jismoniy imkoniyat, parvarish va mol-mulkka oid qaramlik muhim. Nogironligi bo‘lgan shaxslarda axborot, harakatlanish va xizmatlardan foydalanishdagi to‘siqlar xavfni kuchaytirishi mumkin. Erkak jabrlanuvchilar esa ijtimoiy stereotiplar sabab xabar berishdan tiyilishi mumkin. Demak, xizmatlar umumiy standartga ega bo‘lishi bilan birga, har bir guruh uchun moslashuvchan bo‘lishi shart.

Tasniflashning maqsadi jabrlanuvchilarga “yorliq” qo‘yish emas, balki qaysi shaxsga qanday himoya chorasi, qaysi muddatda va qaysi subyekt tomonidan ko‘rsatilishi kerakligini aniqlashdir. Shu ma’noda viktimologik tasnif himoya orderi, ijtimoiy xizmat, tibbiy va psixologik yordam, vaqtincha joylashtirish, huquqiy vakillik va bolalar xavfsizligi choralarini individuallashtirishga xizmat qiladi.

Himoya orderi profilaktik vosita sifatida faqat sodir bo‘lgan holatga munosabat bildirmasdan, kelgusidagi xavfni kamaytirishi lozim. Amaldagi qonunchilikda xavf bartaraf etilmagan taqdirda order muddatini sud tomonidan bir yilgacha uzaytirish imkoniyati nazarda tutilgan [24]. Biroq muddatning o‘zi yetarli emas, order bilan bir vaqtda xavf omillari, jabrlanuvchining ehtiyojlari va cheklovlarni nazorat qilish mexanizmi belgilanishi kerak.

Bizningcha, huquqni qo‘llash amaliyotiga *standartlashtirilgan va dinamik viktimologik xavfni baholash model*ini joriy etish maqsadga muvofiq. “Standartlashtirilgan” deganda barcha vakolatli subyektlar uchun yagona asosiy mezon, baholash shkalasi va hujjatlashtirish tartibining mavjudligi tushuniladi. “Dinamik” deganda esa baholash bir marta bilan cheklanmasdan, yangi ma’lumot yoki vaziyat o‘zgarganida qayta ko‘rib chiqilishi nazarda tutiladi.

Baholash modeli kamida quyidagi bloklarni qamrab olishi lozim:

· avvalgi zo‘ravonlik va tahdidlar;

· zo‘ravonlikning takroriyligi va og‘irlashish tendensiyasi;

· huquqbuzarning himoya orderi yoki boshqa cheklovlarga munosabati;

· jabrlanuvchi va huquqbuzarning birga yashashi yoki doimiy aloqasi;

· iqtisodiy, uy-joy, ruhiy va parvarishga oid qaramlik;

· bolalar, keksalar yoki alohida himoyaga muhtoj shaxslar mavjudligi;

· xavfsiz joy, hujjatlar, mablag‘ va ishonchli aloqalar kabi himoya resurslari;

· jabrlanuvchining xavf haqida subyektiv bahosi.

Mazkur mezonlar avtomatik tarzda huquqiy xulosa chiqarish uchun emas, mutaxassis qarorini asoslash va muhim belgilarning e’tibordan chetda qolmasligini ta’minlash uchun xizmat qilishi kerak. Xavfni baholash ma’lumotlari maxfiy saqlanishi, ulardan jabrlanuvchini ayblash yoki huquqlarini cheklash uchun foydalanmaslik kerak.

TADQIQOTCHI MINBARI

Yuqori va o‘ta yuqori xavf aniqlanganda *individual xavfsizlik va tiklanish rejasi* tuzilishi lozim. Rejada aniqlangan xavflar, shaxsning ehtiyojlari va roziligi, qisqa va o‘rta muddatli maqsadlar, himoya choralari, mas’ul subyektlar, bajarish muddatlari, natija indikatorlari va qayta ko‘rib chiqish sanasi belgilanadi. Xavfsiz joy, tibbiy-psixologik yordam, huquqiy vakillik, hujjatlarni tiklash, bolalar masalasi, aliment va mulkiy huquqlar, ta’lim yoki bandlik, raqamli xavfsizlik hamda ijtimoiy nafaqalar kompleks ko‘rib chiqilishi kerak.

Bunday rejaning bajarilishi idoralar o‘rtasida bo‘linib ketmasligi uchun yuqori xavfli holatlarda **keys-menejer** institutini joriy etish maqsadga muvofiq. Keys-menejer jabrlanuvchining o‘rniga qaror qabul qilmaydi, uning vazifasi xizmatlarni muvofiqlashtirish, kelishilgan choralarning bajarilishini kuzatish, xavf o‘zgarganda qayta baholashni tashkil etish va shaxsni axborot bilan ta’minlashdan iborat. Uning vakolati, maxfiylik majburiyati, ish yuklamasi va harakatlari ustidan shikoyat qilish tartibi normativ hujjatda aniq belgilanishi zarur.

Xalqaro qiyosiy standartlar ham xavfni barcha tegishli organlar tomonidan muvofiqlashtirilgan holda baholashni talab qiladi. Istanbul konvensiyasining 51-moddasi vaziyatning jiddiyligi va takroriy zo‘ravonlik xavfini baholash, 52–53-moddalari esa shoshilinch cheklov va himoya orderlarini nazarda tutadi. O‘zbekiston mazkur Konvensiya ishtirokchisi bo‘lmasa-da, bu normalar xavfni boshqarishning qiyosiy modeli sifatida ilmiy ahamiyatga ega [25]. UNODC materiallarida politsiya, prokuratura va sud qarorlarida xavf tahlili, jabrlanuvchini xabardor qilish va muvofiqlashtirilgan himoyaning ahamiyati ta’kidlangan [26].

Differensial himoya modelida past xavf uchun axborot, maslahat va nazorat; o‘rta xavf uchun himoya orderi bilan birga ijtimoiy-huquqiy xizmatlar; yuqori xavf uchun shoshilinch xavfsiz joy, sud cheklovlari va keys-menejment; o‘ta yuqori xavf uchun esa idoralararo tezkor choralar va qisqa muddatlarda qayta baholash nazarda tutilishi mumkin. Bu darajalar avtomatik sanksiya emas, xizmatlar intensivligini belgilaydigan boshqaruv mezoni bo‘lishi kerak.

Taklif etilayotgan mexanizmni normativ jihatdan mustahkamlash uchun O‘RQ-561-sonli qonun yoki uning negizida barcha jabrlangan oila a’zolarini qamrab oluvchi yangilangan qonunda “majburlovchi nazorat”, “raqamli zo‘ravonlik”, “viktimologik xavfni baholash”, “xavfni boshqarish”, “reviktimizatsiya”, “individual xavfsizlik va tiklanish rejasi” va “keys-menejer” tushunchalarini kiritish maqsadga muvofiq. Vazirlar Mahkamasi darajasida esa yagona baholash metodikasi, idoralararo yo‘naltirish algoritmi, ma’lumotlarni himoya qilish va rejani monitoring qilish tartibi tasdiqlanishi lozim.

Xavf bahosining sifatini ta’minlash uchun uchta kafolat zarur. *Birinchisi,* mutaxassislarni muntazam o‘qitish va baholovchilar o‘rtasidagi farqni kamaytirish. *Ikkinchisi,* vositaning ilmiy validligini pilot hududlarda tekshirish, natijalarni mustaqil baholash va mezonlarni yangilab borish. *Uchinchisi,* inson nazorati: ball yoki algoritm mutaxassis qarorini almashtirmasligi, shaxsning huquqini avtomatik cheklamasligi va shikoyat qilish imkoniyati saqlanishi shart.

Profilaktika uch bosqichda tashkil etilishi lozim. *Birlamchi profilaktika* huquqiy savodxonlikni oshirish, zo‘ravonlikni odatiy oilaviy muomala sifatida qabul qilmaslik va yordam kanallari haqida axborot berishni qamrab oladi. *Ikkilamchi profilaktika* xavf guruhidagi shaxs va oilalarni erta aniqlash, birinchi signaldan so‘ng xavfni baholash va cheklangan resurslarni maqsadli yo‘naltirishga qaratilishi kerak. *Uchinchi darajali profilaktika* esa sodir bo‘lgan zo‘ravonlikdan keyin qayta viktimlashuvning oldini olish, tiklanish va uzoq muddatli xavfsizlikni ta’minlashni nazarda tutadi.

Ushbu model huquqni muhofaza qiluvchi organlar, sud, ijtimoiy xizmatlar, tibbiyot va ta’lim muassasalari, mahalla hamda fuqarolik jamiyati institutlarining muvofiqlashtirilgan hamkorligini talab qiladi. Idoralararo ma’lumot almashish maqsadga muvofiqlik, mutanosiblik, shaxsning xabardorligi va shaxsiy ma’lumotlarni himoya qilish prinsiplariga asoslanishi lozim.

O‘tkazilgan tahlillar asosida quyidagi ilmiy natijalar ilgari suriladi:

birinchidan, oilaviy (maishiy) zo‘ravonlik alohida epizodlar yig‘indisi emas, balki yaqin munosabatlar sharoitida hukmronlik, majburlovchi nazorat, qaramlik va takroriy ta’sir elementlarini birlashtiruvchi ijtimoiy salbiy xulq-atvor tizimi sifatida namoyon bo‘ladi;

ikkinchidan, oilaviy zo‘ravonlikdan jabrlangan shaxsning viktimologik tavsifiga uning viktimlashuvi, himoyadan foydalanishi va qayta viktimlashuv xavfiga ta’sir etuvchi ijtimoiy-demografik, oilaviy, iqtisodiy, psixologik, huquqiy va vaziyatga oid belgilar tizimi sifatida mualliflik ta’rifi berildi;

uchinchidan, “jabrlanuvchining aybi”ga asoslangan tasnifdan voz kechib, huquqbuzar javobgarligini kamaytirmaydigan va faqat profilaktik vazifaga xizmat qiluvchi “viktimologik vaziyatdagi xulq-atvor modeli” kategoriyasini qo‘llash taklif etildi;

to‘rtinchidan, jabrlanuvchilarni oilaviy maqomi, zo‘ravonlik shakli, takroriylik, xavf darajasi, qaramlik, yordamga murojaat qilish va himoya resurslari bo‘yicha ko‘p mezonli tasniflash modeli ishlab chiqildi;

beshinchidan, «huquqbuzarni aniqlash – qilmishni kvalifikatsiya qilish – jazo qo‘llash» zanjiri «xavfni aniqlash – jabrlanuvchini himoya qilish – individual reja – idoralararo kuzatuv – qayta viktimlashuvni oldini olish» modeli bilan to‘ldirilishi asoslantirildi;

oltinchidan, amaliyotga standartlashtirilgan va dinamik viktimologik xavfni baholash varaqasi, yuqori xavfli holatlar uchun individual xavfsizlik va tiklanish rejasi hamda keys-menejer institutini bosqichma-bosqich joriy etish taklif qilindi;

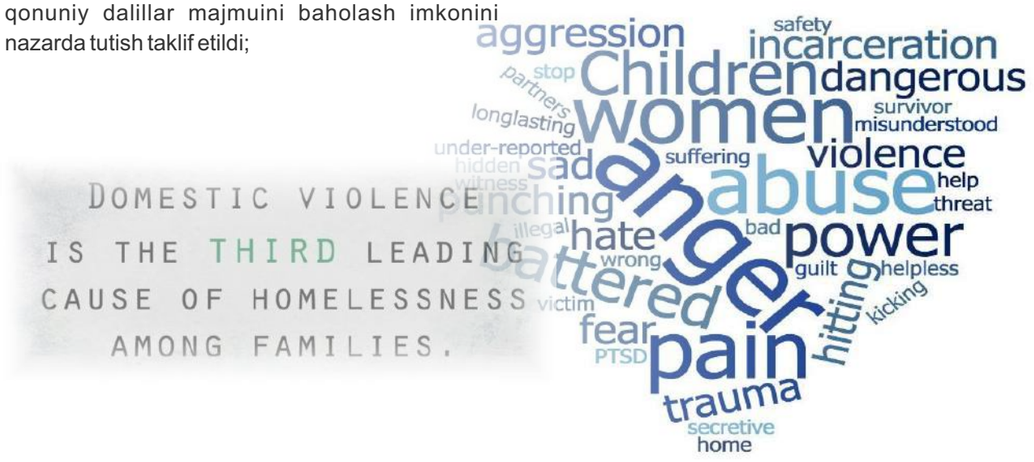
yettinchidan, nikohni bekor qilish ishlarida yarashish muddatini tayinlamaslikni faqat qonuniy kuchga kirgan ma’muriy yoki jinoiy sud hujjatiga bog‘lamasdan, sud tomonidan joriy xavf va qonuniy dalillar majmuini baholash imkonini nazarda tutish taklif etildi;

sakkizinchidan, xotin-qizlar va bolalarni himoya qilish bo‘yicha amaldagi maxsus mexanizmlarni bir oila doirasida yagona xavf bahosi, muvofiqlashtirilgan reja va axborot muhofazasi talablari orqali bog‘lash zarurati asoslantirildi.

Xulosa qilib aytganda, oilaviy (maishiy) zo‘ravonlikning kriminologik-viktimologik mohiyati yaqin munosabat, hukmronlik va nazorat, turli zo‘ravonlik shakllarining o‘zaro qo‘shilishi, latentlik hamda takroriy viktimlashuv xavfi bilan izohlanadi. Shu bois uni faqat alohida jinoyat yoki ma’muriy huquqbuzarlik doirasida o‘rganish yetarli emas.

Jabrlangan shaxslarni faqat jins yoki zo‘ravonlik shakli bo‘yicha tasniflash individual himoya ehtiyojlarini to‘liq ko‘rsatmaydi. Ko‘p mezonli tasnif xavf darajasi, qaramlik, oilaviy mavqe, himoya resurslari va takroriylikni birgalikda baholash imkonini beradi. Bunday tasnif nazariy maqsaddan tashqari himoya orderi mazmunini belgilash, ijtimoiy xizmatlarni yo‘naltirish va qayta viktimlashuvning oldini olishda amaliy vosita bo‘lib xizmat qiladi.

Profilaktikaning samaradorligi jazoning muqarrarligi bilan birga, jabrlanuvchining real xavfsizligi va tiklanish imkoniyati ta’minlanishiga bog‘liq. Shu bois milliy amaliyotda standartlashtirilgan dinamik xavfni baholash, individual xavfsizlik rejasi va idoralararo keys-menejmentni huquqiy, tashkiliy va axborot muhofazasi kafolatlari bilan joriy etish maqsadga muvofiq.

Foydalanilgan manbalar

1. O‘zbekiston Respublikasining Konstitutsiyasi. – T., 2023. – 19, 26, 31 va 76-moddalar.
2. World Health Organization. Violence against women. Fact sheet. Updated 18 June 2026. URL: https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/violence-against-women (murojaat sanasi: 06.08.2026).
3. O‘zbekiston Respublikasining O‘RQ-561-son “Xotin-qizlarni tazyiq va zo‘ravonlikdan himoya qilish to‘g‘risida”gi 2019-yil 2-sentyabr qonuni.
4. O‘zbekiston Respublikasining 2023-yil 11-apreldagi O‘RQ-829-son qonuni.
5. O‘zbekiston Respublikasining O‘RQ-996-son «Bolalarni zo‘ravonlikning barcha shakllaridan himoya qilish to‘g‘risida»gi 2024-yil 14-noyabr qonuni.
6. von Hentig H. The Criminal and His Victim. New Haven: Yale University Press, 1948; Mendelsohn B. The Origin of the Doctrine of Victimology // Excerpta Criminologica. 1963. Vol. 3.; Ривман Д.В. Криминалная виктимология. – СПб.: Питер, 2002.
7. Stark E. Coercive Control: How Men Entrap Women in Personal Life. New York: Oxford University Press, 2007.
8. Myhill A., Hohl K. The “Golden Thread”: Coercive Control and Risk Assessment for Domestic Violence // Journal of Interpersonal Violence. 2019. Vol. 34. No. 21–22. P. 4477–4497. DOI: 10.1177/0886260516675464.
9. Finkelhor D., Ormrod R.K., Turner H.A. Poly-victimization: A neglected component in child victimization // Child Abuse & Neglect. 2007. Vol. 31. No. 1. P. 7–26. DOI: 10.1016/j.chiabu.2006.06.008.
10. Crenshaw K. Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color // Stanford Law Review. 1991. Vol. 43. No. 6. P. 1241–1299.
11. Harris B.A., Woodlock D. Digital Coercive Control: Insights from Two Landmark Domestic Violence Studies // The British Journal of Criminology. 2019. Vol. 59. No. 3. P. 530–550. DOI: 10.1093/bjc/azy052.
12. Weir R. Differentiating risk: The association between relationship type and risk of repeat victimization of domestic abuse // Policing: A Journal of Policy and Practice. 2024. Vol. 18. DOI: 10.1093/police/paae024.
13. O‘zbekiston Respublikasining O‘RQ-561-son qonuni. 3-modda; O‘zbekiston Respublikasi Oliy sudi Plenumining 2023-yil 20-noyabrdagi 30-son qarori.
14. Committee on the Elimination of Discrimination against Women. General Recommendation No. 35. CEDAW/C/GC/35. 2017. Paras. 21–26.
15. Opuz v. Turkey, no. 33401/02, Judgment of 9 June 2009. European Court of Human Rights.
16. O‘zbekiston Respublikasining Ma’muriy javobgarlik to‘g‘risidagi kodeksi, 59²-modda; O‘zbekiston Respublikasining Jinoyat kodeksi, 126¹-modda.
17. O‘zbekiston Respublikasi Oliy sudi Plenumining 2011-yil 20-iyuldagi 6-son qarori, 15¹-band (Oliy sud Plenumining 2025-yil 23-iyundagi 18-son qarori tahririda).
18. O‘zbekiston Respublikasining “Bolalarni zo‘ravonlikning barcha shakllaridan himoya qilish to‘g‘risida” 2024-yil 14-noyabrdagi O‘RQ-996-son qonuni.
29. O‘zbekiston Respublikasi Oliy sudi Plenumining 2023-yil 20-noyabrdagi 30-son qarori; 27.06.2007-yil 27-iyundagi 6-son qarori, 1¹-band.
20. United Nations. Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power. General Assembly Resolution 40/34, 29 November 1985.
21. Ривман Д.В. Криминалная виктимология. – СПб.: Питер, 2002.
22. Finkelhor D., Ormrod R.K., Turner H.A. Poly-victimization: A neglected component in child victimization // Child Abuse & Neglect. 2007. Vol. 31. – No. 1. – P. 7–26.
23. Crenshaw K. Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color // Stanford Law Review. 1991. Vol. 43. No. 6. P. 1241–1299.
24. O‘zbekiston Respublikasining O‘RQ-561-son qonuni. 23-modda.
25. Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence against Women and Domestic Violence. Istanbul, 11 May 2011. Arts. 51–53. Ushbu Konvensiya O‘zbekiston uchun majburiy manba emas, maqolada qiyosiy standart sifatida foydalanilgan.
26. United Nations Office on Drugs and Crime. Handbook on Effective Prosecution Responses to Violence against Women and Girls. New York: United Nations, 2014; UNODC. Handbook for the Judiciary on Effective Criminal Justice Responses to Gender-based Violence against Women and Girls. Vienna, 2019.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ СВОБОДЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

САДРИДДИНОВ
Шохрух Шукрулла угли
Департамента по борьбе с киберпреступлениями
МВД Республики Узбекистан,
ведущий специалист

Аннотация. *В статье исследованы конституционно-правовые и организационные гарантии обеспечения права на свободу передвижения в Республике Узбекистан. Особое внимание уделяется правовой природе регистрационного учёта по месту жительства и месту пребывания, его соотношению с реализацией иных прав и свобод человека, а также вопросам временного ограничения права на выезд за пределы Республики Узбекистан. Анализируются риски, возникающие в условиях цифровизации регистрационных процедур и межведомственного обмена персональными данными. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства Республики Узбекистан в сфере регистрации, административных процедур, исполнения судебных актов и защиты персональных данных.*
Ключевые слова: *свобода передвижения, конституционные права, регистрация, место жительства, место пребывания, право на выезд, ограничение свободы передвижения, соразмерность, судебный контроль, цифровизация, персональные данные, административные процедуры, Республика Узбекистан.*

Annotatsiya. *Mazkur maqolada O‘zbekiston Respublikasida erkin harakatlanish huquqini ta’minlashning konstitutsiyaviy-huquqiy va tashkiliy kafolatlari tadqiq etiladi. Yashash joyi va bo‘lish joyi bo‘yicha ro‘yxatga olish tartibining huquqiy tabiatiga, insonning boshqa huquq va erkinliklarini amalga oshirishga nisbati masalalariga, shuningdek, O‘zbekiston Respublikasi hududidan chiqish huquqini vaqtincha cheklash masalalariga alohida e’tibor qaratiladi. Ro‘yxatga olish tartib-taomillarini raqamlashtirish va idoralararo shaxsiy ma’lumotlar almashinuvi sharoitida yuzaga keladigan xavf-xatarlar tahlil qilinadi. Uzbekistan Republicsining ruykhatga olish, mamury tartib-taomillar, court huzhatlarini izhro etish va shakhsiy malumotlarni himoya kilish sohasidagi konunchiligini takomilashtirish byicha taklilar shakllantirilgan.*
Kalit so‘zlar: *erkin harakatlanish, konstitutsiyaviy huquqlar, ro‘yxatga olish, yashash joyi, bo‘lish joyi, chiqish huquqi, harakatlanish erkinligini cheklash, mutanosiblik, sud nazorati, raqamlashtirish, shaxsiy ma’lumotlar, ma’muriy tartib-taomillar, O‘zbekiston Respublikasi.*

Abstract. *This article examines the constitutional-legal and institutional guarantees for ensuring the right to freedom of movement in the Republic of Uzbekistan. Particular attention is given to the legal nature of registration by place of residence and place of stay, its relationship with the exercise of other human rights and freedoms, and issues concerning the temporary restriction of the right to leave the territory of the Republic of Uzbekistan. The risks arising from the digitalization of registration procedures and interagency exchange of personal data are analyzed. Proposals are formulated for improving the legislation of the Republic of Uzbekistan in the sphere of registration, administrative procedures, enforcement of judicial acts, and protection of personal data.*
Keywords: *freedom of movement, constitutional rights, registration, place of residence, place of stay, right to leave, restriction of freedom of movement, proportionality, judicial oversight, digitalization, personal data, administrative procedures, Republic of Uzbekistan.*

Право на свободу передвижения относится к числу фундаментальных прав человека, непосредственно связанных с личной свободой, автономией личности и возможностью самостоятельно определять место своего пребывания и проживания. Его реализация оказывает влияние на осуществление целого комплекса иных прав – права на труд, образование, медицинскую помощь, социальное обеспечение, судебную защиту и участие в экономической жизни.

Конституция Республики Узбекистан [1] закрепляет право каждого, кто законно находится на территории страны, свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, выезжать за пределы Республики Узбекистан, а за гражданами Республики Узбекистан гарантируется право беспрепятственного возвращения в страну [2]. Одновременно конституционные положения устанавливают непосредственное действие прав и свобод человека и принцип их соразмерного ограничения: ограничения должны быть установлены законом и необходимы для достижения конституционно признанной цели.

Таким образом, конституционная конструкция предполагает презумпцию свободы передвижения, тогда как любое государственное вмешательство в её реализацию должно иметь исключительный характер и соответствовать требованиям законности, необходимости и соразмерности.

Международно-правовое содержание данного права также предполагает недопустимость произвольного ограничения свободы передвижения. Статья 12 Международного пакта о гражданских и политических правах [3] и положения Общего комментария № 27 Комитета ООН по правам человека [4] исходят из того, что ограничения должны быть предусмотрены законом, преследовать легитимную цель и быть необходимыми и пропорциональными. Они не должны фактически уничтожать основное содержание права.

Актуальность исследования обусловлена тем, что современное развитие законодательства Республики Узбекистан характеризуется переходом к уведомительной модели регистрационного учёта и активной цифровизацией государственных услуг. Однако формальное изменение правовой природы регистрации само по себе не гарантирует полного устранения ограничительных механизмов. Практическое значение приобретает вопрос о том, может ли регистрационная запись прямо или косвенно влиять на реализацию других конституционных прав.

В этой связи целью настоящего исследования является выявление основных проблем правового регулирования свободы передвижения в Республике Узбекистан и разработка предложений по совершенствованию организационно-правового механизма её обеспечения.

1. Конституционно-правовая природа свободы передвижения

Свобода передвижения представляет собой комплексное субъективное право, включающее несколько взаимосвязанных элементов: возможность свободного перемещения внутри государства, самостоятельный выбор места пребывания и жительства, право покинуть территорию государства и право гражданина вернуться в свою страну. Такой комплексный подход позволяет оценивать отдельные институты не изолированно, а с точки зрения их совокупного воздействия на правовой статус личности.

Следовательно, исследование регистрационного учёта исключительно как административной процедуры является недостаточным. Даже если сама регистрация формально не носит разрешительного характера, она может приобрести фактически разрешительную функцию, если наличие соответствующей записи становится условием получения иных государственных или социальных услуг. Именно поэтому важнейшим критерием оценки законодательства должна выступать не только формулировка соответствующей нормы, но и её практическое влияние на возможность реализации человеком принадлежащих ему прав.

В данном контексте особое значение приобретает принцип соразмерности. Ограничение права допустимо только при наличии объективной связи между применяемой мерой и легитимной целью государства. При этом необходимо установить, является ли конкретная мера необходимой и нельзя ли достичь той же цели посредством менее обременительного для личности способа.

Такой подход соответствует общей логике конституционной защиты прав человека и позволяет перейти от формального контроля законности к содержательной оценке государственного вмешательства.

2. Регистрационный учёт и независимость реализации прав от регистрации

Значимым этапом развития законодательства стало принятие Закона Республики Узбекистан от 10 июля 2025 г. № ЗРУ-1074 «О регистрации граждан Республики Узбекистан, иностранных граждан и лиц без гражданства по месту жительства и месту пребывания» [5]. Закон закрепляет принцип, согласно которому регистрация не является разрешительной процедурой, а отсутствие регистрации по общему правилу не может служить основанием для ограничения прав и свобод человека [6].

Данное положение имеет принципиальное значение для формирования современной модели свободы передвижения. Однако возникает проблема так называемых косвенных регистрационных ограничений [7].

Если государственный орган или организация отказывает лицу в предоставлении медицинской помощи, образовательной услуги, социальной поддержки, возможности трудоустройства, открытия банковского счёта либо реализации судебной защиты только по причине отсутствия регистрационной записи, то регистрация фактически продолжает выполнять разрешительную функцию [8].

Таким образом, правовое значение имеет не только прямой запрет использовать отсутствие регистрации как основание ограничения прав, но и исключение практики, при которой регистрация становится скрытым предварительным условием реализации других прав.

В связи с этим представляется обоснованным дополнить Закон № ЗРУ-1074 специальной нормой **о гарантиях осуществления прав независимо от регистрации.**

Такая норма должна предусматривать, что отсутствие регистрации не может самостоятельно служить основанием для отказа в:

- приёме и рассмотрении обращений в государственные органы;
- медицинской помощи;
- получении общего и профессионального образования;
- заключении трудового договора;
- предоставлении государственных и социальных услуг;
- открытии банковского счёта и получении финансовых услуг;
- обращении за судебной защитой и юридической помощью.

Исключение может допускаться только в случае, когда регистрация прямо предусмотрена законом как необходимое условие конкретного правоотношения, такое требование объективно оправдано, а ограничение соответствует принципу соразмерности.

При этом орган, отказывающий в реализации права по причине отсутствия регистрации, должен указать конкретную норму закона, легитимную цель ограничения и фактические обстоятельства, обосновывающие необходимость такого ограничения.

Представляется также целесообразным закрепить правило, согласно которому неустранимые сомнения относительно допустимости ограничения должны толковаться в пользу реализации конституционного права.

3. Юридическое значение регистрационной записи и защита прав проживающих лиц

Отдельной проблемой является определение доказательственного значения регистрации. Закон № ЗРУ-1074 рассматривает регистрацию как государственную фиксацию места жительства или места пребывания. При этом регистрация сама по себе не создаёт права собственности на жилое помещение.

Из этого следует необходимость чёткого разграничения двух юридических обстоятельств: **факта проживания и наличия регистрационной записи.**

Регистрация должна рассматриваться как официальное доказательство определённого адреса, однако отсутствие записи не должно автоматически означать отсутствие фактического проживания. В качестве альтернативных

O‘z.KTI | Kriminologik faoliyat _ Ilmiy-amaliy jurnal | №3-2026 (8)

доказательств могут использоваться договоры найма или поднайма, договоры безвозмездного пользования, документы об оплате коммунальных услуг, сведения государственных информационных систем, документы медицинских и образовательных организаций, сведения о трудовой деятельности, судебные акты и другие предусмотренные законом доказательства.

Такой подход имеет особое значение для лиц, проживающих в арендованном жилье.

Практическая проблема заключается в том, что собственник жилого помещения может уклоняться от совершения действий, необходимых для регистрации проживающего лица. В результате наниматель оказывается в ситуации, когда исполнение регистрационной обязанности зависит от поведения другого субъекта.

Для устранения данного дисбаланса представляется целесообразным предусмотреть возможность регистрации нанимателя на основании действующего письменного либо электронного договора найма, если данный договор предусматривает право проживания в соответствующем помещении.

Собственник при этом не лишается права на защиту своих интересов. Он должен иметь возможность оспорить регистрацию, если договор прекращён, документы являются недостоверными либо лицо фактически не проживает по указанному адресу. Вместе с тем отказ собственника от регистрации не должен автоматически влечь ответственность нанимателя, который своевременно представил действительный договор и иные необходимые документы.

4. Регистрация и социальная норма площади жилого помещения

Особого внимания заслуживает соотношение регистрационного учёта с установленными требованиями к площади жилого помещения.

Закон предусматривает социальную норму площади жилого помещения, которая устанавливается с учётом региональных особенностей, но не может быть ниже определённого законодательством минимального показателя. Нарушение соответствующих требований в предусмотренных законом случаях может стать основанием для отказа в регистрации.

Однако подобная конструкция способна привести к расхождению между юридическими и фактическими обстоятельствами.

Отказ в регистрации не устраняет фактическое проживание лица. Напротив, государственная информационная система в таком случае может содержать сведения, не соответствующие реальной ситуации.

В связи с этим представляется необходимым разграничить:

1. регистрацию фактического проживания;
2. жилищный контроль;
3. санитарно-гигиенический контроль;
4. меры социальной и жилищной политики.

Несоответствие жилого помещения установленным нормативам должно являться основанием для применения соответствующих жилищных или санитарных мер, но не должно автоматически исключать возможность фиксации фактического проживания лица при наличии законного основания.

Такой подход одновременно позволяет обеспечить достоверность государственных данных и предотвратить использование регистрационного учёта в качестве косвенного инструмента ограничения свободы передвижения.

5. Цифровизация регистрационного учёта и принцип однократного представления данных

Совершенствование регистрационной системы непосредственно связано с развитием электронного правительства [9].

Использование государственных информационных систем создаёт возможность автоматического получения государственными органами сведений, которые уже имеются в распоряжении государства. В частности, предусматривается взаимодействие соответствующих информационных систем, позволяющее автоматически использовать данные о регистрации [10].

Данная модель способна существенно уменьшить административную нагрузку на гражданина. Однако её эффективность зависит от достоверности и согласованности данных в различных информационных системах [11].

При отсутствии надлежащего межведомственного взаимодействия лицо может быть вынуждено неоднократно предоставлять одну и ту же информацию различным государственным органам. Поэтому целесообразно закрепить принцип **«однократного представления данных»**. Если сведения уже находятся в государственной информационной системе, орган не должен требовать их повторного представления от гражданина, за исключением случаев, прямо установленных законом.

Не менее важным является механизм автоматического исправления данных. После подтверждения ошибки её исправление должно передаваться во все связанные информационные системы без необходимости повторного обращения гражданина.

При этом неблагоприятные последствия технического сбоя, ошибки государственного органа или несвоевременного межведомственного обмена не должны возлагаться на лицо, которое своевременно предоставило достоверные сведения.

6. Цифровая инклюзивность как гарантия свободы передвижения

Цифровизация сама по себе не является безусловной гарантией доступности государственных услуг. Переход к электронным процедурам способен создать дополнительные препятствия для лиц, не имеющих доступа к интернету, электронным средствам идентификации, необходимым техническим устройствам или соответствующим цифровым навыкам. Особенно значимым данный вопрос является для пожилых лиц, лиц с инвалидностью, малообеспеченных семей и жителей территорий с ограниченными возможностями доступа к цифровой инфраструктуре [12].

Следовательно, цифровая форма регистрации должна рассматриваться как способ упрощения реализации права, а не как единственный допустимый канал взаимодействия человека с государством.

Представляется необходимым сохранить возможность очного обращения в государственные учреждения с предоставлением равных сроков, прав и гарантий. Технический сбой, отсутствие доступа к интернету, электронной подписи, биометрической идентификации или недостаточность цифровых навыков не должны являться самостоятельным основанием для отказа в реализации права.

7. Ограничение права на выезд и необходимость усиления гарантий

Особую категорию ограничений свободы передвижения составляют временные ограничения права на выезд за пределы Республики Узбекистан.

Законодательство предусматривает возможность применения такого ограничения в рамках исполнительного производства в отношении должника при неисполнении требований исполнительного документа, основанного на судебном акте, без уважительных причин. Решение об ограничении может быть обжаловано, а после исполнения обязательства или прекращения исполнительного производства соответствующее ограничение подлежит отмене. Однако, наличие формальной процедуры прекращения ограничения ещё не гарантирует своевременного восстановления права.

К примеру: гражданин исполнил алиментное обязательство в полном объёме, однако ограничение права на выезд своевременно отменено не было. Восстановление нарушенного права произошло после вмешательства регионального Омбудсмана. Приведённый случай показывает, что проблема может заключаться не только в правовом основании ограничения, но и в функционировании административных и информационных механизмов его отмены.

Следовательно, механизм ограничения выезда должен основываться на нескольких обязательных принципах:

- индивидуализации;
- законности;
- необходимости;
- соразмерности;
- ограниченности по времени;
- мотивированности;
- возможности судебного пересмотра;
- автоматического прекращения после исчезновения основания.

Предлагается установить, что ограничение выезда в отношении физического лица до-

пускается при совокупности установленных законом условий: неисполнении обязательства без уважительной причины, надлежащем уведомлении лица, принятии иных предусмотренных мер исполнения либо установлении их недостаточности, а также наличии обстоятельств, свидетельствующих о необходимости именно данной меры.

Решение должно содержать не только ссылку на исполнительный документ, но и указание на размер и характер обязательства, предпринятые меры, оценку причин неисполнения, обоснование невозможности достижения цели менее обременительными средствами, срок действия ограничения и порядок его досрочного прекращения и обжалования.

Представляется также обоснованным установить первоначальный ограниченный срок действия такой меры, например шесть месяцев, с возможностью дальнейшего продления только при проведении новой оценки необходимости и соразмерности [13].

При исчезновении основания ограничение должно прекращаться непосредственно, а не после выполнения дополнительных технических процедур. Государственный исполнитель должен обеспечить обновление соответствующей информации во всех связанных системах в установленный короткий срок.

Особое значение имеет ускоренная судебная защита в случаях, когда ограничение препятствует лечению, обучению, осуществлению трудовой деятельности либо решению неотложных семейных обстоятельств.

8. Мотивированность административных решений как гарантия свободы передвижения

Эффективность конституционной защиты невозможна без качественных административных процедур.

Законодательство Республики Узбекистан закрепляет принцип соразмерности административных мер и необходимость выбора подходящей, достаточной и наименее обременительной меры. Административный акт должен быть законным, обоснованным, справедливым и понятным, а также содержать информацию о порядке его обжалования.

Однако применительно к ограничениям фундаментальных прав целесообразно установить повышенные требования к мотивировке административных актов.

В частности, административный акт, ограничивающий свободу передвижения, выбор места пребывания или жительства либо право на выезд, должен содержать:

- точное правовое основание;
- конкретную легитимную цель;
- установленные фактические обстоятельства;
- оценку пригодности применяемой меры;
- обоснование её необходимости;
- оценку соразмерности;
- указание на причины невозможности применения менее ограничительной меры;
- срок действия;
- условия периодического пересмотра;
- основания досрочного прекращения;
- информацию о возможности судебной защиты.

Отсутствие обязательной мотивировки должно рассматриваться как существенное нарушение административной процедуры.

При этом именно административный орган должен доказывать законность, фактическое основание, необходимость и соразмерность применённого ограничения.

9. Судебная защита права на свободу передвижения

Особенностью споров, связанных со свободой передвижения, является высокая чувствительность данного права к фактору времени.

Если регистрация необходима для реализации права в ближайшее время, а ограничение выезда препятствует поездке на лечение, обучение, работу или участию в неотложном семейном мероприятии, формальная возможность последующего обжалования может оказаться недостаточной.

Поэтому необходимо развивать ускоренные административные и судебные процедуры рассмотрения соответствующих жалоб.

Представляется целесообразным установить сокращённые сроки рассмотрения жалоб на отказ в регистрации, отмену регистрации, несвоевременное исправление

адресных данных и иные решения, способные причинить существенный или трудноустранимый вред.

Суду также должна быть предоставлена эффективная возможность временно приостанавливать действие оспариваемого решения. При рассмотрении споров об ограничении выезда целесообразно предусмотреть ускоренную процедуру в случаях, связанных с лечением, обучением, трудовой деятельностью, похоронами и другими неотложными обстоятельствами.

10. Защита персональных данных в системе регистрации и миграционного учёта

Цифровизация регистрационных процедур неизбежно увеличивает объём персональных данных, обрабатываемых государственными информационными системами.

Сведения о месте жительства и пребывания, перемещениях, пересечении государственной границы и иных обстоятельствах могут раскрывать значительный объём информации о частной жизни человека. Поэтому цифровая трансформация регистрационной системы должна сопровождаться усилением гарантий информационной автономии личности [14].

Представляется целесообразным установить повышенные требования к обработке адресных и миграционных данных.

К ним могут относиться:

- обработка исключительно для установленных законом целей;
- использование только необходимого и достаточного объёма данных;
- разграничение доступа в зависимости от полномочий должностного лица;
- обязательная фиксация каждого случая доступа, изменения, передачи или удаления данных;
- возможность лица получить информацию об обращении государственных органов к его данным;
- оценка воздействия новых информационных систем на права человека и защиту персональных данных;
- обязательное уведомление о нарушениях безопасности, способных привести к незаконному изменению адресных данных либо неправомерному ограничению прав;
- удаление или обезличивание данных после достижения цели их обработки, если законом не установлен иной срок хранения.

Такой подход позволяет рассматривать защиту персональных данных не как самостоятельную техническую задачу, а как непосредственную гарантию свободы передвижения.

11. Ответственность лица и ошибки государственного механизма

Отдельного внимания заслуживает вопрос административной ответственности за нарушения регистрационных требований.

Принцип справедливости предполагает, что лицо не должно нести ответственность за нарушение, которое произошло вследствие обстоятельств, находящихся вне его контроля. К таким обстоятельствам могут относиться отказ или бездействие собственника, технический сбой государственной информационной системы, ошибка государственного органа, тяжёлая болезнь, чрезвычайные обстоятельства либо внесение недостоверной информации в систему без вины самого лица.

В связи с этим предлагается предусмотреть соответствующие основания освобождения от административной ответственности. В частности, лицо должно быть освобождено от ответственности, если оно своевременно совершило необходимые действия, однако регистрация не была завершена по причинам, не зависящим от него. Дополнительной гарантией может выступать возможность добровольного исправления нарушения в установленный срок после получения соответствующего уведомления, а в случае первого малозначительного нарушения при отсутствии существенного вреда – применение предупреждения вместо более строгой меры ответственности.

12. Научная новизна и предложения по совершенствованию законодательства

Научная новизна предлагаемого подхода состоит в комплексном рассмотрении свободы передвижения не только как права на физическое перемещение, но и как системы взаимосвязанных конституционных гарантий, включающих регистрацию, административные

процедуры, цифровые государственные услуги, защиту персональных данных и судебный контроль.

На основании проведённого анализа предлагается совершенствование законодательства по следующим направлениям.

Во-первых, закрепить принцип независимости реализации основных прав и государственных услуг от наличия регистрационной записи.

Во-вторых, определить регистрацию как официальное доказательство адресных сведений, но не как единственное допустимое доказательство фактического проживания.

В-третьих, предоставить нанимателю возможность регистрации на основании действующего договора найма при наличии в нём права проживания.

В-четвёртых, разграничить регистрационный учёт и жилищный контроль, исключив автоматический отказ в регистрации исключительно вследствие несоответствия социальной норме площади.

В-пятых, закрепить принцип однократного представления сведений государству и автоматической передачи изменений между взаимосвязанными информационными системами.

В-шестых, обеспечить сохранение очной формы получения регистрационных услуг наравне с электронной.

В-седьмых, установить более строгие требования к введению временных ограничений права на выезд, включая индивидуальную оценку необходимости, пропорциональности, срок действия и судебный контроль.

В-восьмых, обеспечить автоматическое и оперативное прекращение ограничения выезда после устранения его основания.

В-девятых, усилить требования к мотивировке административных актов, ограничивающих свободу передвижения.

В-десятых, сформировать дополнительные гарантии защиты адресных и миграционных персональных данных.

Таким образом, предлагаемый подход предполагает не отдельное изменение одной регистрационной процедуры, а системное совершенствование законодательства, регулирующего различные элементы свободы передвижения.

Проведённое исследование показывает, что современное обеспечение права на свободу передвижения в Республике Узбекистан находится на этапе перехода от традиционной административно-регистрационной модели к более гибкой уведомительной и цифровой системе.

Принятие Закона № ЗРУ-1074 создало важную нормативную основу для отказа от разрешительного характера регистрации. Вместе с тем дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено на устранение косвенных ограничений, при которых регистрационная запись фактически становится условием реализации иных прав.

Ключевым направлением совершенствования является закрепление принципа независимости основных прав от регистрации. Государственный учёт должен отражать фактические обстоятельства, а не становиться механизмом ограничения мобильности населения.

Одновременно цифровизация регистрационных процедур должна сопровождаться принципами однократного представления данных, автоматического межведомственного обмена, исправления ошибок и недопустимости возложения на граждан последствий технических сбоев государственных информационных систем.

Особую роль играет совершенствование механизма временного ограничения права на выезд. Такое ограничение должно применяться индивидуально, основываться на конкретных фактических обстоятельствах, быть необходимым и соразмерным, иметь определённый срок действия и обеспечиваться эффективным судебным контролем. При прекращении оснований ограничение должно отменяться оперативно и независимо от технических задержек в государственных информационных системах.

Необходимым элементом современной системы становится и защита персональных данных. Чем шире государство использует цифровые сведения о месте проживания и передвижениях человека, тем более строгими должны быть требования к законности доступа, целям обработки, безопасности и возможности гражданина контролировать использование своих данных.

Таким образом, дальнейшее совершенствование механизма обеспечения свободы передвижения в Республике Узбекистан целесообразно осуществлять на основе взаимосвязи пяти фундаментальных начал: свободы как общего правила, уведомительного характера регистрации, соразмерности ограничений, цифровой доступности и эффективной судебной защиты.

Реализация предложенных направлений позволит обеспечить более полное соответствие национального законодательства конституционным гарантиям свободы передвижения и международным стандартам в области прав человека, одновременно повысив достоверность государственного регистрационного учёта и эффективность цифрового государственного управления.

Использованные источники

1. Конституция Республики Узбекистан. Принята 30 апреля 2023 г.
2. Hannum H. The Right to Leave and Return in International Law and Practice. 1987.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. Статья 12.
4. General Comment No. 27: Freedom of Movement (Article 12), UN Human Rights Committee.
5. Закон Республики Узбекистан от 10 июля 2025 г. № ЗРУ-1074 «О регистрации граждан Республики Узбекистан, иностранных граждан и лиц без гражданства по месту жительства и месту пребывания».
6. Seitz W. H. Free Movement and Affordable Housing: Public Preferences for Reform in Uzbekistan. World Bank Policy Research Working Paper No. 9107. 2020.
7. Ибрагимова Л.Р. Конституционное право на свободу передвижения: автореф. дис. ... Казань, 2020.
8. Закон Республики Узбекистан от 29 августа 2001 г. № 258-II «Об исполнении судебных актов и актов иных органов».
9. Закон Республики Узбекистан «Об электронном правительстве» от 9 декабря 2015 г. № ЗРУ-395.
10. United Nations. E-Government Survey 2024.
11. Закон Республики Узбекистан от 8 января 2018 г. № ЗРУ-457 «Об административных процедурах».
12. Tan H. Y. Designing and Delivering Public Services in the Digital Age. OECD Going Digital Toolkit Notes. No. 22. 2022.
13. OECD. Good Practice Principles for Public Service Design and Delivery in the Digital Age. 2022.
14. Закон Республики Узбекистан от 2 июля 2019 г. № ЗРУ-547 «О персональных данных».

KRIMINOLOGIK FAOLIYAT

ILMIY-AMALIY JURNAL

№3 - 2026 (8)
ISSN 3060-5024

Original-maket O‘zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti
Tahririy-noshirlik markazida tayyorlandi.

Maqolalar har qanday usulda to‘liq yoki qisman ko‘chirilib bosilganida
«O‘zbekiston Respublikasi Kriminologia tadqiqot institutining «Kriminologik faoliyat»
ilmiy-amaliy jurnali»dan olinganligi ko‘rsatilishi shart.
Materiallarda keltirilgan fakt va raqamlar, ko‘chirmalar, iqtisodiy statistik ma’lumotlar
rostligi va aniqligi uchun muallif javob beradi.
Muallif fikri tahririyat nuqtai nazaridan farq qilishi mumkin.
Tahririyatga kelgan qo‘lyozma taqriz qilinmaydi va qaytarilmaydi.
Tahririyat xatlar mualliflari bilan yozishmaydi.

Muharrirlar: B.A. Yarov, G.T. Muminova
Dizayn va sahifalovchi: G.T. Muminova
Texnik muharrir: A.R. Fayziyev

Bichimi 60x40 1/8. Bosma tabag'i 13,0. Adadi 50 nusxa
Bosishga ruxsat etildi 23.09.2026 yil. Buyurtma № 26/50

O‘zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti
Tahririy-noshirlik markazida chop etildi

100187 Toshkent shahri, Mirzo Ulug‘bek tumani, Buyuk ipak yo‘li ko‘chasi, 243
Tel.: +998 (71) 231-39-77 Website: kti.iiv.uz

© O‘zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti
TAHRIRIY-NOSHIRLIK MARKAZI